

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА :
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 7/2 2018 (июль)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

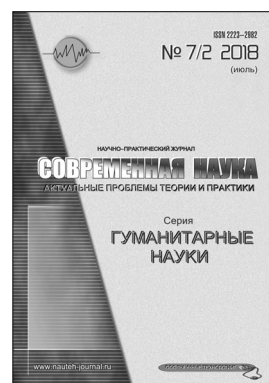
Редакционный совет

- В.Л. Степанов – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
 Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, МГАВМиБ им. К.И. Скрябина
 П.В. Акульшин – д.и.н., проф., РГУ им. С.А. Есенина
 Э.Н. Алиева – д.филол.н., доцент, независимый эксперт
 А.Ю. Ватлин – д.и.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 Г.И. Воронина – д.п.н., проф., Гуманитарно–социальный институт
 Е.Е. Вяземский – д.п.н., проф., МПГУ
 Н.А. Герасименко – д.филол.н., проф., МГОУ
 Е.Б. Евладова – д.п.н., г.н.с., ИИДСВ РАО
 А.Э. Котов – д.и.н., доцент, С–Петербургский ГУ
 С.К. Лебедев – д.и.н., С–Петербургский институт истории РАН
 П.В. Лизунов – д.и.н., проф., Сев. (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова
 А.П. Миньяр–Белоручева – д. филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 М.В. Михайлова – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 Я.М. Нейматов – д.п.н., проф., Президент фонда развития инновационных технологий РФ
 Н.О. Осипова – д. филол.н., проф., Московский гум. университет
 В.В. Петрусинский – д.п.н., проф., РАНХ и ГС при Президенте РФ
 Т.А. Печенёва – д.п.н., Белорусский ГУ
 Н.Л. Пушкарева – д.и.н., проф., Институт этнологии и антропологии РАН
 А.Н. Рыжов – д.п.н., проф., МПГУ
 А.И. Савостьянов – д.п.н., проф., МПГУ
 А.С. Сенявский – д.и.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН
 М.Ю. Сидорова – д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 А.М. Сморгчов – д.и.н., проф., РГГУ
 О.Ю. Стрелова – д.п.н., проф., Хабаровский краевой институт развития образования
 В.И. Тюпа – д. филол.н., проф., Институт филол. и истории РГГУ
 Н.М. Щедрина – д. филол.н., проф., МГОУ
 С.Н. Ханбалаева – д. филол.н., преподаватель, МГИМО МИД РФ
 Н.В. Юдина – д. филол.н., проф., ректор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве РФ

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
 109443, Москва, Волгоградский пр–т, 116–1–10
 Тел/ факс: 8(495) 755–1913
 e–mail: redaktor@nauteh.ru
 http: //www.nauteh–journal.ru
 http: //www.vipstd.ru

Scientific and practical journal

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
 Свидетельство о регистрации
 ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор

В.Л. Степанов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)

Подписной индекс издания
 в каталоге агентства «Пресса России» – 80015

В течение года можно произвести
 подписку на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей

несут полную ответственность за точность
 приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
 «Современная наука: актуальные проблемы
 теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»

тел./ факс: (495) 973–8296

Подписано в печать 27.07.2018 г.

Формат 84x108 1/16

Печать цифровая

Заказ № 0000

Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

ИСТОРИЯ

- А.Ю. Бутовский, А.А. Бобков** – Корчемная стража, как вооруженная сила акцизного ведомства министерства финансов Крымского Края (июнь 1918 – март 1919 гг.)
A. Butovskiy, A. Bobkov – Innkeepers' guards as armed force of the excise department of the ministry of finance of the Crimean Region (june 1918 – march 1919) 4
- П.В. Виноградов** – Роль Владивостока в военно-техническом сотрудничестве с союзниками в годы Первой мировой войны в отечественной исторической литературе
P. Vinogradov – The role of Vladivostok in military-technical cooperation with the Allies during the First World War in the national historical literature 11
- Е.А. Истягина-Елисеева** – Особенности пропаганды физической культуры и спорта в СССР в 1918–1940 гг.
E. Istyagina-Eliseeva – Peculiarities of propaganda of physical culture and sports in the USSR in 1918–1940 16
- Т.Т. Курчатова, С.И. Сивцева** – Этнодемографическая характеристика населения Якутии (с середины XIX – начала XX века)
T. Kurchatova, S. Sivtseva – Ethno-demographic characteristics of the population of Yakutia (from the middle of the XIX – beginning of the XX century) 20
- Д.С. Логинов** – О некоторых параллелях в истории Древней Руси и балтийских славян
D. Loginov – Some of the parallels in the history of ancient Russia and the Baltic Slavs 26
- А.Ф. Лукманова** – "Политическое масонство" и свержение самодержавия в России
A. Lukmanova – "Political freemasonry" and the overthrow of the autocracy in Russia 30
- А.Р. Мухутдинов** – Отношения Турции и России в царствование Сулеймана Великолепного: на историческом распутье
A. Mukhutdinov – The relations of Turkey and Russia in Suleiman's The Magnificent reign: on the historical crossroads 33
- М.А. Текуева, Е.А. Нальчикова, М.Х. Гугова** – Исторические аспекты структур повседневности: риторика скорби у народов Кавказа
M. Tekueva, E. Nalchikova, M. Gugova – Historical aspects of everyday life patterns: rhetoric of sorrow in the northern Caucasus' culture 38
- Ю.В. Щекотова** – Шефская и общественная помощь госпиталям в период Великой Отечественной войны в Вологодской области
Yu. Shekotova – Public and public assistance to hospitals during the Great Patriotic War in the Vologda region 45
- А.Н. Чеможданов** – Военно-политическое влияние Германии на внутриаполитические процессы Литвы в предвоенный период 1939–1941 гг.
A. Chemodanov – Military and Political Influence of Germany on the Internal Political Processes of Lithuania in the Pre-War Period of 1939–1941 48

ПЕДАГОГИКА

- Ю.Ю. Архипова** – Формирование готовности аспирантов к проведению педагогического эксперимента
Yu. Arkhipova – Formation of readiness of graduate students to conduct pedagogical experiment 54
- В.П. Быков** – Деятельностный критерий как необходимый фактор оценки формирования базовых профессиональных умений
V. Bykov – Activity as a necessary means of assessing the formation of basic professional skills 58
- С.А. Зырянова, Н.В. Гращенков** – Обучение русскому языку как иностранному в рамках медицинского дискурса (на примере работы со студентами подготовительного факультета медицинского и биологического профиля)
S. Zyryanova, N. Grashchenkov – The teaching of Russian language as foreign in the framework of medical discourse (on the example of working with students of the preparatory faculty of medical and biological profile) 65
- С.Е. Иневаткина, М.М. Новоселова** – Особенности психолого-педагогического сопровождения дошкольников с общим недоразвитием речи
S. Inevatkina, M. Novoselova – Peculiarities of psychological and pedagogical support of preschool children with common insecurity of speech 68
- Л.А. Новикова, Л.К. Ушакова** – Особенности среднего и высшего образования стран Северной Африки
L. Novikova, L. Ushakova – Features of secondary and higher education in North Africa 73
- О.К. Переслегина** – Повышение мотивации школьников к изучению информатики в основной школе на основе изменения изучаемого языка программирования
O. Pereslegina – Increasing the motivation of students to study informatics at the basic school on the basis of changes in the studied programming language 77
- М.Ш. Рамазанова, З.М. Саламова** – Принципы преподавания латинского языка в медицинском университете
M. Ramazanova, Z. Salamova – The principles of Latin language teaching at the medical university 79
- Т.В. Ромашкина, Н.И. Миндоров, Д.Э. Давыдова, М.М. Хуторской** – Разработка электронного образовательного ресурса для поддержки изучения раздела "классы" языка программирования C#
T. Romashkina, N. Mindorov, D. Davydova, M. Hutorskoj – Development of electronic educational resource to support study section, "Classes" language programming C# 82
- С.Н. Седалищева** – Участие верхоянских школьников в республиканских, всероссийских и международных конференциях по программе "ШАГ в будущее"
S. Sedalischeva – Participation of the Verkhoyansk students in Republican, all-Russian and International conferences 86
- Т.Ю. Селихова, Е.Н. Демиденко** – Современный взгляд на модель дидактического пространства учителя в системе непрерывного профессионального развития
T. Selikhova, E. Demidenko – A modern take on the model of didactic space of the teachers in the system of continuous professional development 90

ФИЛОЛОГИЯ

Р.П. Абдина – Лексические и семантические особенности наименования обуви и ее деталей в хакасском языке
R. Abdina – Lexical and semantic features of names of footwear and its components in Khakas language94

Ван Чунхунь – Разнообразие литературных контекстов в произведениях Гоголя
Wang Chunhun – Diversity of literary contexts in Gogol's works .99

А.В. Горушкина – Лингвокультура в структуре поэтического дискурса Али Кудряшевой
A. Gorushkina – Lingvokulturemy in the structure of poetic discourse by Ali Kudryasheva104

А.З. Ибатова – Проблема передачи некоторых языковых явлений в английском языке
A. Ibatova – The problem of some language phenomena transmission in the English language108

М.Л. Калугина – Журналист Н.П. Гиляров–Платонов в восприятии и оценках А.П. Чехова
M. Kalugina – Journalist N.P. Gilyarov–Platonov in the perception and evaluation of A.P. Chekhov111

Т.В. Кравцова – Нарушение грамматической нормы на современном этапе развития языка (на материале французского, английского и русского языков)
T. Kravtsova – Breaking grammar norms in the modern development of languages (French, English, Russian)115

Т.Ю. Ма, Т.В. Хлопова – Прецедентные имена "Noah" и "Noah's Ark" в материалах электронной версии журнала "Time"
T. Ma, T. Khlوپova – Proper names "Noah" and "Noah's Ark" as cultural phenomena in the "Time" articles118

Е.В. Мартыненко, А.В. Мельникова – Филологический аспект взаимодействия прессы и мобильных пресс-центров во время ЧС
E. Martynenko, A. Melnikova – Philological aspects of interaction of the press and mobile press centers during the time of the ES .122

Е.Е. Матвеева – Семантическая структура терминов фонетики "огубленный" / "лабиализованный" и 'rounded' / 'labialized'
E. Matveeva – The semantic structure of phonetic terms "ogublennyi" / "labializovannyi" and 'rounded' / 'labialized' ...126

Е.Е. Миронова – Касательно улучшения качества перевода на примере перевода разноязычных эквивалентов "окно" и "window", и "fenetre"
E. Mironova – Concerning the improvement of translation quality of equivalents belonging to different languages (study of the translation of lexemes "okno", "window", and "fenetre")131

Д.Р. Мухтарова – Повтор как центральное лексическое средство выразительности в рассказе В.М. Шукшина "Психопат"
D. Mukhtarova – Repetition as one of the main lexic expressive means in V.M. Shukshin's story "Psychopath"135

Е.М. Немерицкая, В.А. Буряковская – Лингвистическая концепция Анри Фрея в контексте иноязычной коммуникации
E. Nemeritskaia, V. Buryakovskaya – Henri Frei's linguistic conception in the framework of interlingual communication ..138

Ш.Д. Ооржак – Портретные характеристики героев в повести С. Сюрюн–оола "Клятва матери"
Sh. Oorzhak – Portrait characteristics of characters in the story C. Surun–ool "Oath of the mother"141

Р.М. Сиражудинов – Персидские лексические заимствования в системе годоберинского языка
R. Sirajudinov – Persian lexical borrowings in the system of the Hodoberin language146

Н.О. Сыпалова – Жанр письмовника в Германии и России в XVII – XVIII вв
N. Syalova – The genre of a letter writer in Germany and Russia in the seventeenth – eighteenth centuries152

М.В. Титова – "Дальняя" этимология диалектных терминов пчеловодства на Алтае (праславянский лексический фонд)
M. Titova – The Altai region beekeeping's vocabulary from the point of view of etymological connections (the proto-Slavic lexical fund)156

Т.А. Цебровская – Словообразовательный потенциал ДМЭ–эратива в современном английском языке
T. Tsebrovskaya – Word formation potential of DME–errative in modern English161

Чан Май Ты – Влияние заимствований на современную русскую речь
Tran Mai Chi – Influence of borrowing on modern Russian speech164

А.А. Чулпанова – Восприятие обществом немецких имён–обозначений
A. Chulpanova – Society's perception of German names167

З.М. Шамилова – Имеет ли место морфологическая транспозиция в лезгинском и немецком языках?
Z. Shamilova – Morphological transposition in the Lezgin and German languages: whether it takes place or not?170

ИНФОРМАЦИЯ

Наши Авторы / Our Authors176

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале178

№ 7/2 2018 (июль)

CONTENTS

КОРЧЕМНАЯ СТРАЖА, КАК ВООРУЖЕННАЯ СИЛА АКЦИЗНОГО ВЕДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ КРЫМСКОГО КРАЯ (июнь 1918 - март 1919 гг.)

INNKEEPERS' GUARDS AS ARMED
FORCE OF THE EXCISE DEPARTMENT
OF THE MINISTRY OF FINANCE OF THE
CRIMEAN REGION (june 1918 - march 1919)

*A. Butovskiy
A. Bobkov*

Annotation

In 2018, it marks the 100th Anniversary of the Crimean Regional Government and the one of publication of its Declaration to the inhabitants of the Crimea. At the same time, its activities remain virtually unexplored. It applies particularly to the Ministry of Finance and the armed forces of its Excise Office – Innkeepers' guards (Korchemnaya strazha), the history of which this article is devoted to. A thorough analysis of the sources, many of which are introduced into scientific circulation, allowed the authors to conclude that Innkeepers' guards played its role not only in the activities of the Ministry of Finance, but also as a well-organized armed force in the work of the Crimean Regional Government.

Keywords: Innkeepers' Guards (Korchemnaya strazha), Excise duties, Ministry of Finance, Maciej Sulkiewicz, N.L. Arnoldi, The Crimean Regional Government.

*Бутовский Александр Юрьевич
К.п.н., доцент, Тульский
государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
Бобков Андрей Алексеевич
Независимый
исследователь*

Аннотация

В 2018 году исполняется 100 лет со дня создания Крымского Краевого правительства и опубликования его Декларации к жителям Крыма. В то же время его деятельность, остается практически не изученной. Особенно это касается Министерства Финансов и вооруженной силы его Акцизного ведомства – Кормчей стражи, истории которой посвящена данная статья. Тщательный анализ источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, позволил авторам прийти к выводу, что Корчемная стража сыграла свою роль в деятельности не только Министерства Финансов, но и как хорошо организованная вооруженная сила в работе самого Крымского Краевого Правительства.

Ключевые слова:

М.А. Сулькевич, Н.Л. Арнольди, Крымское Краевое Правительство.

На сегодняшний день, несмотря на многочисленные исследования посвященные Крымскому Краевому правительству (июнь 1918 г. – апрель 1919г.) деятельность его министерств и ведомств остаётся практически не изученной исторической наукой. В первую очередь это касается Министерства Финансов, являющемся одним из ключевых структур в любом государственном образовании, а так же его силовых подразделений, в частности Пограничной и Корчемной стражи. Деятельности последних были посвящены всего две работы [1, с. 24–25], [2, с. 170–174], лишь вскользь упоминающих о Крымской Краевой Корчемной страже. Данная работа, основанная на ранее не введенных в научный оборот архивных и газетных материалах описываемого периода, имеет целью заполнить пробел в истории этой небольшой, но важной для Крымского края военизированной структуры.

Крымское Краевое правительство, во главе с генерал-лейтенантом М.А. Сулькевичем начало свою жизнедеятельность 23 мая (5 июня) 1918г. Основой государственной и правовой системы было устройство Российского государства до 25 октября (7 ноября) 1917г., но в масштабах материковых уездов Таврической губернии. Министерства, ведомства и государственные структуры на местах формировались на основе губернских и местных правительственных и общественных организаций функционировавших в Крыму до захвата власти большевиками 15 (28) января 1918г. Но ряд из них, в нашем случае, Крымская Корчемная стража, были созданы под давлением возникших, перед правительством обстоятельств, а именно, приоритетов т.н. Украино-Крымской таможенной войны, развязанной Украинской Державой против населения Крыма в мае 1918г. с целью присоединить полуостров к Украине.

Необходимо подчеркнуть, что принимая власть в свои руки новое Краевое правительство сильно рисковало. Дело в том, что оно на первом этапе было полностью лишено всяких финансовых средств. Казначейство 1-го Мусульманского стрелкового корпуса конфискована германцами еще в конце марта 1918г. [3, с. 108] В то же время в самом Крыму, в результате деятельности большевиков в январе–апреле 1918г. экономика края не просто сильно пострадала, а почти прекратились всякие финансово–экономические отношения и в большинстве случаев торжествовал натуральный обмен. Города выжили за счет обмена на хлеб производственных товаров – например мануфактуры [4, с. 3]. Наличные денежные знаки и "золотые запасы" хранимые в банках были полностью изъяты большевиками, даже из частных ячеек и либо растрочены, либо вывезены на материк во время эвакуации красных в апреле 1918 [5, л. 34–37].

Несмотря на это, в своем первом обращении к населению – Декларации Крымского Краевого Правительства от 12/25 июня 1918г. заявлялась: "Для наиболее правильного и справедливого разложения налогового бремени личные налоги будут уменьшаться за счет косвенных, от которых будут, безусловно, освобождены предметы первой необходимости" [6, с. 5]. Судя по воспоминаниям одного из деятелей "Второго" Краевого Правительства Д.С. Пасманика описывающего конец 1918 г., это практически удалось осуществить: "... прямых налогов в это время почти никто не платил. Поступали лишь косвенные налоги (акциз на табак!)" [7, с. 86]. Это несомненно утрированная, но яркая иллюстрация. В этих акцизное ведомство и корчемная стража приобретали особое значение как органы сбора и контроля за косвенным налогообложением.

Корчемная стража в России имела давнюю историю. Название происходит от термина "корчемство" – в Российской империи тайное производство и торговля спиртными напитками и другими предметами, составлявшими монополию государства или обложенными акцизом. Предметами казённого интереса являлись, в том числе, пиво, табак и соль, но чаще под корчемством подразумевали тайный провоз и продажу хлебного вина (водки). Борьбе с корчемством посвящены огромные разделы 1-го, 2-го и 3-го Полных Собраний Законов Российской Империи (ПСЗРИ). Первые известия о специальных воинских командах созданных для борьбы с корчемством относятся к эпохе царя Алексея Михайловича (Именной царский указ от 18.07.1681) [8, с. №879, С. 332–340, Ст.28– с.339–340]. В 1730 г. в распоряжение московских откупщиков предоставлен был, для преследования кормчества и взимания штрафов, особый отряд солдат, но, вследствие множества злоупотреблений эта Корчемная команда была в 1732 г. подчинена камер–коллегии. В Санкт–Петербурге, с 1732 г., в ведении камер–коллегии состоял для искоренения кормчества особый комисс-

сар, а при нем отряд солдат, которые отряжались от полков помесечно и за всякое открытое ими корчемное вино получали деньгами половину казенной цены его [9, с. № 5934, С.612–614]. При Корчемных конторах также состояли Корчемные команды. С 1767 г. откупщики имели право содержать на свой счет Корчемную стражу из отставных обер–офицеров и солдат, а по мере надобности в распоряжение их отряжались воинские команды; сверх того в 1766 г. в Москве, а в 1771 г. в Петербурге учреждены были особые, на счет казны, конные Корчемные команды, которые, по введении учреждения о губерниях, оставаясь в распоряжении откупщиков, подчинялись губернским правлениям. С 1776 г. по 1863 г. при Земских судах (уездной полиции) имелись специальные корчемные заседатели и приставы.

В 1840–х гг., на границах привилегированных губерний, корчемство, сопровождавшееся буйством и даже убийствами, приняло такие размеры, что правительство вынуждено было учредить в 1850 г. особую Корчемную стражу из 450 чел. (в т.ч. в Таврической), содержание которой отнесено было на счет земских сборов. Корчемство уменьшилось; в 1856 г. стража была упразднена. После отмены откупов учреждена была, в 1862 г. Корчемная стража из вольнонаемных людей в пограничных с Царством Польским уездах для предотвращения тайного ввоза питей, подлежащих акцизу, из Царства в Империю. Указом от 24 января 1875г. стража эта была реорганизована и в 14 западных губерниях империи, в уездах пограничных с иностранными государствами, для предотвращения водворения из–за границы контрабандных питей и для усиления акцизного надзора, учреждена корчемная стража. К 1893 г. она состояла из 968 чел.

Министерством финансов 27 июля 1911 г. (Закон от 24 февраля того же года) по согласованию с Министерством внутренних дел, путей сообщения и другими контрольными ведомствами была учреждена корчемная стража в так же Приморской и Амурской областях.

Главная задача корчемной стражи заключалась в том, чтобы в пограничных местностях "предотвращать водворения из–за границы контрабандных предметов, подлежащих акцизу". Пограничное пространство, которое находилось в ведении данной корчемной стражи, определялось в 50 верст от границы. Состояла корчемная стража из младших и старших конных объездчиков. Корчемная стража, не ограничиваясь наблюдением за водворением из–за границы контрабандных предметов, подлежащих акцизу, также направляла свои действия на раскрытие незаконно уже провезенных акцизных предметов. Корчемная стража осматривала как проходящие обозы и транспорты, так и всех проезжающих и проходящих, но к осмотру проходящих должна была подходить осторожно, только в случае подозрения. Задержанные контрабандные товары, перевозочные средства, отоб-

ранные деньги, ценные вещи и оружие подлежали сдаче в полицейское управление, станичные или сельские управления, или надежным лицам ближайшего от места задержания контрабанды населенного пункта под расписку в отпечатанном виде впредь до распоряжения акцизного надзора. При исполнении своих служебных обязанностей корчемная стража имела при себе холодное и огнестрельное оружие, но использовать его могла только в случае необходимости и с большой осмотрительностью. Если корчемная стража во время объездов в пределах таможенной или пограничной территории, случайно откроет контрабанду или встретится с контрабандистами, то она должна была преследовать и задержать как самих контрабандистов, так и контрабандные товары без предварительного сообщения о том пограничной и таможенной страже.

К 1917г. Корчемная стража действовала на основании комплекса законодательных актов принятых с 1862 по 1911 включительно, сведенных в "Положение о Корчемной страже" [10, с. 415–421] и ряд сопутствующих документов, как-то: "Устав об Акцизном сборе", "Устав о Питейном сборе", "Устав о табачном сборе" и ряде вспомогательных памяток и инструкций [11], [12].

После Октябрьского переворота Корчемная стража осталась в ведении Министерства Финансов и созданного на его базе Народного Комиссариата по Финансовым Делах. Декретом СНК от 16(29).06.1918г. Департамент Таможенных Сборов, Главное Управление Пограничной Охраны и состоящая в ведении Главного Управления Неокладных Сборов Корчемная Стража со всеми подведомственными местными учреждениями перешли из Народного Комиссариата по Финансовым Делах в ведение и подчинение Народного Комиссариата Торговли и Промышленности, как два отдельных Управления: Пограничной и Корчемной стражи Декрет вступил в силу с 1 июля 1918г. [13, с. 650–651] В декабре 1918г. в связи с реорганизацией Пограничный войск, корчемная стража была окончательно ликвидирована.

Но в ряде местностей бывшей Российской империи, в частности в Украинской Державе [14, с. 241] и Крымском Крае, во Всевеликом Войске Донском в 1918г., на Дальнем Востоке Всероссийским Временным Правительством (июль 1918г. – декабрь 1919 г.) [15, с. 266] Корчемная стража, как вооруженная сила Акцизных управлений Министерств финансов была воссоздана.

В день опубликования декларации Крымское Краевое Правительство отдало приказ без номера о назначении на должности по Министерству Финансов.

"Назначается Сенатор Д.И. Никифоров Товарищем Министра Финансов, Торговли, Промышленности и Труда.

Назначается В.С. Коропачинский Директором Канцелярии Министра Финансов, Торговли, Промышленности и Труда.

Назначается А.М. Малинин Управляющим отделом Акцизным и таможенных сборов.

Назначается ротмистр Н.Л. Арнольди Командиром Крымского пограничного дивизиона и Крымской Корчемной Стражи с 12(25) июня 1918г." [16, с. 33].

Последний, являлся старым офицером ОКПС (с 15.07.1902 г.) [17, с. 325] и занялся формированием обеих подразделений, по сути первых легальных вооруженных формирований Краевого правительства.

По всей видимости, ещё до провозглашения "Декларации" были составлены необходимые планы по формированию и заключены соглашения с офицерскими организациями Крыма, занимающимися учетом и трудоустройством офицеров. Основным поставщиком личного состава стало Симферопольское Общество труда и взаимопомощи офицеров, под председательством штабс-капитана Н. И. Орлова, а затем полковника Б.А. Богдасарова. Штабс-капитан В.В. Альмендингер в своих воспоминаниях писал: "Канцелярия Общества поместилась в помещении бывшее "монополюшки" (винной лавки) на углу Долгоруковской и Губернской улиц. Я заведовал учетом и отделом труда. Через нашу канцелярию прошло очень большое количество офицеров, и многие по нашей рекомендации вступили в корчемную стражу или в пограничный дивизион..." [18, с. 8]. Набирались исключительно добровольцы и как в случае с полицией (позднее внутренняя стража) на должности рядовых принимались в большинстве случаев офицеры [19, с. 5].

23 июня (6 июля) украинские газеты сообщали, что в корпус Пограничной и корчемной стражи, формирующихся в Крыму, набираются исключительно добровольцы возрастом от 21 до 45 лет и с жалованием в 135 рублей [20, с. 4].

26 июня (9 июля) 1918г. Совет Министров Краевого Правительства утвердил и ввел в действие временные штаты Корчемной стражи, которые пока не выявлены. 7 (20) августа они несколько изменены и приняты к исполнению с 19 июля (1 августа) [21, л. 241].

Таким образом, Корчемная стража состояла из 3 отделов численность которых, вероятно была неравномерной. I-му отделу квартирой был назначен г. Керчь, II-му – г. Феодосия, III-му – г. Симферополь [16, с. 33–34]. Краевому правительству досталась в наследство инфраструктура и большая часть кадров Таврического губернского акцизного управления, а именно его 1-й и 2-й Округа. Участки 1-го обеспечивали акцизные сборы и

Таблица 1.

"Расписание Крымской Корчемной Стражи
Утвержденное Советом Министров 20 августа 1918 г.

№ п/п	ДОЛЖНОСТЬ	Содержание в год одному лицу			Содержание всем чинам
		основное	Прибавка на дороговизну	Итого	
1	Смотритель отдела, 3 человека каждый по	3300	По 2400 руб. каждому.	5700	17100
2	Старший надзиратель корчемной стражи, 22 человека каждый по	2400		4800	105600
3	Младший надзиратель корчемной стражи, 78 человек каждый по	1200		3600	280800
	Всего:				403500

ПРИМЕЧАНИЕ: Смотрителям Корчемной стражи полагаются разъездные деньги по 1500 рублей в год" [6, ст. 130, с. 196]. Всего 103 штатных чина.

контроль над Симферопольским, Евпаторийским и Перекопским уездами, г. Севастополь, Участки 2-го – Феодосийский и Ялтинский уезды [22, с. 10–15].

Таким образом большая часть Корчемной стражи была сосредоточена в Феодосийском уезде, а остальные четыре входили в компетенцию III-го отдела. Это не удивительно, т.к. города Феодосия, Керчь и Симферополь были основными местами сосредоточения табачных фабрик и казенных винных складов (т.е. спиртоперегонных заводов). Согласно Постановлению Совета Министров посты Стражи и должны были располагаться в местах изготовления алкоголя и табачных изделий [2, с. 174].

Посты Корчемной стражи, подчиненные местным Акцизным управлениям, располагались так же в Ялте, Евпатории [2, с. 174], Карасубазаре [23, с. 61], в Севастополе, а с октября 1918г. в районах добычи соли на Сивашах и Арабатской стрелке [14, с. 218].

За успешное формирование Пограничной и Корчемной стражи Постановлением Совета Министров от 2 (15) июля 1918г. ротмистр Арнольди был произведен в подполковники (приказ по Военному ведомству от 7(20) июля №4) [24, л. 1]. Видимо к этой дате Пограничный дивизион и Корчемная стража были укомплектованы.

Приказом Управляющего Министерством Финансов Д. Никифорова от 22 июня (5 июля) был назначен смотрителем III-го отдела, был назначен поручик К.Н. Извеков, родной брат секретаря товарища и управляющего Министра Финансов В.Н. Извекова. Приказом от 6 (19) были назначены смотрители I-го отдела подполковник А.А. Лёбо и II-го подполковник А.А. Павлов [25, с. 33], оба старые офицеры Отдельного Корпуса Пограничной Стражи (см. Приложение №1).

Уже в первые дни после комплектования проявились недостатки в отборе кадров, которые были жестко и де-

монстративно исправлены. Для наглядности приводим документ полностью:

"Приказ Министра Финансов, Торговли, Промышленности и Труда по Крымскому Пограничному Дивизиону от 6(19) июля 1918г. №15

Командир Отдельного Крымского Отдельного Пограничного Дивизиона рапортом от 19 июля сего года за № 272, донес мне, что 18 июля около 11 часов вечера младший надзиратель Крымской Корчемной стражи Александр Кречетов будучи в нетрезвом виде, выстрелом из револьвера убил в буфете Гурджа девицу Бойко. Приказываю надзирателя Александра Кречетова, согласно резолюции Совета Министров предать Военно-Окружному суду. Сожалею, что пришлось принять такие строгие меры во вновь сформированной части, но предупреждаю всех чинов Пограничного Дивизиона и Корчемной Стражи, что все проступки будут караться беспощадно" [25, с. 33].

В своей деятельности, корчемная стража руководствовалась "Положением о корчемной страже": "Назначение корчемной стражи заключается в предотвращении в местностях, пограничных с иностранными государствами, водворения из-за границы контрабандных питей. В этих видах корчемная стража, учреждаемая также и для усиления акцизного надзора в приграничной полосе, обязывается к наблюдению не только за непроносом контрабандных питей, но также и к надзору за местами продажи всех подлежащих акцизу предметов в районе действия корчемной стражи. В равной мере, на основании общего Устава о предупреждении и пресечении преступлений, корчемная стража не освобождается от обязанности преследовать злоумышленников и задерживать всякого рода другие, кроме спирта, контрабандные товары ... " [10, с. 415].

В правительственной газете "Вестник Крымского Правительства" регулярно печатались списки лиц, ули-

ченных корчемстве, т.е. в нарушениях питейного и табачного уставов [26, с. 104], [27, с. 114] [28, с. 122].

Кроме того, Министерство Финансов "Первого" Краевого правительства ставило перед своими органами контроля (Акцизным ведомством, Таможней, Пограничной и Корчемной стражей) и другие задачи.

27 июля (9 августа) Совет Министров Крымского Краевого Правительства установил 10 коп. попудный сбор на нужды Биржевого Комитета Крымской Фруктовой, Винной и Табачной биржи с нижеследующих вывозимых за пределы Крыма товаров: фруктов, как сырых, так и сушеных, ягод, орехов, вина, табаку, табачных изделий, овощей и фрукто-овощных консервов. Взимание этого сбора было возложено на таможи и корчемную стражу [29, л. 50].

Особые надежды Краевое правительство связывало с монополией на соль, потребность которой на Украине и Кавказе была довольно высока. 26 июля (8 августа) Постановлением Совета Министров введена вывозная пошлина на соль крупную немолотую 20 коп. с пуда, молотую 40 коп. с пуда чистого веса [30, л. 47]. 1(14) сентября Министр снабжений В.Л. Домброво (1(14). 09. – 1(14). 11. 1918 г.) разослал по таможенным учреждениям телеграмму "вывоз соли из Крыма может производиться только по разрешениям, выдаваемым Министерством снабжения. Предпринятая мера вызывается необходимостью в целях установки с Кавказом и другими местностями, нуждающимися в крымской соли, взаимоотношения в деле обмена продовольственными и другими продуктами первой необходимости". 20 сентября (3 октября) был подтвержден тариф на вывоз соли. Взимание этих сумм было возложено на Корчемную стражу, а так как добыча соли происходила в отдалении от постов стражи, то переезд и командировки оплачивали владельцы соли [14, с. 218]. Доходы с этого вида пошлин были крайне высокие. Так 16(29) сентября 1918 г. УТА сообщала, что Краевое правительство разрешило вывезти на продажу на Дон, Кубань, Украину и в Турцию три миллиона пудов соли (187 тонн) [31, с. 5]. Если считать что соль была немолотая, то чистый доход в казну – 600 000 рублей.

Но деятельность стражи не ограничивалась только этими нарушениями акцизного сбора. Так, 7 (20) августа служащим Корчемной стражи Радионовым в Ялтинском магазине З.Г. Бакалла было конфисковано 12 колод иностранных игральных карт, якобы купленных в Симферополе у немецкого солдата. Владелец магазина был оштрафован на 15 рублей [2, с. 174].

23 января (5 февраля) 1919 г. в связи с прекращением таможенной войны с Украиной, как и ликвидации самой Украинской Державы, акцизные сборы на вывоз соли были отменены, в том числе на союзные Дон и Кубань

[29, д. 54, л. 14]. Но это не объясняет последующие действия правительства.

26.02. (11.03.) 1919г., по не вполне понятным пока причинам Совет Министров Крымского Краевого Правительства принял решение об упразднении Корчемной стражи: "...Крымскую Корчемную Стражу упразднить с тем, чтобы те ее чины, кои не пожелают быть определенными на открывающиеся вакансии в Пограничном Дивизионе, Акцизном управлении и Таможенных Учреждениях, не имели право на получение заштатного содержания" [21, л. 83].

Вероятны две версии. Первая: вполне возможно, это продолжение политики "Второго" Краевого Правительства С.С. Крыма связанная с ликвидацией "темного наследия" режима М.А. Сулькевича, что видно по активному "реформированию" Министерства Внутренних Дел, откуда массово изгонялись чины старой полиции и Отдельного Корпуса жандармов с заменой их преимущественно на бывших сотрудников Министерства Юстиции. Вторая: вероятно было решено возложить обязанности корчемной службы на Пограничную стражу, штат которой увеличился с 708 [6, с. 196] до 782 чинов [21, л. 83] и на само акцизное управление и видимо Внутреннюю стражу (полицию). Акцизное ведомство бесосновательно теряло подчиненную ему, хоть и не большую, но вооруженную силу, что в условиях гражданской войны было вероятнее всего необдуманном решением.

В то же время, отменяя одни виды акциза, правительство вводило другие. 9(22) марта 1919 г. к перечню товаров, которые не могут быть ввозимы в Крым без уплаты в пользу Краевой Казны установленной пошлины и акцизного сбора, включить зажигательные спички, пресованные дрожжи и чай [21, л. 157].

Впрочем, в долгосрочной перспективе ликвидация Корчемной стражи уже не имела никакого значения: 3(16) апреля Краевое правительство перестало существовать, а остатки его Вооруженных Сил и военизированных формирований были влиты в Крымско-Азовскую и Кавказскую Добровольческие армии Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). В частности, отдельный Крымский Пограничный дивизион был эвакуирован в Екатеринодар и его личный состав влит в Саратовской бригады Государственной Стражи ВСЮР [32, с. 39–40].

Таким образом, Корчемная стража Краевого правительства являлась одним из инструментов Министерства финансов Крымского Края в ряду его учреждений предназначенных для взимания пошлины и контролем за её уплатой, но действовала не только внутри Крыма, являясь вспомогательным учреждением Акцизного ведомства, но и на границах Крыма поддерживая таможенные учреждения и Пограничную стражу, в прямом подчинении кото-

рой командира которой она находилась (исключительно в строевом и хозяйственном отношении).

Корчемная стража сыграла свою роль в деятельности не только Министерства Финансов, но и как вспомогательная полицейская вооруженная сила, дополняя в своей деятельности не только Акцизное ведомство, Пограничную стражу, Таможню, но и Внутреннюю (полицейскую) стражу Крымского краевого правительства, в усло-

виях высокого дефицита вооруженной силы в распоряжении Краевого правительства. Фактически в первые три месяца существования Правительства Отдельный Крымский Пограничный дивизион и Корчемная стража Министерства Финансов, а так же Кавказский (Ингушский) отряд Полицейской стражи Министерства Внутренних дел являлись единственной легальной организованной вооруженной силой в распоряжении Правительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобков А.А. К истории Отдельного Крымского Пограничного дивизиона // Доброволец XX века. М., 2004. №1(3). С. 24–25.
2. Глушак Ю. М. Податкова охорона України і Криму в 1918 р. як спадщина російської корчемної сторожі // Вісник Харківського університету внутрішніх справ. Харків, 1999. Вип. 7. Ч.2. С. 170–174.
3. Первая конституция крымско-татарского народа (1917 г.) / Публикация С.М.Исхакова // Отечественная история. М., 1999. № 2. С. 107–113.
4. Делегація від Таврії // Нова Рада: щоденна політична, економічна і літературна газета. Київ: друк. Акц. Т.–ва "Петро Барський у Києві", 1918. Неділя, 14 (1) травня. №75. С. 3.
5. ГАРФ Ф. 303. Оп. 3. Д. 375 (Чичеров Г.Е. О Крымских событиях).
6. Фонды Библиотеки Государственного бюджетного учреждения Республики Крым "Центральный музей Тавриды". Д. –708, 11978/364 осн. (Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого правительства. Симферополь: Тип. МВД, 1918 (от 15 июля; 1 ноября). №1 – Отдел первый).
7. Пасманик Д.Л. Революционные годы в Крыму / Предисловие В.В. Лаврова и А.В. Мальгина, подготовка текста В.В.Лаврова // Крымский Архив. Историко-краеведческий и литературно-философский журнал. Симферополь: Крымский центр гуманитарных исследований, 1999. № 4. С. 82 –87.
8. Именной Царский Указ с Боярским приговором о Продаже питей от 18 июля 1681 г. // Полное собрание законов. Российской Империи. Собрание Первое. Том II. 1676 – 1688 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 979 с.
9. Сенатский указ. – 14 января 1732 г. – О состоянии определенному для выемок корчемных питей капитану с солдатами в ведомстве Камер–коллегии, и о правилам по которым ему поступать // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VIII. 1728 – 1732 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1004 с.
10. Нюренберг, А.М. Уставы об акцизных сборах: По офиц. изд. 1901 г. изм. и доп. по действующим продолж. и позднейшим узаконениям, с сенат. и минист. разъясн. и с прил. правил и инструкций М–ва фин., а также алф.–предм. и хрон. указ. / Сост. присяж. пов. А.М. Нюренберг. М.: Правоведение, 1912. 1140 с.
11. Евреинов А. А. Контрабанда и корчемная стража: Сб. узаконений и распоряжений м–ва фин. / Сост. чиновник по судеб. ч. при Моск. акциз. упр. А. Евреинов. М.: тип. О–ва распространения полез. кн., аренд. И.К. Солнцевым, 1900. 70 с.
12. Наказ чинам корчемной стражи, учрежденной в Приморской и Амурской областях: Утв. министр. финансов 27 июля 1911 г. СПб.: тип. Шт. Отд. корп. погр., 1911. 28 с.
13. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. 1483 с.
14. Тимошук О.В. Охоронний апарат Української Держави (квітень – грудень 1918 р.). Харків: Вид–во Ун–ту внутр. справ, 2000. 462 с.
15. Путеводитель. Том 4. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2004. XVIII. 798 с.
16. Приказы Крымского Краевого Правительства // Вестник Крымского Правительства. Симферополь, 1918. 2 августа (20 июля), Пятница. № 14. С. 31–34.
17. Личный состав чинов Отдельного Корпуса Пограничной Стражи по старшинству. Составлен по 1 янв. 1909 г. СПб.: тип. Штаба отд. Корп. Погран. Стражи, 1909. с. 541.
18. Альмендингер В.В. Орловщина Крым 1920 г. Отдельный оттиск из журнала Вестник Первопроходника Париж № 59–64 / Издание Калифорнийского Общества Участников 1–го Кубанского генерала Корнилова похода. Лос–Анжелес, 1966. 46 с.
19. Альмендингер В. В. Симферопольский офицерский полк. 1918–1920 гг. Военно –историческая библиотека Военной Были №4. Лос–Анджелес, 1962. 44с.
20. Вісті з Криму. (УТА) 6.07.1918г. Відродження: щоденна безпартійна демократична газета. Видає Т–во. Співробітників газ. "Відродження" // Нова Рада: щоденна політична, економічна і літературна газета. Київ: друк. Акц. Т.–ва "Петро Барський у Києві", 1918. Середа, 10 липня (27 червня). №110.
21. ГАРК. Ф. Р–1000. Оп. 4 Д.1 (Постановления Совета Министров Крымского Краевого Правительства).
22. Памятная книжка Таврической губернии, 1917 / Издание Таврического Губернского Статистического комитета / Под ред. Г.Н. Часовникова. [Б. м.: Б. г.]. 275 с.
23. Крым в 1918–1919гг. (Материалы осведомительных органов Добровольческой армии и дипломатического представителя Всевеликого Войска Донского) (окончание) / Сообщил А. Гувовский // Красный Архив. Исторический журнал /под. ред. В.В. Адоратского, В.В. Максакова, М.Н. Покровского, В.П. Полонского, В.М. Фриче. М.; Л.: Госиздат, 1928. Т. 4(29). С.55–85.
24. ГАРК Ф. Р–999 (Министерство Внутренних дел Крымского Краевого правительства) оп.1. д.135 (Приказы Военного министра Крымского Краевого правительства. 29.07.–30.11.1918 г.) – 29 л.

25. Приказы Крымского Краевого Правительства // Вестник Крымского Правительства. Симферополь, 1918. 2 августа (20 июля), Пятница. № 14. С. 31–34.
26. Розыск // Вестник Крымского Правительства. Симферополь, 1918 (26 (13) ноября, вторник № 47). С. 101–104 – С.104.
27. Розыск // Вестник Крымского Правительства. Симферополь, 1918 (10 декабря (27 ноября), вторник № 51).– С. 113–114 – С.114;
28. Розыск // Вестник Крымского Правительства. Симферополь, 1918 (6 декабря (23 ноября), пятница № 50). С. 109–112 – С.122.
29. ГАРК Ф. 220 Оп. 3 Д.9 (Циркуляры Одесского Таможенного Инспектора о вывозе из Крыма на Украину виноградного вина и разных фруктов, о составлении статистических сведений, по личному составу служащих таможни. 22.01 – 24.12.1918). 79 л.
30. ГАРК Ф. 359. Оп.2 Д. 48 (Распоряжение Главного Управления акцизных и таможенных сборов и копия приказа Управляющего Керченской Таможней о разрешении беспошлинного ввоза товаров в Крым кроме табаку и вина и переписка корабельного смотрителя с Керченской таможней о движении судов и попутном сборе с привозимых товаров. 18.04 – 10.12. 1918 г.) 57 л.
31. Відродження: щоденна безпартійна демократична газета / Редактор–видавець П.Г. Певний. Київ: Державна друкарня, 1918. (Вівторок 1 жовтня (18 вересня)). Ч.148.
32. Посадский А.В. Из истории Саратовской бригады Государственной стражи // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург: Научно–исследовательский центр "Белая Россия", 2000. № 8. С.39–46.

© А.Ю. Бутовский, А.А. Бобков, (bytovskiyalex@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

РОЛЬ ВЛАДИВОСТОКА В ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С СОЮЗНИКАМИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

THE ROLE OF VLADIVOSTOK IN MILITARY-
TECHNICAL COOPERATION WITH THE
ALLIES DURING THE FIRST WORLD WAR IN
THE NATIONAL HISTORICAL LITERATURE

P. Vinogradov

Annotation

The article studies the role of Vladivostok and the Far East as a whole in the military-technical cooperation of the Russian Empire with the allies during the First World War. He considers the main approaches to the disclosure of the content of this topic in the domestic historiography. It is concluded that this topic was on the periphery of the research of Russian scientists and, despite the appearance of modern publications, there are still no full-fledged works devoted to this issue.

Keywords: First World War, military-technical cooperation, foreign supplies, historiography, Vladivostok, Far East.

Виноградов Павел Валентинович

*К.и.н., доцент, Дальневосточная
пожарно-спасательная академия –
филиал Санкт-петербургского
университета ГПС МЧС России,
г. Владивосток*

Аннотация

В статье исследуется изучение роли Владивостока в военно-техническом сотрудничестве Российской империи с союзниками в годы Первой мировой войны. Рассматриваются основные подходы к раскрытию содержания данной темы в отечественной историографии. Делается вывод о том, что данная тема находилась на периферии исследований отечественных ученых и, несмотря на появления современных публикаций до сих пор отсутствуют полноценные работы, посвященные этому вопросу.

Ключевые слова:

Первая мировая война, военно-техническое сотрудничество, иностранные поставки, историография, Владивосток, Дальний Восток.

Первая мировая война является обширным полем деятельности для исторических исследований. Последние десятилетия наблюдается устойчивый интерес к различным аспектам ее истории "...в отечественной историографии эта глобальная тема выдвинулась на одно из главных мест в плане значимости и актуальности" [3, с. 8]. Появляются современные работы, рассматривающие различные стороны мирового конфликта начала XX века. Произошли качественные изменения самой парадигмы исследовательского поиска, что в свою очередь, привело к возникновению новых направлений в историографии Первой мировой войны [15, с. 7]. Одно из подобных направлений которое в последние годы привлекает внимание историков, является тема военно-технического сотрудничества России с союзниками. Одним из ее важнейших аспектов является деятельность российских портов Архангельска и Владивостока в приеме и обработке грузов шедших в рамках военно-технического сотрудничества с союзниками. Рассмотрения данного аспекта позволяет не только выявить роль Владивостока в системе военно – технического сотрудничества, но и раскрыть основные направ-

ления развития порта в годы войны и региона в целом. На сегодняшний день, присутствует ряд работ, рассматривающих региональный аспект обозначенной темы и раскрывающие роль отдельных регионов страны в годы Великой войны как, например публикации Т.И. Трошиной [16]. Поэтому изучение данной темы позволить не только глубже и рельефней рассмотреть развитие страны, в годы войны, но и расширить наше представление о роли отдельных регионов в общих усилиях государства в военное время. В этой связи изучение роли Владивостока в военно-техническом сотрудничестве с союзниками в годы войны представляет актуальную научную задачу.

Первые публикации, в которых уделялось внимание вопросам функционирования Владивостока и роли Дальнего востока в годы войны, стали появляться уже в начале 20 –х годов XX века [7]. Данные работы носили в целом публицистический характер. Их особенностью являлась ярко выраженная справочная направленность. Они должны были в первую очередь показать достоинства Владивостока и региона, а также благоприятные

перспективы его развития. Естественно, что подобная концепция подачи материала делала необходимым наличие исторической справки, параграфа либо отдельной главы о предшествующем развитии порта и края. Не являясь сугубо историческими исследованиями, эти публикации не давали полной ретроспективы изучаемого явления, и в них зачастую отсутствовала исчерпывающая информация о том либо ином этапе развития. За редким исключением, интересующая нас тема рассматривалась поверхностно, либо слишком узко без соответствующего анализа фактологического материала и демонстрации конкретных количественных показаний. Среди такого спектра работ следует выделить несколько отличающихся относительно подробным освещением деятельности Владивостока в годы Первой мировой войны. Подобного рода публикацией является работа К.К. Куртева, вышедшая в свет в 1921 г [8]. В отличие от брошюр и справочников, посвященных различным сторонам развития порта, данная публикация является академическим изданием. В ней мы находим анализ деятельности Владивостока его дальнейшие перспективы развития, подкрепленные статистическим материалом и содержащим выводы сформулированные автором на основе изученного материала. Рассматривая деятельность порта в годы Великой войны К.К. Куртев делал логичный вывод, о неподготовленности Владивостока к интенсивной обработке больших объемов грузов. Подобное приспособление порт сделал в военное время когда "...в течение первых лет мировой войны обогатился значительными портовыми сооружениями и судами специального назначения" [8, с. 33] Однако на фиксации подобного факта и описании мер по развитию порта в годы войны автор и ограничивается. Констатируя что "В тяжелый для России период войны Владивостокский порт и Уссурийская железная дорога сослужили родине незаменимую и неоценимую службу, окупив ранее произведенные государством расходы на их сооружение и содержание. Не будь в распоряжении центра этих двух могучих факторов транспорта, тыл и фронт были бы лишены необходимого пополнения, а это повело бы к ослаблению боевой силы армии" [8, с. 55].

Наиболее полной публикацией посвященной развитию Торгового порта Владивостока является одноименный коллективный труд, вышедший в свет в 1925 г. [2]. Хотя в ее названии указывается, что она представляет собой экономический обзор деятельности порта за 1923–1924 года, но фактически содержит материал, освещающий и развитие порта в начале XX века. В приведенном в данной работе материале содержатся сведения и о деятельности Торгового порта в период Первой мировой войны. Авторы отмечают, что Владивосток оказался неприспособленным для обработки больших объемов грузов. Поэтому в годы войны во Владивостоке "...возникает специальное портостроительство вызван-

ное требованиями войны с Германией" [2, с. 14]. Несомненным достоинством работы является рассмотрение всех сторон жизнедеятельности порта. Особенно таких специфических как обеспечение деятельности порта в зимний период и работа ледоколов, а также развитие мер пожарной безопасности, которые не нашли отражения в общей литературе. Излишне говорить, что данное издание снабжено обширными статистическими материалами иллюстрирующими работу Торгового порта. Приводя конкретные мероприятия по развитию порта в годы Первой мировой войны, отмечается, что они носили экстренный характер, преследовали цель в короткий срок подготовить порт для принятия специфических грузов. Однако в рассматриваемой работе авторы не приводят подробную раскладку грузов поступивших в порт в годы войны, не заостряют внимание на его значимости для снабжения фронта и тыла в годы войны.

Таким образом, необходимо отметить, что в период 20–30-х годов XX века количество работ затрагивающих деятельность Владивостока и региона в военнотехническом сотрудничестве в годы войны не отличается широтой. Интересы исследователей в первую очередь были сосредоточены на изучение важнейших и актуальнейших вопросов Великой войны, связанных с причинами ее начала, военной и дипломатической борьбой в годы войны ее последствиями и итогами. На этом фоне специфические вопросы развития отдельных регионов страны в военное время оставались в тени. Другой причиной не достаточной разработанности данного вопроса являлось недоступность для исследователей многих документов, характеризующих деятельность дальневосточных портов и транспортных путей в сфере обработки и перевозки иностранных грузов, шедших в рамках военнотехнического сотрудничества. Отсюда мы видим, что в публикациях отсутствуют материалы, характеризующие особенности грузооборота Владивостока в военные годы, специфику импорта, конкретные количественные данные о поступивших военных грузах и наконец, характеристики основных направлений развития порта. Поэтому в данных работах мы встречаем лишь общие выводы о важности деятельности Владивостока без подтверждения ссылками на соответствующие статистические данные. Таким образом, вопросам функционирования Владивостока в военное время уделялось лишь эпизодическое внимание, на фоне рассмотрения более актуальных и глобальных проблем войны.

В период 40–80-х годов изданий посвященных рассмотрению заявленной нами темы не появилось. Данная тема терялась на фоне изучения событий и последствий революционных событий 1917 г. Советская историография была нацелена на "...изучение Октябрьской революции в России как главного события начала XX в. тематике Первой мировой войны отвели в сравнении с Октябрем

второстепенную, скромную роль" [3, с. 8]. Поэтому эпизодическую и скудную информацию мы можем подчеркнуть либо из фундаментальных трудов посвященных Октябрьской революции, либо из исследований посвященных различным аспектам изучения рабочего движения, экономики или транспорта [11].

Среди работ, вышедших в данный период изучаемая нами проблема, затрагивается в монографии А.И. Крушанова [6]. В своей работе, автор, характеризуя важность установления Советской власти на Дальнем востоке, с одной стороны отмечает значение региона для укрепления власти большевиков в стране, а с другой отмечает и роль Владивостока в годы войны. Причем Владивосток справедливо рассматривается А.И. Крушановым как ключевой порт в торговых связях между союзными державами и США. Владивосток –отмечает А.И. Крушанов –"превратился в главный порт страны, через который осуществлялись морские перевозки" [6, с. 28]. Представляют интерес статистические данные характеризующие деятельность Владивостока в годы войны и что не менее важно объем грузов скопившихся за период военных действий. А.И. Крушанов пишет –"Порт буквально был забит грузами. Железная дорога не справлялась с перевозками. Хлеб, хлопок, медикаменты, оружие, промышленные товары не вмещались в склады и хранились под открытым небом. Только в распоряжении военного ведомства находилось во Владивостоке 614,5 тыс. пудов пороха, 3,2 млн. пудов риса, 1,9 млн. пудов чая, 1,6 млн. пудов рыбы и икры, 1,6 млн. пудов круп" [6, с. 29].

Необходимо подчеркнуть, что приводимые автором данные, базируются на введенных в оборот новых на тот момент архивных источников, а не простым использованием данных приводимых в ранее опубликованных изданиях. Приведенные, в контексте характеристики революционной борьбы, эти статистические данные демонстрируют не только значительный объем находившихся только во Владивостоке различных грузов, но и ключевую роль региона в целом в военно-техническом сотрудничестве с союзниками. Хотя автор и не ставил перед собой задачу рассмотрения роли главного порта дальневосточного региона в военно-техническом сотрудничестве, тем не менее, приводимые им факты как раз и демонстрируют эту роль.

В данном контексте следует отметить работу В.П. Бянкина [1]. Рассматривая вопросы развития и функционирования торгового флота на Дальнем Востоке в конце XIX начале XX века, автор затрагивает и вопросы деятельности флота и Владивостока в годы Первой мировой войны. Автор в достаточно сжатом, но информативном материале, рассматривает основные изменения, в развитии инфраструктуры порта отмечая что: "В порту развернулись интенсивные работы по устройству прича-

лов, строительству складов подъездных путей площадок и.т.д." [1, с. 146]. Однако, к сожалению, в публикации не содержатся данные характеризующие объемы обрабатываемых портом за годы войны грузов.

Так же необходимо отметить публикацию В.Ф. Мищенко [10]. По своему объему она является брошюрой, но по содержанию материала она выгодно отличается от тех проспектов, справочников и брошюр, появившихся в 20–30 – х годах XX века. По сути, данная брошюра является историческим обзором рассматривающим функционирование КВЖД. Автор, рассматривая деятельность железной дороги, естественно затрагивает вопросы ее деятельности в годы Первой мировой войны, в том числе и в связи с организацией транспортировки военнотехнических грузов из Владивостока. Отмечая в частности, что "С началом первой мировой войны КВЖД приобрела исключительно важное значение как единственный и кратчайший рельсовый путь, по которому из порта Владивосток, на сибирские железные дороги стали доставлять многочисленные военные грузы, прибывающие во Владивосток морским путем из Японии, США и других стран" [10, с. 32]. Однако рамки работы не позволили автору, кроме констатации факта важности Владивостока, заострить внимание на его роли в военно-техническом сотрудничестве с союзниками и рассмотреть меры по его развития в военное время. Подкрепляя свой тезис о важности Владивостокского порта, автор приводит лишь цифровые данные по его грузообороту в годы Первой мировой войны.

В 90 – х годах на фоне либерализации научной жизни интереса к ранее не изученным либо закрытым в силу идеологических установок темам появляются публикации, рассматривающие отдельные аспекты развития Дальневосточного региона в годы Первой мировой войны [12].

Среди подобных изданий затрагивающих нашу тему можно отметить публикацию В.Ю. Куцкого "Внутренняя контрреволюция в Приморье 1920–1922 гг." [9]. Хотя как видно из названия исследование посвящено изучению политической и вооруженной борьбы в Приморье автор давая картину состояния края в изучаемый им отрезок времени касается и экономической политики правительства находящихся у власти. Характеризуя ее В.Ю. Куцкий подчеркивает, что существенную долю финансово составляющей бюджетов этих правительств составляло продажа грузов доставленных во Владивосток и край за годы войны из-за рубежа, в том числе и в рамках военно-технического сотрудничества. Так Приморская Областная Земская управа с апреля 1920 г. планомерно посредством комиссии по реализации грузов ликвидировало последние по ценам выгодным для нее, а затем через "Центросоюз", которым руководили боль-

шевики, отправляла в Советскую Россию. Таким образом, было отправлено: меди 450 тыс. пудов, американского и египетского хлопка 150 тыс. пудов, селитры 150 тыс. пудов, резины 300 тыс. пудов и т.д. [9, с. 88–89]. Рассматривая эпизоды с реализацией накопившегося за годы войны имущества В.Ю. Куцый подчеркивает, что осуществлялась продажа товаров самого широкого потребления, причем "...реализация грузов шла полным ходом" [9, с. 91]. Приведенные автором данные таким образом косвенно показывают значимость Владивостокского порта в торговых и транспортных связях для государства во время войны.

Среди целой совокупности публикаций посвященных изучению Великой войны конца 90-х – начала 2000-х годов следует выделить монографию Т.Я. Иконниковой [5]. Эта работа посвящена региональному аспекту истории Первой мировой войны и затрагивает вопросы социально-экономического развития Дальневосточного края в годы войны, и его значения для России. В работе Т.Я. Иконниковой отдельный раздел посвящен изучению вопроса работы Владивостокского порта по приемке иностранных грузов в годы Первой мировой войны. Данное исследование, является, по сути, первым в отечественной историографии, рассматривающим этот вопрос. Автор справедливо констатирует что: "Опубликованные данные о функционировании порта Владивостока, не говоря уже о других дальневосточных портах в годы Первой мировой войны скупы и противоречивы" [5, с. 92]. Т.Я. Иконникова, опираясь на впервые введенные в научный оборот архивные источники из фондов Российского государственного исторического архива, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и Российской национальной библиотеки озвучила многие аспекты деятельности Владивостока в годы Великой войны, сосредоточив внимание на мероприятиях по развитию портовой инфраструктуры. Освещая данный вопрос, автор, приводит статистический материал о грузообороте порта, объемах поставок материально-технического имущества, и проблемах его обработки, впервые показывая ключевую роль Владивостока в транспортной составляющей военно-технического сотрудничества с союзниками. Отмечая, что прием разнообразных стратегических грузов оборонного назначения из-за рубежа, главным образом США и Японии, являлся – "Главным направлением деятельности по оказанию помощи фронту..." [5, с. 91].

Также уделено внимание развитию Владивостока в годы Первой мировой войны в фундаментально труде История Дальнего востока России в томе, посвященном развитию региона в период революции и гражданской войны. Авторы, апеллируя к опубликованным статистическим данным, в том числе и из работы Т.Я. Иконниковой, справедливо констатируют, что в годы мирового

конфликта: "Владивосток оказался единственным крупным морским портом, через который беспрепятственно могли поступать необходимые для обороны страны мирные и военные грузы" [4, с. 70].

Наконец необходимо отметить две коллективные работы, вышедшие в последние годы в которых военно-техническое сотрудничество рассматривается как самостоятельный предмет исследования, и соответственно затрагиваются вопросы деятельности Владивостока. В двухтомной монографии "Россия в стратегии Первой мировой войны" и "Порох, золото и сталь: военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны" исследуются вопросы межсоюзнического взаимодействия в лагере Антанты [13, 14]. Военно-техническое сотрудничество рассматривается как одно из важнейших направлений союзнического взаимодействия России не только с Францией и Великобританией, но также и с Японией, США и Италией [14, с. 6]. Различные сюжеты, рассмотренные в изданиях, наглядно иллюстрируют, насколько тесно в годы Первой мировой войны переплетались политические, экономические, стратегические, технологические и логистические аспекты военно-технического сотрудничества. Отдельные главы монографий посвящены вопросам доставки иностранных грузов в Россию и в них изучается деятельность и Владивостока. В соответствующей главе монографии "Порох, золото и сталь: военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны" дается характеристика основных направлений деятельности порта в годы войны, затрагиваются и такие специфические аспекты как обеспечение антидиверсионной и пожарной безопасности хранящихся в порту грузов. Приводится анализ поступивших в годы войны грузов подкрепленный статистическими данными о грузообороте порта. Рассматривая деятельность дальневосточного порта в годы войны, авторы констатируют его важнейшую роль в системе транспортных связей Антанты, показывая его ключевую роль в приемке грузов шедших в рамках военно-технического сотрудничества. Отмечая, что на ряду с Архангельском, Владивосток был единственным пунктом, через который Россия "...получала различное военно-техническое имущество для армии, а также сырье и производственное оборудование для промышленности" [13, с. 478]. Однако за рамками рассмотрения остался ряд важнейших вопросов связанных с функционированием Владивостокского железнодорожного узла по вывозке доставленных грузов, специфики организации разгрузочных работ в порту, обеспечения его деятельности в зимний период и пр.

Таким образом, следует отметить, что в отечественной исторической литературе до сих пор отсутствует полноценное исследование, посвященное деятельности Владивостока и региона в целом в годы войны. В лучшем

случае данному вопросу уделяется лишь эпизодическое внимание в фундаментальных работах рассматривающих историю Первой мировой войны или Октябрьской революции. И лишь в последние годы начинают появляться публикации, рассматривающие различные аспекты деятельности Владивостока в годы войны, в том числе и

в рамках военно-технического сотрудничества с союзниками. Поэтому нельзя не согласиться с утверждением Л.И. Галлямовой о необходимости подготовки "... обобщающего труда, способного дать целостное представление о жизни дальневосточного региона России в эпоху Первой мировой войны 1914–1918 гг." [3, с. 17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бянкин В.П. Русское торговое мореплавание на Дальнем востоке. Владивосток. Дальневост. кн. изд-во. 1979. 255 с.
2. Владивостокский Морской торговый порт. Экономический обзор и отчетные данные за 1923–1924 год. Владивосток. Изд-во Владивостокского торгового порта, 1925. 199 с.
3. Галлямова Л.И. Дальний Восток России в годы Первой мировой войны: современная региональная историография // Дальний Восток России и страны восточной Азии накануне и в годы первой мировой войны: сб. научн.ст. –Владивосток: изд-во "Рея", 2016. С. 8–17.
4. Дальний Восток России в период революции и гражданской войны // История Дальнего Востока России Т. 3. Кн. 1. –Владивосток, Дальнаука, 2003. 632 с.
5. Иконникова Т. Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск. Изд-во Хаб. Ун-та, 1999. 366 с.
6. Крушанов А.И. Победа Советской власти на Дальнем Востоке и Забайкалье. Владивосток. Дальневост. кн. изд-во. 1983, 230 с.
7. Куртеев К.К. Экономическая роль Владивостока. Курс лекций. Владивосток. Тип. "Свободная Россия", 1921. 73 с.; Владивостокский Морской торговый порт. Экономический обзор и отчетные данные за 1923–1924 год. Владивосток. Изд-во Владивостокского торгового порта, 1925. 199 с.; Целищев М.И. Экономические очерки Дальнего Востока. Владивосток. Книжное дело, 1925. 132 с.; Экономика Дальнего Востока: сб. статей / Под ред. Н. Н. Колосовского, А. Н. Лагутина и М. И. Целищева. М.: Изд-во "Плановое хозяйство", 1926. 360 с.; Диаграмма грузооборота пристаней Эгершельд. Владивосток. НКПС, 1927. 12 с.; Дербер П.Я., Шер М.Л. Очерки хозяйственной жизни Дальнего Востока. М.: Госиздат, 1927. 300 с.
8. Куртеев К.К. Экономическая роль Владивостока. Курс лекций. Владивосток. Тип. "Свободная Россия", 1921. 73 с.
9. Куцый В.Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье 1920–1922 гг. Владивосток. ДВГУ. 1992. 201 с.
10. Мищенко В.Ф. Из истории строительства и развития КВЖД. М.: Академия наук СССР, 1976, 61 с.
11. Мухачев Б.И. Становление советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР. Новосибирск. Наука. 1975, 201 с.; Дальневосточное морское пароходство 1880–1980. Владивосток. Дальневост. кн. изд-во. 1980, 592 с.; Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг). Новосибирск. Наука. 1983, 331 с.; Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1920 гг.). Владивосток. Дальневост. кн. изд-во. 1984, 224 с.
12. Мухачев Б.И. "Белые пятна Красного Октября" // Россия и АТР. №2, 1995. С.21–26; Троицкая Н.А. Дальневосточная буржуазия в годы Первой мировой войны / XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке. Матер. научн. конф. Хабаровск, 1995. С. 91 – 93.; Зуев В.Н. Сухопутные силы России на Дальнем Востоке в канун Октября 1917 г.: структура, дислокация, численность / Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. Сб. научн. трудов. Владивосток. ДВО РАН 1994. С. 46–52; Дубинина Н.И. Приморский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, Приамурское географическое общество, 1997. – 208 с.; Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX –начале XX в. Владивосток, Дальнаука, 2000. –203 с.; Шишкин В.И. Геополитическая роль русского Дальнего Востока в период Великой войны 1914–1922 гг. // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории. Матер. конф. Владивосток, 2012. С. 74–80; Беляева Н.А. Владивостокский порт в условиях Первой мировой войны // Дальний Восток России и страны восточной Азии накануне и в годы первой мировой войны: сб. научн.ст. Владивосток, 2016. С. 116–121; Власов С.А. Дальневосточный тыловой город в годы Первой мировой войны // Дальний Восток России и страны восточной Азии накануне и в годы первой мировой войны: сб. научн.ст. Владивосток, 2016. С. 195 –201.
13. Порох, золото и сталь: военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны / Под. ред. А.Ю. Павлов, А.А. Малыгина и др. СПб.: Изд-во РХГА., 2017. 532 с.
14. Россия в стратегии Первой мировой войны Т.1–2./ Под ред. А.Ю. Павлова. СПб.: Изд-во РХГА., 2014.
15. Сергеев Е.Ю. Российская ассоциация историков первой мировой войны: задачи и перспективы // Великая война 1914 –1918 Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. 2014, Вып. 1. С. 5–8.
16. Трошина Т.И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы первой мировой войны. Архангельск. Изд. САФУ, 2017. 347 с.; Первая мировая на Европейском Севере России глазами ее участников и современников / Отв. ред. Трошина Т.И. Архангельск. Лоция, 2014. 148 с.; Первая мировая война и Европейский Север России. Сб. статей / Архангельск. 2014. 398 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРОПАГАНДЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В СССР В 1918-1940 гг

PECULIARITIES OF PROPAGANDA OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN THE USSR IN 1918-1940

E. Istyagina-Eliseeva

Annotation

The Soviet system of propaganda of physical culture and sports for many decades contributed to the development of mass sports and the strengthening of the health of the nation. However, professional historians rarely refer to the development and development of sports propaganda in our country. The purpose of this article is to show, by the example of the methods of promoting physical culture and sports used in the first half of the twentieth century in the USSR, the importance of agitation activity for the development of Soviet sport, and for the development of the country as a whole, the improvement of the population and the enhancement of the state's defense capability. The methodological basis of the research is based on the principles of historicism, objectivity and systematic scientific analysis, whose application in the aggregate allowed to consider the development of the propaganda of physical culture and sports as an integral part of the social and political life of the USSR.

Keywords: soviet propaganda of sport, physical culture, HLS, sport in pre-war time.

Е.А. Истягина-Елисеева

К.и.н., Директор,

ФГБУ "Государственный музей спорта"

Аннотация

Советская система пропаганды физической культуры и спорта на протяжении многих десятилетий способствовала развитию массового спорта и укреплению здоровья нации. Однако профессиональные историки нечасто обращаются к вопросам становления и развития спортивной пропаганды в нашей стране. Цель данной статьи – показать на примере методов пропаганды физкультуры и спорта, используемых в первой половине XX века в СССР, значимость агитационной деятельности как для становления советского спорта, так и для развития страны в целом, оздоровления населения и повышения обороноспособности государства. Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма, объективности и системного научного анализа, чье применение в совокупности позволило рассмотреть развитие пропаганды физической культуры и спорта как неотъемлемую часть социально-политической жизни СССР.

Ключевые слова:

Советская пропаганда спорта, физическая культура, ЗОЖ, спорт в до-военное время.

И зучая такой важный аспект государственной политики СССР в области физической культуры, как пропаганда здорового образа жизни и спорта, нельзя не остановиться на развернувшейся в 20-х годах XX столетия острой борьбе мнений о судьбе физической культуры. Одну из точек зрения выражал Н. И. Подвойский, глава Всеобщего воинского обучения, а также с августа 1920г. первый председатель Высшего Совета Физической Культуры (ВСФК). На Всероссийском Совещании по допризывной подготовке и физической культуре осенью 1921г. он выступил с докладом, в котором целями физической культуры обозначил воспитание из детей и юношей созидателей, подготовку пролетарской массы к выполнению хозяйственных, военных и других задач республики [1]. Физкультура по мысли Н. И. Подвойского базировалась на трех китах: массовые праздники, массовые демонстрации, рабоче-крестьянские гуляния, прогулки и экскурсии [2]. Врачебному контролю за физическим состоянием трудящихся он отводил малозначимую роль.

Иными задачи физкультуры виделась главе Наркомздрава

Н.А. Семашко, сменившем на посту председателя ВСФК Н. И. Подвойского в июне 1923г. На страницах "Известий физической культуры" он выразил следующее мнение: "Главной задачей физкультуры является оздоровление трудящихся, повышение производительности труда и корригирование вредных последствий профессиональной работы" [3]. Странники Семашко писали прямо: "Общий лозунг – "физкультура – дело врачей" [4].

Последователи Н. И. Подвойского группировались вокруг выросшего в недрах Коминтерна Красного спортивного интернационала (КСИ), а также т. н. "Общества строителей международного красного стадиона" (МКС), возникшего в 1919г. Основной целью общества было "создание международного красного стадиона и использование его для пропаганды и развития физической культуры трудящихся" [5].

Работа МКС внесла значительную лепту в развитие средств пропаганды физической культуры в СССР. Основополагающим принципом агитации МКС было "массовое действо, как форма массового празднества" [6]. Все это перекликалось с идеями Н. И. Подвойского: "...нам прежде всего надо стараться, чтобы выгнать его (рабочего) из комнаты, из душевых барачков, из рабочих кварталов на воздух, на солнце" [7].

Одним из самых интересных моментов в истории МКС стало создание в 1925г. Организационного театра [8]. С 1925 по 1932 гг. Оргтеатр объехал 180 городов, дал 2400 спектаклей, на которых присутствовало 2,5 млн зрителей [9].

В конечном счете, общество стремилось органически соединить физическую культуру и спорт с массовыми гуляниями, развлечениями и празднествами трудящихся, сделать отдых рабочих эффективным [10].

С 1925 по 1929 гг. наряду с непосредственно спортивной работой МКС организовало около 200 общесоюзных рабочих гуляний [11]. Проводились т. н. практикумы по подготовке руководителей массовых действ [12]. Рабочих активно старались заинтересовать играми, гимнастикой, легкой атлетикой, плаванием, катанием на коньках, санках, лыжах, танцами [13].

С течением времени физическая культура и спорт оказались важнейшими инструментами социальной политики, значительным фактором международного престижа первого в мире пролетарского государства. Переломным моментом стали постановления ЦК РКП(б) от 13 июля 1925 и 23 сентября 1929 гг., которые прямо указывали на необходимость усиления государственно-централизованного контроля, руководства партии, а также преобразование 1 апреля 1930г. ВСФК при ВЦИК РСФСР в ВСФК при ЦИК СССР, а затем создание на его месте в июне 1936г. Всесоюзного Комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР.

На рубеже 1920–30 гг. в СССР была развернута грандиозная агитационно-пропагандистская работа в области физической культуры. Практически сразу были введены те средства и методы пропаганды, которые использовались на протяжении всей истории существования СССР: наглядная (парады, шествия, фотовыставки, изобразительное искусство) и устная (лекции, беседы, концерты) агитация, радио и кино, спортивная печать и т. д. Наиболее сильными по своему влиянию на массы инструментами являлись такие формы наглядной агитации, как парады и физкультурно-спортивные празднества, ставшие витриной советского спорта, пышностью и помпезностью они символизировали повсеместное развитие спорта и физической культуры на территории Советского Союза.

Парад всеобучистов 25 мая 1919г., который принял В. И. Ленин, стал первым физкультурным парадом в советской истории. 17 июля 1920г. в честь Конгресса III Интернационала в Москве на Красной площади были организованы показательные выступления спортсменов. Они вылились в яркую демонстрацию, в грандиозное и невиданное для Москвы зрелище, в котором участвовало 12 тыс. человек. Летом 1923г. профсоюзы и комсомол совместно провели I Всесоюзный праздник физкультуры, в котором приняло участие более 2 тыс. спортсменов. Вот что было написано об этом событии в журнале "Известия спорта": "Мы растем, и растем быстро, мы начинаем действительно вовлекать широкие слои трудящихся в физкультуру" [14]. Осенью 1925 года ВСЦПС провел в Москве I Всесоюзный праздник физкультуры, в нем участвовало 600 спортсменов из шести крупнейших профсоюзов страны [15].

Одним из самых запоминающихся спортивных торжеств 20-х годов стал Летний праздник физкультуры 1927г., длился он с 20 по 27 августа. Помимо спортивных состязаний состоялся парад. Участники несли плакаты с традиционными для того времени лозунгами: "За наш покой, за нашу власть, коль час придет, пойдем в сражение. Физкультура это часть всего рабочего движенья!"

В ряду агитационных материалов были и призывы к населению с целью привлечь к здоровому образу жизни: "Сидеть в домах – какого чорта! Сегодня все – на праздник спорта!" [16].

Если на уже упомянутый парад 1927г. было потрачено 76602 рубля [17], то только на художественное оформление парада, состоявшегося 30 июня 1935г., МОССХ (Московскому Областному Союзу Советских Художников) было выделено 350–400 тыс. рублей. Заказы получили такие известные художники как И. И. Бродский, К. Ф. Юон, И. Э. Грабарь, Д. Т. Моор, В. Н. Перельман [18]. Перед зрителями и высокими гостями прошли порядка 105 тыс. человек, разбитых на 13 колонн [19]. Тем же летом состоялся стотысячный по числу участников парад в Ленинграде [20]. А 12 июля этого же года имел место еще один парад московских активистов-физкультурников и обладателей значков ГТО I степени, и снова более 100 тыс. человек славили партию и правительство за успехи в построении нового общества.

Вторая половина тридцатых годов ознаменовалась целой серией грандиозных парадов и спортивных представлений.

I Всесоюзный парад физкультурников состоялся 12 июля 1937г. в Москве. В параде приняли участие сорок пять тысяч спортсменов из 11 республик. Через сутки "Красный спорт" писал: "В этот день Красной площадью владели юность, сила, ловкость и радость" [21].

В конце июля 1938г. в Москве прошел очередной парад тридцати пяти тысяч физкультурников. Режиссер Н. Охлопков отмечал в "Известиях": "Эти народные спортивные праздники являются не только смотром ежегодной физкультурной работы. Это – истинно народное зрелище. Это – новый вид искусства, монументального, грандиозного, в котором театр, балет, опера, живопись, скульптура, музыка, песня синтетически соединены, подчиняясь физкультурному действию" [22].

К Всесоюзному параду 1939г. подготовка началась в январе: была издана специальная брошюра с указаниями по строевой подготовке участников, в центральных печатных органах проводилась широкая информационная компания [23]. Торжество должно было происходить не только на Красной площади, но и в других районах Москвы. В районе ВДНХ в зоне отдыха Всесоюзной сельскохозяйственной выставки был построен временный спортивный городок с трибунами на 60 000 мест [24].

Важнейшим методом пропаганды физической культуры и спорта в довоенное время являлась устная пропаганда. Устной пропагандой были охвачены практически все слои населения, но особое внимание уделялось физкультурной работе в армии. На итоговом заседании участников Зимней спартакиады РККА 1 марта 1933г. К. Е. Ворошилов заявил: "Великому пролетарскому духу просто здоровое тело уже недостаточно, ему нужны великие телеса" [25]. Физкультурным организациям вменялось в обязанность организовывать совместные с воинскими частями вечера физкультуры, принимать шефство над воинскими спортивными ячейками, учреждать переходящие призы по отдельным видам спорта и т. д. [26].

Центральное место в агитационной работе занимала пропаганда среди рабочих. Задача была поставлена предельно четко: "Каждый третий член профсоюза – физкультурник!" [27]. До 1929 года руководство физкультурой было сосредоточено в культотделах профсоюзов, имевших одного или нескольких инструкторов. Начиная с 1929 года, при ВЦСПС и Совпрофах были организованы т.н. "бюро физкультуры" для руководства всей физкультурной и спортивной работой, такие же бюро создавались и на предприятиях [28]. В цехах с наличием 3–х и более физкультурников организовывалась ячейка физкультуры, работавшая под общим руководством заводского Бюро физической культуры [29].

Предполагалось, что сдавший на значок ГТО, должен "вести активную агитработу, подготовить на сдачу комплекса не менее 20 человек, участвовать в организации коллектива (кружка), выполняя одну из обязанностей (например, член бюро физкультуры, руководитель секции, судья и т.п.)" [30]. Издавались специальные методические пособия, посвященные "Вечеру физкультуры в клубе", в которых подробно расписывалось содержа-

ние вечера, программа, темы для бесед, оформление клуба и т. п. [31]. Интерес также представляют инструкции "Вечера вопросов и ответов по физкультуре". Целью диалога с рабочими являлось "выявление и учет запросов и интересов со стороны рабочей массы по физкультуре и спорту, разрешение практических вопросов, связанных с использованием методов физической культуры и спорта, возбуждение интереса к физической культуре вообще и в частности к проведению ее на данном предприятии" [32]. Задавались следующие темы для бесед: "Как и когда заниматься физкультурой? Как стать здоровым, занимаясь гимнастикой и спортом? Зимний спорт. Физическая культура трудящихся. Физическая культура и быт" [33].

Все эти мероприятия сопровождались массовой компанией, т. н. "двухнедельниками физической культуры" под лозунгами: "Физкультура – могучее средство в борьбе с профвредностями!", "Физкультура – путь к здоровью!", "Где лучше провести день отдыха? За городом, на лыжах" [34].

Важную роль в вопросах пропаганды физической культуры и спорта в 1920–30 гг. играла спортивная печать. Первая книга, изданная массовым тиражом – "Я – отличный стрелок", вышла в 1918г. В том же году на свет появились "Правила игры в футбол", а в 1919г. – пособие по гимнастике. В 1920г. было издано пять книг по физической культуре общим тиражом 114 тыс. экземпляров, выпущены брошюры серии "Библиотека физкультурника". В 1925г. вышла книга "Физкультура в деревне" М. Собоцкого. В 1923г. было создано специализированное издательство "Физкультура и спорт", начал выходить журнал "Известия физической культуры" [35].

Со временем у советского физкультурного движения появилось свое научное издание – журнал "Теория и практика физкультуры" (с 1937г. "Теория и практика физической культуры"), начало которому было положено в 1925г. выходом в свет научно-популярного сборника работ по физической культуре. Первым главным редактором журнала стал

Н. А. Семашко [36]. Существовало и более массовое издание – журнал "Физкультура и спорт", первый номер которого вышел 4 января 1928г. [36]. Тираж составлял 35 тыс. экземпляров [37]. Издание целого ряда газет и журналов, таких как "Красный спорт", "Пролетарский спорт", "Всеобуч и спорт", "Известия спорта", "Известия физической культуры", "Физкультура и спорт", служило мощным подспорьем в деле развития спорта.

Активно проводилась работа по изданию спортивной литературы в союзных республиках, в том числе и на национальных языках, из резолюции, принятой Закавказ-

ским совещанием по физкультуре от 3 марта 1929г.: "Наладить пропаганду физкультуры через печать, вместе с тем принять меры к изданию физкультурной литературы на национальных языках и наладить освещение физкультурных вопросов через радио" [38].

В целом в период 1918–1940 гг. на территории СССР была развернута широкая агитационная работа в области физической культуры, отдельных видов спорта, комплекса ГТО. Несмотря на ряд трудностей в этом абсолютно новом деле, советское спортивное руководство в це-

лом справилось с поставленной задачей, добившись просто невиданных ранее темпов роста физкультурного движения. Широко применялся целый спектр агитационно-пропагандистских средств: наглядная и устная агитация, печать, радио, кино, делавшее свои первые шаги в эти годы. Их комплексное применение позволило охватить самые широкие массы населения, различного половозрастного, социального состава, что дало свои плоды в деле оздоровления советских граждан, роста производительности труда, достижения высоких спортивных результатов, повышения обороноспособности СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
2. РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 178. С. 109
3. Известия физической культуры. – 1924. – № 1. – с. 13.
4. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 28. Д. 38. Л. 197.
5. ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 244. Л. 16.
6. ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 244. Л. 22.
7. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 28. Д. 38. Л. 247.
8. ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 294. Л. 1.
9. ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 244. Л. 24
10. ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 244. Л. 16.
11. ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 244. Л. 35.
12. ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 244. Л. 37.
13. ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 294. Л. 1.
14. Кулагин, Е. Наши успехи / Е. Кулагин // Известия спорта. – 1923. – № 3. – 55 с.
15. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 108. Л. 54
16. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 3. Д. 11. Л. 32.
17. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 3. Д. 11. Л. 2.
18. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 3. Л. 2.
19. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 3. Л. 14.
20. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 3. Л. 31
21. Кравченко, А. Первый парад / А. Кравченко // Красный спорт. – 1937. – 13 июля. – с. 15
22. Охлопков, Н. Счастливый день / Н. Охлопков // Известия. – 1938. 26 июля. – с. 21–25
23. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 10. Д. 1. Л. 2
24. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 10. Д. 1. Л. 3
25. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 159. Л. 83.
26. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
27. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 3. Д. 60. Л. 18.
28. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 24. Д. 7. Л. 12.
29. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 2. Д. 6. Л. 82.
30. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 3. Д. 60. Л. 35.
31. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 2. Д. 6. Л. 201.
32. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 2. Д. 6. Л. 202.
33. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 2. Д. 6. Л. 202.
34. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 2. Д. 6. Л. 206.
35. Прокофьева, Л.К. Становление и развитие физической культуры в учебных заведениях Восточного Забайкалья в первой половине XX века: Дисс. ... канд. пед. наук. / Л.К. Прокофьева – Шуя, 2009.
36. Страницы московского спорта. – М. – 1961.
37. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 3. Д. 36. Л. 5.
38. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 1. Д. 5. Л. 97.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ЯКУТИИ (с середины XIX - начала XX века)

ETHNO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS
OF THE POPULATION OF YAKUTIA
(from the middle of the XIX - beginning
of the XX century)

*T. Kurchatova
S. Sivtseva*

Annotation

The ethnodemographic processes of the population of Yakutia from the middle of the 19th century to the beginning of the 20th century are considered: the state of the population by years, by districts, by cities, the gender composition of the population, ethnic characteristics are given, the class membership of the Yakut people is studied, and the confessional belonging of the population of the region is considered.

Keywords: demography, indigenous and pro-population, districts, cities, estates, orthodoxy.

Курчатова Тамара Тимофеевна

К.и.н., доцент,

*Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова*

Сивцева Саассылана Иннокентьевна

Д.и.н., доцент,

*Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова*

Аннотация

В статье рассматриваются этнодемографические процессы населения Якутии с середины XIX – начала XX века: состояние численности населения по годам, по округам, по городам, гендерный состав населения, дается этническая характеристика, изучается сословная принадлежность народов Якутии, рассматривается конфессиональная принадлежность населения региона.

Ключевые слова:

Демография, коренное и пришлое население, округа, города, сословия, православие.

На территории современной Якутии издавна проживали коренные народы – якуты, эвенки, эвены, чукчи, юкагиры, долганы. С XVII века происходит массовый приход сюда русского населения (служилые люди, казаки, промышленные люди, крестьяне) и других народов (ссылные, приисковые рабочие и служащие). В период Советской власти, освоение богатых месторождений полезных ископаемых также превращает Якутию в многонациональный регион. В настоящее время продолжают этнодемографические процессы, влияющие на все стороны жизни населения региона. Отток славянских народов на историческую родину, миграция в Якутию населения из стран СНГ, осознание национальной идентичности (русскоустиинцы) вот неполный перечень изменений, происходящих в настоящее время в межнациональных отношениях изучаемого региона.

В настоящей статье мы рассмотрим этнодемографические процессы, происходившие в Якутии с 1865 г. (с активизации деятельности Якутского статистического комитета) до 1917 г.

Целью нашего исследования является изучить этнический состав населения и этнодемографические процессы в заявленный период на территории Якутии. Исходя из поставленной цели, перед нами стоят следующие

задачи: проанализировать динамику численности населения, рассмотреть его сословный, этнический и религиозный состав; определить причины и особенности этнодемографических процессов, происходивших среди народов Якутии по отдельным периодам.

Методы исследования. Применение сравнительно-исторического метода позволило нам рассматривать явления и факты в исторической ретроспективе, проводя их сравнительный анализ. Применение статистического метода позволило нам в процессе исследования изучить массовые статистические данные переписных листов (Первой всеобщей переписи населения 1897 г., сельскохозяйственной переписи 1917 г.), сведения статистических изданий (Памятная книжка Якутской области, Обзор Якутской области). Использование методов анализа и обобщения в период изучения архивных и опубликованных данных позволило получить достоверные сведения по изучаемому вопросу.

Численность населения

Одним из основных показателей этнодемографической характеристики является численность населения. Развитие статистической науки в стране позволило создать в марте 1865 г. Якутский статистический комитет,

который стал издавать "Памятные книжки" и "Обзор Якутской области", где помещались сводные статистические показатели населения области. Используя данные этих изданий, а также материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. [2] и сельскохозяйственной переписи 1917 г. [7] рассмотрим динамику численности населения. По данным с 1863 года происходит постепенный рост численности населения Якутской области. Так, в 1863 г. в Якутской области проживало 228060 человек обоего пола. В 1870 г. – 235857 чел., в 1897 г. – 242007 чел., в 1892 г. – 261142 чел., в 1897 г. – 269880 чел. Таким образом, за 34 года численность населения региона выросло более чем на 15 %. [10. с. 12]. Следующая перепись охватила не все округа области, так как это была сельскохозяйственная перепись населения 1917 г. Переписью не были охвачены северные округа. Но используя административные сведения, организатор переписи М.П. Соколов установил, что численность населения всей области составило 264136 человек [7. с. XX1V– XXV]. Таким образом, численность населения области уменьшилась на более чем 2%. Сокращение численности населения произошло по всем округам, но особенно ощутимо в Олекминском округе за счет отвода района Ленских и Витимских приисков Иркутской области.

Якутия расположена на огромной территории, рассмотрим плотность населения. Так, по данным 1893 г. примерно на 1 км² в Якутском округе приходилось 0,18 сельского населения, в Верхоянском – 0,01, в Вилюйском – 0,12, в Колымском – 0,009 и в Олекминском – 0,04 чел. Таким образом, плотность населения составила 0,07 чел./км² [6. с. 15].

Интересно рассмотреть изменение численности населения по округам. Таким образом, данные табл. 1. показывают, что повсеместно происходит рост численности населения по округам.

Самым многочисленным был Якутский округ, в основном за счет коренного населения густозаселенного в центральной части Якутской области, а также столицы г. Якутска. На втором месте находится население Вилюйского округа, численность которого также увеличивается за счет коренных жителей. Самыми малочисленными были, естественно северные округа, особенно Колымский, где также происходит рост численности. И, наконец, Олекминский район. Мы видим здесь резкий скачок численности населения в 1897 г., а через 10 лет – сокращение. Основные причины – округ являлся центром социально-экономического развития области. Это и развитие горнодобывающей промышленности, где трудилась масса пришлого населения; это и развитие земледелия, за счет крестьянского населения, а также скопцов; это развитие станционного населения Иркутско-Якутского почтового тракта, пролегающего по территории Олекминского округа. И активное увеличение коренного якутского и эвенкийского населения. Уменьшение численности населения в 1917 г. связано, как было отмечено выше отводом района Ленский и Витимских приисков Иркутской области. А также часть ссыльных, после Февральских событий 1917 г. отбыла на родину.

Довольно интересно привести данные гендерного состава населения Якутии. Исторически сложилось так, что в регионе преобладало мужское население. Это, прежде всего, связано с периодом освоения региона, когда пришлое население – служилые, промышленные люди, крестьяне, ссыльные – мужчины. А что для коренного населения, то Тырылгин М.А. отмечал, что преобладание мальчиков над девочками в основном зависело от традиционного патриархального уклада жизни, где всемерно поощрялось рождение мальчиков. А женщины, склонные рожать только девочек были вынуждены ограничивать число своих беременностей, используя народные средства, или прекращали брачные отношения [9. с.47]. Приведем примеры соотношения мужчин и женщин по Якутской об-

Таблица 1.

Численность населения Якутской области по округам.*

Округа	Годы					
	1879	1884	1887	1893	1897	1917
Якутский	143589	147920	150663	152701	143567	148296
Олекминский	13225	13965	14634	15144	36227	15894
Вилюйский	64835	68595	70761	74077	67942	79857
Верхоянский	13909	13221	13235	13026	14259	12940
Колымский	6443	6542	6380	6194	7885	7149
<i>Итого</i>	242001					

* Таблица составлена по данным статистического издания "Обзор Якутской области" за 1879, 1884, 1887 и 1893 года, а также материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г. по Якутской области и сельскохозяйственной переписи населения 1917 г.

ласти по годам. В 1884 г. мужчин по Якутской области было 124021, женщин – 119013; в 1890 г. соответственно 127596 и 121817; в 1897 г. – 139597 и 130283; в 1917 г. – 138295 и 125841 [11]. Причем, сокращение женского населения происходит в детородном возрасте (в результате отсутствия медпомощи и родовспоможения), что соответственно увеличивает число мужчин.

Этнический состав населения

Этнический состав населения Якутской области также покажем в виде **табл. 2**.

В изданиях Якутского статистического комитета "Обзор Якутской области" население определялось также и по национальному составу. Тогда как в программе Первой всеобщей переписи населения 1897 г. национальность не определяли, а отмечали родной язык и вероисповедание человека, что и явилось определяющим моментом национального состава населения Якутской области [3].

Как видим из таблицы, якуты составляли основное население Якутской области. Их численность изменялась не значительно, находилась на уровне 220 тысяч человек. Они проживали во всех округах Якутской области.

Начиная с XVII века, русское население занимает все большое значение в жизнедеятельности региона. К увеличению численности русского населения сыграли несколько моментов: широкое распространение земледелия по территории Якутии; развитие и становление золотодобывающей промышленности; немаловажную роль играет деятельность почтового тракта Иркутск–Якутск, на станциях, которых в основном селится русское население. И, наконец, немало русских отбывали ссылку на территории Якутской области.

Далее рассмотрим коренное население Якутии. Мы видим резкое сокращение численности юкагиров по данным 1887 и 1893 г. Как пишет В.И. Иохельсон, изучавший юкагиров, последний раз оспа свирепствовала в 1885 г. и в некоторых местах унесла жизни более чем половины населения. [4.с. 67]. Таким образом, причинами сокращения численности юкагиров являлись болезни (оспа, корь, сифилис и др.), а также ассимиляция с соседними народами и миграции.

Динамика численности чукчей меняется, если до 1893 г. происходит рост численности, то в конце века – уменьшение, в основном из-за болезней. Тан – Богораз В.Г. писал, что в 1899 г. корь, занесенная русскими купцами, оказалась губительной для чукчей. На некоторых оленных стойбищах, вблизи Тихоокеанского берега, осталось лишь по несколько детей [8].

Одним из самых многочисленных коренных народов были тунгусы (эвенки), которых было за 10 тысяч человек. Перепись 1897 г. отметила их вместе с ламутами (эвенами), считая их одним народом. Как, отмечают исследователи, ламуты были близки по своей культуре и языку с тунгусами, поэтому их фиксировали, как один народ. Ламуты в 1893 г. были подсчитаны вместе с чукчами, по всей видимости, из-за общей территории обитания. И, наконец, чуванцы, которых русские отмечали, как особый юкагирский род. К началу XIX века часть чуванцев обрусела, другая была ближе к корякам и чукчам. Первая всеобщая перепись населения 1897 г. зафиксировала 275 оседлых и 177 "бродячих" чуванцев. В этот период их записывали в документах и как юкагиров, и как чуванцев, и как русских старожилов, поэтому графа в Таблице 2 за 1897 г. не заполнена [1].

Довольно значительную группу среди населения Якутской области составляли татары – 1565 чел. (по материалам переписи 1897 г.).

Таблица 2.

Этнический состав населения Якутской области.*

Народы	Годы				
	1879	1887	1893	1897	1917
Якуты	211907	223946	229561	221467	220040
Русские	16162	15918	17158	30225	15685
Юкагиры	1081	430	188	948	1358
Чукчи	425	1099	2608	1558	826
Ламуты	1485	1342		11647	2050
Тунгусы	10367	10325	9114		12629
Чуванцы	130	140	143		51

* Таблица составлена по данным статистического издания "Обзор Якутской области" за 1879, 1887 и 1893 года, а также материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г. по Якутской области и сельскохозяйственной переписи населения 1917 г.

Массовое переселение татар начинается после принятия Положения Комитета министров от 29 мая 1870 г., по которому губернаторы Оренбургской, Саратовской, Пензенской и других губерний и областей могли вынести распоряжение об административной высылке татар в отдаленные окраины [5. с. 34.]. Большинство из них проживало в Олекминском округе. Татары пытались сохранить свою самобытность: отмечали религиозные исламские праздники, имели свое кладбище, открыли татарскую школу для детей. Но все же постепенно ассимилировались с местным населением. Также среди пришлого населения можно выделить евреев, которые были заняты во многих видах деятельности: 16 чел. из них были купцами; 341 чел. – мещане; 181 чел. – крестьяне (по материалам переписи 1897 г.). Обживаясь в Якутии, они построили свою синагогу, у них было свое кладбище. Основная масса из них говорила на родном языке. Евреев было много среди ссыльных.

Первая всеобщая перепись населения 1897 г. обнаружил в Якутской области и немногочисленных представителей народностей: поляков, литовцев, латышей, румын, представителей германских индоевропейских языков, а также турецко-татарского племени и др.

После Февральской революции 1917 г. многие представители народов выехали за пределы региона.

Сословная структура населения.

Рассмотрим сословную принадлежность населения Якутии. Данные табл. 3. показывают нам, что в середине XIX века в Якутской области были представлены основные сословия Российской империи. По "Уставу об управлении инородцами" население было отнесено к трем раз-

рядам: оседлым – это в основном русское население, относящееся к сословию крестьяне, к кочевым, куда были отнесены якуты и бродячим – остальные коренные народы – инородческое сословие. Таким образом, к сословию инородцы было причислено все коренное население. Якутия была областью с наибольшим удельным весом инородческого населения.

Большинство представителей дворянского сословия проживали в г. Якутске и занимали высокие должности в областном и окружных управлениях, в различных ведомствах. Также они проживали в Олекминском округе, в основном в управленческом аппарате золотодобывающих приисков. Но были одиночные случаи, проживания дворян в наслегах. Так, например, в материалах переписи 1917 г. зафиксировано, что в Олекминском округе в Мархинском селении Чекурского сельского общества жила с братом и работала учительницей Николаева Дарья Георгиевна 23 летняя русская дворянка [12. л. 3]. В период Первой всеобщей переписи населения 1897 г. на Екатеринбургских приисках Витимской системы смотрителем горных работ трудился Кравский Юлианд Матевич (51 год) дворянин, поляк по национальности [13. л. 15].

В изучаемый период в Якутской области было распространено православие. Повсеместно строились церкви, часовни по всей области проживали служители церкви. Как видим по таблице, численность их постоянно росла. Городское сословие было представлено почетными гражданами, купцами и мещанами, численность которых увеличивалась с ростом урбанизации региона.

Далее рассмотрим численность городского населения Якутской области. Для определения процесса урбанизации.

Таблица 3.

Сословная принадлежность населения Якутской области.*

Годы	1879	1884	1887	1893	1897	1906**
Сословия						
Дворяне	560	477	456	533	1138	496
Духовенство	563	569	697	622	907	895
Почетные граждане	43	135	2206	84	182	2523
Купцы	152	174		145		
Мещане	2773	2087		2137		
Крестьяне	5294	5287	5576	5341	20748	9883
Военное сословие	1791	1849	1736	1405		2134
Иностранцы	225415	231569	237287	230728	234675	247584

** Таблица составлена по данным статистического издания "Обзор Якутской области" за 1879, 1884, 1887 и 1893 года, а также материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г. по Якутской области. **Из материалов книги Якутия. Хроника. Факты. События. 1632-1917 гг. Составитель А.А. Калашников. - Якутск: Бичик, 2002. С. 357.

Таблица 4.

Численность населения городов Якутской области.*

Города \ Годы	1865	1885	1890	1897	1906	1917
Якутск	5260	5490	6542	6535	7653	7315
Олекминск	315	757	624	1144	920	1273
Виллюйск	301	463	484	611	727	632
Верхоянск	149	258	251	354	325	470
Среднеколымск	472	422	500	538	578	538
<i>Всего:</i>	6497	7390	8401	9182	10203	10228

* Таблица составлена по материалам книги Якутия. Хроника. Факты. События. 1632-1917 гг. Составитель А.А. Калашников. - Якутск: Бичик, 2002.

Данные табл. 4. показывают нам, что численность городского населения по Якутской области постоянно растет. Понятно, что наибольшее количество населения проживало в городе Якутске, в административном, культурном центре региона. Спад произошел за период с 1906–1917 гг. на 338 человек, по всей вероятности за счет выехавших в центральные районы ссыльнопоселенцев, после известных событий. Сравнительно многочисленным был и город Олекминск, являвшийся земледельческим центром, крупной станцией почтового тракта, соединявший Якутию с центральными регионами. Олекминск географически располагался на распутье двух крупных рек Лены и Олекмы. И сюда съезжались многочисленные торговые и промышленные люди, для встречи с коренным населением – эвенками, многочисленные роды которых кочевали по побережью рек Олекмы, Чары, Токко. И, наконец, Олекминск был городом, где свою повинность отбывали ссыльные.

Довольно стабильно было население города Виллюйска, население которого русские и якуты занимались мелочной торговлей, где помимо деревянной Никольской церкви было еще до 40 деревянных строений.

И, наконец, самые северные города Якутской области Верхоянск и Среднеколымск, население которых было ничтожно мало. Но это были административные центры, имеющие церковь, учебные и торговые заведения. Это были форпосты освоения северных земель.

Таким образом, процесс урбанизации в изучаемый период происходил в регионе. Города являлись центрами административной, социально-экономической и культурного развития Якутской области.

Религиозный состав населения

Религиозная принадлежность населения в изучаемый период играла большую роль в этническом самоопреде-

лении народов. Так, при определении национального состава мы использовали не только родной язык, но и профессиональную принадлежность.

В изучаемый период основная масса коренного населения, под активным влиянием деятельности православной миссии, приняла православие. Так, по материалам Обзора Якутской области за 1879 г. 238533 человек были отнесены к православным, что составило 98,6% от всего населения. Таким образом, другим конфессиям принадлежало около 1,4% населения. Это были представители раскольников разных сект (скопцы), римско-католической веры, протестантства, иудаизма, магометанства и всего 6 человек было отнесено к шаманствующим. В изучаемый период, в принципе картина не меняется. Основная масса населения исповедуют православие и лишь не большая часть другие конфессии.

Таким образом, характеристика этнодемографической структуры населения Якутской области с середины XIX века и до 1917 г. показывает, что численность якутов стабильно увеличивалось, не существенную роль играли миграционные и ассимиляционные процессы. Тогда как численность юкагиров и чуванцев резко сократилась по причине болезней и ассимиляционных процессов с другими народами. Более стабильными в этом плане были тунгусы (эвенки), ламуты (эвены) и чукчи. Определенную роль в этнодемографическом плане сыграло русское население, которое принесло с собой новые виды деятельности – земледелие, промышленное развитие региона. Так, в 1893 г. олекминские якуты попросили правительство перевести их в разряд оседлых, так как основная их масса стала заниматься выращиванием зерновых. А на золотоносных приисках материалы переписи 1897 г. зафиксировали среди разнорабочих представителей тунгусского населения. А тот факт, что большинство населения области стали исповедовать православие говорит об огромном влиянии русской культуры на мировоззрение коренных жителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассоциация коренных малочисленных народов. Чуванцы/ <http://raipon.info/peoples/chuvans/chuvans.php> (Дата обращения 30.05.2018)
2. Всеобщая перепись населения 1897 г. Якутская область. Итоги первой всеобщей переписи населения – СПб., 1905.
3. Игнатъева В.Б. Национальный состав населения Якутии (Этно–статистическое исследование) – Якутск. 1994.
4. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы – Новосибирск: Наука. 2005.
5. Казарян П.Л. Олекминская политическая ссылка 1826–1917 гг. – Якутск. 1996.
6. Обзор Якутской области за 1893 г. – СПб. 1894.
7. Соколов М.П. Якутия по переписи 1917 г. – Иркутск. 1925.
8. Тан–Богораз В.Г. Электронная библиотека. Чукчи. Том I. С. 26/ <https://www.litmir.me/br/?b=590237&p=26> (Дата обращения 30.05.2018)
9. Тырылгин М.А. Истоки феноменальной жизнеспособности народа саха. – Якутск: Изд–во "Бичик". 2000.
10. Якутская область за 1893 год. Волости и населенные места – СПб. 1894.
11. Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. Составитель А.А. Калашников – Якутск: Бичик. 2002.
12. НА РС(Я) Ф. 343. Оп. 5. Д.20.
13. НА РС(Я) Ф.343. Оп. 2. Д.59.

© Т.Т. Курчатова, С.И. Сивцева, (Kurchatova@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Международная выставка IMPC–EXPO2018 добыча и переработка минерального сырья.

Эффективные технологии – ключ к успешному обогащению
полезных ископаемых

Москва 16 – 18 сентября 2018. ЦВК «Экспоцентр», павильон 7, зал №1

Тематические направления выставки:

- Предприятия горнодобывающей и металлургической промышленности.
- Предприятия нефтяной и газовой отрасли и золотодобывающие компании.
- Производители и поставщики машин и оборудования для горной промышленности, шахт, горно-обогатительных комбинатов.
- Технологии, оборудование и приборы для обработки и обогащения полезных ископаемых.
- Геология и геофизика: оборудование, научные исследования, информационные системы.
- Научно-производственные центры, исследовательские и проектные институты.
- Экология. Охрана окружающей среды, экологический мониторинг полезных ископаемых.

Организаторы:

РЕКЛАМА

Спонсоры:

TOMC

ALROSA

RIVS

Официальный конгресс-организатор Международное Агентство Конгрессного Обслуживания МАКО

МАКО

<http://www.makongress.ru> / +7 499 705 79 25 / info@makongress.ru

О НЕКОТОРЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И БАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН

SOME OF THE PARALLELS IN THE HISTORY OF ANCIENT RUSSIA AND THE BALTIC SLAVS

D. Loginov

Annotation

The work is devoted to one of the aspects of the so-called Norman problem – the question of the origin of the Varangians. The dominant hypothesis in modern historical science is the one of the Scandinavian origin of the Varangians. However, it faces difficulties both of a philological and historical nature. The second hypothesis is the relationship of the Varangians with the Baltic Slavs, in particular, with the tribe of Wagrans. In the early Russian history there are obvious parallels with the history of the Baltic Slavs. These include, on the one hand, the anti-Christian uprisings in the Baltic States in 983 and 1066, and on the other – information about the human sacrifice in Kiev in 983 and pagan movements in Kiev, Novgorod and Beloozero in the late 1060 – early 1070s. They can be observed as an additional argument in favor of the West Slavic origin of the Varangians.

Keywords: Norman problem, Ancient Rus, the Varangians, the Scandinavians, the Baltic Slavs, Slavic paganism, pagan uprisings.

Логинов Дмитрий Сергеевич
К.и.н., доцент,
Рязанский государственный
медицинский университет
им. И.П. Павлова

Аннотация

Работа посвящена одному из аспектов так называемой норманнской проблемы – вопросу о происхождении варягов. Господствующей в современной исторической науке остается гипотеза об их скандинавских корнях. Однако она сталкивается со сложностями как филологического, так и исторического характера. Второй гипотезой является связь варягов с прибалтийскими славянами, в частности, с племенем вагров. В ранней русской истории обнаруживаются явные параллели с историей прибалтийских славян. К числу таковых относятся, с одной стороны, антихристианские восстания в Прибалтике 983 и 1066 гг., а с другой – сведения о человеческом жертвоприношении в Киеве в 983 г. и языческих движениях в Киеве, Новгороде и Белоозере в конце 1060-х – начале 1070-х годов. Они могут являться дополнительным доводом в пользу гипотезы о западнославянском происхождении варягов.

Ключевые слова:

Норманнская проблема, Древняя Русь, варяги, скандинавы, балтийские славяне, славянское язычество, языческие восстания.

Начальные этапы истории Древней Руси настолько изобилуют белыми пятнами, что, пожалуй, число дискуссионных вопросов по сей день серьёзно превышает количество тем, по которым исследователям удалось достичь консенсуса. Это касается самых разных аспектов прошлого: социально-политического, экономического, культурного, этнического. Пожалуй, особняком как по степени остроты, так и по объёму историографии стоит вопрос о происхождении Руси, в частности, об истоках её правящей династии. Зачастую он носит в историографии название "норманнская проблема". Не останавливаясь сколько-нибудь подробно на историографии этой проблемы в силу её необъятности (во всяком случае, в рамках отдельно взятой статьи), отдельно отметим такой её аспект, как происхождение летописных "варягов".

Надо сказать, что гипотеза о скандинавском происхождении варягов является преобладающей в современной отечественной исторической науке (в науке зарубежной она и вовсе за редчайшими исключениями не берётся под сомнение) [5; 7; 11; 12; 13]. Между тем эта гипотеза

наталкивается на ряд сложностей филологического и чисто исторического характера. К числу первых относится невозможность, несмотря на все имеющиеся попытки, убедительной этимологизации слова из скандинавских языков. К числу вторых – относительно позднее появление термина в зарубежных источниках (с XI века) и отсутствие прямых отождествлений со скандинавами. Особенно удручающими являются случаи противопоставления варягов и норманнов (в том числе, и в сагах!). Примером подобного противопоставления является упоминание в "Саге о людях из Лаксдаля", на которое в своё время обратил внимание ещё В.Г. Василевский. В ней, в частности, рассказывается об исландце Болли Боллиссоне, отправившемся в первой трети XI в. (примерно в 1027 г.) на службу к византийскому императору. В "Саге" говорится: "Пробыв там недолго, он поступил в отряд варягов; мы не слышали рассказов о том, чтобы кто-нибудь из норманнов поступил на службу к конунгу Гарда до Болли, сына Болли" [1, с. 185–186]. В другом переводе (не меняющем, впрочем, смысл принципиально): "Недолго пробыл он там, как вступил в варяжскую дружину. Мы никогда не слышали раньше, чтобы какой-нибудь норвежец

или исландец до Болли, сына Болли, стал дружинником короля Миклагарда" [14].

Конкурирующей, хотя и менее признанной в настоящее время, является гипотеза об изначальном происхождении варягов с южного побережья Балтийского моря из земель балтийских славян. В качестве источника названия "варяги" рассматривается этноним "вагры" (одно из ободритских племён второй половины I – первых веков II тыс.). Истоки этой гипотезы берут начало, по меньшей мере, с середины XVI века, с работ С. Мюнстера и С. Герберштейна. В частности, у последнего читаем: "Однако ни про хазар: кто они и откуда, ни про варягов никто не мог сообщить мне ничего определенного, помимо их имени. Впрочем, поскольку сами они называют Варяжским морем море Балтийское, а кроме него и то, которое отделяет от Швеции Пруссию, Ливонию и часть их собственных владений, то я думал было, что вследствие близости (к этому морю) князьями у них были шведы, датчане или пруссы. Однако с Любеком и Голштинским герцогством граничила когда-то область вандалов со знаменитым городом Вагрия, так что, как полагают, Балтийское море и получило название от этой Вагрии; так как и до сегодняшнего дня это море, равно как и залив между Германией и Данией, а также между Швецией, с одной стороны, и Пруссией, Ливонией и приморскими владениями Московии – с другой, сохранили в русском языке название "Варяжское море", т. е. "море варягов", так как, более того, вандалы тогда не только отличались могуществом, но и имели общие с русскими язык, обычаи и веру, по моему мнению, русским естественно было призвать себе государями вагров, иначе говоря, варягов, а не уступать власть чужеземцам, отличавшимся от них и верой, и обычаями, и языком" [3].

Собственно, в российский научный оборот гипотеза о связи варягов и балтийских славян была введена М.В. Ломоносовым [9]. Наиболее серьёзной попыткой её обоснования в отечественной дореволюционной историографии стал труд С.А. Гедеонова [2]. В советской и современной исторической науке к числу наиболее известных сторонников гипотезы относятся А.Г. Кузьмин (настаивавший, впрочем, на изначальном неславянском субстрате самих вагров) и В.В. Фомин [8; 16].

При этом исследований, специально посвящённых истории балтийских славян на рубеже I и II тысячелетий, на русском языке издавалось очень немного. В дореволюционной историографии следует, прежде всего, назвать работы А.Ф. Гильфердинга, в первую очередь "Историю балтийских славян" [6]. В советский период в сборнике "Славяне и скандинавы" была опубликована статья известного немецкого исследователя Й. Херрманна "Ободриты, лютичи, руяне" [17]. Уже в последнее время появилась монография немецкого историка-любите-

ля А. Пауля "Балтийские славяне: от Рерика до Старигарда" [10]. Она имеет особую ценность, поскольку даёт представление широкой читающей аудитории о состоянии изучения истории балтийских славян в современной западной, прежде всего, германской, науке. В целом же следует признать, что прошлое балтийских или, иначе, полабских славян, до сих пор находилось на периферии внимания отечественной исторической науки. Это, по-видимому, связано, с одной стороны, с объективной отрывочностью и противоречивостью доступных сведений о средневековых полабских славянах, а с другой – с опрелённым смещением фокуса внимания большинства исследователей на соседние с ними территории, прежде всего, Франкское государство (позднее, Священную Римскую империю), Данию и Скандинавию. Между тем, более пристальное рассмотрение истории ободритов и лютичей, возможно, смогло бы пролить свет на некоторые аспекты, как проблемы происхождения Руси, так и ранних этапов развития Древнерусского государства в целом.

В связи с этим обратимся к двум эпизодам истории балтийских славян, обнаруживающим, на наш взгляд, интересные параллели в прошлом Древней Руси. В первую очередь речь идёт об одном из сообщений русских летописей под 983 (6491) годом. В "Повести временных лет" оно выглядит следующим образом: "В лето 6491. Иде Володимерь на Ятвягы и победи Ятвягы, и взя землю ихъ. И идее Киеву, и творяше требу кумиромъ с людьми своими; и реша старци и боляре: "мечемъ жребий на отрока и девицу; на него же падеть, того зарежемъ богомъ". Бяше Варягъ единый, и бе дворъ его, идеже есть церкви святая Богородица, юже сдела Володимерь; бе же Варягъ той пришель изъ Грекъ, держаше веру хрестяньску, и бе у него сынъ красень лицомъ и душею; на сего паде жребий по зависти дьяволи. Не терпяшетъ бо дьяволъ, власть имы надо всеми, и се бяшетъ ему аки тернь въ сердци, тыщашеся потребити оканьный, и наустити люди. Реша пришедшее послание к нему: "яко паде жребий на сынъ твой, изволиша бо и бози себе; да створимъ требу богомъ". И рече Варягъ: "не суть то бози, но древо; днешь есть, а утро изьгнееетъ; не ядятъ бо, ни пьютъ, ни молвятъ, но суть делани руками в дереве; а Богъ есть единый, емуже служатъ Грьци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, звезды, и луну, и солнце и человека, даль есть житии на земли; а си бози что сделашае Сами делани суть; не дамъ сына своего бесомъ". Они же шедшее поведаша людемъ; они же, вземше оружье, поидоша на нь и розьяша дворъ около его, онъ же стояше на сенехъ съ сыномъ своимъ. Реша ему: "вдай сына своего, да вдамы богомъ". Он же рече: "аще суть бози, то единого себе послють бога, да имуть сынъ мой; а вы чему претребуете" И кликнуша, и посекоша сени под нима, и тако побиша я; и не свестъ никтоже, где положиша я. Бяху бо тогда человеци невеголоси и погани" [15, с. 80–81].

Итак, по возвращении из похода на ятвягов князь Владимир по совету "старцев и бояр" решает принести человеческую жертву языческим богам. Жертва выбирается по жребию среди юношей и девушек. Жребий падает на сына варяга-христианина. Отец отказывается выдать сына. В ходе завязавшегося конфликта и отец, и сын погибают. Отметим два принципиальных момента.

Во-первых, летописи однозначно говорят о принципиальной роли варягов в пришествии Владимира к власти в Киеве. Во-вторых, Владимир – единственный князь, с которым отечественные письменные источники конкретно связывают человеческие жертвоприношения. Это летописное сообщение приобретает новые очертания в том случае, если мы сопоставим его с параллельными событиями в землях ободритов.

История полабских славян была теснейшим образом связана с сопредельными территориями саксов, датчан, а также Франкского государства (позднее – Священной Римской империи). Отношения между народами носили весьма сложный характер. Периоды взаимных нападений и разорений чередовались с мирными и даже союзническими отношениями. В первой половине – середине IX в. натиск саксонских герцогов и восточно-франкских королей (из саксонской династии), в особенности Генриха I Птицелова и Оттона I Великого, привёл к политическому подчинению большинства балтийских славянских племён германцам. Эта зависимость была отягощена насильственной христианизацией язычников-славян. Непосредственными вдохновителями подобной политики были Магдебургское и Гамбургско-Бременское архиепископство, а также маркграфства Остмарк и Нордмарк. В Бранденбурге, Бабельберге и Ольденбурге были основаны епископаты [17, с. 341, 343].

В 983 г. в землях лютичей и ободритов вспыхнуло мощное языческое восстание. Оно затронуло большинство славянских земель к северу и востоку от Эльбы. Все епископства, церкви и даже следы христианства на данных территориях были уничтожены. Более того, славяне перешли в наступление, разорили область Нордальбингия и разрушили Гамбург, являвшийся одним из главных городов и христианских центров северной Саксонии [10, с. 98, 379]. Добавим к этому весьма примечательное сообщение Гельмольда о языческих обычаях ободритов: "Среди множества славянских божеств главным является Святовит, бог земли ранской, так как он – самый убедительный в ответах. Рядом с ним всех остальных они как бы полубогами почитают. Поэтому в знак особого уважения они имеют обыкновение ежегодно приносить ему в жертву человека – христианина, какого укажет жребий. Из всех славянских земель присылаются установленные пожертвования на жертвоприношения Святовиту" (Гельмольд, I, 52) [3].

К процитированному сообщению из ПВЛ и сведениям о полабских славянах заставляет внимательно присмотреться сочетание сразу нескольких принципиальных моментов. Во-первых, единственное конкретное сообщение летописей о принесении человеческой жертвы языческим богам русским князем и его окружением приходится на тот же год, когда происходит мощное антихристианское восстание в землях балтийских славян.

Во-вторых, этим князем является Владимир, в приход к власти которого варяжские воины сыграли весьма важную роль. В-третьих, жертвой становится варяг-христианин, причём, в-четвёртых, выбор жертвы, судя по всему, полностью совпадает с ритуалом, приписываемым Гельмольдом ободритам (и не известным в описываемое время и в описываемом виде у скандинавов). В свете данных об истории полабских славян эпизод из ПВЛ приобретает новый смысл. Кстати говоря, более понятным становится и помещённый в ПВЛ под 986 (6494) г. довольно резкий отказ Владимира "немцам"-католикам рассматривать вариант о крещении Руси в духе западного христианства: "Рече же Володимерь Немцемъ: "идете опять, яко отци наши сего не прияли суть"" [15, с. 83] (фраза, в целом, выпадающая из контекста предыдущего повествования в ПВЛ).

Обратим также внимание на хронологическую близость второго мощного языческого восстания балтийских славян (1066 г.) [10, с. 387–388] и восстаний на Руси в последней трети XI века. В данном случае, правда, аналогии не столь очевидны. Первое из зафиксированных в источниках восстаний на Руси в рассматриваемый период (1068 г.), приведшее на короткий срок к власти в Киеве полоцкого князя Всеслава Брючиславича, имело вполне очевидные местные причины (поражение Ярославичей от половцев в битве на Альте и отказ Ярославичей вооружить киевлян для противостояния новым врагам). Впрочем, даже в данном случае можно обратить внимание как на факт весьма активных действий Всеслава в Прибалтике в предшествующие годы, так и на явные языческие мотивы, связанные с ним и в ПВЛ, и в "Слове о полку Игореве", и, видимо, в былинах (под именем Вольха Всеславича). Последующие восстания на Руси, причём именуемые выраженный языческий характер, помещены в ПВЛ по 1071 годом. Однако обращает на себя внимание предполагающая известную временную неопределённость формулировка: "В си времена" [15, с. 170] (в той же статье находим сначала вполне конкретное хронологическое указание: "В лето 6579. Воеваша Половци у Ростовьца и у Неятина. В се же лето выгна Всеславъ Святополка ис Полотьска. В се же лето победи Ярополкъ Всеслава у Голотичьска" [15, с. 169–170]). Под этой формулировкой значатся указания на движения и восстания с участием волхвов в Киеве, с Белоозере и Новгороде [15, с. 169–176].

Следует признать, что сами по себе указанные параллели отнюдь не дают окончательного ответа на вопрос об изначальной этнической природе варягов и могут рассматриваться лишь в контексте прочих, весьма противоречивых, имеющихся данных. Однако именно в этом контексте переключка событий, с одной стороны – в Прибалтике, а с другой – на страницах древнерусских летописей, в наибольшей степени укладывается именно в рамки гипотезы о ваграх-варягах. Действительно, два освящен-

ных традиционными языческими верованиями крупнейших восстания балтийских славян против иноэтничных и иноверных захватчиков и хронологически, и детально-фактологически (во всяком случае, в 983 г.) удивительным образом совпадают с летописными описаниями событий древнерусской истории. Отмеченные совпадения в любом случае требуют внимания и более расширенной трактовки языческих движений на Руси в конце X – начале последней трети XI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе // Василевский В.Г. Труды. Т. II. Вып. 1. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1909. 295 с.
2. Гедеонов С. Варяги и Русь. Историческое исследование: в 2 ч. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1876. Ч. I. 395 с. Ч. II. 164 с.
3. Гельмольд. Славянская хроника. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 299 с.
4. Герберштейн С. Записки о Московии // <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gerberstein/frameset1.htm>
5. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.); Курс лекций: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 1998. 399 с.
6. Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. М.: Типография В. Готье, 1855. 322 с.
7. Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 416 с.
8. Кузьмин А.Г. Начало Руси. М.: "Вече", 2003. 432 с.
9. Ломоносов М.В. Древняя Российская история // Ломоносов М. Записки по русской истории. М.: ЭКСМО, 2003. 702 с.
10. Пауль А. Балтийские славяне: от Рерика до Старигарда. М.: Книжный мир, 2016. 544 с.
11. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. 317 с.
12. Петрухин В.Я. Русь в IX – X веках. От призвания варягов до выбора веры. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. 464 с.
13. Пчелов Е.В. Рюриковичи. История династии: 1000 лет одного рода. М.: Олма-Пресс, 2001. 480 с.
14. Saga о людях из Лаксдала // https://royallib.com/read/islandskie_sagi/saga_o_lyudyah_iz_laksdalya.html#614400
15. Русские летописи. Т. 12: Лаврентьевская летопись. Рязань: "АЛЕКСАНДРИЯ", 2001. 586 с.
16. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. 488 с.
17. Херрман Й. Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы. Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. С. 338–359.

© Д.С. Логинов, (dimok_star@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Рязанский государственный медицинский университет им. И.П. Павлова

"ПОЛИТИЧЕСКОЕ МАСОНСТВО" И СВЕРЖЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ В РОССИИ

"POLITICAL FREEMASONRY" AND THE OVERTHROW OF THE AUTOCRACY IN RUSSIA

A. Lukmanova

Annotation

The article deals with the problem of Masonic conspiracy theory and its influence on the overthrow of autocracy in Russia. The paper presents and analyzes various points of view of researchers in this field.

Keywords: conspiracy theory, masonry, autocracy.

Лукманова Алиса Фавасимовна
Аспирант,
Московский городской
педагогический университет

Аннотация

В статье рассматривается проблема масонской теории заговора и его влияния на свержение самодержавия в России. В работе представлены и проанализированы различные точки зрения исследователей в данной области.

Ключевые слова:

Теория заговора, масонство, самодержавие.

Теория заговора – это попытка объяснения каких-либо исторических событий, которые происходят под контролем скрытой группы влиятельных лиц. Теория масонского заговора – это разновидность теории заговора, предполагающая, что масонство – это тайная организация, объединившая сильных мира сего с целью захвата государственной власти, получения доступа к сырьевым и материальным ресурсам.

Целью масонства является достижение свободы, равенства, братства, царства без лжи и ненависти, земного рая всем человечеством, независимо от расовой, национальной, религиозной принадлежности. Эта цель, считается, может быть достижима только с помощью разностороннего самосовершенствования человека – морально, физически и интеллектуально. Препятствием на этом пути, говорят теоретики масонского заговора, являются религия и национальные государства, которые должны быть уничтожены [2].

С такой постановкой целей масонство легко обвиняют в причастности к свержению монархии. Приверженцы заговора часто преувеличивают значение фактов, в частности, Виктор Брачев делает вывод, что сама идея устранения царя "носилась в воздухе" в масонских ложах, указывая на предложение С.Д. Мстиславского (настоящая фамилия – Масловский) организовать покушение на жизнь государя [1: с. 314]. Однако все остальные братья его не поддержали и перестали с ним общаться, что явно говорит о негативном отношении к физическому устранению царя; тем не менее Виктор Брачев делает вывод о

том, что, без сомнения, убийству царя в братской среде обрадовались бы многие.

Олег Платонов приводит слова Александра Ивановича Гучкова о том, что существовал даже не один заговор, а несколько.

Один из вариантов предполагал захват императора в Царском селе или Петергофе. Такой вариант действий вызывал у заговорщиков сомнения, говорит Платонов, т.к., даже при условии, что воинские единицы, находящиеся в резиденции царя выступают на их стороне, большого кровопролития не избежать при столкновении с верными государю частями. Однако автор не дает ни одной ссылки, подтверждающей эти слова, не называет конкретных фамилий, следовательно, нет оснований считать этот заговор масонским, и даже вообще заговором как таковым. Еще один заговор, разработанный Г.Е. Львовым, предполагал вынудить отречься царя и посадить на его трон великого князя Николая Николаевича, а при нем создать правительство, в котором ведущую роль будут играть Львов и Гучков. Согласовывал эти условия с великим князем его друг – масон А.И. Хатисов. Александр Иванович Хатисов состоял в трех ложах в Париже: Свободная Россия, Государственный капитул Северная Звезда и Ложа Северная Звезда. Но как можно назвать этот заговор масонским, если его главные лица – Львов и Гучков – не были масонами?

Такие исследователи, как Яковлев, Мельгунов и Брачев, считают подтверждением масонства Львова и

Гучкова Диспозиции №1 и №2 от 8 и 18 сентября 1915 г. от имени Комитета народного спасения в Москве. Первая из диспозиций известна с 1928 г., когда она была издана Б. Кругляковым в "Красном архиве", а вторую выпустил А.Я. Аврех в 1990 г. в книге "Масоны и революция". После задержания французского журналиста, корреспондента журнала "Temps" Шарля Риве эти документы попали к контррозведке 6й армии и в департамент полиции. Во время допроса Риве сознался, что он получил эти документы от гласного Петроградской городской думы издателя журналов "Новое звено" и "Церковно-общественный вестник" А.Н. Брянчанинова. Брянчанинов объявил, что это "куръез" и он не помнит, как получил эти бумаги, поэтому и дал их почитать своему знающему журналисту Шарлю Риве. Так сведения о шпионстве Риве не подтвердились, и хода этому делу дано не было. Н. Яковлев делает следующие выводы по Диспозиции №1: 1) она исходит от тайной организации, возникшей в начале сентября 1915 г.; 2) "отцы-основатели" этой организации считали, что она должна действовать как военная организация; 3) ядром ее будущего штаба является тройка – Львов, Гучков и Керенский, которым предписывалось этот штаб немедленно создать; 4) цель – дворцовый переворот; 5) организация в виде лож по пять человек, подчиненных штабу, но без масонской символики, за исключением клятвы о соблюдении тайны. Яковлев говорит, что заговорщики считали обязательным противостояние стачкам, народным выступлениям, потому что они хотели произвести верхушечный дворцовый переворот, но отнюдь не революцию.

Мельгунов выдвигает два проекта заговора – львовский и гучковский, говоря, что связь между ними была "преимущественно по масонской линии", но ни одного доказательства в пользу этого не приводит. Также, настаивая на масонском происхождении "Диспозиции №1", Мельгунов чувствует себя неуверенно: "Если предположить, – говорит он, – что Львов и Гучков принадлежали к масонству 15г, имевшему карбонарские черты, тайна могла бы до некоторой степени разъясниться" [2: с. 217]. Автор признается, что зачисление Гучкова и Львова в масоны – лишь его предположение. Отправив запрос к Гучкову и Керенскому о причастности их к "Диспозиции №1", он получил отрицательный ответ.

Текст "Диспозиции" противоречит сам себе; так, в п. 6 говорится о том, что "организация борьбы за народные права должна вестись по установленным практикой правилами военной централизации и дисциплины, совместной с широкой инициативой отдельных частных начальников", а в п. 11 сказано, что "мирная борьба должна оперировать ... методом отказа войск, борцов за народное дело" [2: с. 217]. А.Я. Аврех замечает такую мелочь в "Диспозиции", как наличие инициалов у Гучкова и

Керенского и отсутствие их у Львова. Возникает вопрос, мыслимо ли это для первого официального документа, за которым стоит, как считает Н. Яковлев, всевластное секретное общество? Почему "верховное командование организованным народом" предлагается собственно Гучкову, а не Львову? Разгадка очевидно. Автор знает, что Гучков в третьей Думе был председателем комиссии по государственной обороне, целью которой было возрождение военной мощи России, утерянной во время Русско-японской войны. В это время он близки общался в военных и в военно-морских кругах, именно с той частью офицерства и генералитета, которые отстаивали идею "обновления" и "возрождения" военного могущества страны. В условиях войны проблема привлечения на свою сторону армии, в лице ее командного состава прежде всего, с точки зрения думской и земско-городской оппозиции была наиболее важной. Естественно, по мысли автора "Диспозиции", Гучков является самым подходящим человеком для реализации цели объединения армии и Думы. Разве мог быть автором этой "Диспозиции" политически активный масон, который, естественно, хорошо должен был разбираться во всех тонкостях политической борьбы?

Содержание "Диспозиции №2" сводится к тому, чтобы конвергировать осенью земский и городской съезд и организовать моральное осуждение некоторых министров.

Брачев на основе этих двух "Диспозиций" делает такой вывод: "Даже если предположить, что никакого "Комитета народного спасения" в Москве в 1915 году не существовало (а скорее всего, так оно и было), одно несомненно: вышли эти документы всё-таки из масонских или околосмагонских кругов и настроения, царившие в этой среде, как и их планы, отразились в них в общем-то верно". К сожалению, Брачев не дает никаких пояснений к опубликованным "Диспозициям", а лишь намекает на то, что владелец этих документов Брянчанинов был масоном. Признавая, что в "академическом" списке В.И. Старцева он отсутствует, зато есть в списке С.Ф. Ивановой, не принимается к сведению тот факт, что С.Ф. Иванова опубликовала список лиц, подозреваемых в принадлежности к российскому масонству.

Обе эти диспозиции лишь с большой натяжкой можно отнести к деятельности масонов.

Кратко остановимся на политическом масонстве. Ложи "Возрождение" "Полярная звезда", основанные с соблюдением всех без исключения требований, положили начало "политическому масонству" в России начала XX в. Летом 1912 г. в Москве прошел конвент, в результате которого появились масонское объединение политического уклона "Великий восток народов России".

Возглавляющей его структурой был Верховный совет, во главе которого стоял генеральный секретарь. Н.В. Некрасов стал первым секретарем Верховного совета Великого востока народов России, после него – левый кадет А.М. Колюбакин с 1913–1914 г, после вернулся Н.В. Некрасов, а с 1916 г после масонского Ковента, главой стал эсер А.Ф. Керенский.

После того как он возглавил Временное правительство России в июле 1917 г., пост руководителя Велико-го востока народов России перешел к управляющему делами Временного правительства меньшевику А.Я. Гальперну. Ложи данного объединения создавались по территориальному принципу; было в нем и несколько специализированных лож: "Литературная", "Военная", "Думская ложа Роза".

Специфическими признаками данных лож были аннулирование степеней подмастерья, примитивизация церемониала, сочинение политических программ вместо зодческих работ, рассуждения о политических вопросах на собраниях, работа не ради работы над собой и разностороннего самосовершенствования, как в ложах Великого востока Франции, а политическая деятельность в Государственной думе. Ложи Великого востока России, называвшиеся масонскими, таковыми не признавались братьями из Великого востока Франции и

других масонских послушаний, а считались политическими объединениями, что привело в будущем, когда часть масонов после Октябрьской революции 1917 г. эмигрировала, к прохождению заново обряда инициации. Политика для истинного масона – это удел профанного мира. В России перед Февральской революцией наблюдался определенный всплеск деятельности разного рода организаций, которые использовали масонскую символику и некоторые элементы ритуала. В Конституции вольных каменщиков написано: "Вольный каменщик является лояльным подданным светских властей, где бы он ни жил и ни работал; он никогда не должен участвовать в заговорах и тайных злоумышлениях против мира и благосостояния народа, равно как и не вести себя не должным образом в отношении назначенных представителей власти" [Конституции Вольных Каменщиков, содержащие Историю, Заповеди и Регламенты Сего древнего и весьма достопочтенного Братства. URL: <https://memphis-misraim.ru/library/documents/>]. Исходя из этого можно сказать, что термин "политический" к ложам применяться не может.

Деятельность политических организаций, созданных вольными каменщиками или при их участии, должна рассматриваться вне лож. Именно активность некоторых братьев привела к возникновению терминов "политическое масонство" и "масонский заговор".

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990.
2. Брачев В.С. Масоны, мистики и богоискатели в России. XX век. СПб., 2003.
3. Мчедлов М.П. (отв. ред.), Аверьянов Ю.И., Басилов В.Н. и др. Религии народов современной России: Словарь. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.
4. Карпачев С.П. Масоны и масонство России XVIII –XXI вв. Особенности российского "королевского искусства". Saarbrucken, 2013.
5. Платонов О.А. Терновые верен России. М.: "Родная страна", 2015.
6. Конституции Вольных Каменщиков, содержащие Историю, Заповеди и Регламенты Сего древнего и весьма достопочтенного Братства. URL: <https://memphis-misraim.ru/library/documents/>
7. Серков А.И. Энциклопедический словарь "Русское масонство. 1731–2000". М.: РОССПЭН, 2001.

© А.Ф. Лукманова, (alisa-lukmanova@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ОТНОШЕНИЯ ТУРЦИИ И РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ СУЛЕЙМАНА ВЕЛИКОЛЕПНОГО: НА ИСТОРИЧЕСКОМ РАСПУТЬЕ

Мухутдинов Артур Равилевич
Аспирант,
Санкт-Петербургский
государственный университет

THE RELATIONS OF TURKEY AND RUSSIA IN SULEIMAN'S THE MAGNIFICENT REIGN: ON THE HISTORICAL CROSSROADS

A. Mukhutdinov

Annotation

In the article there is carried out the analysis of the Turkish policy for Russia in the period of Suleiman The Magnificent reign. The reasons of the prevailing peace policy between two states are differentiated. With the use of a descriptive method, the historical, comparative analysis there are considered the factors promoting formation of prerequisites of the hostile attitude towards Russia from Turkey and also a changeable vector of the Turkish policy, activation of military collisions between the countries in further prospect. A main objective of the author is search of the answer to a question of what of the scientific points of view considered in article on a problem and in what degree are true. The author drew a conclusion that change of course of Turkey concerning Russia on hostile after the oprichnik revolution, contrary to a number of statements, was not final.

Keywords: Russia and Turkey, Suleiman I, Suleiman The Magnificent, Russian-Turkish relations, Russian-Turkish wars.

Аннотация

В статье осуществляется анализ турецкой политики в отношении России в период правления Сулеймана I. Дифференцируются причины преобладающей мирной политики между двумя государствами. С использованием описательного метода, исторического, сравнительного анализа рассмотрены факторы, способствовавшие формированию предпосылок враждебного отношения к России со стороны Турции, а также переменчивого вектора турецкой политики, активизации военных столкновений между странами в дальнейшей перспективе. Основной целью автора является поиск ответа на вопрос о том, какие из рассмотренных в статье научных точек зрения по проблеме и в какой степени соответствуют действительности. Автором сделан вывод, что изменение курса Турции в отношении России на враждебный после опричного переворота, вопреки ряду утверждений, не было окончательным.

Ключевые слова:

Россия и Турция, Сулейман I, Сулейман Великолепный, российско-турецкие отношения, русско-турецкие войны.

История российско-турецких отношений охватывает более пяти столетий. В последнее время и отечественные, и турецкие исследователи неоднократно подчеркивают схожесть обеих стран с историко-культурной, цивилизационной точки зрения. Идентичность исторических судеб, двух трансконтинентальных империй, своеобразных духовных лидеров восточно-христианского и мусульманского мира, уникальное геополитическое положение, историко-культурная-роль "Востока" на Западе и "Запада" на Востоке, географическая близость – все это способствовало и продолжает благоприятствовать развитию многовековых экономических, политических, этнических, духовно-культурных связей России и Турции [1, с.3]. Все это позволяет вести речь о своеобразном феномене отношений "Россия-Турция" [2, 3], содержание которых на протяжении веков было крайне различным: как мирным, так и конфликтным.

В настоящее время перед российской наукой встает крайне актуальный вопрос о том, как правильно и объек-

тивно оценить эволюцию отношений двух стран в контексте достаточно большого числа существующих по данной проблеме мнений со стороны представителей различных научных направлений. Следует подчеркнуть, что одним из дискуссионных при этом остается вопрос о том, в какой исторический период и какие именно предпосылки выступили катализатором формирования враждебного вектора турецкой политики по отношению к России, а также какие обстоятельства, наоборот, способствовали эффективным и мирным взаимоотношениям между двумя странами. Для ответа на этот вопрос необходимо является тщательный, многосторонний исторический анализ каждого из периодов в генезисе российско-турецких отношений с использованием максимального числа исторических источников, включая сравнительный анализ противоречащих мнений исследователей различных направлений, что в совокупности позволит создать максимально объективную историческую картину событий. Однако подобная задача носит не только комплексный, но достаточно долговременный ха-

рактик. В настоящей статье, охватывающей анализ российско-турецких отношений в период правления Сулеймана I, предпринята попытка совершить определенные шаги в обозначенном направлении.

Как известно, при правлении султана Сулеймана Великолепного (1520–1566) Османская Порта достигла апогея своего развития. При этом активизация процессов развития охватила и внешнеполитическое направление. Что касается отношений двух держав в этот период, то их можно охарактеризовать как сложные и неоднозначные. Первой русско-турецкой войной официально считается война 1568–1570 гг., которая состоялась уже после смерти Сулеймана I (1566). Однако мнения о ее предпосылках, как и о российско-турецких отношениях в период царствования Сулеймана Кануни в целом, достаточно различны. Многие отечественные историки ведут речь об агрессивных замыслах Турции в отношении России, в свою очередь турецкие заявляют об отсутствии в политике Османской Империи враждебных намерений, западные же исследователи часто упоминают о "равнодушии, недостаточном внимании к действиям московитов". [4, с.59–61, 92; 5, с.210–211; 6, с.39; 7, с.45]

Опираясь на изучение исторических источников по проблеме, представим авторский взгляд на данную проблему.

Приступая к анализу, следует обратить внимание на тот факт, что сразу же по восшествии на трон, в 1521 г., Сулейман дважды прямо запрещал крымскому хану идти походом на Россию, [4, с.49] а в 1523 г., по некоторым сведениям, к разгрому крымского войска ногаями при попытке завоевания Крымом Астрахани имела отношение не только российская, но и турецкая дипломатия. [8, с.247]

Рассмотрим трактовку причин этих событий в различных источниках. По мнению М.С. Мейера, Сулейман не видел в России союзника против Польши или польско-крымской коалиции, но, считая противниками Габсбургов и папство в Европе, Сефевидов и португальцев в Азии, полагал целесообразным поддерживать мирные отношения. [9, с.104] Принимая во внимание точку зрения М.С. Мейера, ее необходимо проанализировать в плане соответствия действительности и в случае утвердительного ответа – подвергнуть объективному анализу на предмет того, почему и когда данное положение дел претерпело изменения.

Обращаясь к историческим событиям, нужно признать, что правление Сулеймана I действительно сопровождалось практически непрерывными войнами с австрийскими или испанскими Габсбургами и их союзниками (Венгрия, Венеция и т.д.), с Ираном и др. Война с Венгрией, которой вскоре начали оказывать помощь

Габсбурги, началась уже в 1521 г., когда турецкой стороной был завоеван Белград.

Еще одной причиной, сдерживающей позиции Турции по отношению к Крымскому ханству, на взгляд исследователей, выступало то, что последнее отнюдь не поддерживало идею турецкого господства на Каспии [10, с.330], впрочем, как и идею усиления турецких позиций на северных берегах Черного моря. В.Д. Смирновым констатируется тот факт, что вся история Крымского ханства после его подчинения в 1475 г. Османской Империи определялась "борьбой двух начал – национально-татарского, стремившегося к полной самостоятельности, и... турецко-османского, старавшегося... сохранить за собой верховенство над Крымом" [11, с.139]. Это противостояние доходило до прямых актов неподчинения и даже восстаний со стороны ханов, помимо всего прочего, вызванных и недовольством крымской правящей знати султанскими запретами нападать на Россию.

Лишь с гибелью крымского хана Ислам-Гирея в 1537 г. власть Турции над Крымом существенно укрепилась, [4, с.56–58; 12, с.102–114] однако разногласия при этом не были исчерпаны. На наш взгляд, совершенно необъективную и исторически не соответствующую действительности точку зрения высказывает автор исследования "История Крыма" А.Р. Андреев (хотя его работа основана на многочисленных исторических источниках), который отмечает, что "по указанию турецких султанов Крымское ханство обязано было проводить политику, враждебную Московскому государству, однако татарские ханы часто выступали на русской стороне во время войн Москвы с Литвой и Польшей". [11, с.140] Исторические события, напротив, свидетельствуют о прямо противоречащей ситуации, за исключением ситуации 1534–1537 гг., когда Крым выступил против Польши в союзе с Россией и Молдавией, но не вопреки, а, как справедливо подчеркивает А.Д. Новичев, под давлением Турции. [13, с.90–91] Однако влияние польского фактора в российско-турецких отношениях заслуживает отдельной работы и не является предметом исследования в настоящей статье. Для нас в данном случае важно отметить то, что султан сдерживал ханскую агрессию против России, не в последнюю очередь потому, что резонно опасался, что, подчинив себе большую часть бывших золотоордынских владений, крымский хан перестанет нуждаться в вассальных отношениях с ним.

Для более полной объективизации картины по исследуемой проблеме генезис российско-турецких отношений необходимо и крайне важно рассматривать в контексте общеевропейской истории. Подходя к анализу в данном ракурсе, в первую очередь следует обратить внимание на тот факт, что Сулейман I действительно был занят другими вопросами. Некоторые авторы отмечают, что после битвы при Мохаче (1526), в которой было на-

несено сокрушительное поражение объединенному венгро-чешско-хорватскому войску, султан, получив определенную индульгенцию, активизировал антироссийскую политику, [4, с.59–61, 92] однако при этом ими не приводится никаких объективных исторических аргументов в подтверждение данной позиции. Между тем, исторические данные свидетельствуют, что после битвы при Мохаче позиция султана, как уже подчеркивалось, отнюдь не соответствовала указанной.

Как показывают исторические факты, мир с династией Габсбургов, разделивший Венгрию между ними и турецким ставленником Запольяи, был заключен только в 1533 г., но почти сразу вспыхнула война с Ираном (до 1555 г.), а в 1535–1540 гг. – с Габсбургами, Папой Римским и Венецией на Средиземном море; в 1540 г. снова начались военные события в Венгрии. [14, с.82–84] Эта война закончилась миром в Адрианополе 1547 г. и разделом Венгрии на австрийскую и турецкую части и зависимое от Турции княжество Трансильвания. [15, с.194] Закономерно, что в подобных условиях официальная позиция Стамбула на действия Москвы в отношении постордынских ханств по-прежнему была попустительской. Так, хотя в 1524 и 1538 гг. турецкими посольствами и были сделаны при Московском дворе официальные заявления о том, что Казанское ханство признало себя османским вассалом, [4, с.82, 101] однако эти слова не нашли никакого подтверждения практикой.

В ряде источников (А.В.Виноградов, Г.А.Санин) [16] есть указания на участие османских войск в набегах крымцев на Россию в 1536, 1537, 1552 ("отмечено участие турок") гг.; однако достоверность этих данных доподлинно не установлена. По версии И.Б.Грекова, в 1537 г. султан просто предписывал крымчакам оказывать содействие казанскому хану [8, с.290]. В некоторых источниках также можно обнаружить сведения и о том, что в 1541 г. в ханском походе на Москву принимали участие и турки. Однако с позиции современного исследователя можно предположить, что в 1541 г. (равно как в 1537 и 1552 – Авт.) это были не османы, а крымские регулярные части, организованные по образцу янычар. [12, с.117–118] Мы уже отмечали тот факт, что для осман в 1541 г. выяснение и прояснение отношений с российской стороной не являлось приоритетным вопросом: помимо войны в Венгрии (как раз в 1541 г. была взята Буда), им пришлось в это время отражать испанский поход в Алжир [17, с.220]. В целом, нужно заметить, что анализ участия османских войск в военных действиях Крымского ханства, который, возможно, может выявить новые детали в контексте исследуемого вопроса, также заслуживает отдельного научного исследования.

Письмо же султана, датированное 1552 г. в поддержку независимости Казани, как высказывает пред-

положение С.Н.Чернявский, было сфабриковано крымским ханом, чтобы повысить моральный дух казанцев. [12, с.137] На завоевание Астрахани (1554–1556 гг.) официальный Стамбул, как видится, не посчитал нужным обратить официального внимания.

В 1556–1560 гг. русские перенесли боевые действия на территорию Крымского ханства и в районе Очакова разбили турок, хотя присутствуют некоторые сведения, что и в Очакове это были совсем не турки, а организованные по образцу янычар крымские части. [12, с.146–148] Данное предположение подтверждается и тем фактом, что в 1556 г. хан обращался за помощью к турецкой стороне, однако не получил ее. [18, с.57] Лишь в 1558 г. произошло первое достоверно подтвержденное столкновение с турками: русскому воеводе Д.Адашеву при разгроме западного берега Крыма удалось захватить два турецких корабля. [11, с.145–147] Однако и тогда Турция не спешила оказывать помощь Крыму. Представляется, что поиск причин подобной ситуации необходимо осуществлять опять-таки в контексте анализа общеевропейской политики.

В этой связи нужно упомянуть, что в данный период Западная Европа была расколота на два лагеря. Один представляла мировая держава Габсбургов, включавшая Священную Римскую Империю и Испанию. Ей, в свою очередь, противостояла коалиция Франции, протестантских стран (Англия, Скандинавские страны, немецкие протестантские княжества, с 1566–1572 гг. – Нидерланды). В эту же коалицию ходила и Османская Турция.

Правительство Ивана Грозного поддерживало Габсбургов по двум причинам. Во-первых, "римский цесарь" пользовался определенным уважением со стороны Ивана Грозного лично как преемник Древнего Рима. [19, с.314] Во-вторых, Габсбурги выступали за то же самое, за что после опричного переворота стал бороться и Иван Грозный – против ограничения монаршего деспотизма, против буржуазного развития, против западных протестантов и их русского аналога – "нестяжателей".

Так, одним из поводов к Ливонской войне послужил переход ливонцев из католичества в лютеранство. Даже ведя военные действия с католическими Польшей и Литвой, Иван Грозный неоднократно подчеркивал, что борьбу он ведет на самом деле с "безбожными люторами". [20, с.41] Со своей стороны, Папа Римский уже в начале 1560-х гг. всерьез рассматривал первого русского царя в качестве союзника Контрреформации, вплоть до его участия в Тридентском соборе. [20, с.41] Исследователи указывают на наличие исторических сведений о том, что Иван Грозный завещал русский престол эрцгерцогу из дома Габсбургов, если его сын Федор останется бездетным (завещание было уничтожено Борисом Годуновым). [22, с.414]

Однако нужно еще раз обратить внимание на тот факт, что данный вектор политики явно обозначился только после опричного переворота, ознаменовавшего конец "либеральных" по тем временам реформ Адашева – Сильвестра и поворот к деспотизму и тирании. История свидетельствует, что внешняя политика представляет собой продолжение внутренней политики. Так, в 1570 г., по инициативе царя произошло резкое ухудшение отношений между российской стороной и одним из главных врагов Габсбургов – английской королевой Елизаветой, установленные в "либеральный" период царствования – не только на том основании, как указывает Р.Г.Скрынников, что она не самодержавная государыня, которая "сама всем владеет", но у нее "люди всем владеют" и помимо "государевых прибытков" и "своих прибытков смотрят, но и потому, что "Филиппа короля Шпанского английские люди с королевства свели (после смерти в 1558 г. его супруги – королевы Марии Кровавой – Авт.), а тебя учинили на королевстве". [20, с.316]

Возможно, и Сулейман Великолепный надеялся, что Россия все же примет сторону союзников Турции в конфронтации с Габсбургами. На наш взгляд, в значительной мере можно согласиться с утверждением М.С.Мейера о том, что "русский курс Стамбула с 1514–1516 гг. ... принципиально не менялся до конца 1560–х гг., и именно по указанным этим автором причинам. Однако "других противников" у Турции хватало и после 1566 г. (год смерти Сулеймана Великолепного) – например, с 1566 по 1568 гг. Турция воевала с австрийскими Габсбургами. [17, с.233–241, 253–254, 265] Скорее, закономерно предположить, что причина перемены турецкой политики состояла в переориентации Ивана Грозного на Габсбургов.

Впрочем, поход 1569 г. на Астрахань потерпел неудачу, а с 1570 г. Турция снова вступила в войну с Габсбургами, в этот раз испанскими, и Венецией. [23, с.28] В успешном крымском походе на Москву 1571 г. турки не участвовали. Приводимые рядом авторов сведения об участии в походе крымцев 1572 г. (завершившимся на этот раз разгромом ханского войска в битве на Молодях) турецкой артиллерии и 7000 янычар вызывает такие же сомнения, как и в предыдущих походах: [18, с.174, 188; 12, с.163] туркам, восстанавливавшим свой флот после разгрома при Лепанто, было не до новых военных действий. Дж.Бальфур прямо указывает, что по мирному договору 1570 г. "татары и московиты были предоставлены самим себе для выяснения отношений". [17, с.250] В свою очередь, Г.Штаден, отмечает, что при крымском войске "было несколько знатных турок"; [24, с.20] о янычарах при этом упоминаются отсутствуют.

Очередное столкновение России и Турции произошло при выборах польского короля в 1576 г. Вопреки усилиям как России, так и Габсбургов в итоге избран был

ставленник Турции, трансильванский князь Стефан Баторий. Отметим, что Россия поддерживала свои претензии прямыми военными действиями против Польши, а Турция – военной демонстрацией 120-тысячного крымского войска на польских границах. Не вполне понятно, выступало ли продуманной частью подобной демонстрации разорение крымцами Волыни. [11, с.420]

Однако это преодоление исторического распутия с поворотом к конфронтации оказалось не окончательным. С переходом Польши в габсбургско-католический лагерь (окончательно – в Смутное время) внешнеполитическая позиция России снова претерпела изменения. Россия Романовых в Тридцатилетней войне стала поддерживать антигабсбургскую коалицию, и то, чего напрасно ожидал во время своего правления Сулейман I, наконец произошло: Россия и Турция стали союзниками. Так, Турция воевала с Польшей в Смутное время (1614 г.) или в 1633–1634 гг., в период Смоленской войны, хотя Крымское ханство в той войне оказывало помощь польской стороне. Отметим, что и попытки "бунта" ханов против султанов имели место. [11, с.181–183] Со своей стороны, русское правительство, не желая портить отношения с Турцией, приказало донским казакам оставить Азов, захваченный ими в 1637 и удержанный против турецкой армии в 1641 гг.

Ситуация изменилась лишь после окончания Тридцатилетней войны, означавшей крах претензий Габсбургов на мировую гегемонию и соответственно реформирование всей мировой политической и геополитической ситуации. Противоречия между Россией и Турцией превысили потребность в хороших отношениях, и с последней трети XVII в., через сто с лишним лет после кончины Сулеймана Великолепного, историческое распутие было пройдено, и русско-турецкие войны стали частым явлением.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в исследуемый период, с точки зрения исторической достоверности, не совсем корректно вести речь о полном "равнодушии, недостаточном внимании турок к действиям московитов", однако в силу того, что Сулейман I считал противниками Габсбургов и папство в Европе, Сефевидов и португальцев в Азии, он полагал целесообразным поддерживать мирные отношения. Поэтому, хотя и нельзя абсолютно уверенно говорить об отсутствии в политике Османской Империи враждебных намерений в отношении России, но в анализируемый период Турции по ряду отмеченных нами выше в статье причин приходилось их всячески сдерживать.

Вопрос о том, усматривал ли Сулейман I в период своего правления в России союзника против Польши или польско-крымской коалиции, хотя бы периодически,

– заслуживает отдельного внимания и дальнейшего тщательного научного исследования. Однако нам видится важным в качестве итогового вывода подчеркнуть тот факт, что изменение курса Турции в отношении России с миролюбивого на враждебный после опричного переворота, вопреки уже упомянутому выше в нашей статье утверждению М.С.Мейера, не было окончательным в силу того, что после Смутного времени Россия вновь стала рассматриваться Турцией как союзник против Габсбургов. Русско–турецкие отношения окончательно изменили свой вектор и приобрели враждебный характер лишь примерно через столетие после смерти Сулеймана Великолепного (1556).

Отметим, что осуществленный автором в настоящей статье историко–сравнительный анализ не претендует на исчерпывающий характер. Исследуемая нами проблема русско–турецких отношений, как уже обращалось внимание, носит достаточно многоаспектный характер и требует детального и многостороннего изучения, которое невозможно осуществить в ограниченных рамках одной статьи. Однако мы надеемся, что предпринятое

автором исследование в контексте отдельных выявленных несоответствий в высказываемых точках зрения исследователей, внося свой вклад в освещение изучаемой проблемы, задаст новые направления для дальнейшего пристального исследования – к которому, на наш взгляд, следует еще более обширно подключить источники зарубежных авторов, а также историко–документальные сведения с турецкой стороны.

В настоящее время картина российско–турецких отношений продолжает обогащаться не только новыми событиями, но и качественно новыми историческими источниками, документальными материалами, которые требуют изучения. Сегодня Россия и Турция обладают высоким потенциалом влияния на геополитическую обстановку в евразийском панрегионе, что позволяет по–новому обозначить проблему дальнейшего развития российско–турецких отношений в текущих условиях, с научной точки зрения более плодотворно оценить возможные перспективы генезиса двусторонних отношений, опираясь на исторический опыт их эволюции и его анализ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиганшин М.К. Эволюция российско–турецких отношений: от двустороннего сотрудничества к многоплановому партнерству: Дисс... канд. полит. наук: 23.00.04. Бишкек, 2008. 213 с.
2. Иванов С.М. Россия и Турция (общее и особенное в историческом развитии в эпоху средневековья и новое время) // Россия и Восток /Под ред. С.М. Иванова, Б.Н. Мельниченко. СПб.: Питер, 2000. 120 с.
3. Гюль А. У наших стран одна судьба // Международная жизнь. 2004. № 4–5. С.145–153.
4. Кузнецов А.Б. Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (первая половина XVI в.). Мн.: изд–во "Университетское", 1963. 136 с.
5. Fisher A.W. Muscovite–Ottoman Relations in the Sixteenth and Seventeen Centuries // Humaniora Islamica. V.1. Hague–Paris, 1974. Pp.30–42.
6. The Ottoman Empire: The classical age, 1300 – 1600/ Halil Inalcik; Transl. by Norman Itzkowitz. London: Weidenfeld a. Nicolson, Cop. 1973. 257 с.
7. Kurat A.N. Turkiye ve Idil boyu. Ankara: TRP, 1966. 200 p.
8. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М.: изд–во "Восточная литература", 1963. 374 с.
9. Мейер М.С. Основные этапы ранней истории русско–турецких отношений// Османская Империя. Проблемы внешней политики и отношений с Россией. М.: ИВ РАН, 1996. С.47–116.
10. Мадариага И. де. Иван Грозный. Первый русский царь. М.: Омега, 2007. 604 с.
11. Андреев А.Р. История Крыма. М.: Монолит–Евролинец–Традиция, 2002. 276 с.
12. Чернявский С.Н. Крымская империя. От ханства к Новороссии. М.: Вече, 2016. 384 с.
13. Новичев А.Д. История Турции. Т.1. Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.). Л.: Изд–во ЛГУ, 1963. 314 с.
14. Петросян Ю.А. Османская Империя: могущество и гибель. СПб.: Наука, 2017. 350 с.
15. Финкель К. История Османской Империи. М.: АСТ, 2017. 832 с.
16. Набеги крымских ханов // Большая российская энциклопедия: Электронная версия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2638424 (дата обращения: 12.06.2018)
17. Бальфур Дж. П. Османская Империя. Шесть столетий от возвышения до упадка. XIV–XX вв. М.: ЗАО "Центрополиграф, 2017. 639 с.
18. Пенской В.В. Иван Грозный и Девлет–Гирей. Из истории русско–крымского противостояния в XVI в. Белгород: Изд. дом "Белгород", 2012. 237 с.
19. Валишевский К. Иван Грозный (репринт. изд–е, 1912) М.: ИКЛА, 1989. 418 с.
20. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. Борис Годунов. Василий Шуйский. М.: АСТ Транзиткнига, 2005. 1005 с.
21. Иван Грозный и иезуиты. Миссия Антонио Поссевино в Москве/ Сост. В.И.Курукин. М.: Аграф, 2005. 250 с.
22. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т.1. М.: Сварог, 1995. 768 с.
23. Коллас. История Турции// История Турции. М.: Евролинец, 2003. С.5–86. Штаден Г. Записки о Москве Ивана Грозного. М.: Росспэн, 2002. 238 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРУКТУР ПОВСЕДНЕВНОСТИ: РИТОРИКА СКОРБИ У НАРОДОВ КАВКАЗА*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00147-ОГН "Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа".

HISTORICAL ASPECTS OF EVERYDAY LIFE PATTERNS: RHETORIC OF SORROW IN THE NORTHERN CAUCASUS' CULTURE

*M. Tekueva
E. Nalchikova
M. Gugova*

Annotation

The purpose of the article is to study the elements of everyday events, which are knocked out of its ordinary, monotonous series – behavioral practices in a mourning ritual. The research emphasis is put on the ritual lamentations and emotional experience of bereavement. Analysis of elements of mourning ritual and wailing has made it possible to understand the attitude by Caucasian population towards the value of individual human life. The research discovers the mental particularities of ethnic consciousness, way of life, behavior, and it allows of seeing in the rites and rituals related to a man's death the nuances of historical epoch, social system, and cultural features of the society. All that can be called in turn the most important elements of the everyday life history.

Keywords: Northern Caucasus, rhetoric of sorrow, everyday life history, grief affectation, lamentation song, morning ritual.

Текуева Мадина Анатольевна

Д.и.н., Кабардино–Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик

Нальчикова Елена Аниуаровна

К.и.н., Кабардино–Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик

Гугова Марина Хабасовна

К.и.н., Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ Кабардино–Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик

Аннотация

Цель статьи состоит в изучении элементов событий повседневности, выбивающихся из ее обыденного, монотонного ряда – поведенческих практик в траурном ритуале. Акцент в исследовании ставится на обрядовый плач и эмоциональный фон переживания смерти близкого. Анализ элементов траурного ритуала и скорбного оплакивания позволил понять отношение населения Кавказа к ценности отдельной человеческой жизни. Раскрыты ментальные особенности этнического сознания, образа жизни, поведения, что позволяет увидеть в обрядах и ритуалах, оформляющих смерть человека, нюансы исторической эпохи, социальной системы, культурные особенности общества, из которого человек вышел. Все это можно назвать важнейшими элементами истории повседневности.

Ключевые слова:

Северный Кавказ, риторика скорби, история повседневности, аффектация горя, песни–плачи, траурный ритуал.

Объективную историческую реальность далекого или недавнего прошлого, подоплеку того или иного варианта развития социально–политической или экономической ситуации позволяет увидеть только изучение соответствующей "человеческой среды в целом" [11, с.123]. В центре внимания истории повседневности – комплексное исследование образа жизни и его изменений у представителей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события [36, с.9].

История повседневности складывается из событий обыденного ежедневного существования и особенного пространства исключительного, сакрального характера. Обряды перехода, обозначающие новые физические состояния и статусные роли: рождение, инициации, сва-

дебные обряды, смерть, – составляют важную область повседневности, ее регламентирующую.

Предметом нашего исследования является тема повседневных практик народов Северного Кавказа в событиях смерти, конкретно – изучение эмоциональных рефлексий, характерных для объединенного географически, но разнообразного по этническому составу населения Северного Кавказа. В данном исследовании предпринята попытка изучения аутентичной среды, являющейся фоном исторических событий. История повседневности изучает, в том числе, различные аспекты, категории, феномены, из которых состоит культурное пространство смерти, дает возможность прояснить историческую картину прошлого, придать известным историко–социально–политическим сюжетам краски, уточнить де-

тали, необходимые для объективного восприятия исторического процесса.

При том, что каждый человек лично встает перед лицом смерти лишь однажды, он многократно участвует в исполнении ритуально-обрядовых установок, предписанных культурой в отношении жизненного финала. Исследование принятой в культуре риторики скорби, характерных эмоциональных реакций, мировоззренческих аспектов осознания смерти позволяет дополнить реконструкцию социально-культурного устройства Северокавказского региона в конкретную историческую эпоху.

Траурное поведение, особенное выражение горя, эмоциональное переживание несчастья в специфической этнической среде и каждым человеком отдельно – предмет изучения этнографии и антропологии. Однако этнограф уделяет основное внимание обрядово-ритуальной сфере этнической культуры, антрополог изучает человека в культуре и обществе. А историк, изучающий повседневность – область человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах [36, с.9] задается вопросами о том, как повседневные практики влияют на формирование внутреннего мира человека конкретной исторической эпохи. Как, в свою очередь, ментальные основания в культуре народа создают фон для реальных исторических событий и явлений прошлого?

При исследовании феномена смерти, отношения к нему в кавказских культурах, ментального восприятия смерти в обыденной жизни следует определиться с кругом источников, сохранивших эмоциональный фон эпохи. Специфика их отбора применительно к истории Северного Кавказа состоит в невозможности обращения к прямым письменным свидетельствам, содержащим конкретные формы восприятия выражения чувств, эмоций, горя. Отсутствие письменности, а значит, корпуса личных документов (писем, дневников, воспоминаний) не позволяет услышать аутентичные высказывания о смерти, понять ее историко-психологические нюансы. Ближе всего к ним нас подводят произведения устного народного творчества – героические сказания и песни-плачи. Однако их структура и содержание строго определено рамками принятой традиции, и скорбь по умершему зачастую выражается устойчивыми вербальными штампами. С одной стороны, создается впечатление о формализованном характере подобных риторических высказываний. С другой стороны – такие клише возникают в результате многовекового творческого отбора, так как именно они больше всего находят эмоциональный отклик в этническом сознании. При этом следует учитывать вариативное разнообразие одних и тех же сюжетов плачевных песен, отложившихся в исторической памяти разных кавказских народов. Автор песни говорит об умершем, как о близком ему человеке, о хоро-

шо знакомом персонаже, об известном народу герое. Но каждый исполнитель адаптирует текст к своей аудитории, к контексту события ее собравшему, к месту исполнения. Осмысление риторики скорби, выявление индивидуальных нарративов, проступающих сквозь традиционные формы ее выражения, возможно путем сопоставления различных интерпретаций и семантического анализа фольклорных источников.

Внешние выражения скорби: эмоциональное, нормативно-поведенческое, материальное (траурная атрибутика, поминальная пища и одежда), – получили освещение в трудах зарубежных авторов XIX в. Их тексты, содержащие скрупулезное описание экзотических для иностранных наблюдателей форм проявления горя, траура и ритуала в событиях смерти, являются важнейшим источником для воспроизведения историками картины повседневной жизни [7; 9; 22; 27; 31]. Их свидетельства ценны фиксацией нюансов поведения и общего эмоционального фона трагедии жизненного финала. Все это позволяет исследователю определить степень взаимодействия оплакиваемого персонажа с его социальной средой.

Таким образом, интерпретация и анализ разноплановых источников, с помощью методов микроистории, истории повседневности, гендерной истории (Ф. Арьес, М. Блок, Н.Л. Пушкарева, Ю.Л. Бессмертный), этнометодологии (А. Шюц, Г. Гарфинкель) позволяют приблизиться к решению намеченных целей исследования.

Тема скорбного оплакивания, траурного поведения в истории повседневности народов Северного Кавказа никогда специально не выделялась в отечественной историографии. Эти сюжеты включались в изучение проблем ритуально-обрядовой практики, являясь лишь красочным дополнением популярных описаний, анализа, интерпретаций этнографических явлений. Подобная тематика особенно волновала дореволюционных этнографов. На ритуалах оплакивания сконцентрирован исследовательский интерес этнографов-осетин С. Жускаева [17] и К. Хетагурова [40]. С. Хан-Гирей [38;39] и А.-Г. Кешев [21] зафиксировали бытовавшие в указанное время похоронные ритуалы, проявления скорби, способы выражения горя у адыгов. Первый ингушский этнограф Чах Ахриев посвятил отдельную работу похоронно-поминальной обрядности [4]. Г.Ф. Чурсин оставил подробное описание похорон, осуществил сравнительный анализ поминальной обрядности и ритуалов оплакивания у различных кавказских народов [43]. Вс. Миллер попытался проследить истоки некоторых культурно-детерминированных форм проявления горя [30]. Д.Я. Лавровым описаны особенности поведения на похоронах и поминках всех категорий ближайших родственников покойного [26]. Проблемы погребально-обрядовой культуры у чеченцев поднимал Ф. Грабовский [13].

Среди работ европейских авторов книга Карла Коха была в свое время лучшим обобщающим трудом, в котором дана объективная этнографическая зарисовка быта народов Кавказа [25]. Выразительный характер тексту К. Коха придает описание аффектированных проявлений скорби, причитаний, плача, которые свойственны всему циклу обрядовых действий кавказского погребального ритуала.

В советский период – время критического изучения наиболее выразительных ритуалов, в том числе и погребальных, – отголоски древних представлений в ритуальной сфере у лезгин выявил и описал Г.А. Гаджиев [12]. И.М. Мизиев и М.Ч. Джуртубаев косвенно затрагивают вопросы ментального отношения карачаевцев и балкарцев к проблемам, связанным с уходом из жизни [16]. Б.А. Калоев дал подробное описание погребальных и поминальных обрядов осетин [19; 20].

Постсоветский период истории Северного Кавказа отмечен ростом этнической идентичности и появлением новых концепций освещения духовных традиций различных этнических сообществ. Это относится к изданным в этот период работам А.Т. Шортанова [44; 15; 28; 29]. Особое значение имеют работы Б.Х. Бгажнокова, предметом исследования которых стали этические установки адыгов по отношению к смыслу бытия в целом и месту в сознании человека концепта "смерть" [5; 6]. В научных трудах Л.А. Чибирова нашли отражение вопросы, связанные с культом предков, погребальными и поминальными обрядами осетин [41; 42]. В традициях советской этнографии написаны статьи А.Б. Кокоевой, содержащие обширный фактологический материал [23; 24]. Б.М. Алимova отдельное исследование посвятила этнокультурным взаимодействиям, в том числе в погребально-поминальной обрядности, кумыков и дагестанских азербайджанцев в XIX–XX вв. [2]. Недавняя работа Е.Б. Бесоловой посвящена анализу уникального культурного феномена – обрядового плача, рассмотренного через призму лингвистики, этнографии, фольклористики [8].

Впервые концепт "смерть", как предмет этнологического изучения Кавказа, был рассмотрен в исследованиях Е.А. Нальчиковой [32; 33]. Изучение адыгского этнографического материала подвело к необходимости расширения географических границ анализа: в соавторстве была опубликована серия статей, ставших отправной точкой для исследования риторики скорби, эмоционального сопровождения похоронно-поминальных обрядов, насыщенного оформления жизненного финала у народов Северного Кавказа [34; 14 и др.]. Новизна настоящего исследования состоит в обращении к ранее малоизученным сюжетам этнических особенностей эмоционального восприятия смерти близких у народов Северного Кавказа.

Северный Кавказ вошел в состав Российской империи в середине XIX века. На протяжении предыдущих двух с половиной столетий история российско-кавказских отношений состояла из длительных периодов военно-политического содружества, сменившихся в конце XVIII века национальным сопротивлением имперской колонизации. Но, независимо от характера политических событий, отношения кавказских народов с русским населением казачьих станиц характеризовались постоянным культурным взаимодействием, ярко проявлявшимся в повседневной жизни края. Так, казаки, как военизированное сословие, признали удобство черкесского мужского костюма для кавалерийской службы и "переоделись" в него в короткие исторические сроки. В этот же период времени у коренных жителей Центрального Предкавказья набирает популярность русская печка, которая наряду с открытым очагом становится дополнительным источником тепла и местом приготовления пищи. В адыгейском филиале Института искусств народов Востока хранится плетеная циновка (арджен) конца XIX в., в декоре которой присутствует узор с изображением самовара. Самовары вошли в горский быт вместе с черным сладким чаем из русской культуры повсеместно и настолько стремительно, что на памяти всего одного поколения стали восприниматься как традиционные этнические атрибуты. Такова и история гармонии, ставшей любимым народным инструментом абазин, балкарцев, кабардинцев, карачаевцев, осетин. У осетин она называлась уже "касдон фандыр" – кабардинская гармошка. В это же время под ту же гармошку казаки танцевали свои казачьи переплясы на основе лезгинки.

Таким образом, к концу XIX века проявляются яркие приметы взаимовлияния в материальной и художественной культуре горцев, определяющих трансформационные процессы в структурах повседневности населения Северного Кавказа.

С включением Северного Кавказа в пространство Российской империи, происходит адаптация горских народов к новым историческим условиям. Повседневное существование подчиняется новым общественно-политическим и социально-экономическим реалиям, на смену устному праву горцев приходит российский закон. Жизнь горцев в большей или меньшей степени соответствует новому для них статусу российского подданного. Но в их повседневности остается незыблемая территория, этнически маркированная, наиболее устойчивая к внешним влияниям – это пространство смерти и связанных с ней мировоззренческих представлений, эмоциональных реакций, поведенческих практик.

В ментальном восприятии народов Кавказа смерть рассматривалась как торжественный итог жизненного пути. Социальная зрелость человека определялась его готовностью принятия смерти. Перед лицом смерти че-

людей должен был быть уверен в том, что его проводит не только семья, род и односельчане, но уважение к его деяниям, его личности соберет к нему дальних и близких родственников и знакомых с разных областей страны. Следует учитывать, что в XIX в. на Северном Кавказе скорость перемещения между поселениями зависела от степени пересеченности местности и определялась скоростью движения арбы, запряженной волами, повозки с лошадьми, а в лучшем случае – верховой ездой на осле или лошади. Расстояния между селами по сравнению с современным их восприятием оказывались бесконечно более далекими, и приезд на похороны издали приобретал особую значимость. "Лишь только умирает в каком-нибудь селении мужчина, родные посылают гонца ко всем своим родственникам и знакомым оповестить о семейном несчастье. Обыкновенно на похороны собираются все оповещенные, бросая для этого, нередко, свои дела; уклониться от посещения умершего родственника, без крайней невозможности, считается делом самым оскорбительным для памяти умершего и его общих родных" [Лавров, 1989: 55].

Бытописатели XIX в. отмечают особо торжественный и драматичный характер прощания с умершим. Но пристальный взгляд на разные события смерти приводит к выводу о дифференцированном отношении к каждому отдельному случаю в зависимости от статуса личности (гендерного, возрастного, сословного), истории его жизни и обстоятельств смерти.

Наибольшего эмоционального накала оплакивание достигало в четко сегрегированном женском пространстве похорон. Прощание с умершим было ожидаемо горестным, причем настолько интенсивным, что в восприятии сторонних наблюдателей традиция женского оплакивания носила гипертрофированные формы. Это подчеркнуто отмечалось иностранцами, непривычными к формам публичного проявления чувств, не соответствующих европейским культурно-нормативным правилам. Эти правила сформировались еще во времена средневековья и адаптировали сознание человека к частоте смертей от множества болезней и войн. Ф. Арьес замечал, что известия о смерти мужа или жены воспринимались внешне, на людях "весьма холодно, с бесстрастностью, граничившей с сухостью" [3, с. 271]. О той же показной "черствости" европейцев писал и Марк Блок [11, с. 190].

Поэтому объяснимо особое – как реакция на необычное – авторское внимание английского журналиста XIX в. Дж. Лонгворта к оплакиванию покойника. Он наблюдал, как адыгские женщины причитали на кладбище и их плач "сводился единственно к вою "Вай! Вай! Вай!", но был далеко не монотонным, по временам он опускался до низкого, придушенного вопля, повторяясь как жалобное блеяние множества овец, а затем превращался во взрыв страстной и несдерживаемой жалобы" [27, с.

568]. Ш. Бесс, присутствовавший на похоронах в Черкессии в 1829 г., тоже был впечатлен "трогательными выражениями горя" женщинами, оплакивавшими утрату члена семьи [9, с. 344].

Аналогичным было выражение скорби у осетин: "В доме поднимается страшный стон от плача и рыданий; в женской половине, где помещается семейство умершего, выражение горя достигает самых крайних степеней: жена покойника и его ближайшие родственницы рвут на себе волосы, царапают лицо, грудь до крови и оглашают воздух истерическими рыданиями, когда покойник лежит в доме" [26, с. 56].

Воображение европейских авторов поражал вид множества рыдающих женщин, которые в знак скорби "плачут, ударяясь головой о стену дома" [1, с. 120; 25, с. 585]. В Карачае, Балкарии, Осетии, Ингушетии, Дагестане женщины плачут в голос, "испускают душераздирающие вопли, расцарапывают себе груди и вырывают волосы" [10, с. 428]. "Ближайшие родственницы с растрепанными волосами и спущенною до пояса рубашкой колотят себя пуще других и с плачем импровизируют песню, восхваляющую достоинства усопшего" [35, с. 297]. "В доме поднимается страшный стон от плача и рыданий; в женской половине выражение горя достигает самых крайних степеней: жена покойника и его ближайшие родственницы рвут на себе волосы, царапают лицо, грудь до крови и оглашают воздух истерическими рыданиями" [26, с. 60].

На женщин возлагалась серьезная психологическая нагрузка. Они собирались в доме, тогда как мужчины оставались снаружи, во дворе. Вплоть до похорон именно они находились в непосредственной близости с покойником, испытывая дополнительные эмоциональные реакции, вновь и вновь переживая трагедию. Дом, где случилась смерть, становится социально значимым местом сосредоточения соседских, родственных, дружеских, сословных взаимосвязей и обязательств. "Подруги и соседки матери и жены воина, покончившего земные счета, присоединяют свои рыдания к плачу несчастной семьи. Целью этих посещений не является принести утешение, но поплакать вместе, чтобы выразить уважение покойному" [9, с. 344].

Слезы скорби у многочисленных участников похорон могут выражать не столько личное переживание, сколько являются формой соболезнования семье или уважения общества к покойному. На "чужие" слезы влияет в большей мере не то, насколько покойного любили, а то, какой смертью он умер.

Изучение современного поведения в событиях смерти у народов Кавказа дает нам образцы сравнительно сдержанного горя и исследователю видна определенная

дифференциация этнических форм его проявления. Но ретроспективный взгляд на историю кавказских горцев в XIX в. позволяет проследить общекавказскую культурную константу в выражении скорби и траура. Особенно это заметно в отношении мужского траурного поведения, более сдержанного по сравнению с женской аффектацией, но тоже эмоционально яркого. Источники балкаро-карачаевского, осетинского, адыгского, ингушского происхождения подтверждают общие традиции мужского оплакивания. Так, например, по свидетельству очевидцев, адыгские мужчины, стараются сдерживаться, "появляются с покрасневшими глазами, но прикрывают их рукой, а другой рукой наносят сильные удары себе в грудь. Они бросаются на колени на циновку рядом с телом покойного и замирают в этом положении, сдерживая рыдания..." [9, с. 344]. В песне "Тушат" после гибели героя Хатык Болата "на полу, посередине, сидят и плачут его друзья" [18, с. 394].

Детальное описание похорон и мужского траурного поведения во второй половине XIX в. содержится у Коста Хетагурова: "Мужчины собираются на дворе и также имеют свой установленный порядок для выражения скорби. Они попарно приближаются к хадзар'у с изготвленными для этого обряда плетями и, переступив через порог, бьют себя этими плетями через голову по голый шею. Выходя, они передают плети другой паре и т. д. Малоознакомые с домом покойного выражают свое соболезнование более просто – с опущенной головой и руками они тихо вступают во двор покойника и, простояв с минуту неподвижно, делают левой рукой печальное приветствие" [40, с. 315].

В долгих поездках иностранные путешественники не раз сталкивались с ситуацией гибели своих кавказских знакомых, и особенности общественной реакции на смерть вызывали их пристальный интерес. Так, почти в каждом из тридцати пяти писем с Кавказа Джеймса Белла содержатся материалы, характеризующие элементы похоронно-поминальной обрядности и специфических переживаний близких. "На лужайке перед дверью собираются мужчины. Один из них приближается к двери, издавая громкий жалобный крик, которому вторят женщины внутри; они встают и стоят, пока он тихо входит, закрывая глаза руками и становится на колени перед подушкой, прикладываясь к ней лбом... Остальные следуют один за другим, пока все не исполнит этой церемонии. Но старые люди обычно, вместо того чтобы издавать жалобный крик, произносят несколько фраз утешения или призыва к бодрости и смирению" [7, с. 487].

В поездке по Карачаю, немецкий востоковед Г.Ю. Клапрот присутствовал на похоронах и видел, как мужчины, сопровождающие покойника, "бьют себя кнутом по голове и колют себя ножами в мочки ушей. При возвращении с кладбища они пьют пиво, чтобы заглушить свое

горе" [22, с. 252]. Позже подобное свидетельство оставил и офицер И.Ф. Бларамберг, который фиксирует аналогичное поведение и у черкесов: "мужчины считают постыдным плакать, особенно проливать слезы по своим женам, но иногда родственники покойного бьют себя кнутом по голове, чтобы показать свою скорбь" [10, с. 389].

То же самое пишет Ф.Д. де Монпере о кабардинцах, которые "чтобы оставить следы, напоминающие о пережитой ими утрате, наносят себе удары хлыстом по лицу, проливать кровь для демонстрации душевной боли – обычай, широко распространенный у народностей Кавказа" [31, с. 451].

Во всех этих источниках отмечается одна особенность мужского оплакивания близких: проливать слезы – это ожидаемая реакция и удел женщин, мужские же слезы скупы, но, нанося себе небольшие ранения, каплей крови мужчины демонстрируют степень своего переживания собравшимся на похороны. Несмотря на суровую сдержанность кавказского мужчины во всех областях жизни, традиция легитимирует выражение им страдания от утраты отца, брата, друга.

Публичный характер траурного ритуала оплакивания у народов Кавказа позволяет различать степень аффектации выражения скорби. Характер смерти являлся основным фактором, увеличивающим срок траура и усиливающим демонстративное проявление горя. Особо почиталась смерть в бою, сопровождавшаяся не только рыданиями и горестной жестикуляцией. Наибольшее воздействие на присутствующих оказывали мужские плачевные песни, сочиненные тут же и описывавшие жизненный путь героя и обстоятельства его гибели. Лучшие жанровые образцы закрепились в устной традиции и составили золотой фонд народной поэзии и ценных исторических источников.

Насколько репрезентативным источником для изучения истории повседневности можно считать поэмную историю о герое? Какие именно исторические свидетельства она предоставляет? Эти вопросы возникают в связи с тем, что по принятым канонам жанра героической песни характеризуется в стереотипных эпитетах, переживания формулируются в клишированных формах, оплакиваемый персонаж идеализируется, превосходя себя самого в реальности: "Среди всадников, устраивающих набеги, подобного ему нынче не находится / Огромного зубра-вожака наверху копыя поражающий..." [1, с. 115]; "Тот, кто зубами дробит своими сливовый сук, кому пули, что бушины четок, у кого усы, что шелк" [1, с. 161] и т.д. Все это вместе может вызвать сомнение в подлинности содержания песни. Однако именно в общепринятых формулировках содержится исторический ментальный опыт переживаний смерти, отобрав-

ший лучшие вербальные образцы, которые общественным мнением признаются наиболее удачными, проникновенными, эффектными. Песня-плач как исторический источник дает, таким образом, возможность понять нравственные ориентиры эпохи, определить эталоны мужского образа, эмоциональный фон вокруг события смерти, социально-политическую ситуацию в стране и историю подвига персонажа.

Женское скорбное пение отличается от мужского меньшим социально-политическим пафосом и большим чувственным накалом, образностью языка, богатством эмоциональных оттенков, интимностью деталей. Речитатив, импровизированно исполняемый одной из женщин, подхватывался второй, третьей, и поддерживаемый хором рыдающих женщин, принимал форму коллективного оплакивания, которое "оглашает" смерть, достойно ее оформляет и вызывает к сопереживанию.

Гендерный характер отличий в песнях-плачах состоит не только в вышеперечисленных особенностях, но и в том, что женщины воспевали жизненный финал любого человека независимо от его сословного статуса, пола, возраста и "героизма".

В настоящей статье прослежены выработанные обществом каноны скорби о близких, характерные для народов Кавказа в XIX веке. Они позволяют раскрыть картину представлений жителей Кавказа, как единого культурного пространства, о смерти и связанной с нею сути бытия. Стресс от смерти близкого человека провоцирует выход эмоций, вербализованных в откровенной форме, невозможной в любых иных обстоятельствах аскетически сдержанной культуры Кавказа. Культурные нормы, приличия и стереотипы поведения, принятые в других жизненных ситуациях как бы "забываются", выпуская сокровенные чувства и сдерживаемые переживания. Но в эпоху многолетней борьбы за независимость, сопутствующие войне болезни и лишения, человек в XIX веке встречается со смертью близких так часто, что у него вырабатываются адаптационные механизмы, облегчаю-

щие горе: устоявшийся порядок действий и клишированные вербальные формулировки выражения скорби.

В тоже время источники дают возможность разглядеть за ними разнообразную палитру чувств, выплескиваемых в трагической ситуации и отражающих как специфичность большого этнического коллектива, так и индивидуальность малой семейно-родственной группы.

Итогами исследования, на которых стоит акцентировать внимание, стали: первое – при языковой разнородности Кавказа, особенностях хозяйственно-культурного уклада населения гор и степей, конфессиональных различиях, социально-структурных противоречиях Северокавказский край оказался неожиданно единым в формах проявления эмоциональных переживаний: оплакивании, траурных ритуалах, канонах жанра народных плачевных песен.

Второе – взгляд на материальную и художественную культуру народов Кавказа середины – второй половины XIX века дает примеры многочисленных заимствований между русским и местным населением. Только смерть и связанные с нею представления, и ритуалы остаются суверенной территорией, недоступной для внешних влияний.

Третье – изучение источников фольклорного и литературного характера открывает дополнительные возможности для реконструкции исторического фона, на котором происходили яркие социально-политические, экономические события на Кавказе в XIX веке.

Анализ элементов траурного ритуала и скорбного оплакивания позволяет понять отношение населения Кавказа к отдельной человеческой жизни. В условиях экстремального существования, частых войн, постоянной готовности к потере близких и собственной смерти скорбь о близких иногда надрывно утрируется, трагически поэтизируется и всегда торжественно драматизируется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адыгские песни времен Кавказской войны / Под ред. Кажарова В.Х. Нальчик: Печатный двор, 2014. 656 с.
2. Алимova Б.М. Этнокультурные взаимодействия в материальной культуре кумыков и дагестанских азербайджанцев (XIX–XX вв.). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 270с.
3. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992. 528с.
4. Ахриев Ч. Похороны и поминки у горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис, 1870. С. 28–32.
5. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. 229с.
6. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 96с.
7. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // АБКИЕА. 1974. С. 458–530.
8. Бесолова Е.Б. Общее и особенное в структуре осетинского обрядового плача // Современные проблемы науки и образования. 2012. №3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6539> (дата обращения: 22.10.2017).
9. Бесс Ж.–Ш. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830гг.// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С.330–352.

10. Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С.353–434.
11. Блок М. Феодальное общество. Том I. М.: Изд-во им. Сабашниковы, 2003. 504 с.
12. Гаджиев Г.А. Пережитки древних представлений в похоронно-погребальных обрядах лезгин // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980. С. 29–46.
13. Грабовский Ф. Ингуши их жизнь и обычаи // Сборник сведений о Кавказских горах. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 169–170.
14. Гугова М.Х., Нальчикова Е.А., Текуева М.А. Погребение и его место в адыгской традиционной культуре // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. №6 (июнь) 2017г. С.9–13.
15. Джуртубаев М. Древние религиозные верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1991. 256с.
16. Джуртубаев М.Ч., Мизиев И.М. История и духовная культура карачаево-балкарского народа // Минги-Тау. 1994. № 1. С. 3–9.
17. Жускаев С. Похороны у осетин-олладжирцев / Закавказский вестник. 1855. №9// ППКОО. 1981. Кн.1. С.133–135.
18. Кабардинский фольклор / Общ.ред. Г. И. Бройдо. М.– Л.: Academia, 1936. 652 с.
19. Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М.: Наука. 1967. 243 с.
20. Калоев Б.А. Этногенетическая направленность похоронных обычаев и обрядов осетин в XVIII – начале XX века // Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1999. С. 181–217.
21. Кешев А.–Г. Записки черкеса. Нальчик: Эльбрус, 1988. 272с.
22. Клапрот Г.–Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // АБКИЕА. 1974. С.236–280.
23. Кокоева А.Б. Смерть и похороны у осетин // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Цхинвал, 1998. Вып. 35. С.136–47.
24. Кокоева А.Б. Оплакивание. Виды плача у осетин // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Цхинвал, 2005. Вып. 37. С.101–109.
25. Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли // АБКИЕА. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 585–628.
26. Лавров Д.Я. Заметки об Осетии и осетинах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1989. Кн. 4. С. 37–99.
27. Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов // АБКИЕА, 1974. С. 531–584.
28. Мафедзев С.Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1991. 256с.
29. Мафедзев С.Х. Адыги. Обычаи, традиции. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 360с.
30. Миллер В. Черты старины в сказаниях и быте осетин // Миллер В.Ф. В горах Осетии. Владикавказ: Алания, 1998. С.422–436.
31. Монпере Ф.Д. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхиду, Грузию, Армению и в Крым // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.435–457.
32. Нальчикова Е.А. Героическая смерть как обыденность мужской повседневности в традиционном адыгском обществе // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. С. 199–204.
33. Нальчикова Е.А. Культурное пространство смерти: гендерный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11–1 (37). С. 128–130.
34. Нальчикова Е.А., Текуева М.А. Традиционный институт Теллык: прошлое и настоящее // Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем: Сб. статей / отв. ред. В.И. Харитоновна. М.: ИЭА РАН, 2013. С.187–199.
35. Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. 1860. № 4. С. 261–324.
36. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. №5. С.3–19.
37. Текуева М.А. Женщины в Кавказской войне: скорбь и слезы или подвиг и честь? // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса: сб. научн. статей. Нальчик, 2014. С. 173–180.
38. Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик: Эльбрус, 1989. 286с.
39. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эль-фа, 1992. 362с.
40. Хетагуров К.Л. Особа (этнографический очерк) // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ: Республ. изд.-полиграф. предприятие им. В.А. Гассиева, 2000. Т. IV. С. 313–374.
41. Чибиров Л. А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали, 1984. 217с.
42. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М.: РОСПЭН, 2008. 711с.
43. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Изд. стереотип. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2015. 200 с.
44. Шортанов А.Т. Адыгские культы. Нальчик: Эльбрус, 1992. 165с.

© М.А. Текуева, Е.А. Нальчикова, М.Х. Гугова, (tekmad@rambler.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ШЕФСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ ГОСПИТАЛЯМ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

PUBLIC AND PUBLIC ASSISTANCE TO HOSPITALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE VOLOGDA REGION

Yu. Shekotova

Annotation

The article examines the chief activity of organizations and the assistance of the local population to hospitals during the Great Patriotic War in the Vologda region, aimed at supporting sick and wounded fighters and commanders of the Red Army. The author comes to the conclusion that the patronage and public assistance to hospitals was developed along the lines of material aid with books, visual aids, money, products, in the cultural service of the wounded and sick, in collecting gifts for them, for economic assistance to the hospital, and also for non-property assistance in the form of concerts, loud reading of literature and other things that played not only an important role in improving the work of hospitals, but also helped create an atmosphere of truly human attention to the wounded and sick fighters and the crew diram and became a vivid manifestation of the daily care of preserving the life and health of Soviet soldiers.

Keywords: hospital, Vologda region, patronage, assistance of local population, material aid, Great Patriotic War.

Щекотова Юлия Владимировна
Аспирант,
Вологодский государственный
университет

Аннотация

В статье исследуются шефская работа организаций и помощь местного населения госпиталям в период Великой Отечественной войны в Вологодской области, направленная на поддержку больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии. Автор приходит к выводу, что шефская и общественная помощь госпиталям развертывалась по линии материальной помощи книгами, наглядными пособиями, деньгами, продуктами, в культурном обслуживании раненых и больных, в сборе для них подарков, хозяйственной помощи госпиталю, а также по линии неимущественной помощи в виде постановки концертов, громкой читки литературы и прочего, что сыграло не только важную роль в улучшении работы госпиталей, но и помогло создать атмосферу настоящего человеческого внимания к раненым и больным бойцам и командирам и стало ярким проявлением ежедневной заботы о сохранении жизни и здоровья советских солдат.

Ключевые слова:

Госпиталь, Вологодская область, шефская помощь, помощь местного населения, материальная помощь, Великая Отечественная война.

В годы войны Вологодская область превратилась в крупную госпитальную базу. Медицинские работники госпиталей своим напряженным, самоотверженным трудом обеспечили высокое качество лечения раненых и больных бойцов героической Красной Армии. От самоотверженной работы медицинских работников зависело спасение жизни наибольшему числу пострадавших на полях кровавой битвы, они также стремились уберечь фронт и тыл от грозной опасности эпидемии военного времени.

В годы войны государственная политика в области охраны здоровья борцов и командиров Красной Армии включала меры по созданию системы реабилитации раненых солдат, их возвращению в ряды бойцов, а в случае в случае непригодности к военной службе, направлению на оборонные предприятия. Важным направлением политики страны, в указанной области было расширение общественной помощи, установление всенародного

шефства над больными и ранеными бойцами Красной Армии.

8 октября 1941 г. было выпущено Постановление ЦК ВКП(б) о создании Всесоюзного комитета помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии [1, с.85]. Создание Всесоюзного комитета, а также разветвленной сети республиканских, областных, краевых, городских и районных комитетов сыграло важную роль в улучшении работы госпиталей. В состав данных комитетов входили представители партийной и комсомольской организации, а также иные общественные и советские организации.

На комитет по Вологодской области, как в прочем и на иные комитеты помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии, была возложена организация широкой общественной помощи госпиталю. Общественная помощь под руковод-

ством комитетов оказывалась по различным направлениям: обеспечивать разгрузку санитарных поездов, принимать и размещать раненых, ремонтировать помещения, компенсировать недостаток обслуживающего персонала в госпиталях, осуществлять донорство. Комитеты помогали приобретать оборудование и инвентарь для госпиталей, собирать и раздавать подарки, полученные от отдельных лиц, организаций и учреждений, проводить культурные мероприятия. Все это помогло создать атмосферу по-настоящему человеческого внимания к раненым и больным бойцам и командирам и стало ярким проявлением ежедневной заботы о сохранении жизни и здоровья советских солдат.

Только в Вологодской области действовало 39 госпиталей со штатной емкостью 24300, а уже к 20 августа 1942 года их стало 42 [2]. В зависимости от тактической обстановки на фронте, госпитали по временам перегружались на 150–200 %. Госпитали были расположены, главным образом, в городах: Вологда, Череповец, Сокол, Бабаево и др. [3]

Каждый госпиталь Вологодской области имел шефов. Шефствовали отдельные предприятия, учреждения, школы, общественные организации. Обком и горкомы ВКП (б) проводили совещания начальников и комиссаров госпиталей, совместно с шефствующими организациями. Например, из истории эвакогоспиталя № 5091 следует, что количество шефов курирующих конкретные госпитали, было довольно значительным, так в указанном госпитале количество шефов к 1944 году увеличилось до 33 организаций и предприятий, из них 5 городских хозяйственных предприятий, 2 школы, 19 детских садов и 7 колхозов. Наиболее активными шефами являлись завод "Красная Звезда", Хлебокомбинат, кондитерская фабрика, 5 и 6 школы, 5 детсад, колхозы: "Городище" Городищенского сельсовета и "Красная Звезда" Яргомжского сельсовета. Шефами эвакогоспиталя № 5091, например, были Бабаевский Леспромхоз, Мехлесопункт, Бабаевская неполная средняя школа, Бабаевский Промкомбинат и другие организации [7].

Вначале шефствующие организации оказывали госпиталям большую материальную помощь в оборудовании и приспособлении помещений, в приобретении имущества и т.д. Так, например, шефствующие над госпиталем № 3591 НКО обком Союза мукомолов, лесосплава, госторговли – вначале приобрели для госпиталя музыкальные инструменты, игры, оказали помощь в оборудовании, помещений, проводили культурно-массовые мероприятия. Местное население, также проявляло материальную заботу, например, в начале организации госпиталя 3735 (Чибсара Вологодской области) в 1941 г. поступило бесплатно от местного населения и учреждений: одеял байковых 34, простыней 62, матрацев тюфячных – 68, носовых платков 1971, наволочек 121,

белья 54 шт., полотенец 145, подушек 77. Кроме того, здесь в начале организации госпиталя значительно большую помощь оказали местные районные организации и граждане по сбору книг для библиотеки и различного культурного инвентаря. Кроме того, было отпущено несколько музыкальных инструментов. По данным на 20.10–41 г. в госпитале было: гармошек – 1, балалаек – 3, патефонов – 3, биллиардов – 3, шахмат – 3, шашек – 14, домино – 36, художественной литературы – 300 книг, политических книг – 70.

Прикрепленные к эвакогоспиталю 1185 НКЗ обком Союза общественного питания, обком Союза лесной промышленности, артель монтажников – проводили в госпитале беседы, доклады, оказывали помощь по уходу за ранеными [3]. Тысячи общественниц, санитарных дружинниц с материнской заботой и любовью ухаживали за защитниками Родины. Многие из них целыми сутками не выходили из госпиталей и помогали медицинскому персоналу отстаивать жизнь раненых бойцов.

Шефами в госпиталях организовывались лекторские группы, в которых активное участие принимал руководящий состав госпиталей. Во многих госпиталях обустроили ленинские комнаты, библиотеки, была проведена радиосеть, шефствующими организациями велась политработа [4]. Только по госпиталю № 1165 НКО за 1942 год было проведено 2570 политинформаций, 303 – лекции и доклада, 364 – бесед групповых, 2797 – чисток газет [3].

В госпиталях были организованы кружки самодеятельности, систематически проводятся концерты, демонстрации киносеансов и проводились другие культурные мероприятия. Так, например, за 1942 год в госпитале № 1165 НКО организовано 557 киносеансов, 59 концертов художественной самодеятельности, 51 концерт по палатам, 77 концертов грамзаписи по палатам [3]. Значительная культурная работа проводилась силами самодеятельности сотрудников. Так в эвакогоспиталь № 3337 силами самодеятельности было дано для лечившихся и сотрудников постановки и концерты: во второй половине 1942 г. – 8, в течении 1943 г. – 12, в течении 1944 г. – 13, в течении 1945 г. (за 9 месяцев) – 12 [5]. Многократно ежегодно коллектив художественной самодеятельности госпиталя выступал совместно с коллективом шефствующих организаций, чем устанавливалась живая активная связь сотрудников госпиталя и лечащихся с рабочими коллективами и сотрудниками учреждений города.

Кроме выступлений кружков художественной самодеятельности для раненых и больных, например, в г. Кемерово были организованы неоднократные концертные выступления артистов, приехавших в Дворец Культуры

Химкомбината и на ст. Шексна от Вологодского областного колхозного театра. Кроме того, в эвакогоспитале № 2580 неоднократно выступали в г. Кемерово – от коллектива Дворца культуры Химкомбината, в селе Никольском (ст. Шексна) – от шефствующей над госпиталем средней школы, на ст. Череповец – от Череповецкого железнодорожного клуба, от коллектива ВСП № 162 [6].

За культурное обслуживание лечащихся и работников шефствующих организаций госпиталь получал большое количество писем, благодарностей с фронта от выписавшихся бойцов и командиров Красной Армии, от предприятий, учреждений и колхозов.

В праздничные дни (23 февраля, 1 мая, 7 ноября) питание делалось усиленным и разнообразным за счёт продуктов подарков от шефов колхозов и подсобного хозяйства госпиталя. Добавлялось: масло, молоко, мясо, яйца и пр. [6]. Например, из истории эвакогоспиталя

3735 видно, что снабжение по линии шефов производилось колхозами Чебсарского района, которые привозили подарки для больных и раненых в госпиталь, например, это был горох, грибы соленые, кисеты, платки носовые, пироги, подворотнички, карандаши и т.д. [8]

Таким образом, шефская и общественная помощь госпиталям развертывалась по линии материальной помощи книгами, наглядными пособиями, деньгами, продуктами, в культурном обслуживании раненых и больных, в сборе для них подарков, хозяйственной помощи госпиталю, а также по линии неимущественной помощи в виде постановки концертов, громкой читки литературы и прочего, что сыграло не только важную роль в улучшении работы госпиталей, но и помогло создать атмосферу по-настоящему человеческого внимания к раненым и больным бойцам и командирам и стало ярким проявлением ежедневной заботы о сохранении жизни и здоровья советских солдат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потулов Б. М. К сорокалетию постановления ВЦИК и СНК о Комитете помощи раненым и больным красноармейцам, Воен.-мед. журн., № 10, 1959. с. 85
2. ВОАНПИ Ф. 2522 Оп.3 Д.508 Л. 22
3. Ф.2522 Оп.3 Д.330 Л. 79–80 об.
4. ЦАМО, Ф. 5091, оп.1, д.1 История эвакогоспиталя № 5091 НКЗ. стр.51
5. ЦАМО, Ф. 3337 Оп. 18525 Д. 1. С.44
6. Ф. 3612. Оп. 3, Д. 5, Л. 59
7. ЦАМО, Ф. 3337 Оп. 18525 Д. 1. С.44
8. История ЭГ 3735

© Ю.В. Щекотова, (shekotova115@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ГЕРМАНИИ НА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ЛИТВЫ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1939-1941 гг.

MILITARY AND POLITICAL INFLUENCE OF GERMANY ON THE INTERNAL POLITICAL PROCESSES OF LITHUANIA IN THE PRE-WAR PERIOD OF 1939-1941

A. Chemodanov

Annotation

The studied topic has an important historical and political orientation. The author studied the essence of the military-political influence of Hitler's Germany on the internal political processes in Lithuania before the Second world war, which played an important role for Hitler's Germany in its plans for world domination and later during the war.

Keywords: Germany, German intelligence, subversive activities, nationalist underground, Lithuania, Lithuanian nationalist underground.

Чемоданов Александр Николаевич

Преподаватель,

*Московское высшее общевойсковое
командное училище*

Аннотация

Исследуемая тема имеет важную историко-политическую направленность. Автор изучил сущность военно-политического влияния гитлеровской Германии на внутреннеполитические процессы в Литве перед Второй мировой войной, которое играло важную роль для Третьего рейха в его планах на мировое господство и позднее в ходе войны.

Ключевые слова:

Германия, немецкие спецслужбы, подрывная деятельность, националистическое подполье, Литва, литовское националистическое подполье.

Актуальность исследования данной темы заключается в том, что она вызвана жесткой антироссийской информационной войной и яростной русофобией, которую Запад и, в первую очередь, Литва, Латвия, Эстония, Польша и Украина ведут против РФ в 2014–2018 гг., что предопределяет новые объективные подходы к изучению наиболее сложных страниц прошлого нашей Родины с использованием расширенной архивно-документальной базы и всей совокупности современных методов исторического исследования.

Следует отметить, что историография истории военно-политического влияния гитлеровской Германии на внутреннеполитические процессы в Литве перед Второй мировой войной в своем развитии прошла путь от разработки отдельных проблем до фундаментальных трудов по ряду направлений и периодов исторического развития Литвы. Она учитывает то, что данный исторический период был крайне тяжелым и противоречивым явлением. В нем отразились все достижения и деформации внутренней и внешней политики Литвы предвоенных лет, трагизм в истории литовского народа в годы Второй мировой войны. Однако при всей важности история данного периода историография истории данного периода в свое время не получила достаточного освещения в отечественной и зарубежной исторической литературе [1].

В начале 1939 г. в пропагандистской литературе Германии стало отчетливо звучать что немцы, в Литве организованы и укрепились в небольших колониях и можно требовать их автономии. Остается лишь еще больше укрепить колонистов, снабжая их недвижимым имуществом. Из Германии было дано указание немцам в Литве, особенно молодежи, собирать различные материалы о якобы невыносимой там жизни немцев и их угнетении со стороны литовцев. Эти материалы как "наглядное" доказательство помещались в германской печати. Местные немцы посылали свои "материалы" в центральное издательство НСДАП в Данциге.

Немецкие организации объединялись в "Немецко-балтийское национальное общество в Литве", деятельность которого непосредственно направлялась из Берлина. В Кенигсберге существовал "Великогерманский прибалтийский союз", который состоял из немцев – граждан Германии и стран Прибалтики. Указанные организации по существу являлись филиалами НСДАП Германии, ее рупором по распространению националистических идей Гитлера. Германия через инструкторов, направляемых в Литву, вела усиленную агитацию за ее присоединение к Германии. Совместно с "Союзом заграничных немцев", находившемся в Берлине, готовились специальные кадры пропагандистов для Латвии и Эстонии [2].

Во главе гитлеровской пропаганды на Прибалтику стоял "теоретик" германского нацизма А. Розенберг, по происхождению прибалтийский немец. Принципы нацистской идеологической обработки сводились к следующему: каждый немец должен помнить, что он является членом великой немецкой нации, которой руководит национал-социалистическая партия, все немцы, живущие за границей, должны быть объединены, организованы и воспитаны в национал-социалистическом духе, они должны быть готовы к задачам, какие им поставит "фа-терланд".

Летом 1940 г. в Литве была установлена Советская власть. После прихода к власти народного правительства буржуазия развернула политическую, экономическую и идеологическую борьбу, надеясь, на то, что фашистская Германия поможет сохранить старые порядки. Но в создавшейся в июне 1940 г. обстановке у литовских реакционных кругов не было возможности для открытых выступлений против Советской власти, поэтому она перешла к методам замаскированной борьбы. Враждебная деятельность на разных этапах развития революции в Литве принимала различные формы, отвечавшие новому соотношению классовых сил [3].

На взгляд автора статьи, после падения профашистского режима А. Сметоны в Литве и установления Советской власти в республике немецкие разведслужбы сразу перестроили свою работу в новых условиях. В этом им способствовало наличие в республике большого количества антисоветских и контрреволюционных элементов в Советской Литве. Поскольку уже летом 1940 года в высших немецких кругах происходил оживленный обмен мнениями в отношении подготовки войны Германии с СССР, перед немецкой разведывательной службой были поставлены две основные задачи: первое – собирать подробную информацию о численном составе и вооружении войск Прибалтийского особого военного округа и Балтийского флота, находившихся на территории республики. И второе – создать на территории Литвы сильную "пятую колонну" из числа лиц местной национальности [4].

Готовясь к нападению на СССР, фашистская Германия начала подбирать кадры и среди литовских экстремистских элементов, находившихся за границей, чтобы через них установить контакт с подпольем в Литве и использовать его в разведывательно-диверсионных целях. Со времени установления связи с немецкими разведывательными органами их руководство потребовало от подполья сведений военного, экономического и политического характера. До этого шпионаж занимал сравнительно небольшое место в деятельности литовских националистических организаций. Немцы ежедневно выбирали небольшие парашютные десанты численностью от 2 до 11 чел., состоявших преимущественно из бывших

репатриантов, хорошо знавших местные условия. Их роль сводилась к тому, чтобы поднимать "пятую колонну" для выступлений с целью подрыва Советской власти в Литве.

По мнению исследователя, к основным факторам, предопределившим участие литовцев в националистическом подполье и сотрудничестве с немецкими спецслужбами в этот период можно отнести следующие:

- ◆ ненависть к Советской власти и ко всему советскому, базирующаяся на длительной основе русофобии со стороны политической элиты Литвы;
- ◆ проведение в республике земельной реформы, аннулирование частной собственности у бывших помещиков и кулаков, а также других состоятельных социальных категорий советскими государственными органами в Советской Литве и внедрение социалистической общественной собственности;
- ◆ неприятие определенными социальными слоями социалистических преобразований в республике, особенно коллективизации и образования колхозов;
- ◆ активизация деятельности советских правоохранительных органов и усиление административно-милицейского режима на территории Литвы;
- ◆ проведение непосредственно перед войной операций по аресту и выселению антисоветского, уголовного и социально опасного элемента из Латвийской ССР (участников антисоветских, националистических, бывших охранников, жандармов, полицейских и тюремщиков буржуазной Литвы, на которых имелись компрометирующие материалы об их антисоветской деятельности).

Главная цель, которую преследовали при этом литовские националисты – не допустить "советизации" Литвы. Среди первостепенных задач лидеры литовского националистического подполья определяли:

- ◆ ведение активной вооружённой борьбы против Советской власти в Литве;
- ◆ призыв к неповиновению населения действиям государственных органов Литовской ССР;
- ◆ распространение клеветы в адрес Советского правительства и Красной Армии;
- ◆ проведение антисоветской пропаганды среди населения Советской Литвы;
- ◆ организация и проведение террористических актов против представителей партии, Советской власти, советских государственных органов управления, представителей НКВД-НКГБ и военнослужащих РККА;
- ◆ срыв мобилизации мужского населения в Красную Армию;
- ◆ разрушение государственных хлебопоставок и сдачи конского поголовья для нужд РККА;
- ◆ совершение диверсий на железнодорожных путях, автомобильных дорогах республики и организация нападений на воинские подразделения и транспорты РККА.

По нашему мнению, до июня 1940 года шпионская деятельность литовских националистов в этот период времени не достигла, так как в условиях буржуазной Литвы планы нелегальной деятельности, тем более по заданию германской разведки, не находили широкого сочувствия. Широкие круги литовской буржуазии в то время еще верили, что путем политики лавирования между СССР и Германией возможно сохранить профашистский режим в Литве. Кроме того, литовский народ, который в силу исторических причин всегда смотрел на прибалтийских немцев как на своих угнетателей, недоброжелательно относился к созданию гитлеровской агентурной сети в республике.

В конце июня 1940 года литовские националисты обсудили задачи, поставленные немецкой разведкой. Был разработан план деятельности, согласно которому требовалось создать агентурную сеть для сбора информации о строительстве военных аэродромов, казарм, учебных полей, следить за морально-политическим состоянием войск Красной Армии, вызывать пораженческие, панические настроения путем распространения соответствующих слухов о силе и мощи немецкой армии и предстоящем конфликте с СССР. Также предлагалось осуществлять среди литовской общественности пропаганду националистических идей, особенно среди студенческой молодежи. Наладить издание подпольных газет и прокламаций, которые должны были распространяться в школах, вузах, учреждениях и на заводах Литвы. В качестве распространителей использовать литовскую молодежь.

Ставилась задача подготовить молодежь для использования ее в период войны по сбору сведений разведывательного характера и для связи с литовским националистическим подпольем. Для этого участники групп должны обладать знаниями по топографии, а именно, уметь пользоваться компасом и картой на местности, делать привязку военных объектов к карте, описывать местность, уметь обслуживать сельские телефонные линии связи и при необходимости производить их ремонт. Большое внимание уделялось умению собирать сведения о войсках РККА в ходе их перебросок по железной дороге и автотранспортным магистралям [5].

План предусматривал привлечение в организацию литовских националистов, а также ряда других профашистских организаций. Все они должны были проводить активную пропаганду среди литовского населения, призывая к саботажу распоряжения советских учреждений, невыполнению сельскохозяйственных поставок, а в случае войны организовать диверсии на транспорте и средствах связи. При отступлении Красной Армии не допускать уничтожения мостов и железных дорог и одновременно препятствовать эвакуации и передвижению советских войск.

По характеру деятельности националистические организации в Литве были однородны. Все они в борьбе с Советской властью рассчитывали не только на свои силы, но и ожидали помощь от фашистской Германии. Возлагая все надежды на предстоящий военный конфликт с Германией, националистическое подполье действительно готовилось к тому, чтобы в случае войны выступить в тылу Красной Армии.

На взгляд исследователя, националистическое подпольное движение в Литве по заданию гитлеровской разведки установило контакты не только внутри республики, но и за ее пределами. Руководитель "Кола" Т.Гульбис предложил провести конференцию антисоветских сил Эстонии, Латвии и Литвы в Елгаве в феврале-марте 1941 г. с целью объединения всех организаций, существующих на территории Прибалтики, для совместного вооруженного выступления против Советской власти. Представитель той же организации Т. Грибаускас специально ездил в Литву для связи с литовскими контрреволюционерами, где установил контакт с подпольной антисоветской организацией "Железный волк", участники которой считали себя последователями идеолога литовских фашистов Больдемараса. Для согласования работы с контрреволюционерами Литвы и Эстонии зимой 1941 г. предпринимала шаги и латышская организация "Яунлатвиеси", ее член Андерсон вел переговоры с подпольем этих республик о совместной деятельности.

Установление связи националистическим подпольем Литвы с немецкой разведкой оказало влияние как на его организационную структуру, так и на выполняемые им функции. Все антисоветские организации по своей структуре строились в соответствии с указанием немецкой разведки. Это объясняется, прежде всего, решением тех задач, которые они призваны были осуществлять в военное время, и соблюдением необходимой конспирации для сохранения кадров на начальный период войны.

С момента вхождения Литовской ССР в состав СССР и до начала Великой Отечественной войны гитлеровским спецслужбам удалось создать гитлеровское подполье, так называемую гитлеровскую "пятую колонну", в своей основе выполняло немецкое национальное меньшинство, почти всецело находившееся под контролем немецких национал-социалистических организаций.

Наряду с идеологической обработкой, местная гитлеровская агентура, используя определенные возможности, проводила активную работу по военной подготовке среди молодежи. Молодые немцы под видом игр, спортивных занятий и экскурсий проходили военную и специальную подготовку – ведение уличных боев, организация массовых беспорядков, распространение лож-

ных слухов. Военное обучение проводилось по строго организованной системе.

Организации немецкого национального меньшинства имели тесные связи с общественными и государственными деятелями буржуазной Литвы, с работниками государственного аппарата и армии. В замаскированном виде существовали организации СА, СС и "Гитлерюгенд". Местные немцы активно шпионили в пользу фашистской Германии. Широкая сеть легальных и нелегальных немецких организаций, безвизовый въезд в Литву позволили разведывательным органам Германии создать там из числа немецкого национального меньшинства разветвленную агентурную сеть для ведения подрывной работы с целью осуществления плана "Drang nach Osten" [6].

Активизация национального немецкого меньшинства в Литве, усиленная подготовка из его числа кадров на особый период, ряд провокаций, направленных на обострение отношений между немцами и латышами давали основание полагать, что гитлеровская экспансия после захвата Чехословакии пойдет в сторону стран Прибалтики. Как свидетельствуют архивные документы, план гитлеровцев был таков: в целях постепенного присоединения Латвии, Эстонии и Литвы к Великой Германии гитлеровцы объединяют всех немцев, проживающих в Прибалтике.

До начала Великой Отечественной войны на территории Советской Литвы удалось создать мощную "пятую колонну" численностью 28–32 тыс. чел. Из них советским правоохранительным органам удалось арестовать и 14 июня 1941 г. выслать только около 5 тыс. активных ее участников, в том числе почти всех их главарей. А по данным наркома государственной безопасности СССР В.Р. Меркулова, в Литовской ССР, в начале июня 1941 г. было арестовано 5664 чел., осуществлено переселение из Литвы в глубинные районы СССР 10187 чел., репрессировано 15851 чел. (в том числе, участников антисоветских, националистических, бывших охранников, жандармов, полицейских и тюремщиков буржуазной Литвы, на которых имелись компрометирующие материалы о их антисоветской деятельности) [7].

Особую роль в развертывании антисоветской вооруженной борьбы в Прибалтике сыграло инспирирование социального протеста в регионе военно-политическим руководством иностранных держав с целью дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в СССР. При этом важно подчеркнуть, что ни одно из националистических движений прибалтийских республик не ставило перед собой задачу одержать военную победу. Антисоветская деятельность базировалась на ожидании вмешательства и поддержки враждебных СССР внешних сил. С этой

целью широко применялись методы затяжной вооруженной борьбы. Во многом реализации вышеназванной установки способствовала предвоенная военно-политическая обстановка, подготовка фашистской Германии к нападению против СССР.

Использование антисоветского подполья на территории Литвы, недовольства значительной части жителей республики сменой государственного и общественного строя серьезно учитывалось военно-политическим руководством Германии при планировании войны против СССР. Гитлеровское руководство не только поддерживало в предвоенные годы деятельность литовских бандформирований, но и развернуло подготовку диверсионных групп. Уже в начале войны для проведения диверсионных акций в полосе наступления 4-й танковой группы в состав подразделений полка "Бранденбург" были включены бывшие граждане Литвы, специально обученные для проведения подрывных акций и саботажа. Группами диверсантов совместно с националистическим подпольем в первый дни войны были осуществлены диверсии на наиболее значимых военных объектах.

Новый подъем в деятельности националистического подполья начался весной 1941 года, когда стремительно надвигалась угроза вторжения гитлеровской Германии, что вдохновляло литовских фашистов. Этому содействовали и просчеты Советской власти, которая начала форсирование внедрения в литовских городах и селах социалистического сектора, что в значительной мере подорвало доверие и поддержку Советской власти среди мелкобуржуазных слоев, часть из которых поддерживали националистов.

Представитель Восточно-прусского управления немецкой военной разведки "абвер-2" 21 мая 1941 года докладывал в Берлин: "Восстание в странах Прибалтики подготовлено, и на него можно надежно положиться. Подпольное повстанческое движение прогрессирует в своем развитии настолько, что доставляет известные трудности удержать соучастников от преждевременных акций. Им направлено распоряжение начать действия только тогда, когда немецкие войска, приблизятся к соответствующей местности с тем, чтобы русские войска не могли обезвредить участников восстания". Как видно из данного сообщения вооруженные группы местных националистов уже получили задания после нападения Германии на СССР захватить и охранять, но не уничтожать 32 важных военных объектов на территории Советской Литвы.

На взгляд исследователя, при таких обстоятельствах ни одна государственная система не бездействовала бы. Не осталась в роли пассивного наблюдателя и Советская власть. Опираясь на бдительных латышских трудя-

щихся, органы государственной безопасности республики раскрыли ряд ультранационалистических подпольных организаций и нанесли по ним мощные удары. Были раскрыты и их связи со спецслужбами фашистской Германии. Всего до начала войны удалось ликвидировать три резидентуры германской разведки, тесно связанные с местными антисоветскими организациями и группами, а также большое количество отдельных агентов и агентов-связников.

После заключения СССР с Литвой, Латвией, и Эстонией договоров о взаимопомощи гитлеровцы усилили свою подрывную работу в Прибалтике не только за счет оставшихся лиц немецкой национальности, но и активно используя в этих целях литовцев, латышей и эстонцев прогерманской ориентации и русских белоэмигрантов. Нацистские разведывательные органы старались создать агентурную сеть среди местного населения.

В частности, органами госбезопасности Литовской ССР была перехвачена листовка литовского информационного бюро в Берлине от 19 марта 1941 г., в которой население Литвы призывалось к подготовке вооруженного восстания против существовавшего в тот период государственно-правового режима в стране.

Восстание приурочивалось к моменту нападения Германии на СССР, о котором литовские граждане должны были быть своевременно проинформированы [8].

Немецко-фашистские спецслужбы, выполняя политические установки гитлеровского руководства о подготовке войны против Советского Союза, широко использовали антисоветские настроения литовских националистов для активизации разведывательно-подрывных акций по отношению к войскам Красной Армии, размещавшимся на литовской территории с октября 1939 г. в соответствии с договором о передаче Литовской республике Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой.

После установления Советской власти в Литве немецкая разведка приступила к созданию как в Германии, так и на территории Литовской ССР антисоветских организаций и военизированных формирований из литовских националистов. Уже во второй половине 1940 г при непосредственном участии гитлеровских спецслужб была создана антисоветская организация "Фронт литовских активистов" (ФЛА) во главе с бывшим литовским послом в Берлине полковником К. Шкирпой, который являлся агентом германской разведки. В организацию вошли различные представители бывшей буржуазной Литвы, которые преследовали цель с помощью фашистской Германии восстановить самостоятельное буржуазное литовское государство.

Основной центр этой организации находился в Берлине, откуда планировалась и проводилась разведывательно-подрывная работа против СССР через вспомогательные подпольные центры в Вильнюсе и Каунасе. Генерал войск СС и полиции Ф. Еккельн, назначенный Гитлером в середине ноября 1941 г. высшим командиром СС и полиции при имперском комиссариате в "Остланд", после его пленения и ареста в собственноручных показаниях писал, что литовские националисты напрасно надеялись получить независимость для Литвы из немецких рук. В разделе, под заголовком "Намерения германского правительства в отношении "Остланд" он подчеркивал, что германское правительство намерено провести полную аннексию Литвы, Латвии, Эстонии, части Белоруссии до линии Витебск-Смоленск.

Типичной для литовского националистического подполья была и структура руководящих органов. В их составе были отделы, занимавшиеся пропагандистской работой среди населения и членов организации (в их функцию входило также издание контрреволюционной литературы и листовок); военный отдел (в некоторых организациях – разведывательный отдел), ведавший вопросами подготовки к восстанию и сбора сведений военного, политического и экономического характера; организационный отдел, на который возлагалась обязанность руководства группами на периферии и установление связи с другими антисоветскими организациями. Некоторые организации ("Кола", "Железная гвардия" и др.) имели в своем составе внутреннюю разведку, осуществлявшую контрразведывательную работу среди членов организации [8].

В ряде распространяемых литовскими националистами листовках молодежь призывалась во имя "свободной" Литвы объединяться для совместной борьбы. При этом подчеркивалось, что они должны ориентироваться на Германию, ибо освобождения от Советской власти можно добиться только через нее и бояться немецкого вторжения в Литву не следует.

Весной 1941 года через курьера руководство литовского националистического подполья получило указание от немецкой военной разведки готовиться к вооруженному выступлению на 9 мая 1941 года. Предлагалось участникам подполья перевести на нелегальное положение. Это мотивировалось приближением войны против СССР. Спустя две недели вновь была получена директива: от перехода на нелегальное положение воздержаться, так как нападение Германии на СССР на некоторое время откладывалось. К этому времени стремительно оживилась деятельность фашистского подполья в Литве на всех направлениях. Велась активная работа по созданию разведывательно-диверсионных и повстанческих террористических групп. Разрабатывались

планы нападения на военные склады с оружием и с целью их захвата. Намечались диверсии на важных объектах Вильнюса – радиостанции, почте, телеграфе, здании комиссариата внутренних дел, ряда оборонных предприятий.

Таким образом, в качестве выводов по статье следует отметить, что гитлеровская Германия оказывала ответственное военно–политическое влияние на внутренне–политические процессы в Литве перед Второй мировой войной. Накануне войны гитлеровская разведка поставила перед своей агентурой в Литве задачи захватить и

охранять стратегические объекты, которые имели решающее значение для быстрого продвижения фашистских войск, взять под охрану и препятствовать уничтожению отступающими советскими войсками военных и промышленных объектов, чтобы в дальнейшем использовать экономический потенциал республики в своих целях. При этом, абверу удалось при активном использовании своих легальных и нелегальных возможностей получить подробную информацию о военных гарнизонах РККА, которые сразу после начала военных действий были подвергнуты воздушным ударам гитлеровской авиацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вторая мировая война. 1939–1945 гг. Военно–исторический очерк. М., 1958. 931 с.
2. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 351 с.
3. Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). 278 с.
4. Дзинтарс Я. Незримый фронт. Рига, 1968. 167 с.
5. Возращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М.: Алгоритм, 2014. 720 с.
6. Цельминыш Г. На перекрестках Европы. Гейденгейм, 1947. 165 с.
7. Владимирцев Н.И., Кокурин А.И. НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сборник документов. М, 2008. 639 с.
8. Российский государственный архив новейшей истории (далее по тексту – РГАНИ), Ф. 89, Оп.18, Д.6, Л. 1–4. (№ 12288/м от 17 июня 1941 г. Докладная записка Наркома государственной безопасности В.Р. Меркулова И.В. Сталину, В.М. Молотову, Л.П. Берия об итогах операции по аресту и выселению антисоветского, уголовного и социально опасного элемента из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР).
9. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2000. 863 с.

© А.Н. Чемоданов, (ansh-77@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Московское высшее общевойсковое командное училище

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ АСПИРАНТОВ К ПРОВЕДЕНИЮ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

FORMATION OF READINESS OF GRADUATE STUDENTS TO CONDUCT PEDAGOGICAL EXPERIMENT

Yu. Arkhipova

Annotation

In the process of training of scientific and pedagogical staff in graduate school priority is the formation of readiness for research, for independent research activities, the organization of pedagogical experiment. The organization of scientific training, focused on the development of sustainable research abilities of teachers-researchers, is becoming one of the most important tasks of the process of training of highly qualified scientific and pedagogical personnel.

Keywords: scientific and pedagogical competence, pedagogical experiment, activity approach, research activity.

Архипова Юлия Юрьевна
Ст. преподаватель, ФГБОУ ВО
"Уральский государственный
университет путей сообщения",
г. Екатеринбург

Аннотация

В процессе подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре приоритетное место занимает формирование готовности к исследовательской деятельности, к самостоятельному проведению научно-исследовательской деятельности, организации педагогического эксперимента. Организация научной подготовки, ориентированной на развитие устойчивых исследовательских способностей преподавателей-исследователей, становится одной из важнейших задач процесса подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации.

Ключевые слова:

Научно-педагогическая компетенция, педагогический эксперимент, деятельностный подход, научно-исследовательская деятельность.

Исследовательские компетенции, научно-педагогическую компетенцию у преподавателя-исследователя целесообразно формировать в период его обучения в аспирантуре, которая выступает основной формой подготовки научно-педагогических кадров. Именно в формате обучения в аспирантуре формируются исследовательские способности для создания собственных научных разработок, умения организовать опытно-экспериментальную, опытно-поисковую работу, позволяющих в дальнейшем использовать их в научно-педагогической работе, осуществлять деятельность преподавателя-исследователя, которая наполняется признаками совершенствования педагогического процесса. Целевое назначение формирования готовности аспирантов к организации и проведению педагогического эксперимента заключено в обеспечении саморазвития в профессионально-исследовательском плане, в формировании способности выявлять необходимость проведения педагогического исследования и конструирования педагогического эксперимента для получения нового знания, в формировании умения ставить исследовательские задачи, осуществлять исследовательские действия, анализировать исходные данные и оценивать результаты исследований.

Под понятием "Педагогический эксперимент" мы понимаем научно поставленный опыт преобразования педагогического процесса в точно учитываемых условиях

[6, С.148]. Педагогический эксперимент должен быть иметь обоснованную цель, тщательно спланирован и контролируем. В более широком понимании "педагогический эксперимент – это научно обоснованная и хорошо продуманная система организации педагогического процесса, направленная на открытие нового педагогического знания, проверки и обоснования заранее разработанных научных предположений, гипотез" [5, С.1]. Правильно поставленный педагогический эксперимент позволяет проверять гипотезы о причинно-следственных отношениях, не ограничиваясь констатацией связи (корреляции) между переменными. В отличие от наблюдения, когда исследователь пассивно ждет проявления интересующих его процессов, в эксперименте он создает необходимые для их возникновения условия. поэтому вопросам готовности аспирантов к организации и проведению педагогического эксперимента необходимо уделить особое внимание в рамках подготовки кадров в аспирантуре.

Готовность к организации и проведению педагогического эксперимента как таковая различается в своих формулировках. Ученые и практики обоснованно определяют ее как готовность к исследовательской деятельности, указывая, что эксперимент есть составная экспериментального исследования и подчеркивая, что это интегративное качество личности, включающее систему ценностных ориентаций в сфере исследовательской деятель-

ности, имеющийся опыт выполнения исследовательской деятельности, способность к рефлексии [2, С.12]; формирование готовности к исследовательской деятельности определяется также с позиции процессного понимания и выражается как овладение навыками и умениями, которые востребуют в процессе решения исследовательских задач умения анализировать и синтезировать, активно "встраивать" процесс в условия, позволяющие привести к заданному результату [3, С.23]; в контексте формирования исследовательской мобильности аспирантов исследователи делают акцент на исследовательской активности, которая направлена на решение возникающих исследовательских задач за счет использования ресурсов, находящихся в научно-исследовательском пространстве [7, С. 118].

Готовность аспирантов к организации и проведению педагогического эксперимента понимается нами как интегративная совокупность умений организовать познавательно-поисковую деятельность, соблюдение логики организации педагогического эксперимента, методологической культуры педагогического исследования, сформированность гностических умений, проектировочных умений, конструктивных умений, развитие рефлексивной позиции, выраженной в способности проводить анализ и оценку проблем, самоанализ, самооценка результатов педагогического эксперимента.

Содержательная характеристика готовности аспирантов к организации и проведению педагогического эксперимента раскрывается через ряд показателей:

- ◆ осознание значения педагогического эксперимента для успешной самореализации аспиранта в процессе осуществления исследовательской деятельности;
- ◆ знание методологии и проблем педагогического исследования, их значение в соблюдении логики построения педагогического эксперимента;
- ◆ гностические умения, проектировочные умения, конструктивные умения, организационные умения;
- ◆ умение входить в рефлексивную позицию и на этой основе проводить анализ и самоанализ хода и достижения результативных показателей педагогического эксперимента;
- ◆ умение внедрять результаты педагогического эксперимента в образовательный процесс.

Процесс формирования готовности аспирантов к организации и проведению педагогического эксперимента опирается на ряд принципов, регулирующих данный процесс и обеспечивающий результативность сформированности показателей готовности к проведению педагогического эксперимента. Таковыми принципами, наряду с классическими (принцип доступности, принцип преемственности, принцип интеграции, принцип активности и др.), мы выделяем следующие:

- ◆ принцип развития компонентов готовности аспирантов к проведению педагогического эксперимента, основой которого является идея "вести за собой" [4, С.275 – 283 с.], создание условий для развития способности решать различные типы экспериментально-педагогических задач;

- ◆ принцип перехода от воспроизводящей исследовательской деятельности к творческой. Это обеспечит связь между типами педагогического взаимодействия, предполагающими постепенный переход от управления через сотрудничество (соуправление) к самоуправлению; переход от изучения одной дисциплины к другой [3, С.24];

- ◆ принцип рефлексивности, требующий погружение аспирантов к рефлексивную позицию по отношению к своей готовности к осуществлению педагогического эксперимента, включение рефлексии в структуру занятий как необходимого элемента анализа достижения заданного результата как со стороны преподавателя, так и аспиранта.

Концептуальным положением процесса формирования готовности аспирантов к организации и проведению педагогического эксперимента является деятельностный подход, с позиций которого обеспечивается возможность быть осознанным субъектом этой деятельности. В данном аспекте формирование готовности аспирантов к организации и проведению педагогического эксперимента приобретает характер активной познавательной, самостоятельной, творческой научно-исследовательской деятельности, с одной стороны, а с другой – необходимо структурно-логическое построение занятий, в которой интегрированы теоретические знания и практические умения.

Дидактической основой для разработки концептуальных подходов к формированию готовности аспирантов к организации и проведению педагогического эксперимента является положение о способности аспирантов к саморазвитию и самоопределению в условиях процесса подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации и их готовности к осуществлению исследовательской деятельности в профессиональной деятельности.

В аспекте формирования исследовательской компетенции, готовности аспирантов к проведению педагогического эксперимента нам видится возможным учитывать ряд дидактико-педагогических условий:

- ◆ использование в процессе изучения образовательных дисциплин исследовательских задач, связанных с педагогической деятельностью [2, С.15];
- ◆ введение в образовательный процесс курса "Теория и практика педагогического эксперимента";
- ◆ мониторинг формирования готовности к проведению педагогического эксперимента на всех этапах

подготовки научно–педагогических кадров высшей квалификации;

- ◆ погружение аспирантов в методологический блок синопсиса научно– педагогического исследования.

Формирование готовности аспирантов к организации и проведению педагогического эксперимента, введение в данный процесс дисциплины "Теория и методика педагогического эксперимента" напрямую связан с мыслью о том, что необходимо учить обучающихся "мыслить и действовать и методами, категориям науки, видеть свою область знаний и профессиональную деятельность глазами исследователя, т.е. "усвоенные в обучении знания, умения, навыки выступают уже не в качестве предмета учебной деятельности, а в качестве средства деятельности профессиональной" [1]. Ввод данной дисциплины в учебные планы необходим для всех образовательных программ подготовки научно–педагогических кадров в аспирантуре, так как преподавательская деятельность по образовательным программам высшего образования является одним из видов профессиональной деятельности, к которой готовятся аспиранты [9, п.4.3].

Целевое и задачное наполнение дисциплины "Теория и практика педагогического эксперимента" выражено в двух аспектах:

1. теоретическое и практическое освоение систематизированной информации о методологии, методике и технике научных исследований по педагогическим проблемам;

2. овладение нормами логики педагогического эксперимента, формирование умений моделировать педагогические явления и условий его протекания.

Содержательное наполнение дисциплины "Теория и практика педагогического эксперимента" включает изучение следующих вопросов:

- ◆ методология и методы научно–педагогического исследования;
- ◆ педагогический эксперимент, идея педагогического эксперимента;
- ◆ этапы и логика педагогического эксперимента;
- ◆ цели и задачи педагогического эксперимента;
- ◆ гипотезы педагогического эксперимента;
- ◆ составление плана–программы педагогического эксперимента;
- ◆ выбор объектов и субъектов педагогического эксперимента;
- ◆ выбор характеристик педагогического процесса для отслеживания в эксперименте;
- ◆ методическое обеспечение педагогического эксперимента;
- ◆ организационное обеспечение педагогического эксперимента;
- ◆ анализ и интерпретация результатов педагогического эксперимента.

Дидактико–методическое сопровождение дисциплины обеспечивается исследовательскими заданиями, проблемно–педагогическими задачами исследовательского характера, творческими исследовательскими мини проектами, моделирующими заданиями, задания, связанные с осуществлением теоретического анализа, сравнения, ранжирования, обобщения, систематизации, анализ, разработка и защита этапов педагогического эксперимента по актуальным проблемам педагогики образования. Так, например, предлагается задание разработать критериально–диагностический инструментарий для исходно–диагностического этапа педагогического эксперимента.

Одной из форм методического сопровождения процесса формирования готовности аспирантов к проведению педагогического эксперимента является погружение к логический конструкт синопсиса исследования, в ходе которого отрабатывается умение выбирать и формулировать актуальность проблемы, необходимой для решения экспериментальным путем, выбор объекта и субъекта педагогического эксперимента, формулирование гипотезы, задач в логическом конструкте педагогического эксперимента, моделирование путей и средств, необходимых для проверки гипотезы и содержание собственно педагогического эксперимента.

Поскольку формирование готовности к организации и проведению педагогического эксперимента осуществляется в формате готовности к научно–исследовательской деятельности, которая носит творческий характер, то целенаправленное погружение к логике и содержание педагогического эксперимента может происходить в процессе поисковой учебно–познавательной деятельности посредством применения проблемно–поисковых исследовательских ситуаций.

Исследовательско–творческий характер сопровождают задания типа: раскрыть содержание нового понятия и изобразить это в виде знаковой модели, творческой модели и т.д.

Важным в процессе формирования готовности аспирантов к проведению педагогического эксперимента является введение в структуру занятий практико–ориентированных задач и их решение на основе алгоритмического предписания по осуществлению исследовательских действий экспериментатора в конкретной исследовательской задаче. Так, перед аспирантами поставлена задача выявить сущность изучаемого объекта по конкретному образцу, а затем самостоятельное составление "исследовательского образа", его характеристика и место в структуре педагогического эксперимента.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что внедрение дисциплины "Теория и практика педагогиче–

ского эксперимента" на основе деятельностного подхода обеспечивает рост уровня готовности аспирантов – будущих преподавателей–исследователей к организации и проведению педагогического эксперимента, развитию исследовательского профессионализма. Реализация указанных принципов, дидактико–педагогических

условий и внедрения дисциплины

Теория и практика педагогического эксперимента предполагает качественное изменение целей, содержания, способов действий аспирантов, что способствует формированию их готовности к проведению педагогического эксперимента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский С.И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы. – М., 1980
2. Быстренина И. Е. Формирование готовности будущих учителей к исследовательской деятельности в процессе изучения информатики и математики в вузе: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / Быстренина Ирина Евгеньевна; [Место защиты: Марийск. гос. ун-т]. – Йошкар-Ола, 2011. – 210 с.: ил. РГБ ОД, 61 12–13/19];
3. Горшкова О.О. Предпосылки формирования готовности студентов инженерного вуза к исследовательской деятельности // *Фундаментальные исследования*. – 2011. – № 8 (часть 1) – С. 22–26
4. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: опыт теоретического и экспериментального исследования: учебное пособие для студ. высш. учебных заведений. – М.: Издательский центр "Академия", 2004. С.275 – 283 с.
5. Макина М.А. Педагогический эксперимент: статья. Опубликовано 04.11.2015. URL: <https://nsportal.ru/detskiy-sad/raznoe/2015/11/04/pedagogicheskiy-eksperiment> (дата обращения 07.06.2018).
6. Подластый И.П. Педагогика: учебник. – 2–е изд., доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. – 574 с.
7. Серга М.Ю. Научно–исследовательская мобильность аспирантов: содержание и условия развития// *Альманах современной науки и образования*. – Тамбов, 2011. –№12. – с.117–119.
8. Серга М.Ю. Подготовка научных кадров в России: объективные и субъективные проблемы аспирантов // *Фундаментальные исследования*. – 2011. – № 8–3. – С. 559–562.
9. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (уровень подготовки кадров высшей квалификации).

© Ю.Ю. Архипова, (UArhipova@usurt.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

672003, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Трактовая, 35а
т. +7 (3022) 36-80-38, 36-76-20, e-mail: chita.office@alsglobal.com

www.als-russia.ru

ПРЕДОСТАВЛЯЕМ ЗАКАЗЧИКАМ ВЫБОР АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕТОДИК ОПРЕДЕЛЕНИЯ:

РЕКЛАМА

- золота, платины и палладия
- многоэлементный (до 35 элементов) анализ (почти полное разложение)
- следовых содержаний (литогеохимия, вторичные изменения)
- золота и серебра с использованием гравиметрического окончания
- общего, органического и карбонатного углерода
- общей, сульфатной и сульфидной серы
- объемной плотности керновых и бороздовых проб
- железа магнетита и массовой доли оксида железа (II)

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ КРИТЕРИЙ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ФАКТОР ОЦЕНКИ ФОРМИРОВАНИЯ БАЗОВЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УМЕНИЙ

Быков Владимир Петрович

К.п.н., доцент,

*Военно-учебный научный центр
Военно-воздушных сил "Военно-
воздушной академии", г. Челябинск*

ACTIVITY AS A NECESSARY MEANS OF ASSESSING THE FORMATION OF BASIC PROFESSIONAL SKILLS

V. Bykov

Annotation

The article actualizes the problem of assessing the formation of basic professional skills of representatives of professions that carry out their professional activities in the face of increased danger, as well as extreme conditions. The problem of assessing this professional skills is considered by the author through the rationale for the activity criterion as an essential factor in determining the level of the formation of basic professional skills. The activity criterion is considered by the author through the definition of its main indicators, to which the author refers accuracy, speed (speed), sequence of algorithm execution, self-control. The problem of integrative assessment of basic professional skills is presented, reflecting the integrative nature of its components (need-motivational, cognitive, activity), which allows implementing the learning function of control and purposefully influencing any of the formed components of basic professional skills using a system of coefficients, stimulating the formation process in accordance with stages of training. In the article, the author also analyzes approaches to the definition of the concept of "level" with the aim of developing a criterial-level scale.

Keywords: basic professional skills, performance of the activity test of basic professional skills: accuracy, speed (velocity), the sequence of the algorithm, self-control.

Аннотация

В статье актуализируется проблема оценки формирования базовых профессиональных умений представителей профессий, осуществляющих свою профессиональную деятельность в условиях повышенной опасности, а также экстремальных условиях. Проблема оценки данного профессиональных умений рассматривается автором через обоснование деятельностного критерия как необходимого фактора выявления уровня сформированности базовых профессиональных умений. Деятельностный критерий рассмотрен автором через определение его основных показателей, к которым автор относит точность, быстроту (скорость), последовательность выполнения алгоритма, самоконтроль. Представлена проблема интегративной оценки базовых профессиональных умений, отражающая интегративный характер ее компонентов (потребностно-мотивационный, когнитивный, деятельностный), позволяющая реализовать обучающую функцию контроля и целенаправленно воздействовать на любой из формируемых компонентов базовых профессиональных умений с помощью системы коэффициентов, стимулируя процесс формирования в соответствии с этапами обучения. В статье также автор анализирует подходы к определению понятия "уровень" с целью разработки критериально-уровневой шкалы.

Ключевые слова:

Базовые профессиональные умения, показатели деятельностного критерия базовых профессиональных умений: точность, быстрота (скорость), последовательность выполнения алгоритма, самоконтроль.

Переход к полетам на сверхзвуковых скоростях сопровождается увеличением скоротечности событий полета. Число рабочих операций, выполняемых оператором в единицу времени, увеличилось по сравнению с периодом полетов на винтомоторных самолетах в 7 раз. В некоторых случаях поток поступающей к оператору информации может превышать возможности ее переработки. Это чревато возникновением опасных ситуаций, связанных с пропуском штурманом отдельных рабочих операций.

На основании исследования показателей работоспособности оператора (штурмана) можно проследить, ка-

ким образом будут изменяться точность и скорость его действий на протяжении времени работы (выполнения операций). Тем не менее, данные показатели не являются достаточно надежными с точки зрения достоверности. Является гораздо более важным знать, каким образом оператор (штурман) будет действовать в условиях, являющихся затрудняющими или нарушающими нормальный ход профессиональной деятельности в режиме полета. В данной связи возникает необходимость изучения влияния факторов, связанных с различными помехами, а также условий проявления качеств помехоустойчивости оператора.

С позиций локаций воздействий, направленных на штурмана, помехи могут иметь различный характер. Некоторые из них определяются фактором постоянности и воздействуют в течение всего полета (например, работа двигателя, шумовые воздействия, работа иных приборов и пр.), другие же достаточно случайны (например, внезапные побочные сигналы). Как известно, шумовые воздействия не ограничиваются влиянием только на слуховой анализатор. Действие шума не ограничивается влиянием только на слух. Воздействие шума приводит к снижению скорости и точности выполнения сенсомоторных действий. Особенно страдают сложнокоординированные действия. Влияние шума сказывается и на интеллектуальные способности штурмана.

Максимальная скорость передачи информации определяется особенностями не только сигнала, но и ответной реакции.

Максимальная скорость передачи информации оператором зависит также от уровня его натренированности. Тренировку можно представить как переходный процесс, в ходе которого изменяются характеристики систем, воспринимающих и перерабатывающих информацию.

Поэтому третьим необходимым критерием оценки сформированности базовых профессиональных умений выбран деятельностный критерий. Принцип диагностического целеполагания и оценивания, сущностные характеристики профессионального умения позволили определить показатели деятельностного критерия – точность, быстрота (скорость), последовательность выполнения алгоритма, самоконтроль.

Точность и скорость выполнения действий, их устойчивость выделялись Э.Ф. Зеером [5], С.Е. Матушкиным [8], А.М. Новиковым [9], В.А. Скакуном [13], С.А. Шапоринским [17] и др. В Словаре русского языка С.И. Ожегова "точность – это точный, то есть показывающий, передающий что-нибудь в полном соответствии с действительностью, с образцом, совершенно верный" [11, с. 794]. Можно принять за основу мнение А.М. Новикова: "точностные оценки (точность) – величина ошибок, совершаемых учащимися, их количество, вероятность правильного действия, количество точных реакций и др." [9, с. 161].

При оценке точности показаний того или иного навигационного прибора, устройства, с которым взаимодействует курсант, учитывается величина погрешности, допускаемая не только этим устройством, но и самим обучающимся. В экстремальных условиях, в аварийных и катастрофических ситуациях (дефицит времени, высокая скорость поступления информации и т.п.) точность выполнения действий снижается, величина погрешности становится наибольшей. Необходимо отметить, что показатели точности действий штурмана не являются посто-

янными величинами. Они изменяются в зависимости от степени сложности выполняемых штурманом задач, от условий полета, темпа выполнения действий, психофизиологического состояния, индивидуальных особенностей штурмана, его обучения, натренированности и ряда других факторов.

Разделяя точку зрения С. Е. Матушкина на точность знаний [8] и Л. В. Львова на точность профессиональных умений как степень соответствия выполненным способам профессиональных действий выпускника установленным нормативам лётной практики (этапа подготовки к полетам и выполнения полетов) [7], мы под точностью базового профессионального умения понимаем степень соответствия выполненным способам профессиональных действий курсантом установленным нормативам лётной практики (этапа подготовки к полетам). Точность выполнения решения и действий предлагается учитывать путем сравнения заранее установленных нормативов с фиксацией фактически достигнутых характеристик точности действий курсантом.

В Словаре русского языка С.И. Ожегова скорость понимается как степень быстроты движения, распространения, действия [11, с. 714].

Мы разделяем мнение А.М. Новикова, который понимает "под скоростными оценками производительность труда, скорость реакции, движений" [9, с. 161]. И далее ученый трактует временные оценки как "время выполнения действия, операции, задания, время реакции и т.д." [9, с. 161]. Отсюда под скоростью (быстротой) базового профессионального умения понимаем степень соответствия быстроты (скорости) выполнения способов профессиональных действий курсантом, установленным нормативам лётной практики (этапа подготовки к полетам).

Рассмотрим следующий показатель деятельностного критерия – последовательность выполнения действия. В толковом словаре данное понятие означает "непрерывно следующий за другим" [11, с. 558]. Последовательность выполнения действий (выполнение алгоритма) обеспечивает теоретическую и практическую подготовку курсантов с соблюдением основного принципа обучения – "от простого к сложному" с глубоким усвоением и практическим закреплением предыдущего [7].

В контексте изложенного и с опорой на сущность базового профессионального умения курсанта под последовательностью выполнения действий мы понимаем степень реализации способа (алгоритма) решения задач, точно предписывающего, как и в какой последовательности получить результат, однозначно определяемый осуществлением профессиональных функций курсантом в период лётной практики (этапа подготовки к полетам).

В Словаре русского языка С.И. Ожегова самоконтроль трактуется как "контроль над своими действиями, по-ступками" [11, с. 684]. В словаре профессионально-педагогических понятий самоконтроль означает "контроль выполненной работы ее исполнителем в соответствии с установленными правилами" [12, с. 369].

Интересным является мнение А.М. Новикова, понимающего под самоконтролем "совокупность сенсорных, моторных и мыслительных компонентов деятельности, необходимых для оценки целесообразности и эффективности планирования, осуществления и регулирования выполняемых трудовых действий" [9, с. 111].

В то же время А.С. Белкин и Е.В. Ткаченко рассматривают понятие самоконтроль как "осознание, оценка и регулирование субъектом собственных действий, психических процессов и состояний" [14, с. 282].

Обобщая вышеизложенное, под самоконтролем мы понимаем осознание, оценку, регулировку (корректировку) способа профессиональных действий каждого типа (умения).

Каждому компоненту базовых профессиональных умений соответствуют так называемые весовые коэффициенты, числовые значения которых изменяются в зависимости от этапов формирования (табл. 1).

- ◆ На первом (ориентирующем) этапе формирования основной акцент делается на потребностно-мотивационном компоненте ($K_1 = 0,6$).
- ◆ На втором (когнитивном) этапе формирования базовых профессиональных умений важность приобретает когнитивный компонент, поэтому его весовой коэффициент возрастает ($K_2 = 0,5$).
- ◆ На третьем (первоначальном профессиональном) этапе формирования наряду с когнитивным компонентом важность приобретает деятельностный компонент (самоконтроль, навигационные навыки) ($K_3 = 0,4$).

Оценка когнитивного компонента (A_2) была определена нами согласно показателям глубины и полноты знаний:

$$A_2 = (A_{1p} + A_{1g})/2, \tag{1}$$

где A_2 – общая оценка уровня знаний;
 A_{1p} – оценка за полноту знаний;
 A_{1g} – оценка за глубину знаний.

Вкратце рассмотрим сущность каждого когнитивного компонента.

А.В. Усова полноту знаний определяет как количество всех имеющихся знаний о свойства, функциях и т.д. изучаемого объекта, которые предусмотрены образовательной программой, а глубину знаний – количеством осознанных и существенных интегративного характера [18].

П.В. Картамышев, А.И. Оркин, М.В. Игнатович в "Методике летного обучения" рассматривают высокий показатель полноты и глубины знаний, как действенность, мобильность и подвижность [6].

Мы будем понимать полноту знаний как количество структурных элементов понятий, усвоенных курсантом к общему количеству понятий, на которых основано формируемое умение. Глубина знаний – это совокупность осознаваемых курсантами существенных признаков и связей между понятиями специальных дисциплин и лётной практики, позволяющая комплексно применять знания.

Уровень усвоения основных операциональных действий профессиональной деятельности штурмана характеризуется рядом показателей, среди которых наиболее важными признаются такие как скорость, точность, последовательность, самоконтроль при выполнении, в связи с чем оценка деятельностного компонента (A_3) была определена нами по данным показателям на основе вычислений по следующей формуле:

Таблица 1.

Весовые коэффициенты потребностно-мотивационного, когнитивного и деятельностного компонентов.

Коэффициенты	Этапы формирования		
	1-й этап ориентирующий	2-й этап когнитивный	3-й этап первоначальный профессиональный
K_1 - потребностно-мотивационный	0,6	0,3	0,2
K_2 - когнитивный	0,3	0,5	0,4
K_3 - деятельностный	0,1	0,2	0,4

$$A_3 \sum_{i=1}^4 k_i a_i \quad (2)$$

где A_3 – общая оценка деятельностного компонента; a_i – частные значения суммы компонентов оценки.

Так как таких компонентов всего четыре, то, соответственно, индекс i данной переменной принимает значение от 1 до 4; a_1 – оценка точности (точность действий, решений); a_2 – оценка скорости (быстрота действий, решений); a_3 – оценка последовательности действий (соблюдение алгоритма деятельности при выполнении профессиональной операции); a_4 – оценка самоконтроля; k_i – весовые коэффициенты оценок: k_1 – точности; k_2 – скорости; k_3 – последовательности; k_4 – самоконтроля. Сумма всех коэффициентов равна единице:

$$\sum_{i=1}^4 k_i = 1, \quad (3)$$

Весовые коэффициенты k_i определены путем экспертной оценки и зависят от этапа обучения и уровня подготовки курсантов [7]. Вариант весовых коэффициентов k_i предлагается в табл. 2.

Таким образом, анализируя представленные данные, видим, что на первом этапе большее внимание уделяется формированию последовательности ($k_3 = 0,5$) и самоконтролю ($k_4 = 0,2$) действий. Задачи обеспечения скорости и точности действий и решений находятся пока не актуализированы. На следующем (втором) этапе формирования базовых профессиональных умений и навыков важность приобретают точность и быстрота (скорость) в действиях и решениях задач, поэтому эти коэффициенты (k_1, k_2) повышаются с 0,1 до 0,2. На третьем же этапе формирования быстрота (скорость) и точность становятся наиболее важными, в связи с чем коэффициенты, соответственно, повышаются ($k_1 = 0,3, k_2 = 0,3$).

В основе выбора уровней сформированности базовых профессиональных умений лежит теория уровневого подхода. Под уровнем понимают отношение "высших" и "низших" ступеней развития каких-либо объектов или процессов. Теория уровневого подхода раскрыта в тру-

дах В.П. Беспалько, Ю.А. Конаржевского, Н.В. Кузьминой, В.А. Слостенина, Н.М. Яковлевой и других ученых.

Толковый словарь русского языка определяет понятие "уровень" с позиций степени величины, развития или значимости чего-либо [11]. С позиций своей концепции В.П. Беспалько рассматривает четыре следующих уровня сформированности действий по отношению к решению задач: первый уровень – распознавание объектов, свойств, процессов в данной области деятельности; второй уровень – воспроизведение определенной "заученной" информации или "заученных" действий; третий уровень связан с непосредственным уже выполнением действий и решением задач, для которых характерна заданная ООД (ориентировочная основа действия); четвертый уровень представлен творческой деятельностью, самостоятельным конструированием новой ООД, получением или синтезом новой информации путем решения нестандартных задач в условиях неопределенности [3].

Психолого-педагогическая область исследования оперирует различными подходами к пониманию сущности рассматриваемого понятия: так, например, Ю.К. Бабанский, А.В. Усова, Н.М. Яковлева выделяют низкий, средний и высокий уровни сформированности умений; с позиций В. П. Беспалько уровень ранжируется от узнавания и воспроизведения (алгоритмической деятельности) до эвристической и продуктивной творческой деятельности [3], а с точки зрения А. В. Усовой уровень отражает степень сформированности действий (1) выполнение отдельных операций, 2) выполнение всех операций с недостаточной четкостью последовательности, 3) выполнение всех операций с четкой последовательностью и 4) осознанное целостное действие [18].

Л.В. Львов выделяет три уровня сформированности профессиональных умений: первый уровень – осознания, характеризующийся тем, что субъект осознает логику действий, но не имеет навыка действия даже в простых ситуациях и не может его воспроизвести; второй уровень – знания, субъект знает операции и последовательность,

Таблица 2.

Весовые коэффициенты показателей точности, скорости, последовательности, самоконтроля.

Коэффициенты	Этапы формирования		
	1-й этап ориентирующий	2-й этап когнитивный	3-й этап первоначальный профессиональный
k_1 - точность	0,1	0,2	0,3
k_2 - быстрота (скорость)	0,1	0,2	0,3
k_3 - последовательность	0,6	0,4	0,2
k_4 - самоконтроль	0,2	0,2	0,2

ход их выполнения в конкретной ситуации; третий уровень – владения, характеризующийся выполнением действия субъектом в незнакомой, сложной ситуации [7].

На основании выделенных критериев и показателей выявлены четыре уровня сформированности базовых профессиональных умений курсантов: недопустимый, пороговый (удовлетворительный), средний, высокий уровень.

Для определения уровня сформированности базового профессионального умения курсанта также используется коэффициент формирования способа профессиональных действий *Ка* как обобщенный критерий результативности обучения в период лётной практики, что вполне позволяет, на наш взгляд, судить о достижении порогового уровня формирования.

Коэффициент *Ка* может изменяться от 0 до 1. Изменение степени усвоения опыта навигационной деятельности курсантами осуществляется, как уже показано выше, с помощью определения коэффициента полноты формирования умения *Ка*. В этом коэффициенте учитывается число действий заданного уровня, выполненных правильно (*n*), и общее число действий, составляющих умение (*n_{общ}*).

$$Ka = \frac{n_{\text{общ}}}{n}, \quad (4)$$

В образовательном процессе высшей школы уровни обучения отражают последовательный переход в накоплении знаний, совершенствовании мыслительной деятельности обучающихся на основе приобретаемых знаний и их рационального применения.

Для идентификации достижения порогового уровня базового профессионального умения воспользуемся понятием "индикатор", которое в психолого-педагогической литературе определяется как доступная наблюдению и измерению характеристика изучаемого объекта, позволяющая судить о его состоянии [14].

Индикатором достижения порогового уровня базового профессионального умения мы рассматриваем (по В.П. Беспалько, Ю.К. Стрелкову) определенную степень освоения способа выполнения профессиональных действий каждого типа (умения), обеспечивающего возможность, целесообразность и успешность дальнейшего обучения, которое непосредственно соотносится с нормативными требованиями курса учебной лётной подготовки (числовое значение индикатора – 70% определено с учетом высокой степени опасности и социальной значимости профессии штурмана).

Обобщив различные подходы к выделению уровней деятельности обучающихся в соответствии с исследова-

ниями ученых В.П. Беспалько [3], В.И. Загвязинского [4], Н.Ф. Талызиной [15], Н.Н. Тулькибаевой [16], А.В. Усовой [18], Н.М. Яковлевой [19] и требованиями к курсанту авиационного вуза, можно сделать вывод, что для оценки сформированности базовых профессиональных умений достаточным является подход, при котором выделяются следующие четыре уровня: недопустимый, пороговый (удовлетворительный), средний, высокий.

Выявленные критерии, показатели и уровни сформированности базовых профессиональных умений позволили провести нам анализ и дать объективную оценку результатам опытно-поисковой работы.

Таким образом, на основании анализа современной психолого-педагогической и специальной литературы были определены критерии, показатели и уровни сформированности базовых профессиональных умений курсантов в период лётной практики и разработали критериально-уровневую шкалу (рис. 1), с помощью которой можно вести диагностику формируемых компонентов базовых профессиональных умений.

Значения коэффициента формирования способа профессиональных действий (правильных действий) и среднего балла, характеризующие уровень сформированности базовых профессиональных умений и представляющих критериально-уровневую шкалу, приведены на рисунке 9. Предлагаемая шкала оценки уровня сформированных базовых профессиональных умений выглядит следующим образом (7, с. 100):

- ◆ *недопустимый уровень* – от 0 до 69 % освоения способа профессиональных действий типа умения (правильных действий), коэффициент формирования $Ka = 0 \div 0.7$, средний балл ниже 3.0;
- ◆ *пороговый (удовлетворительный)* – от 70 до 79 % освоения способа профессиональных действий типа умения (правильных действий), коэффициент формирования $Ka = 0.7 \div 0.8$, средний балл от 3.0 до 3.5.
- ◆ *средний уровень* – от 80 до 89 % освоения способа профессиональных действий типа умения (правильных действий), $Ka = 0.8 \div 0.9$, средний балл от 3.5 до 4.0.
- ◆ *высокий уровень* – от 90 до 100 % освоения способа профессиональных действий типа умения (правильных действий), $Ka = 0.9 \div 1.0$, средний балл более 4.0.

В ходе констатирующего этапа опытно-поисковой работы, проведенного на основе реализации разработанной модели, но без учета педагогических условий был выявлен начальный уровень сформированности базовых профессиональных умений.

Оценка потребностно-мотивационного, когнитивного, деятельностного компонентов и определение уровня сформированности базовых профессиональных умений курсанта была осуществлена на основе разработанной

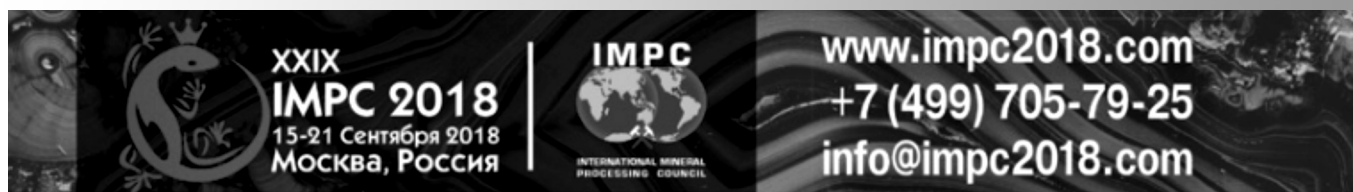
Рисунок 1. Критериально-уровневая шкала сформированности базового профессионального умения курсанта.

оценки и критериально-уровневой шкалы, что подтвердило их валидность. Очевидно, что выявленные критерии и показатели позволяют выполнить анализ и дать объективную оценку процессу формирования базовых профессиональных умений.

Таким образом, оценка уровня сформированности базовых профессиональных умений курсанта представляет собой сумму частных значений оценок за каждый компонент с учетом коэффициента его значимости и коэффициента подобия дидактического средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батышев, С. Я. Производственная педагогика: учебник для работников, занимающихся профессиональным обучением рабочих на производстве / С. Я. Батышев. – М.: Машиностроение, 1984. – 672 с.
2. Белкин, А. С. Диссертационный совет по педагогике (опыт, проблемы, перспективы) / А. С. Белкин, Е. В. Ткаченко. – Екатеринбург: УрГПУ, РГППУ, 2005. – 298 с.
3. Беспалько, В. П. Слабеваемые педагогической технологии / В. П. Беспалько. – М.: Педагогика, 1988. – 160 с.
4. Звягинский, В. И. Методология и методы психолого-педагогического исследования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. И. Звягинский, Р. А. Ахманов. – М.: Академия, 2006. – 208 с.
5. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального образования: учебник для студентов высш. учеб. заведений / Э. Ф. Зеер. – М.: Академия 2009. – 384 с.
6. Картамышев, П. В. Методика летного обучения / П. В. Картамышев, М. В. Игнатович, А. И. Оркин. – М.: Транспорт, 1987. – 279 с.
7. Львов, Л. В. Дидактические условия формирования умений профессиональной деятельности курсантов военного авиационного института в процессе тренажерной подготовки: дисс. ... канд. пед. наук / Л. В. Львов. – Челябинск, 2002. – 188 с.
8. Матушкин, С. Е. Избранные педагогические сочинения / С. Е. Матушкин. – Челябинск: Челябинский дом печати, 2006. – 396 с.
9. Новиков, А. М. Процесс и методы формирования трудовых умений: профпедагогика / А. М. Новиков. – М.: Высшая школа, 1986. – 288 с.
10. Новоселов, С. А. Понятийно-терминологическое обеспечение педагогической работы по развитию технического творчества учащихся учреждений профессионального образования / С. А. Новоселов // Профессиональная педагогика: категории, понятия, дефиниции: сб. науч. трудов под ред. Г. Д. Бухаровой. – Екатеринбург: Изд-во РГПУ, 2006. – С. 245–259.
11. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Советская энциклопедия 1964. – 900 с.
12. Профессионально-педагогические понятия: словарь / под ред. Г. М. Романцева. – Екатеринбург: Изд-во РПУ, 2005. – 456 с.
13. Скакун, В. А. Основы педагогического мастерства: учеб. пособие / В. А. Скакун. – М.: ФОРУМ: ИНФА-М, 2008. – 208 с.
14. Современный словарь по педагогике / сост. Е. С. Рапцевич. – Минск, Современное слово, 2001. – 398 с.
15. Талызина, Н. Ф. Управление процессом усвоения знаний / Н. Ф. Талызина. – М.: МГУ, 1975. – 344 с.
16. Тулькибаева, Н. Н. Теоретико-методологическая концепция экспертизы образования на основе стандартизации / Н. Н. Тулькибаева, Н. М. Яковлева, З. М. Большакова. – Челябинск: Факел, 1998. – 161 с.
17. Шапоринский, С. А. Вопросы теории производственного обучения / С. А. Шапоринский. – М., 1981. – 208 с.
18. Усова, А. В. Формирование у учащихся учебно-познавательных умений / А. В. Усова. – Челябинск: ЧГПИ, 1994. – 23 с.
19. Яковлева, Н. М. Теория и практика подготовки учителя к творческому решению воспитательных задач: дисс. ... д-ра. пед. наук / Н. М. Яковлева. – Челябинск: ЧГПИ, 1992. – 403 с.

XXIX Международный конгресс по обогащению полезных ископаемых IMPC-EXPO2018.

Основные темы

- Технологическая минералогия.
- Измельчение и классификация.
- Физические методы обогащения – гравитационное обогащение, магнитная и электрическая сепарация.
- Химия поверхности. Фундаментальные основы флотации. Флотационные реагенты. Технология флотации.
- Переработка тонкодисперсных продуктов и шламов.
- Гидрометаллургия и технологии бактериального выщелачивания.
- Экологические проблемы и утилизация минеральных отходов.
- Моделирование технологических процессов.
- Окомкование, агломерация и спекание.
- Обезвоживание.
- Средства инструментального контроля и передовые модели интеллектуального управления.

Москва 15 – 21 сентября 2018. Центр Международной Торговли

Международная выставка IMPC-EXPO2018 добыча и переработка минерального сырья.

Эффективные технологии – ключ к успешному обогащению полезных ископаемых

Москва 16 – 18 сентября 2018. ЦВК «Экспоцентр», павильон 7, зал №1

Тематические направления выставки:

- Предприятия горнодобывающей и металлургической промышленности.
- Предприятия нефтяной и газовой отрасли и золотодобывающие компании.
- Производители и поставщики машин и оборудования для горной промышленности, шахт, горно-обогатительных комбинатов.
- Технологии, оборудование и приборы для обработки и обогащения полезных ископаемых.
- Геология и геофизика: оборудование, научные исследования, информационные системы.
- Научно-производственные центры, исследовательские и проектные институты.
- Экология. Охрана окружающей среды, экологический мониторинг полезных ископаемых.

Организаторы:

Спонсоры:

TOMC

ALROSA

RIVS

Официальный конгресс-организатор Международное Агентство Конгрессного Обслуживания МАКО

МАКО

<http://www.makongress.ru> / +7 499 705 79 25 / info@makongress.ru

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В РАМКАХ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА (на примере работы со студентами подготовительного факультета медицинского и биологического профиля)

THE TEACHING OF RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN IN THE FRAMEWORK OF MEDICAL DISCOURSE (on the example of working with students of the preparatory faculty of medical and biological profile)

*S. Zyryanova
N. Grashchenkov*

Annotation

The article deals with the issues of teaching foreign language to international students in the framework of medical discourse. The author describes the structure of discursive competence and features of medical discourse. The article describes the main methods of teaching a foreign language in the framework of medical discourse.

Keywords: Russian language as foreign, medical discourse, discursive competence.

*Зырянова Светлана Александровна
К.филол.н.,
Российский университет
дружбы народов, Москва
Гращенков Николай Владимирович
Российский университет
дружбы народов, Москва*

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы преподавания русского языка иностранным студентам в рамках медицинского дискурса. Автор описывает структуру дискурсивной компетенции и особенности медицинского дискурса. В статье приводятся основные методы преподавания иностранного языка с учетом типологических особенностей медицинского дискурса.

Ключевые слова:

Русский язык как иностранный, медицинский дискурс, дискурсивная компетенция.

Закон об образовании Российской Федерации предъявляет минимальные требования к освоению дополнительных образовательных программ для иностранных граждан, которые включают формальные знания и умения по русскому языку, химии, биологии и проч. Однако в дальнейшем студенты подготовительного отделения переходят на основные факультеты, где они должны не только знать "учебный" русский язык, но и быть адаптированы к общению в рамках учебно-профессиональной деятельности. В соответствии с современной концепцией образования, обучение иностранному языку на подготовительном факультете должно быть направлено на формирование коммуникативной личности, которая адаптирована к получению высшего образования и осуществлению профессиональной деятельности в иноязычной и инокультурной среде. Таким образом, одной из важнейших задач обучения иностранному языку на подготовительном факультете является учет особенностей профессионального дискурса. Рассмотрим характеристики такого обучения на примере работы с иностранными студентами медицинского профиля.

В работах, посвященных анализу и описанию дискурсивной компетенции, сложилось неоднозначное понимание данного термина. В одних исследованиях дискурсивная компетенция представляется частью коммуникативной (И.Л. Колесникова, М.В. Долгих), в других – сложным явлением интегративного характера, в которое включаются разные компетенции, а также лингвистические и экстралингвистические факторы (Н.П. Головина, Л.П. Каплич, О.И. Кучеренко и др.). Само понятие дискурса сложное и широкое, не получившее точной и однозначной дефиниции. В современной лингвистике устоялось понимание дискурса как связанного и целостного текста (его порождения, функционирования, интерпретации), погруженного в жизнь (Н.Д. Арутюнова), в культурный, исторический, социальный, ситуативный контекст. Исходя из такого широкого понимания дискурса, мы можем говорить о дискурсивной компетенции как о способности субъекта осуществлять эффективную коммуникацию с учетом культурных, социальных и психологических факторов. Таким образом, мы считаем, что дискурсивная компетенция объединяет три ключевые компетен-

ции: коммуникативную (способность продуктивно общаться, эффективно используя грамматический, лексический, синтаксический и стилистический фонд русского языка, основные невербальные средства в зависимости от ситуации общения, а также умение декодировать и интерпретировать сообщения), лингвокультурологическую (осознание языковой личности как носителя культурных, духовных и исторических ценностей, знание особенностей языковой картины мира представителей той общности, в которой обучается студент, умение использовать и интерпретировать аксиологический фонд языка) и социокультурную (знания о национальных и культурных особенностях (правилах и нормах поведения, речевой и поведенческий этикет и др.) речевого поведения носителей языка и умение использовать их в зависимости от контекста ситуации общения). Это значит, что при общении в рамках медицинского дискурса студент должен уметь использовать вербальные и невербальные средства общения в соответствии с коммуникативной и социокультурной ситуацией. В период обучения на подготовительном отделении студент должен освоить базовые аспекты (в соответствии с уровнем владения языком) дискурсивной компетенции, что подготовит его к дальнейшей коммуникации в социально-бытовой и учебно-профессиональной среде, и будет способствовать более быстрому и успешному развитию данной компетенции. Пристальное внимание следует уделить профессиональной дискурсивной компетенции, уровень развития которой напрямую влияет на успешность и эффективность коммуникации в учебной, научной и профессиональной среде, а ее основы закладываются именно на подготовительном факультете. Рассмотрим особенности работы по формированию профессиональной дискурсивной компетенции при работе с иностранными студентами медико-биологического профиля.

Лингвистический аспект медицинского дискурса предполагает знание грамматических и синтаксических норм изучаемого языка и умение использовать их при порождении устного и письменного текстов; умение использовать лексические единицы языка для порождения и интерпретации устного или письменного текстов; умение создавать тексты в соответствии с жанром и т.д.

Экстралингвистический аспект медицинского дискурса предполагает знания социокультурного и психологического контекстов коммуникативной ситуации; умение использовать невербальные средства общения в соответствии данным контекстом; владение паралингвистическими средствами общения.

Основными приемами в обучении иностранному языку с учетом профессионального дискурса (в данном случае медицинского) являются:

- ◆ *элементарный уровень:* создание диалогов на профессиональную тематику (способность вступать в коммуникацию, здороваться, представляться, представ-

лять другого человека, извиняться, прощаться, давать оценку, рассказывать о факте, соглашаться или не соглашаться), пересказ текстов (в том числе околемединской тематики, где студент знакомится с особенностями ролевых моделей врач-пациент страны изучаемого языка), создание репродуктивных текстов на основе прочитанного и т.д.

На этом этапе студент осваивает базовую научную терминологию на изучаемом языке (в рамках медицинского профиля – это термины математики: цифры, числа, математические действия, дроби, равенства и неравенства; химии: химические элементы, простые и сложные вещества, состав и строение вещества; физики: физические величины; биологии: органические и неорганические вещества, состав и строение клетки, простейшие, форма тела и строение тела), обязательным является изучение спряжений глаголов; студент учится читать и понимать тексты, отвечая и задавая вопросы, пересказывает текст, тем самым создавая репродуктивные тексты.

Продуктивной формой работы является создание диалогов в парах (с преподавателем или по заданной ситуации, например, студент-преподаватель на уроке) после каждого изученного урока. Таким образом, профессиональная дискурсивная компетенция на элементарном уровне владения языком включает лингвистические знания (терминология, умение задавать вопрос и отвечать на вопрос), базовые социально-культурные навыки (этикет приветствия и прощания, формы обращения к представителям разных социальных сфер (коллега, руководитель, преподаватель), владение элементарными экстралингвистическими навыками (сила голоса и интонация в зависимости от речевой ситуации, мимика и др.), на уроках грамматики студенты начинают изучать пословицы и поговорки, репрезентирующие ключевые концепты культуры (учение, дружба, труд), формируя таким образом представления у студентов о ценностях русской лингвокультуры.

- ◆ *Базовый и I сертификационный уровень:* создание профессиональных коммуникативных ситуаций в соответствии с ролевыми моделями "врач-пациент", "врач-родственники", "врач-врач"; создание устных и письменных текстов профессиональной тематики, постановка проблемного вопроса и организация дискуссии; организация профессионально ориентированных конференций и т.д.

На данном этапе студенты расширяют терминологическую базу (параллельно с профильными предметами), самостоятельно создают письменные научные тексты разных жанров (научно-популярная статья, научная статья, реферат), устные тексты по профилю, особенно эффективной формой работы является проведение научных конференций среди иностранных студентов, где они самостоятельно под руководством преподавателя создают доклад по интересующей их тематике, выступают

с сообщением, отвечают на вопросы и задают их. Немаловажной является работа по созданию коммуникативных ситуаций, в которых студенты будут примерять разные ролевые модели (врач, пациент, коллега, родственник, преподаватель), где учащиеся осваивают коммуникативные, поведенческие, культурные нормы общения в зависимости от ситуации и своей социальной роли. Такая работа подготовит студента к обучению на основном факультете и дальнейшему прохождению практики в медицинских учреждениях, где они должны быть готовы быть успешными участниками речевого акта, избегая ситуаций непонимания, связанных с культурными отличиями. Студенты будут готовы общаться со студентами-носителями языка, с преподавателями и коллегами с со-

блюдением основных культурных и поведенческих норм. Работа по развитию дискурсивной компетенции должна продолжаться и на основном факультете, когда студент уже в достаточной степени владеет языком и может осваивать новые, более сложные и узкие контексты профессионального речевого поведения.

Таким образом обучение иностранному языку на подготовительном факультете следует организовывать с учётом выбранной студентом специальности, однако это не должно ограничиваться формальной стороной знания языка. На уроках рекомендуется создавать ситуации, которые адаптируют и подготовят студента к дальнейшей учебной и профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбунов А.Г. Дискурсивная иноязычная компетенция: онтологический подход, Вестник ТГПУ, № 6 (147), 2014. – С. 167–171
2. Гальскова Н.Д. Основные парадигмальные черты современной методологической науки, Иностранные языки в школе, №7, 2011. – С.2–13.
3. Исаев Е.А. Компетентностный подход в профессиональном лингвообразовании, Вестник кемеровского государственного университета, № 2–1 (58), 2014. – С. 92–95.
4. Карташова В.Н. Приоритетные направления в развитии иноязычного образования, Материалы Международной научно–практической видеоконференции "Иноязычное образование: векторы развития", Елец, 2015. – С. 3–6.
5. Крупченко А.К. К вопросу о профессиональной лингводидактике: современные теории и методики обучения иностранным языкам, Москва: Издательский дом "Экзам", 2004. – 243 с.
6. Куриленко В.Б. Обучение иностранных студентов стратегиям медицинского дискурса, Русский язык в многополярном мире: новые лингвистические парадигмы диалога культур: Сборник статей Международной научно–практической конференции, посвященной 50–летию образования РУДН. Москва, РУДН, 22–24 октября 2009 г. – М.: Изд-во РУДН, 2009. – С. 280–284.
7. Куриленко В.Б. Медицинский дискурс как средство учебной адаптации иностранных студентов–будущих врачей, Адаптация и саморегуляция личности: Материалы III Международной научно–практической конференции, Москва, РУДН, 21–22 сентября 2010 г. Часть I / Науч. ред. В.И. Казаренков. – М.: Изд-во РУДН, 2010. – С. 114–118.

© С.А. Зырянова, Н.В. Гращенко, (sv.minakova@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Российский университет дружбы народов, Москва

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ*

* Исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева и Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева) по теме "Психолого-педагогическое сопровождение дошкольников с нарушениями речи"

PECULIARITIES OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF PRESCHOOL CHILDREN WITH COMMON INSECURITY OF SPEECH

*S. Inevatkina
M. Novoselova*

Annotation

This article presents a theoretical analysis of the work of Russian researchers who studied the process of psychological and pedagogical support. Features of psychological and pedagogical support of children of preschool age with general underdevelopment of speech are considered. The results of the study of speech development and the cognitive sphere of children of this category are presented. Variants of psychological and pedagogical support of preschool children with general speech underdevelopment are offered.

Keywords: accompaniment, psychological and pedagogical support, preschool children, preschool children with speech disorders.

*Иневаткина Светлана Евгеньевна
Мордовский государственный педагогический институт
им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск
Новоселова Мария Михайловна
Мордовский государственный педагогический институт
им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск*

Аннотация

В данной статье представлен теоретический анализ работ отечественных исследователей, изучавших процесс психолого-педагогического сопровождения. Рассматриваются особенности психолого-педагогического сопровождения детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи. Изложены результаты исследования речевого развития и познавательной сферы детей данной категории. Предложены варианты психолого-педагогического сопровождения дошкольников с общим недоразвитием речи.

Ключевые слова:

Сопровождение, психолого-педагогическое сопровождение, дети дошкольного возраста, дошкольники с нарушениями речи.

Как известно, речь является основным средством общения между людьми, и полноценность ее функционирования является одним из важных составляющих гармоничного развития личности в целом. Она позволяет передавать и получать большое количество информации, которую невозможно воспринять органами чувств. Помимо этого, речь носит полифункциональный характер, то есть является не только средством общения, но и средством памяти, мышления, регуляции собственного поведения и управлением поведения других.

Анализ реальной ситуации, сложившейся в настоящее время, показал, что количество детей, имеющих отклонения в речевом развитии, неуклонно растет. Нарушения речи затрудняют общение ребенка с окружающими людьми, вызывают у него отрицательные переживания по поводу своего дефекта, осложняют процесс обучения и воспитания, а так же жизнь в обществе, ведут к замкнутости.

В связи с этим встает вопрос о необходимости проектирования программ психолого-педагогического сопровождения дошкольников с нарушениями речи, с целью предотвращения в будущем возникновения указанных трудностей. Своевременно оказанная помощь дошкольникам с нарушениями речи способствует устранению речевых нарушений. В свою очередь, нивелирование основного нарушения позволяет в дальнейшем всестороннее и гармонично развиваться личности ребенка.

С.Г. Щербак к нарушениям речи относит отклонения от нормального формирования языковых средств общения при нормальном биологическом слухе, зрении и предпосылках развития интеллекта. Недостаточное развитие коммуникативной функции речи тесно связано с собственно речевым дефектом (недоразвитие лексико-грамматической стороны речи, своеобразии связной речи), а также обусловлено особенностями созревания аффективно-волевой сферы, произвольного внимания

и других процессов, относящихся к регуляторной деятельности ребенка с речевой патологией [7, с. 334].

В работах отечественных исследователей (Н. С. Жуковой, Е. М. Мастюковой, С. Н. Сазоновой, Т. Б. Филичевой) указывается, что среди детей дошкольного возраста распространенным речевым нарушением является общее недоразвитие речи. Речевое развитие дошкольников указанной категории характеризуется следующими особенностями: ограниченностью словарного запаса, своеобразием его использования, неточностью употребления слов. Отечественные ученые выделяют три уровня речевого развития при общем недоразвитии речи, которые отражают типичное состояние компонентов языка у этих детей. Причем первые два уровня характеризуют глубокое недоразвитие речи, а на третьем, более высоком уровне, у детей остаются лишь отдельные проблемы в развитии звуковой стороны речи, словарного запаса и грамматического строя речи. У дошкольников с указанным речевым нарушением наряду с системным недоразвитием речевой деятельности в структуре дефекта могут наблюдаться специфические черты эмоциональной незрелости, задержанное или неравномерное развитие интеллекта [1; 5].

На сегодняшний день, не теряет актуальности проблема поиска оптимальных условий, способствующих повышению уровня сформированности речевого и познавательного развития дошкольников с общим недоразвитием речи, посещающих группу компенсирующей направленности. Но особо остро стоит вопрос организации комплексного психолого-педагогического сопровождения дошкольников с общим недоразвитием речи, находящихся в условиях инклюзии, т.е. посещающих общеобразовательную группу дошкольного общеобразовательного учреждения.

О.О. Монгуш обозначает психолого-педагогическое сопровождение как систему профессиональной деятельности педагога, направленную на создание необходимых условий для успешного воспитания, обучения и развития ребенка на каждом возрастном этапе. При этом ребенок должен выступать субъектом собственной деятельности, а его активность и свобода должны встречаться и взаимодействовать с субъективностью и активностью взрослых [4, с. 60].

По мнению С.В. Алехиной, М.М. Семаго, психолого-педагогическое сопровождение ребенка включает три взаимосвязанных компонента:

1. изучение личности, особенностей развития;
2. создание благоприятных социально-педагогических условий для развития личности, успешности обучения;
3. непосредственную психолого-педагогическую помощь ребенку [6, с. 18].

И.А. Григорьева и Н.П. Задумова отмечают, что успешность решения задач обучения, воспитания и развития ребенка с нарушением речи невозможно достичь, ограничиваясь работой только одного специалиста – логопеда. Психолого-педагогическое сопровождение предполагает комплексное воздействие на ребенка, поэтому особенное значение приобретает взаимосвязь между другими специалистами образовательной организации – воспитателем, педагогом-психологом и т. д. [2, с. 314].

В ходе своей деятельности они осуществляют разно-стороннее развитие ребенка в тесном взаимодействии. Их работа направлена на создание оптимальных условий для речевого, познавательного, эмоционального и творческого развития каждого ребенка, учитывая его индивидуальные возможности. Эффективность работы специалистов образовательной организации должна сочетаться с работой родителей дома для закрепления полученных ребенком умений и навыков. Поэтому психолого-педагогическое сопровождение может быть нацелено не только на самого ребенка, но и на семью в целом, что позволит повысить психолого-педагогические компетентности родителей [3, с. 334].

В формате данной работы представлены результаты проведенного исследования, посвященного вопросам проектирования и апробации программы психолого-педагогического сопровождения дошкольников с общим недоразвитием речи.

Опытно-экспериментальная работа была организована на базе Центра продленного дня ФГБОУ ВО "МГПИ им. М. Е. Евсевьева" г. о. Саранск. В эксперименте приняли участие 10 дошкольников с общим недоразвитием речи III уровня, в возрасте 4–5 лет. Первым этапом был организован и проведен констатирующий эксперимент, основной целью которого было изучение уровня сформированности речи и познавательных процессов у дошкольников указанной категории.

Исследование проводилось индивидуально с каждым ребенком, при этом учитывались особенности детей данной категории. Перед началом обследования проводилась ознакомительная беседа, необходимая не только для установления контакта с ребенком, но и для определения уровня его знаний об окружающей действительности. Во время беседы выявлялся общий запас знаний и представлений ребенка об окружающем, ориентировка во времени, пространстве, эмоциональные особенности: контактность, интересы, любимые игры и занятия.

Диагностический инструментальный, используемый в рамках констатирующего эксперимента, был подобран в соответствии с возрастом детей и задачами исследова-

ния. Для исследования особенностей речевого развития были предложены следующие диагностические задания: "У кого кто?", "Один-много", "Назови ласково", "Назови одним словом", "Игра с мячом", "Повтори за мной", "Расскажи сказку". Исследование познавательного развития детей проводилось с помощью таких заданий, как "Пирамидка", "Назови цвета", "Времена года", "Запомни 5 картинок", "Заборчик", "Четвертый лишний", "Выделение главной мысли по серии сюжетных картинок".

Анализ результатов выполнения заданий на исследование особенностей речевого развития показывает, что 65 % детей имеют низкий уровень речевого развития, 35 % – средний уровень развития речи. Дети допускают ошибки в назывании детенышей животных (путают маму и детеныша, либо не знают), употреблении падежных форм множественного числа ("Одна вишня – много вишнев", "Один петух – много петух"), использовании предлогов ("Мячик лежит столе", "Мячик спиной", "Мячик взяли с коробки"), согласовании числительных с существительным ("Два охотников", "Пять охотник"); отмечаются нарушения фонематического слуха (та-та-та вместо та-да-та, за-ша-ша вместо ша-за-ша, точка-точка вместо точка-бочка, роса-коза вместо коса-коза); наблюдаются все виды нарушений звукопроизношения (сигматизм, ротацизм, дефекты озвончения и смягчения); связная речь находится на стадии формирования, при воспроизведении рассказа требуется помощь и направляющие вопросы экспериментатора; отмечалась недостаточная сформированность обобщающих понятий (трудности в различении одежды и обуви, овощей и фруктов, диких и домашних животных).

Следующим этапом был изучен уровень сформированности познавательных процессов у дошкольников с общим недоразвитием речи. Предложенные задания позволили выявить особенности развития памяти, внимания, мышления, а также исследовать уровень развития способности устанавливать причинно-следственные связи.

Детям предлагалось собрать пирамидку из 8-ми колец, с предложенным заданием справились все испытуемые. Далее было предложено назвать времена года по порядку. Не все дети смогли самостоятельно воспроизвести последовательность времен года, для упрощения задания экспериментатор раскладывал картинки с изображением времен года. Большинство детей 90 % после данного направления справились с заданием.

Далее детям предлагалось назвать основные цвета и оттенки по картинкам. Исходя из этой диагностики, можно сказать, что у испытуемых нет трудностей в различении основных цветов, оттенки 45 % испытуемых путали. Явно выраженных нарушений цветовосприятия у испытуемых обнаружено не было.

При исследовании особенностей развития памяти экспериментатор предлагал детям запомнить пять картинок (дом, рыба, чашка, кукла, птица), затем убирал их и предлагал назвать. Результаты данной диагностики показали, что 85 % испытуемых имеют высокий и средний уровень развития памяти: 4 ед. из 5 ед., 5 ед. из 5 ед. Однако у 15 % объем кратковременной памяти находится на уровне ниже среднего и низком. Для упрощения диагностического задания предлагалось выполнить путем переворота, т. е. картинки не убирались, а переворачивались и предлагалось найти определенный предмет.

Следующим этапом был исследован уровень сформированности внимания у дошкольников с общим недоразвитием речи III уровня. Детям предлагалось построить по образцу заборчик из палочек (пример, одна красная, одна желтая; одна красная, две желтых). Результаты показали, что 75 % испытуемых самостоятельно справились с заданием самостоятельно, либо с незначительной направляющей помощью экспериментатора. Остальная часть 25 % нуждалась в конкретном разборе этапов выполнения задания, что свидетельствует о снижении переключаемости и распределении внимания.

Далее был исследован уровень сформированности мышления. Для этого использовались диагностические задания "Четвертый лишний" и "Выделение главной мысли по серии сюжетных картинок". С заданием на выделение лишней картинки справилось 80 %, испытуемые показали уровень средний и выше среднего. Остальные 20 % детей испытывали трудности при классификации и анализе предложенных предметов. Им требовалась направляющая и разъясняющая помощь экспериментатора. Сложность заключалась в том, что не у всех детей сформированы обобщающие понятия, которые являлись основой для выделения лишнего. Для упрощения задания экспериментатор называл предметы, изображенные на картинке, что помогало испытуемым выделить лишний предмет.

С заданием на выделение главной мысли по серии сюжетных картинок справились 90 % испытуемых. Остальные испытуемые 10 % затруднились в ответе.

В ходе всего обследования экспериментатор отмечал эмоциональное состояние испытуемых, их отношение к заданиям. В зависимости от особенностей речевого развития была организована помощь различного характера (стимулирующая, направляющая, разъясняющая, конкретная) для определения способности принимать ее и выполнять задания с экспериментатором.

Следующим этапом было организовано экспериментальное обучение, целью которого являлась разработка и апробация программы психолого-педагогического сопровождения детей дошкольного возраста с общим не-

доразвитием речи III уровня. Была составлена программа психолого-педагогического сопровождения дошкольников 4–5 лет, которая включала в себя три направления: коррекционно-развивающие занятия учителя-логопеда; коррекционно-развивающие занятия педагога-психолога; работа с родителями. Коррекционно-развивающие занятия проводились 2 раза в неделю с каждым специалистом в течение трех месяцев. При этом был разработан комплекс методических рекомендаций для проведения индивидуальной работы с каждым ребенком, учитывая его возможности и индивидуальные способности.

В процессе коррекционной работы учителем-логопедом были проведены занятия, направленные на развитие всех сторон речи детей. В ходе обучения индивидуальные логопедические занятия являлись основными формами коррекционно-развивающего воздействия, на которых систематически осуществлялось развитие всех компонентов речи детей. Логопедические занятия в зависимости от темы и этапов коррекции речи решали комплекс задач: развитие фонематического анализа и синтеза; обогащение и активизация словарного запаса; развитие грамматического строя речи; формирование связной речи.

Первое направление – развитие фонетико-фонематической стороны речи включало: развитие фонематического слуха и восприятия; развитие навыков произношения слов различной звуко-слоговой структуры. Предлагались задания на развитие умения детей повторять и дифференцировать похожие слоги, узнавать звук на фоне слова, определение положения звука в слове. Работа проводилась над выделением звуков, правильно произносимых детьми, после уточнения их артикуляции и слухового образа. Параллельно с развитием фонематического слуха и восприятия проводилась работа по исправлению звукопроизношения, которая включала постановку, автоматизацию и дифференциацию звуков.

Второе направление – развитие лексико-грамматического строя речи. На занятиях в комплексе происходило формирование лексико-грамматических средств языка, а именно: уточнение значения слов, т. е. словарно-стилистическая работа, овладение точностью и выразительностью языка; расширение словарного запаса, т. е. усвоение новых, ранее неизвестных учащимися слов (формирование обобщающих понятий, синонимов и антонимов); формирование практических навыков словоизменения и словообразования. В процессе работы по развитию навыков словообразования и словоизменения обращалось внимание на изменение существительного по числам и падежам, согласованию существительного и глагола, существительного и прилагательного. Работа над усвоением форм слова проводилась с использованием игровых приемов, картинок и вопросов.

Третье направление – развитие связной речи реализовалось в процессе обучения детей самостоятельному составлению связного высказывания. Система логопедической работы по формированию связной речи предусматривала постепенное увеличение самостоятельности.

Помимо логопедических занятий педагогом-психологом были проведены занятия, направленные на развитие познавательной сферы детей с нарушением речи. Основной задачей проведенных занятий являлось развитие познавательных процессов, способности активно мыслить. В ходе обучения психолог помимо индивидуальных занятий проводил и фронтальные занятия, целью которых было не только развитие познавательных процессов, но и формирование коммуникативных умений дошкольников: умения взаимодействовать со сверстниками, умения работать в коллективе, организовывать помощь себе и другому. Коррекционно-развивающая работа предполагала активное воздействие на личность ребенка с целью формирования у нее ряда индивидуально-психологических особенностей, необходимых для дальнейшего становления и развития личности.

Разработанная программа психолого-педагогического сопровождения помимо непосредственных занятий с детьми предполагает проведение консультативных встреч с их родителями. Цель проведения подобных встреч заключается в повышении психолого-педагогической компетентности родителей. Данная необходимость связана с тем, что наибольшей эффективности от проделанной коррекционной работы, возможно, достичь только совместными усилиями педагога, ребенка и родителей, поэтому существует необходимость закрепления полученных умений дома в играх, организованных родителями.

Заключительным этапом исследования был проведен контрольный эксперимент с целью выявления эффективности предложенной программы психолого-педагогического сопровождения дошкольников с общим недоразвитием речи. Были предложены диагностические задания, которые использовались в ходе констатирующего эксперимента, но при этом подобран другой речевой и наглядный материал.

Результаты, полученные в ходе контрольного эксперимента, показали, что уровень речевого развития детей повысился. Отмечалась положительная тенденция в выполнении предъявленных заданий. Средний уровень показали 52 % испытуемых (что на 18 % больше, после обучения). Эти дети частично справлялись с предложенными заданиями: нечетко повторяли оппозиционные слоги, допускали ошибки при назывании предметов, подборе обобщающего слова, навыки словоизменения и словообразования сформировались недостаточно, при составлении рассказов наблюдались отдельные специ-

фические нарушения (в логико-смысловом построении сообщения, на уровне контроля за реализацией высказывания), отмечалось нарушение связности высказывания. Дети не всегда правильно выполняли задания, многим требовалась помощь экспериментатора, после которой качество выполнения задания улучшалось.

Остальные 48 % детей показали низкий уровень речевого развития (что на 17 % меньше, после обучения). У этих детей отмечались фонетико-фонематические нарушения, проявляющиеся в неточной слуховой дифференцировке близких по звучанию фонем и затруднённости звукового анализа слов. Это приводит к дефектам произношения. В своей речи допускают слишком широкие обобщения. Грамматический строй речи несовершенен: несформированность грамматической стороны речи, в трудностях выполнения многих заданий, требующих грамматических обобщений. Недостаточно сформированными оказываются морфологические формы словоизменения и словообразования, синтаксические структуры предложения. Нарушения использования предложно-падежных конструкций проявляются в пропуске, замене предлогов, искажении окончаний.

При выполнении заданий дети допускали значитель-

ные ошибки, и не всегда помощь экспериментатора помогла в выполнении задания. Особенно сложно выполнялись задания на самостоятельное составление связного высказывания. Высокий уровень развития речи ни у кого из детей не был выявлен.

При анализе результатов, касающихся уровня сформированности познавательных процессов у испытуемых, также отмечаются улучшения в показателях: повысился объем комбинированной кратковременной памяти; уровень сформированности переключаемости и распределения внимания; уровень сформированности наглядно-образного мышления.

Таким образом, полученные данные на этапе контрольного эксперимента свидетельствуют, что разработанная программа психолого-педагогического сопровождения детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи достаточно эффективна, так как отмечена положительная динамика в речевом и познавательном развитии дошкольников с общим недоразвитием речи. Указанная программа может быть рекомендована для реализации учителем-логопедом и педагогом-психологом в работе с дошкольниками с общим недоразвитием речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жукова, Н. С. Логопедия. Основы теории и практики / Н. С. Жукова, Е. М. Мاستюкова, Т. Б. Филичева. – М.: Эксмо, 2011. – 288 с.
2. Григорьева, И. А. Взаимодействие специалистов дошкольного учреждения в условиях инклюзивного образования детей с нарушениями речи / И. А. Григорьева, Н. П. Задумова // Инклюзия в образовании, – 2016. – № 1. – С. 111–118.
3. Иневаткина, С. Е. Психолого-педагогическое сопровождение дошкольников с нарушениями речи / С. Е. Иневаткина, Е. Е. Форкина // Проблемы современного педагогического образования. Сер. Педагогика и психология: сборник научных трудов. – Ялта: РИО ГПА, 2018. – Вып. 59. Ч.1. – 332–335 с.
4. Монгуш, О. О. Психолого-педагогическое сопровождение детей дошкольного возраста / О. О. Монгуш // Педагогическое мастерство: материалы VI Междунар. науч. конф., июнь 2015 г. – М.: Буки-Веди, 2015. – С. 59–62.
5. Сазонова, С. Н. Развитие речи дошкольников с общим недоразвитием речи / С. Н. Сазонова. – М.: Академия, 2005. – 144 с.
6. Создание и апробация модели психолого-педагогического сопровождения инклюзивной практики : методическое пособие / Под общ. ред. С. В. Алехиной, М. М. Семаго. – М.: МГППУ, 2012. – 156 с.
7. Щербак, С. Г. Организация инклюзивного образования детей с нарушениями речи в дошкольной образовательной организации / С. Г. Щербак // Инклюзивное образование. Индивидуализация сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья: материалы Всероссийской науч.-практ. конф.; ответст. за выпуск Л. Б. Осипова, Е. В. Плотникова. – Челябинск, 2016. – С. 333–341.

© С.Е. Иневаткина, М.М. Новоселова, (svetlaj23@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Реклама

Традиции. Инновации. Успех!

И И МИБО

ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СТРАН СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

FEATURES OF SECONDARY AND HIGHER EDUCATION IN NORTH AFRICA

*L. Novikova
L. Ushakova*

Annotation

The article is devoted to the problem of secondary and higher education in North Africa. The main characteristics of the structure of secondary and higher education in North Africa are described. The directions of higher education reform in the countries of North Africa at the present stage are revealed. The problems of higher and secondary education in the region are revealed.

Keywords: North Africa, education, post-colonial period, secondary education, higher education.

*Новикова Людмила Александровна
Ст. преподаватель,
Российский университет
дружбы народов*

*Ушакова Людмила Константиновна
Ст. преподаватель,
Российский университет
дружбы народов*

Аннотация

Статья посвящена проблеме среднего и высшего образования в странах Северной Африки. Описаны основные характеристики структуры среднего и высшего образования в странах Северной Африки. Раскрыты направления реформирования высшего образования в странах Северной Африки на современном этапе. Выявлены проблемы высшего и среднего образования в регионе.

Ключевые слова:

Северная Африка, образование, постколониальный период, среднее образование, высшее образование.

Образование в экономическом и социальном развитии современного общества, в том числе и стран Северной Африки, обеспечивает международную конкурентоспособность национальной экономики, что повышает внимание общественности к проблеме государственной политики в сфере образования. Будущее принадлежит тем странам, которые имеют эффективную систему образования, обладающую возможностями создать необходимый интеллектуальный потенциал для решения политических, экономических, социальных и культурных задач, стоящих перед обществом.

Для стран Северной Африки – Египта, Судана, Ливии, Туниса, Алжира, Марокко, Мавритании, одной из актуальных задач на протяжении всего периода развития системы образования является повышение образовательного уровня населения. Периодизация становления и развития образовательной системы данного региона связана с колонизацией и представлена доколониальным периодом, периодом колониализма и постколониальным периодом, который продолжается и в настоящее время.

Развитие образования в странах Северной Африки в доколониальный период, начиная с VII в. н.э., было тесно связано с распространением религиозного учения ислама, сыгравшего важную роль в объединении разрозненных арабских общин [1].

В колониальный период, политические и социально-экономические реформы, проводимые колонизаторами для удовлетворения их собственных нужд, не могли не затронуть и систему образования, которая по основным принципам и содержанию не соответствовала национальным интересам государств Африки. В колониальный период государства Африки имели практически сплошную неграмотность взрослого населения и почти полное отсутствие квалифицированных национальных кадров. Африка получила в наследство от колониализма массовую неграмотность взрослого населения, дети и подростки были слабо охвачены обучением, сеть учебных заведений была неразвита, почти полностью отсутствовали средние технические и высшие учебные заведения. Обучение велось на европейских языках в отрыве от условий и потребностей социально-экономического и культурного развития стран Африки. Образование в колониальный период предоставлялось коренному населению в небольших дозах для того, чтобы население страны было невежественным. К 1960 г. XX века уровень неграмотности взрослого населения в Африке составлял около 90%, охват детей младшего школьного возраста начальным образованием в целом по континенту составлял около 30%, а в таких государствах Северной Африки, как Ливия и Мавритания не достигал и 10% [1].

Завоевание политической независимости в 70-х гг.

XX века создало условия для расширения систем среднего и высшего образования в африканских государствах, для коренного пересмотра целей и содержания образования с учетом требований экономического и социального положения освободившихся стран. Поэтому формирование национальных систем среднего и высшего образования и подготовки национальных кадров молодых африканских государств стало одной из приоритетных задач в социальной политике большинства африканских государств на протяжении всего периода независимости.

В настоящее время система среднего и высшего образования стран Северной Африки представлена сетью средних, средних специальных и высших учреждений, включающих несколько ступеней обучения. Так, например, среднее образование в Мавритании с 2007 года включает начальное образование, которое длится 6 лет с 6-летнего возраста с 1 по 6 классы; среднее образование, включающее базовый цикл, продолжительностью 4 года с 7 по 10 классы, цикл профильного образования продолжительностью 3 года с 11 по 13 классы, который является заключительным этапом среднего образования. Профиль обучения – гуманитарный, математический, естественнонаучный или религиозный, учащиеся могут выбрать для продолжения обучения на завершающем этапе среднего образования. При завершении профильного цикла общего среднего образования выпускники сдают экзамены и получают итоговый документ Диплом бакалавриата среднего образования, который дает доступ к получению высшего образования. Учащихся, которые закончили первый цикл среднего образования, принимаются на программы профессионально-технического образования. После завершения профессиональной программы продолжительностью 3 года выпускники получают Свидетельство о профессиональном обучении, а после завершения 2-летней программы – Свидетельство техника, которые дают право продолжения обучения по программе последнего года второго цикла среднего образования для получения диплома бакалавра среднего образования.

Аналогичная система среднего образования в Алжире, которое также включает ступени начального образования с продолжительностью 5 лет с 6-летнего возраста; ступень среднего образования, состоящего из базового цикла продолжительностью 4 года с 6 по 9 классы и заключительного цикла профильного образования продолжительностью 3 года с 10 по 12 классы.

На завершающем этапе среднего образования учащиеся могут выбрать для продолжения обучения общий или технический лицей. При завершении второго цикла общего среднего образования выпускники сдают экзамены и получают итоговый документ Диплом бакалавриата среднего образования или Диплом бакалавра образования второй ступени с указанием профиля заключительного этапа обучения в лицее; выпускники технических лицеев после сдачи предусмотренных программой

экзаменов получают диплом технического бакалавриата. Эти документы дают доступ к программам высшего образования. По завершению обучения по программам профессионально-технического образования в течение 2 лет обучения выдается Свидетельство о профессиональной пригодности, в течение 3 лет – Свидетельство о профессиональном обучении.

В Судане система среднего образования включает 3 уровня образования: дошкольное образование, начиная с 5-летнего возраста, в течение 1 года; базовое образование для детей с 6 лет, которое длится 8 лет; среднее образование, начиная с 14 лет, которое длится 3 года. Старшая средняя школа включает общее/техническое и профессиональное направления. Ученики, окончившие профессиональную программу среднего образования, не имеют права на продолжение обучения в высших учебных заведениях, но могут осуществлять профессиональную деятельность. Программа обучения доуниверситетского уровня представлена двумя уровнями 8+3, по окончании которого ученики сдают единый экзамен для получения сертификата об окончании программы академического или технического направления. Такая система среднего образования в Судане реализуется с 2010 года.

Становление системы среднего и высшего образования на Африканском континенте в период независимости происходило под воздействием целого ряда, как внешних факторов, так и внутренних условий. Разнообразие условий социально-экономического развития, материальных, финансовых и людских ресурсов в различных странах предопределяло неравномерность дальнейшего реформирования образования в Северной Африке. Так, например, система образования Туниса дважды подвергалась масштабному реформированию. Первая реформа образования Туниса, которая была проведена в 1958 году, ввела принцип обязательности начальной школы; вторая реформа, проведенная в 1991 году, закрепляла принцип обязательного начального и среднего образования для детей в возрасте с 6 до 16 лет. Реформирование системы среднего и высшего образования в Тунисе привело к высоким результатам. К 2010 году Тунис добился снижения неграмотности взрослого населения до 20,3% против 80% в 1956 году, поступления в начальную школу 99% детей старше 6 лет. С 1956 по 1976 год более чем в 4 раза выросла абсолютная численность учеников начальной школы, в 5,5 раз – средней и в 12 раз – высшей школы. С 1984–2010 гг. количество учащихся начальной школы пошло на убыль, средней – выросло почти в 3 раза, высшей – более чем в 10 раз. Быстрые темпы развития получило высшее образование Туниса. С 2000-х гг. государство стало поощрять открытие частных вузов, дипломы которых были приравнены к государственным. Так, если в 1961 году в Тунисе насчитывалось 2,3 тыс. студентов, то в 2009/10 учебном году – 346 тыс. студентов, что составляло почти 3% населения страны. Это привело к проблеме трудоустройства выпускников средних учебных заведений и вузов. Так, на

2010 год безработица среди дипломированных специалистов достигла 20%, безработица среди молодежи с полным средним образованием достигла в том же году 30% [2, с. 15–16].

Система высшего образования в подавляющем большинстве государств Северной Африки находилась в зачаточном состоянии, ее развитие целиком связано с периодом независимости. Подготовка специалистов высокой квалификации в Африке являлась сравнительно наименее развитым звеном формирования кадрового потенциала, что было связано со значительным отставанием в создании ее инфраструктуры по отношению к другим ступеням образования.

Поэтому в настоящее время в развитии системы образования государств Северной Африки приоритет отводится программам поддержки высшего образования и профессиональной подготовки, наращивания потенциала высших учебных заведений, укрепления партнерских отношений между студенческими сообществами, профессиональными ассоциациями и неправительственными организациями. Так, в 2007 году на конференции глав африканских государств и правительств в Аддис-Абебе, были подписаны документы, касающиеся активности деятельности африканских университетов в контексте утверждения Сводного плана действий по науке и технологиям в Африке (2008–2013). Для повышения мобильности африканских студентов и ученых в 2008 году комиссия Африканского союза предложила объединить африканские ВУЗы в единую сеть – Панафриканский университет, предполагающий проведение межуниверситетских исследований в пяти тематических областях: технологии, инновации; водные ресурсы и энергетика; науки о жизни и земле; космические разработки; управленческая деятельность. Каждый регион имеет свою направленность: Северная Африка – медицинские исследования, Южная Африка – повышение квалификации учителей, Западная Африка – совершенствование агрокультуры, Центральная Африка – инженерно-технические проекты, Восточная Африка – изучение особенностей строительства гражданского общества. Начиная с 2014–2015 г.г. странами-членами Африканского союза ведется обсуждение проекта документа по развитию Африки в течение последующих 50 лет под названием "Повестка дня 2063". В нем задаются перспективы развития коллективных научных исследований, увеличения количества рабочих мест в социально значимых отраслях и возможностей для самореализации граждан в целях удержания высококвалифицированных кадров и талантливой молодежи на территории Африки [4, с. 76–77].

В настоящее время система высшего образования стран Северной Африки представлена как государственными, так и частными вузами. Ряд стран Северной Африки приняли к внедрению Болонскую структуру циклов высшего образования: бакалавриат – магистратура – докторантура. Это, в первую очередь, относится к Алжиру, Марокко, Тунису, Ливану.

Например, в Алжире высшее образование реализуется в университетах, технических институтах и педагогических колледжах на основе общих правил, регулирующих образование в частных и государственных учебных заведениях. Доступ к программам университетского сектора высшего образования имеют обладатели дипломов бакалавра с учетом профиля полученной подготовки на основе результатов обучения в средней школе.

На программы неуниверситетского сектора высшего образования продолжительностью 5 лет, реализуемые в технических институтах и ведущие к получению квалификации инженера, принимают обладателей дипломов бакалавра, учитывая профиль полученной подготовки и результаты обучения, а также тех, кто прошел подготовку по программе второго цикла среднего образования, но не получил диплом бакалавра. Профессиональная программа продолжительностью 2,5 года завершается выдачей Диплома высшего техника, который не дает доступ к программам высшего образования, однако в случае завершения программы с 5-летней продолжительностью присваивается квалификация Диплом высшего техника, которая дает право на продолжение обучение по инженерной программе.

Реформирование системы высшего образования в Алжире привело с 2004 года к изменению структуры университетского сектора высшего образования и введению новой системы степеней. До 2004 года эта система была организована на основе циклических уровней, согласно которым после двух лет обучения в университете выдавался Диплом об общем университетском образовании с указанием направления подготовки, представляющий собой промежуточный документ об образовании, подтверждающий окончание первого цикла высшего университетского образования. Данный документ давал доступ к продолжению образования на третьем году обучения по направлению подготовки в вузе. Завершение второго цикла высшего университетского образования продолжительностью 4 года подтверждалось Дипломом лицензиата. Выпускники программ в области естественных и технических наук с нормативной продолжительностью 4 года получали, как правило, диплом о высшем образовании. Наличие диплома лицензиата или диплома о высшем образовании давало право продолжить обучение для получения квалификации Диплома магистра. Одновременно с циклическими программами по таким специальностям, как стоматология, ветеринария, фармация, архитектура, реализовывались "длинные" образовательные программы с нормативной продолжительностью 5 лет. Выпускникам образовательных программ по медицинским специальностям с нормативной продолжительностью 7 лет, включая год интернатуры, присваивался Диплом доктора медицины. К программам докторской подготовки продолжительностью не менее 3 лет имели доступ обладатели дипломов магистра, после успешного обучения по которым, включающего обязательную защиту диссертации, присваивалась степень государственно-

го доктора. Реализация новой структуры высшего образования, начатая в 2004 году, аналогичной болонской трехуровневой структуре степеней, была законодательно утверждена новым законом о национальном образовании в 2008 году. Новая структура включает относящуюся к первому уровню Степень лиценциата продолжительностью 3 года, и подтверждаемую Дипломом лиценциата; квалификацию второго уровня – степень мастера, присваиваемую после завершения образовательной программы с 2-летней продолжительностью обучения, и степень доктора – квалификацию третьего уровня, доступ к которой имеют обладатели степени мастера.

В Мавритании программы высшего образования реализуются в нескольких высших учебных заведениях в единственном университете страны – Университете Нуакшот. На программы высшего образования принимают обладателей дипломов бакалавра в соответствии с профилем полученной подготовки с учетом результатов обучения. После двух лет обучения в университете выдается Диплом об общем университетском образовании с указанием направления подготовки, который подтверждает окончание первой ступени высшего университетского образования и дает доступ к продолжению образования по программе второй ступени, ведущей к присвоению степени мэтриз. Национальная школа по подготовке руководящих кадров государственного аппарата присваивает диплом после завершения 5-летней образовательной программы. Реформирование системы высшего образования Мавритании с 2008–2009 учебного года проводилось в направлении перехода к трехуровневой схеме высшего образования, аналогичной болонской трехуровневой системе степеней.

По численности студентов безусловным лидером является Египет. Так, в 2000 году в стране насчитывалось по всем видам подготовки 836 тыс. студентов, в Марокко – 258 тыс., в Алжире – 237 тыс. студентов. Среди недавно созданных вузов обращает на себя внимание Арабский Открытый Университет (АОУ) в Египте, в котором используются учебные программы Открытого Уни-

верситета Великобритании. Получает развитие дистанционное и открытое образование. Например, в Тунисе Министерство высшего образования добивается разработки аутентичных учебно-методических материалов от национальных провайдеров [3. с. 49].

К проблемам развития высшего образования в странах Северной Африки относится слабая материально-техническая база, неуккомплектованный штат преподавателей, состав которых и профессиональная подготовка не всегда соответствует современным требованиям. Вузы африканских стран чрезвычайно различаются между собой по размеру, количеству поступающих студентов, образовательным программам и стандартам образования [3, с. 49]. Так, например, в Марокко в последнее время процент выпускников высших учебных заведений составляет всего 11%, например, в 2007 году их количество было 88137 человек. Проблемы высшего образования в Марокко отражаются в том, что в государственных университетах неравномерно развиваются профили обучения, преимущественно развиваются отрасли медицины, техники и бизнеса; частные учебные учреждения набирают в свой штат неквалифицированных специалистов, имеет место слабое материально-техническое оснащение и финансирование.

Таким образом, к особенностям высшего образования в странах Северной Африки относится то, что оно отличается большой неоднородностью по доступности, типам национальных моделей, качеству образования и уровню затрат на одного студента. Многие вузы стран региона Северной Африки не в состоянии предоставлять образовательные услуги, отвечающие требованиям конкурентоспособности на мировом рынке. Большинство стран Северной Африки отдает предпочтение подготовке специалистов на высших ступенях обучения магистратуры и докторантуры в зарубежных вузах. В этой связи государствам-партнерам открывается непрерывно расширяющийся рынок подготовки специалистов высших категорий для нужд экономики стран региона Северной Африки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенков В. П. Развитие образования в Африке (1960–1980 гг.) // Советская педагогика. – 1987. – № 7. – С. 119–126.
2. Кашина А.А. Социальная политика Тунисской Республики последней трети XX – начала XXI вв.: автореф. диссертации ... кандидата политических наук: 23.00.02. – Москва, 2012. – 24 с.
3. Лукичев Г.А. Развитие высшего образования в арабских странах (аналитический обзор) // Вестник высшей школы. – 2008. – №4. – С. 48–52.
4. Страны Африки в глобальной политике XXI века // Материалы XIII Всероссийской школы молодых африканистов. – Санкт-Петербург, 2014. – 182 с.

© Л.А. Новикова, Л.К. Ушакова, (ludmila.novikova12@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ К ИЗУЧЕНИЮ ИНФОРМАТИКИ В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ НА ОСНОВЕ ИЗМЕНЕНИЯ ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА ПРОГРАММИРОВАНИЯ

INCREASING THE MOTIVATION OF STUDENTS TO STUDY INFORMATICS AT THE BASIC SCHOOL ON THE BASIS OF CHANGES IN THE STUDIED PROGRAMMING LANGUAGE

O. Pereslegina

Annotation

This article deals with the issues of increasing the motivation of students in the study of the discipline "Informatics". Some reasons of decrease of motivation, their connection with the study of programming are analyzed. Also, one of the effective ways to improve it by changing the language to a more modern programming language is proposed. The results of testing of the proposed changes are presented.

Keywords: basic school, pedagogy, motivation, computer science, programming, Pascal, C++.

Переслегина Ольга Константиновна
Университетский лицей № 1523
предуниверситария НИЯУ МИФИ,
г. Москва

Аннотация

В данной статье рассмотрены вопросы повышения мотивации школьников при изучении учебной дисциплины "Информатика". Проанализированы отдельные причины понижения мотивации, их связь с изучением программирования. Также предложен один из эффективных способов её повышения посредством изменения изучаемого языка на более современный язык программирования. Приведены результаты апробации предлагаемых изменений.

Ключевые слова:

Основная школа, педагогика, мотивация, информатика, программирование, Pascal, C++.

Умение программировать является одним из самых востребованных навыков современной жизни. В настоящее время существует огромное количество различных методов программирования, начиная объектно-ориентированным и заканчивая функциональным программированием. С течением времени всё больше разновидностей деятельности человека подлечит автоматизации, что неизбежно приводит к повышению востребованности высококвалифицированных специалистов в данной области.

Изучение программирования начинается ещё при обучении в школе. В Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС) [1] прописано одно из требований к предметным результатам изучения учебной дисциплины "Информатика": "...знакомство с одним из языков программирования...".

Традиционно, в качестве изучаемого языка рассматривается одна из версий языка программирования Pascal. На это имеется целый ряд причин. Во-первых, язык программирования Pascal строго типизирован и включает в себя все базовые конструкции, изучаемые в школе. Во-вторых, для языка программирования Pascal имеется обширная методическая база задач и их решений, что значительно упрощает работу учителя. В-третьих, образовательные учреждения среднего образования

дают лишь базовые знания по программированию, что убирает всякую необходимость "усложнять" образовательный процесс, делая и работу учителей, и работу учеников менее трудоёмкой по сравнению с иными, более актуальными и востребованными языками программирования.

Единственным весомым недостатком рассматриваемого языка программирования является его непрактичность. Язык программирования Pascal не используют за пределами учебного процесса, так как данный язык уже давно устарел.

В силу того, что прогресс не стоит на месте и, как ранее было указано, стремительно возрастает потребность в высококвалифицированных программистах, имеет место уже на начальной стадии изучения языка программирования рассматривать более "современные", практико-ориентированные языки. Изменение изучаемого языка программирования в процессе обучения позволит предоставить вниманию учащихся наибольший спектр возможностей применения получаемых знаний.

Такого рода изменение связано не только с внешним запросом общества, но и с тем, что у учеников 8-9 классов, в силу возрастных особенностей, стремительно падает мотивация к изучению языка программирования,

применения которому за пределами образовательного процесса они не найдут.

Отсюда появляется сложность в повышении мотивации учеников к изучению программирования на данном этапе процесса обучения. Одним из возможных способов повышения мотивации может служить изменение базового языка программирования, изучаемого в школе на уроках информатики.

Среди всех популярных языков программирования стоит выделить C++, который наиболее широко распространен с практической точки зрения. С помощью данного языка программирования было разработано большое количество различных прикладных программ, которыми сотни пользователей компьютера пользуются ежедневно (такие, как GoogleChrome, MozillaFirefox, линейка программных продуктов Adobe и др.). Он тесно связан с другими языками программирования семейства C, проще для начального этапа изучения программирования, но при этом является достаточно сложным и обширным инструментом для работы. Вместе с тем, язык C++ позволяет продемонстрировать больший спектр возможностей программирования, нежели ранее используемые, устаревшие языки программирования. При обладании рядом навыков работы с языком программирования C++ никаких трудностей при работе с иными языками программирования не возникнет.

Безусловно, понимая принципы построения одного языка программирования, легко освоить целый ряд схожих языков и касается это не только C++, но стоит отметить, что Pascal использовался как учебный язык, в первую очередь, для изучения алгоритмов. На данный момент получаемых знаний недостаточно, так как основы алгоритмики ребята осваивают еще в начальной школе, а к уровню знаний, полученных в процессе обучения в 8–9 классах, запрос стал на порядок выше.

Стоит отметить, что синтаксис языка C++ вполне подходит для изучения в основной школе и полностью удовлетворяет запросам к результатам обучения.

Первым преподавать C++ в школе предложил К.Ю. Поляков [2] в профильном курсе информатики. Отметим, что автор предполагает изучение C++ на более поздней стадии, в старшей школе.

Данное предположение о положительном влиянии изменения рассматриваемого языка программирования

в процессе изучения алгоритмов и базовых структур одного из языков программирования было реализовано в практике работы в образовательном учреждении среднего образования.

В процессе изучения программирования с учениками 9 класса было предложено изучать основные алгоритмические конструкции и основы языка программирования как раз на примере языка программирования C++. Результаты внесенных изменений, как и ожидалось, были положительными. Некоторые ученики проявили интерес к программированию за пределами изучаемого материала и продолжили развивать свои знания с помощью дистанционных курсов (таких, как GeekBrains), на уроках повысилась активность и вовлеченность в процесс обсуждения построения алгоритмов решения задач, что напрямую связано с более обширными возможностями языка C++.

Более того, разбор ошибок, связанных с процессом компиляции, не только вызывал некоторый интерес, но и положительно повлиял на понимание структуры самого языка программирования, что положительно влияло на процесс обучения в целом.

С точки зрения психологических особенностей подростков такое изменение оказывает благоприятное влияние на ученика как личность: понимание того, что в рамках среднего образования они решают более трудоемкие задачи способствует становлению объективного самонаблюдения и добавляет уверенности в своих возможностях, что в подростковом возрасте является одним из наиболее важных личностных аспектов.

Если рассматривать данный вопрос с позиции практической значимости развиваемых компетенций стоит отметить, что изучение более высокоуровневых языков программирования способствует повышению результатов как при участии в олимпиадах, так и при сдаче экзаменов. Кроме того, стремительное развитие проектной деятельности школьников позволяет дополнительно мотивировать обучающихся к расширению знаний программирования с целью решения более сложных задач, которые, впоследствии, могут способствовать развитию ряда навыков, свойственных высококвалифицированным программистам, уже за рамками обучения в образовательном учреждении и помочь подростку самоопределиваться с дальнейшим занятием по жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный Государственный образовательный стандарт основного общего образования [Текст]: утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010г., №1897 / Министерство образования и науки Российской Федерации. – Москва: 2010 г.
2. Поляков К.Ю. Информатика. 10 класс. Углубленный уровень. В 2 ч. // Поляков К.Ю., Еремин Е.А. М.: 2013 – Ч.1 – 344с., Ч.2 – 304с.

ПРИНЦИПЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В МЕДИЦИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

THE PRINCIPLES OF LATIN LANGUAGE TEACHING AT THE MEDICAL UNIVERSITY

*M. Ramazanova
Z. Salamova*

Annotation

There is written in this article about the necessity of teaching Latin language at the medical university. A professional goal of learning Latin language course is to train a terminologically competent doctor. Memorizing the words is one of the most important parts of Latin language learning. Latin vocabulary will help later on in the work with medical terminology. Besides medical terminology there is as well a lot of attention to Latin aphorisms what helps students not just to get to know centuries-old wisdom but better to memorize Latin words.

Keywords: medical terminology, Latin aphorisms, lexical form of Latin words.

*Рамазанова Марина Шарапудиновна
Доцент, Дагестанский Государственный
Медицинский Университет, г. Махачкала
Саламова Заира Магомедгаджиевна
Доцент, Дагестанский Государственный
Медицинский Университет, г. Махачкала*

Аннотация

В данной статье говорится о необходимости преподавания латинского языка в медицинском университете. Изучение курса латинского языка преследует сугубо профессиональную цель – подготовить терминологически грамотного врача. Заучивание слов – одна из важнейших составных частей занятий по латинскому языку. Именно латинская лексика поможет в дальнейшем работе с медицинской терминологией. Помимо медицинской терминологии на занятиях также уделяется внимание латинским афоризмам, знание которых помогает студентам не только узнавать многовековую мудрость, но и лучше запоминать латинские слова.

Ключевые слова:

Медицинская терминология, латинские афоризмы, словарная форма латинских слов.

Латынь была и остается одним из самых важных дисциплин в обучении врача и фармацевта. Латинский язык начал развиваться с VI века до нашей эры. Его основой был диалект, на котором говорили жители Рима. В те дни "Вечный город" был столицей региона под названием "Латиум". Именно из названия этого региона происходит название языка.

По мере усиления власти Древнего Рима язык Латинской все больше расширялся. Он охватывал все римские колонии и имущество. И их жители говорили на латыни не только по принуждению – латинский язык для них был проводником высшей культуры.

Следует иметь в виду, что древнегреческий (и современный греческий) язык вместе с латинским языком относятся к семье индоевропейских языков, в которую также входят славянский, балтийский, индийский, иранский языки. Все индоевропейские языки имеют общее происхождение от одного базового языка. Терминология греко-латинского происхождения легко усваивается на всех этих языках, часто через посреднические языки, в основном через английский язык. Традиционное многовековое эффективное использование не только словарного и

словообразовательного средств двух классических языков, но и их типичных структур, словообразовательных моделей объясняется, прежде всего, историей возникновения и развития медицинской практики и медицинские знания в Европе.

Именно греки и римляне создали первые работы по медицине.

Самым известным из древнегреческих врачей является знаменитый Гиппократ (460–377 до н.э.). Гиппократ является автором многих работ по медицине: "Афоризмы", "Прогностик" (он представляет общие свойства болезни), "Эпидемии" (описание заболевания), "О природе человека" (здесь теория четырех состояний (или жидкостей): "Кровь", "мокрота", "желтая желчь" и "черная желчь"), а также "Клятва" (более известная как "Присяга Гиппократа").

"Коллекция Гиппократов" включала работы не только Гиппократа и его учеников, но и врачей, которые представляли другие направления древнегреческой медицины. Из "Гиппократической коллекции" на самом деле начинается история европейской медицины и медицинской терминологии.

Из коллекции Гиппократ, часто с помощью последующей романизации, научные науки, такие как нефрит, парез, бронх, уретра, акромион, карцинома, полип, тиф, эпидемия и многие другие, пришли к научной медицине. Латинский и греческий языки, закладывающие основы мировой научной терминологии, по-прежнему служат основой для создания новых и новых терминов.

Изучение латыни – это тяжелая работа, в сочетании с зубрежкой. И из первого урока следует ориентировать учеников на серьезные усилия по пониманию латыни.

Изучение курса латинского языка в медицинском университете имеет исключительно профессиональную цель – подготовить терминологически компетентного врача. Тем не менее, студенты имеют возможность улучшить свой культурный и образовательный уровень, расширить свой кругозор.

Нам необходимо ознакомить студентов с основными вехами в развитии профессионального языка врача, спецификой терминов и терминологии, основами медицинской терминологии и т. Д. Когда ученики других предметов начинают легко понимать и понимать научную терминологию, основанную на уже известных им латинских корнях, и согласно правилам формирования латинского слова, они постоянно убеждены в пользе и необходимости латыни для собственного образования.

Основной задачей обучения в медицинском колледже является подготовка квалифицированных специалистов – врачей, что немаловажно без овладения специальной терминологией. Терминология (от *flaT.terminus – limit*, границы и греческая *logia–science*) – это слова или фразы, обозначающие определенные понятия в системе названий, используемых в этой области знаний. Научная концепция является результатом теоретического обобщения, ее значение раскрывается в определении (из латинского определения – определение). "Понять суть научной концепции – значит иметь знание о связи данного понятия (термина) с другими, о его месте в системе понятий (терминов) этой науки" (М. Н. Чернявский).

Терминологическая подготовка будущих врачей подразумевает не только понимание терминологии, но и практические навыки ее активного использования.

При обучении латинскому языку важно никогда не упускать из виду мотивацию изучения данного языка, сознательного и подсознательного.

Прежде всего, это должно послужить вводной лекцией в начале курса. В этой лекции, помимо того, чтобы показать роль латыни в истории мировой культуры, история самого языка, история его изучения и т. Д., Особенно те, которые непосредственно интересуют студентов, стимулируя их желание изучать латынь, должны быть выделены.

К ним относятся красота самого языка, в краткой афористической форме, выражающей глубокие истины. Важным стимулирующим фактором является растущее филологическое образование студентов, что позволяет по-разному относиться к изучению других языков. По-

стоянная работа с производными на новых языках приводит к более содержательному знанию словарного запаса английского, французского, немецкого и других языков. Ранее неизвестные, запутанные и непонятные в композиционных словах теперь приобретают этимологическую "прозрачность", которая позволяет угадать или просто понять смысл слова, которое впервые встретилось. Все это должно постоянно указываться учителем для повышения мотивации в изучении латыни.

Грамматика латинского языка вводится постепенно, от простого к сложному. Наиболее важные элементы латинской грамматики – склонение имен и сопряжение глаголов – фиксируются на протяжении всего курса, в виде упражнений по склонам и угадыванию или формированию необходимых словесных форм. Постоянным принципом работы с латинской грамматикой должен быть сравнительный анализ грамматических категорий латыни с соответствующими явлениями на русском и других языках. Эта работа, полезная во всех отношениях, позволяет сознательно и не только за счет механической памяти овладеть основами латинской грамматики. Кроме того, он обогащает понимание русского и иностранного языков, начиная с латыни – языка *par excellence*.

С самого начала следует научить использовать терминологию латинской грамматики (причастие вместо "причастия", бесконечность вместо "неопределенной формы глагола", *perfectum* вместо "прошедшего времени и т.д." | Это должно быть сделано во-первых, из-за невозможности иногда использовать русские эквиваленты из-за их неадекватной латыни, а во-вторых, важно овладеть международной лингвистической терминологией, полностью построенной на латыни.

Запоминающие слова – одна из важнейших частей латинских исследований. Это латинская лексика, которая поможет в дальнейшей работе с медицинской терминологией.

С самого начала все студенты должны иметь специальные записные книжки для записи слов. Каждая страница разделена на три столбца, первое слово написано в ее словарной форме, во втором – ее русский перевод, в третьем – производные этого слова на русском и известных иностранных языках.

Слова должны быть изучены в их словарной форме, т.е. существительные в именительном и родительном падеже; 1–11 склонение прилагательных – три линии, III склонение – в трех или двух формах (для прилагательных три и два окончания) или в именительном и родительном падеже, если прилагательное одно закрытие. Определенный автоматизм знания грамматических форм, необходимый для ориентации в анатомической, фармацевтической, клинической терминологии, требует зубрежки, без чего это необходимо. Много времени и усилий требует изучения слов, упражнений. Опыт показывает, что ослабление требований в какой-то части этих видов деятельности приводит к тому, что накопленные материалы недостаточно изучены, а это, в свою очередь, вызы-

вает недоумение студента перед лицом все более неясных медицинских терминов. Лексический минимум, представленный в учебнике объемом около 900 единиц (слова и терминологические элементы), предназначен для постоянного запоминания на уровне долговременной памяти. Во время его отбора был принят ряд принципов, в первую очередь частота применения, тематическое значение и валентность словообразования.

Изучение наизусть развивает память. Слова нового языка нужно преподавать, чтобы не искать каждое слово в словаре, также ясно. Но нужно ли учить многочисленные латинские афоризмы, которые мы даем в начале каждого урока?

По нашему мнению, это необходимо. Прежде всего потому, что латынь – мертвый язык неразговорных и афоризмов, произносимых на латыни, – это почти единственный элемент живой латыни. Оставшиеся долго в памяти, они будут воспроизводиться снова и снова в сознании, когда он научил ее латыни, произношение и грамматические правила, жить во рту и в памяти.

В дополнение к многовековой мудрости, воплощенной в этих афоризмах, их запоминание очень полезно для текущего изучения латыни. Во-первых, многие слова становятся таким образом изученными, а во-вторых, в

памяти, грамматические правила, на которых построен этот афоризм, откладываются. Скажем, изучив афоризм *"Per aspera ad astra"* – *"Через шипы к звездам"*, у студента есть все шансы вспомнить, что в прилагательном *asper*–*e*–ссылается на основание и не выпадает, когда склонение что "звезда" на латыни не является астрадой, ай, астроном, – в том, что объявление требует винительного падежа и что средний род во втором склонении в винительном падеже имеет, согласно правилу среднего рода, окончание –а.

А как насчет радости владения этими афоризмами на языке оригинала! Их повторение превращается каждый раз в забавное соревнование, которое знает все более и более точно.

Отдельные латинские афоризмы и высказывания касаются вопросов жизни и смерти, здоровья человека, поведения врача. Некоторые из них – медицинские деонтологические заповеди, например: *Salus aegroti suprema lex medicorum*. – Благословение больного – высший закон врачей; *Primum non nocere!* "Прежде всего, не вреди!" (Первая заповедь врача). Таким образом, благодаря изучению латинского языка, студент представляет себе безболезненный вход в медицинскую терминологию, а также полное понимание смысла иностранной и внутренней культурной терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Городкова Ю.И. Латинский язык. – Феникс: 2009.
2. Лобода В., Яхро В. Латинский язык. VS. – Москва: 2010.
3. Мерцелли А.А. Латынь и основы медицинской терминологии. – Феникс: 2009.
4. Подосинов А.В. Грамматика латинского языка. Флинт: Наука.
5. Покровская З.А., Кацман Н.Л. Сборник книг на латыни. VS. – Москва: 2012.
6. Чернявский М.Н. Латынь и основы медицинской терминологии. – Москва: SHIKO, 2007.
7. Цисик А.З. Латинский язык. TetraSystems, 2009

© М.Ш. Рамазанова, З.М. Саламова, (sabri82@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Дагестанский Государственный Медицинский Университет, г. Махачкала

РАЗРАБОТКА ЭЛЕКТРОННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО РЕСУРСА ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ ИЗУЧЕНИЯ РАЗДЕЛА "КЛАССЫ" ЯЗЫКА ПРОГРАММИРОВАНИЯ C#

DEVELOPMENT OF ELECTRONIC
EDUCATIONAL RESOURCE TO SUPPORT
STUDY SECTION, "CLASSES" LANGUAGE
PROGRAMMING C#

*T. Romashkina
N. Mindorov
D. Davydova
M. Hutorskaj*

Annotation

The article presents the result of the development and software implementation of an educational resource to support the process of learning the "Classes" section of the C# programming language. The usage of the developed resource in the educational process allows improving the quality of learning educational material by first-year students during performing of laboratory work, in the process of out-of-class independent work and automating the process of control results of students learning.

Keywords: educational resource, the C# programming language.

Ромашкина Татьяна Витальевна

К. п. н., доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Миндоров Николай Иванович

К. п. н., доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Давыдова Диана Эдуардовна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Хуторской Марк Михайлович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация

В статье представлен результат разработки и программной реализации электронного образовательного ресурса для поддержки процесса изучения раздела "Классы" языка программирования C#. Применение разработанного ресурса в учебном процессе позволяет улучшить качество усвоения учебного материала студентами первого курса при выполнении лабораторных работ, в процессе внеаудиторной самостоятельной работы и сократить затраты времени на процесс контроля результатов обучения студентов.

Ключевые слова:

Образовательный ресурс, язык программирования C#.

Программная реализация проекта [1] позволила использовать образовательный ресурс в учебном процессе для поддержки изучения дисциплины "Информатика и основы программирования" (раздел "Классы") студентами первого курса.

Для программной реализации проекта использованы: среда программирования Visual Studio 2017, язык программирования C# и СУБД SQLite.

Схема разработанного образовательного ресурса представлена на **рис. 1**.

Функционал ресурса:

Студентам предоставляются (**рис. 2**):

1. учебные материалы в доступной форме;
2. возможность выполнять лабораторные работы;
3. возможность проходить тестирование в режиме реального времени;

4. возможность просматривать текущие баллы (отметки успеваемости).

Для программной реализации данного проекта, с учетом технического и программного оснащения, как аудиторий университета, так и парка домашних (студенческих) программно-аппаратных средств, выбрана СУБД SQLiteStudio 3.1.1.

Она бесплатная и портативная (что очень важно как показала практика), поддерживается операционными системами Windows 2000/XP/2003/Vista/7/8/10 (имеется русификатор) и обладает интуитивно понятным интерфейсом [2].

В процессе разработки электронного образовательного ресурса были выделены основные поля базы данных, на основании которых была построена схема базы данных, отражающая взаимодействие разработанного приложения и базы данных.

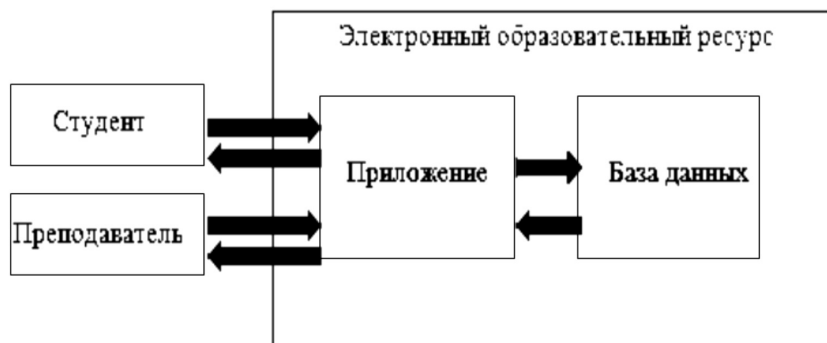

Рисунок 1. Схема образовательного ресурса.

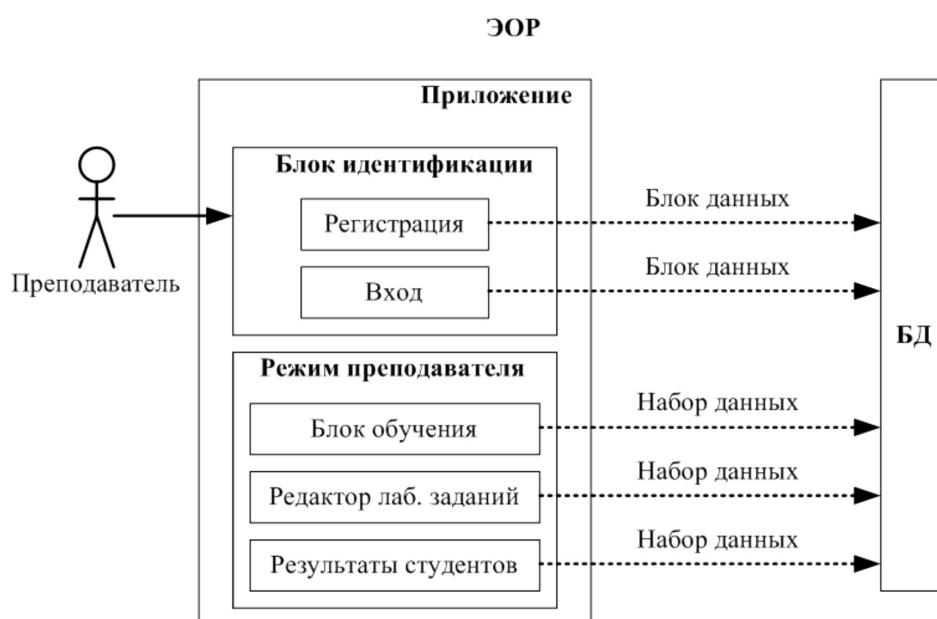

Рисунок 2. Схема информационных потоков; режим преподавателя.

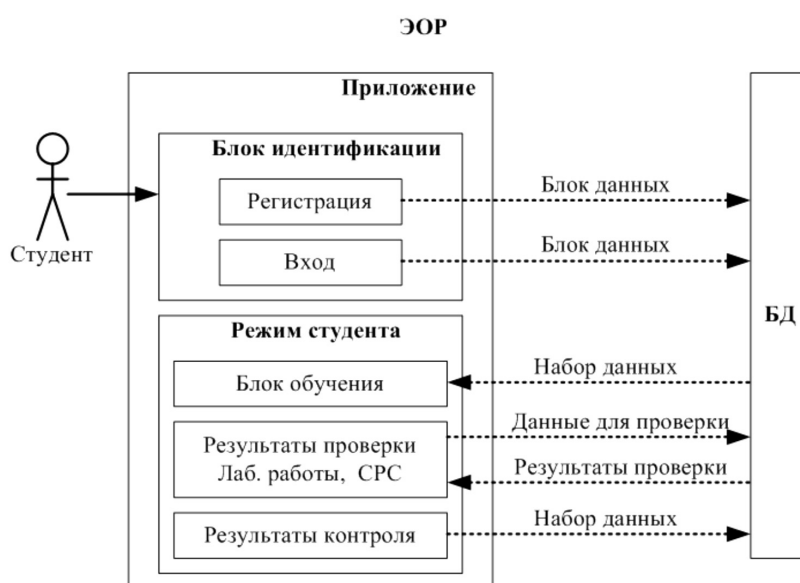

Рисунок 3. Схема информационных потоков; режим студента.

Работа ресурса в режиме студента.

После регистрации у пользователя-студента есть возможность "Перейти к обучению", "Сдать СРС на проверку", "Посмотреть свои результаты". После перехода к обучению (рис. 4), у студента есть возможность: просмотреть

теоретический материал; выполнить лабораторную работу и сдать ее на проверку; "Собрать рабочий материал" – сохранить и взять с собой материал теории, лабораторной работы для последующего выполнения СРС (внеаудиторная самостоятельная работа студента – "домашняя работа") (рис. 5).

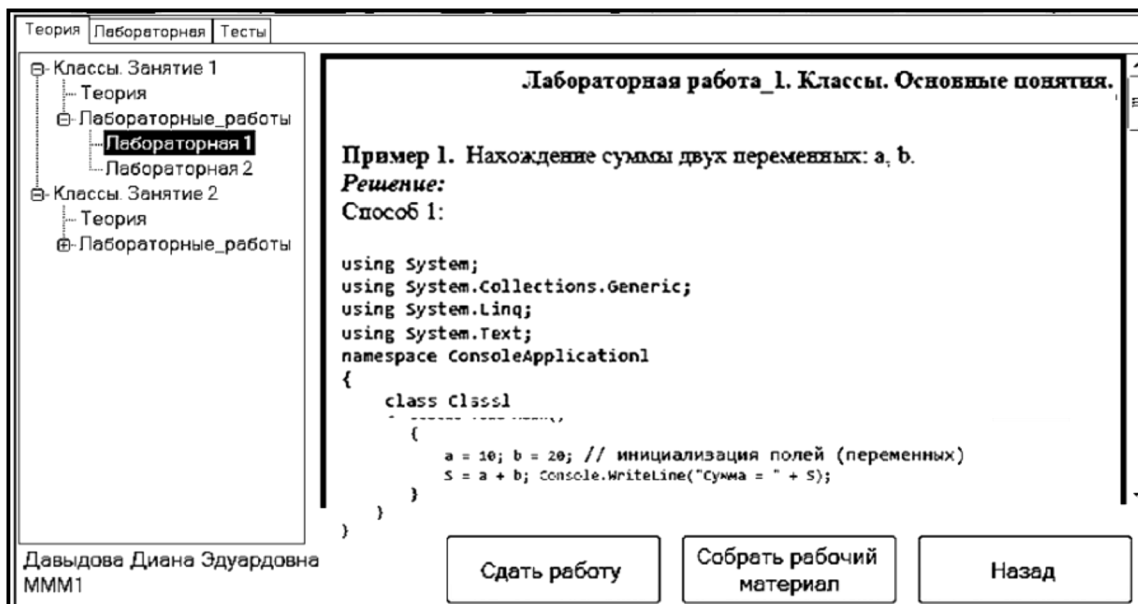

Рисунок 4. Диалоговое окно "Обучение" для пользователя-студента.

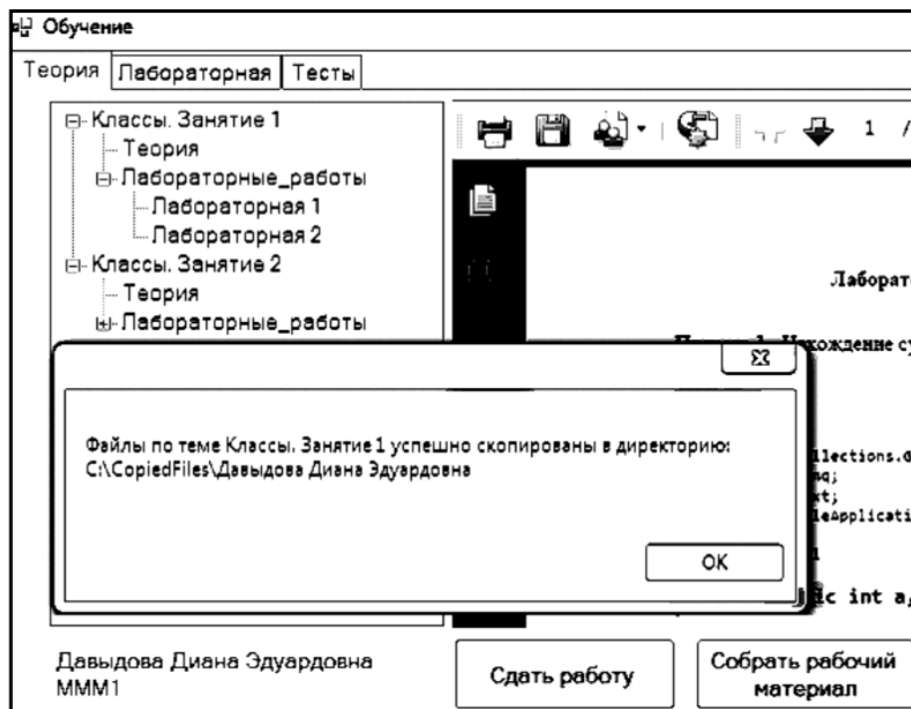

Рисунок 5. Диалоговое окно для сохранения рабочего материала.

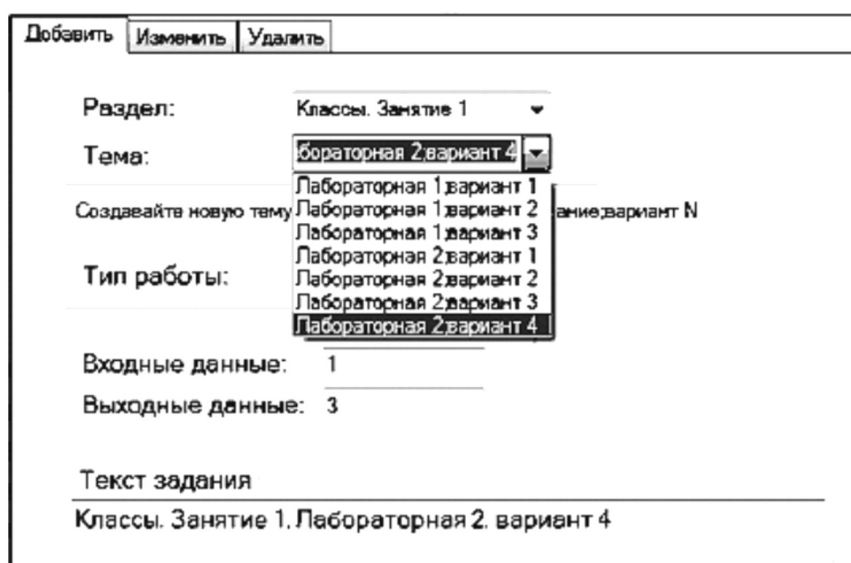

Рис. 6. Диалоговое окно редактирования заданий

Для контроля изученного материала, студенту предоставляется тестовый материал. При работе с тестом теоретические сведения, материал лабораторных работ будет не доступен. Информирование об этом студента осуществляется с помощью окна с предупреждением о недоступности соответствующих материалов ресурса.

Работа ресурса в режиме преподавателя.

Преподаватель при работе с ресурсом имеет возможность просматривать и редактировать учебн. материалы:

- ◆ добавлять новый теоретический материал, новые лабораторные работы (внесенные изменения отоб-

ражаются в структуре учебного материала);

- ◆ изменять и удалять существующие работы (рис.6);
- ◆ просматривать результаты работы студентов.

Результаты эксплуатации пробной версии разработанного образовательного ресурса позволяют утверждать, что использование программной реализации проекта повышает заинтересованность студентов в результатах своей работы. Это приводит к улучшению качества усвоения учебного материала студентами, сокращает временные затраты преподавателя на осуществление контроля результатов обучения студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миндоров Н.И., Ромашкина Т.В., Давыдова Д.Э., Хуторской М.М. Проектирование образовательного ресурса для поддержки изучения раздела "Классы" языка программирования С#: Теория и практика современной науки : электрон. журн. 2017. №12(30). 1063 с. С. 895–899 URL: http://modern-j.ru/teoriya_i_praktika_sovremennoy_nauki/ (дата обращения: 15.05.2018).
 2. SQLite [Электронный ресурс] URL: <https://www.sqlite.org/> (дата обращения: 25.04.2018).

© Т.В. Ромашкина, Н.И. Миндоров, Д.Э. Давыдова, М.М. Хуторской, (t_ubuch_11@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПЕРЕПОДГОТОВКА

Ваш путь к успеху!

- Управление проектами
- Управление государственными закупками
- Экономика и управление предприятием
- Государственное и муниципальное управление
- Финансовый менеджмент
- Главный бухгалтер коммерческой организации
- Маркетинг
- Управление персоналом

+7 (4722) 301-178
+7 (4722) 301-179

ВЫБРАТЬ ПРОГРАММУ

Высшая школа управления

УЧАСТИЕ ВЕРХОЯНСКИХ ШКОЛЬНИКОВ В РЕСПУБЛИКАНСКИХ, ВСЕРОССИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ ПО ПРОГРАММЕ "ШАГ В БУДУЩЕЕ"

PARTICIPATION OF THE VERKHUYANSK STUDENTS IN REPUBLICAN, ALL-RUSSIAN AND INTERNATIONAL CONFERENCES

S. Sedalischeva

Annotation

Scientific and Social Program "Step into the Future" in Verkhoyansky district of Sakha Republic (Yakutia) was launched in 1998. Since then, the Student Regional Scientific Conference has been held annually for pupils with participation of more than 120 young researchers. In order to improve the quality of student research works, Comprehensive Research Student Program "Verkhoyane – the Pole of Cold" was developed in 2006. Purposeful work in this program under the guidance of leading scientists in research institutions gave a great input to research work and development of intellectual and creative abilities of students.

Keywords: environmental education, Student Conference, Verkhoyane, student research.

Седалищева Саргылана Николаевна
Педагог, ДО МБОУ "Верхоянская
средняя общеобразовательная школа
им. М.Л. Новгородова" Верхоянского
района РС (Я); соискатель,
Институт развития образования
и повышения квалификации
им. Н.С. Донского-II г. Якутска РС (Я)

Аннотация

В Верхоянском районе РС (Я) с 1998 г. начала работу научно-социальная программа "Шаг в будущее". С тех пор здесь ежегодно проводится Региональная научная конференция школьников с участием более 120 юных исследователей. В целях повышения качества исследуемых научных работ учащихся, в 2006 г. была разработана Комплексная научно-исследовательская программа школьников "Верхоянье – полюс холода". Целенаправленная работа по этой программе под руководством ведущих ученых научных институтов дала большой толчок для исследовательской работы, развитию творческих способностей школьников и достижения высоких результатов на республиканском, всероссийском и международном уровнях.

Ключевые слова:

Экологическое воспитание, конференция школьников, Верхоянье, исследования школьников.

Введение

Образовательное пространство в Якутии обладает уникальными ресурсами в естественных природных условиях. Климатические условия способствуют в познавательном плане глубже ощущать и осознать выработанный и накопленный опыт жизнедеятельности человека как часть самой природы [1].

Дети сельской местности наиболее адаптированы к жизни в естественных условиях. Род традиционных занятий, самобытные условия жизни на севере, народные промыслы дают возможность сельским детям приобрести еще в раннем возрасте необходимые жизненные навыки и умения, закаляют характер и прививают качество трудолюбия, самоуверенность, развивают пылливый ум, исследовательское мышление. Принцип природосообразности в образовательной деятельности неразрывно связан с интегрированием общего образования с дополнительным образованием детей. В условиях ФГОС (федерального го-

сударственного образовательного стандарта) целесообразно продолжение учебного года во время летних каникул школьников в пятой четверти. Поэтому ежегодные экспедиции школьников в летнее время стали актуальной формой привлечения детей со школьных лет к науке [2].

По инициативе чл.-корр. РАН, профессора Соломонова Н.Г., под руководством бывшего директора "Центра детско-юношеского туризма и экскурсий" Верхоянского района РС (Я) Юмшановой А.П. и научным руководством доктора биологических наук Института биологии и проблем криолитозоны СО РАН РС (Я) Исаева А.П. для усиления общественной поддержки движения школьников "Шаг в будущее", на объединение школьников, педагогов, научных работников и привлечение внимания молодежи к основным проблемам своего региона начала свою работу программа "Верхоянье – полюс холода", предусматривающая комплексные научно-исследовательские экспедиции ученых, учителей и школьников в малоисследованные районы Крайнего Севера.

Климат Центрального Верхоянья резко континентальный, с зимним периодом, длящимся около 8 месяцев. Здесь находится Полюс холода населенной части Земли – в январе 1885 года политссылным С. Коваликом в г. Верхоянске была отмечена самая низкая температура –67,8°C. В этих контрастных условиях формируются своеобразные экосистемы, хранящие многие функциональные, структурные секреты, позволяющие им преодолевать воздействие неблагоприятной среды. Район является уникальной территорией, богатой на научные материалы и любопытные находки, что позволяет существенно пополнить знания, умения школьников по биологическим предметам. Информативный материал, полученный в полевых условиях через непосредственные ощущения, воспринятый практически всеми органами чувств, усваивается лучше, отличается детализацией и прочностью. Большим преимуществом этого района в качестве полигона является то, что сравнительно небольшой территории можно увидеть разнообразные сообщества и природные зоны. Так, на высотах от 150 до 1200 м. над у.м. можно проследить смены от лесного пояса до каменистых пустынь–гольцов. Территория также весьма благоприятна с точки зрения изучения древней фауны, так как здесь в толще вечной мерзлоты сохранились останки давно вымерших существ.

Результаты

В Верхоянском районе РС (Я) с 1998 г. начала работу Научно–социальная программа "Шаг в будущее". В январе 1999 г. в рамках I Районной научной конференции школьников "Шаг в будущее" был организован Региональный координационный центр научно–социальной программы "Шаг в будущее" выездной экспертной комиссией совместно с Управлением образования под руководством Черосова М.М., секретаря Республиканского Совета "Шаг в будущее". С того времени систематически ежегодно в школах Верхоянского района РС (Я) при проведении краеведческой работы начали наиболее расширенно и углубленно использовать, и внедрять научный подход. Организация научно–исследовательской работы школьников стала неприемлемой частью инновационного подхода в повышении качества образования. Проведенная практически научно–исследовательская работа школьников обобщается в региональных научных конференциях школьников "Шаг в будущее". В первой конференции приняло участие всего 48 участников. Благодаря, плодотворной работы выездной экспертной комиссии, состав которой состоял из ведущих ученых научно–исследовательских институтов и высших учебных заведений, таких как ЯГУ имени М.К. Аммосова, ЯГСХА, ФТИПС, ИБГК СО РАН Республики Саха (Якутия), движение школьников "Шаг в будущее" получило значимый толчок в дальнейшем развитии. Демократичность и открытость Программы "Шаг в будущее" рас-

пространилась до самых крайних уголков нашего края, география охвата расширилась. В настоящее время программа "Шаг в будущее" превратилась в массовое движение среди учащихся, родителей, коллективов школ, учителей и педагогов. Принцип индивидуальности данной программы дает реальную возможность построения индивидуальной образовательной траектории учащихся с учетом его индивидуальных психологических и возрастных особенностей. При умелом и эффективном руководстве вполне может гарантировать правильное профориентационное самоопределение и самореализацию школьника. Современное техногенное общество все больше отделяет человека от природы, или наоборот, человек отделяется от природы, что является реальным фактором экологической угрозы окружающей среде. Необходимость экологического воспитания подрастающего поколения выступает на первом месте в обществе, это дело государственной важности. Учиться у самой природы без особых затруднений в силах у каждого.

В 2007 году Координационный центр научно–социальной программы "Шаг в будущее" при МОУ ДОД ЦДЮТЭ утвержден и получил статус Регионального координационного центра научно–социальной программы "Шаг в будущее" по янской группе улусов под названием "Яна", которая включает Верхоянский и Эвено–Бытантайский районы. Ежегодно проводится Региональная научная конференция школьников "Шаг в будущее" по янской группе с участием более 120 учащихся – юных исследователей. Тематика выбираемых тем исследуемых работ школьников разнообразная, в основном исходит от интереса самого школьника и особенна тем, что направлены на изучение и решение проблем местного значения, родного края. Практика показывает реальную эффективность технологии сотрудничества сферы среднего образования со сферой высшего профессионального образования. Таким образом, в целях повышения качества исследуемых научных работ школьников, в 2006 г. была разработана совместная программа школьников "Комплексная научно–исследовательская экспедиция "Верхоянье – полюс холода" по инициативе академика Соломонова Никиты Гавриловича. Идея создания научно–социальной программы школьников и молодежи "Комплексная научно–исследовательская экспедиция школьников "Верхоянье – полюс холода" заключается в следующем: на основе опыта совместной работы Управления образования Верхоянского района и научных учреждений РС (Я) распространить опыт организации научно–исследовательской работы школьников на все районы бассейна реки Яна (Усть–Янский, Эвено–Бытантайский, Верхоянский), а также на северные районы (Момский, Абыйский, Томпонский, Кобяйский). На этой основе разработать схему координации деятельности научно–исследовательской работы школьников всех северных районов республики. К тому же, по своим при-

родно-климатическим условиям, самобытной культуре, истории и укладу жизни населения Верхоянье является уникальным "полигоном" для проведения детальных и всесторонних исследований. Дальнесрочной целью деятельности программы является расширение горизонтов развития программы "Шаг в будущее" и вовлечение широкого круга исследователей к изучению северных территорий.

Десятый год непрерывно проводится Комплексная научно-исследовательская экспедиция школьников "Верхоянье – полюс холода". За эти годы усиленно были проведены экспедиции по направлениям – эколого-биологические, орнитологические, палеонтологические, историко-краеведческие и физико-технические. В результате целенаправленных проведенных экспедиций, наши ученики Верхоянского района РС (Я) написав уникальные исследовательские работы, достигли и до сих пор достигают высоких результатов на республиканском, всероссийском и международном уровнях [3]. В 2010 г. Стручков Иннокентий, ученик 10 класса Адычинской школы по секцию "Палеонтология", Слепцова Сардана, ученица 8 класса Батагайской школы по секцию "Ботаника"; в 2012 г. Слепцов Игорь, ученик 10 класса Батагайской школы по секцию "Экология" принимали участие на Международных научных конференциях в г. Тайпей (о. Тайвань КНР), в США.

С 2006 по 2016 гг. по результатам проведенных школьных экспедиций, исследуемые школьниками совместно с научными ведущими специалистами и учителями в биологическом направлении, в частности ботаники, экологии, орнитологии, вышли на широкую всероссийскую научную публику такие темы как: "Качественный состав минерализованных озер Полюса холода" – Слепцова Юлия, Старостин Аркадий, ученики Батагайской школы (рук. Артемьева М.Н.); "Сопоставление качества питьевой воды с состоянием здоровья населения пос. Батагай Верхоянского улуса" – Рожина Сардана, ученица Батагайской школы (рук. Артемьева М.Н.); "Изучение послепожарной динамики кедрового стлаников горы Кылыяр Чуогур Яно-Адычанского междуречья" – Соловьева Юлия, ученица Батагайской школы (рук. Артемьева М.Н.); "Хвощ пестрый – ценное кормовое растение" – Стручкова Светлана, ученица Верхоянской школы (рук. Горохова Т.В.); "Каротиноиды и кормовая ценность хвоща пестрого, произрастающего на полюсе холода" – Старостин Аркадий, ученик Батагайской школы и Стручкова Светлана, ученица Верхоянской школы (рук. Горохова Т.В.; Артемьева М.Н.); "Фауна булавоусых чешуекрылых Янского плоскогорья (Северо-Восточная Якутия)" – Рожин Артем, ученик Верхоянской школы (рук. Скрябина Р.Н.); "Флора степей верхней Яны" – Александрова Алена, ученица Арылахской школы (рук. Скрябина Р.Н.); "Флора и растительность горных туристических марш-

рутов Верхоянского района" – Колодинская Анна, ученица Арылахской школы (рук. Артемьева М.Н.); "Особенности прироста кедрового стланика Яно-Адычинского плоскогорья" – Слепцов Игорь, Рожин Роман, ученики Батагайской школы (рук. Артемьева М.Н.); "Некробактериоз" – Баишев Николай, ученик Табалахской школы (рук. Захаров Н.Н.); "Численность птиц местности реки Адыча и выявление их названий в пословицах якутского народа" – Горохова Декабрина, ученица Адычинской школы (рук. Ширяева С.И.); "Каротиноиды в листьях шпината, выращенных на Полюсе Холода" – Слепцов Спартак, ученик Верхоянской школы (рук. Горохова Т.В.); "Изучение состояние водоемов окрестности с. Томтор Верхоянского района" – Стручкова Мария, ученица Борулахской школы (рук. Слепцова В.П.); "Гора Кылыяр Чуогур Яно-Адычинского междуречья" – Старостина Ангелина, ученица Батагайской школы (рук. Артемьева М.Н.); "Ивовые бассейна реки Яна Верхоянского района" – Горохова Айна, ученица Батагайской школы (рук. Артемьева М.Н.); "Оценка чистоты воздуха пос. Батагай методом лихеноиндикации" – Солдатова Нарыйа (рук. Артемьева М.Н.); "Шпинат – природный поливитаминный комплекс" – Горохова Сайыына (рук. Горохова Т.В.); "Новые виды птиц Верхоянского района (по материалам экспедиции школьников "Верхоянье – полюс холода)" – Гоголев Данил, ученик Арылахской школы (рук. Седалищева С.Н.); "Фауна и экология пчел" – Чириков Семен, ученик Борулахской школы (рук. Слепцова В.П.); "Птицы среднего течения реки Адыча" – Горохова Декабрина, ученица Верхоянской школы (рук. Горохова Т.В.).

А по физико-техническому направлению на всероссийском уровне вышли такие темы, как "Молнии – спрайты на территории горы Кисилях" – Захаровой Сахаи, ученицы Табалахской школы и "Изучение радиационного фона горы Кисилях" – Аммосовой Ольги, ученицы Батагайской школы. Сотрудничество и тесное взаимодействие ведущих научных сотрудников ученых, учителей и школьников обеспечивает плодотворную почву для повышения качества образования и подготовки будущих научных кадров.

Выводы

Целенаправленная работа экспедиции школьников "Верхоянье – полюс холода" под руководством ведущих ученых научных институтов РС (Я), как Институт биологии и проблем криолитозоны, Институт космофизики и астрономии СО РАН РС (Я) дали большой толчок в поисках научных, актуальных тем для школьников и их руководителей – учителей. Хорошо и четко организованные экспедиции и правильно выбранные темы для исследовательской работы дают много возможностей в развитии интеллектуальной и творческой способностей самих школьников.

Социально–научное партнерство школьного образования с высшей сферой науки стало новаторской формой в образовательном пространстве и доказало свою востребованность в обществе. В целом, опыт работы школьных конференций показывает, что совместная работа учащихся, ученых, учителей – энтузиастов при широкой поддержке родительской общественности может дать серьезные результаты.

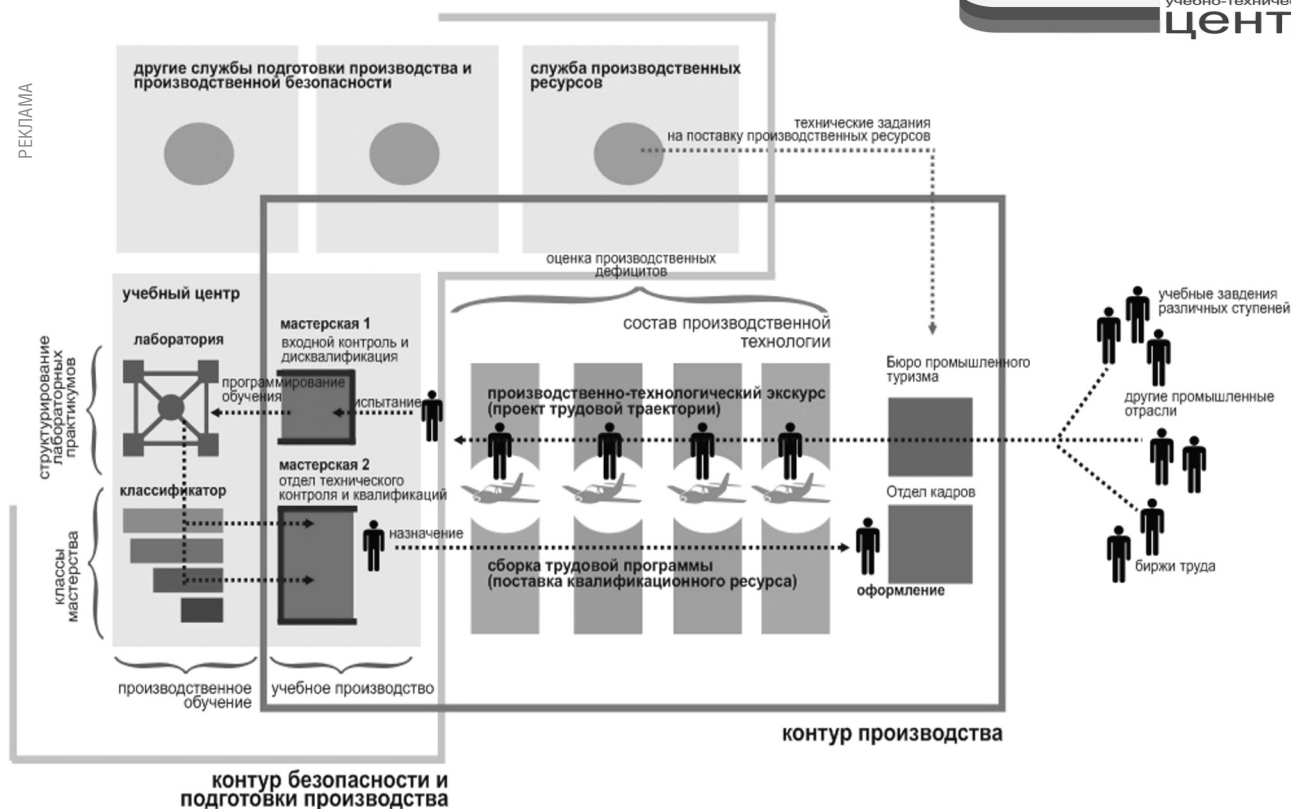
В настоящее время перед нами встают новые задачи,

вызванные возрастанием его значения в формировании всесторонне развитой личности, в приобщении масс к достижениям науки, ценностям культуры, в развитии творческих начал. Это обуславливается растущим пониманием в нашем обществе значения дополнительного воспитания школьников и поиском новых форм, методов, целей воспитания, основанных на этнопедагогике, на наших традиционных нравственных ценностях, к которым относятся патриотизм, гражданственность и человеческая порядочность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соломонов Н.Г. Фундаментальные и прикладные проблемы экологии и развитие научно–образовательного потенциала Якутии. – Якутск: ЯФ изд–ва СО РАН, 2002. – 608 с.
2. Соломонов Н.Г., Ноговицын П.Р., Захарова В.И., Адамова А.Д., Иванова С.П., Юмшанов М.А., Исаев Арк.П. Опыт организации научно–исследовательских экспедиций учащихся в Якутии // Вестник ЯГУ. – Т.5. – № 3 – Якутск: Якутский госуниверситет, 2008. – С. 28 – 35.
3. Исаев А.П., Юмшанов М.А., Седалищева С.Н., Соломонов Н.Г., Григорьев Ю.М. Опыт работы школьной экспедиции "Верхоянье – полюс холода" // Научные исследования в заповедниках и национальных парках России. Тезисы Всероссийской научно–практической конференции с международным участием посвященной 25–летию биосферного резервата ЮНЕСКО Национальный парк "Водлозерский" (Петрозаводск, 29 августа – 4 сентября 2016 г.) – Петрозаводск, 2016. – С.92

© С.Н. Седалищева, { Sargulana_@mail.ru }, Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА МОДЕЛЬ ДИДАКТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА УЧИТЕЛЯ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

A MODERN TAKE ON THE MODEL OF DIDACTIC SPACE OF THE TEACHERS IN THE SYSTEM OF CONTINUOUS PROFESSIONAL DEVELOPMENT

*T. Selikhova
E. Demidenko*

Annotation

The article deals with the problem of the need to revise didactic approaches to the content of continuous professional development of teachers. The authors concretize the requirements for the professional level of the teacher from the standpoint of the ideas of the anthropo-oriented approach. Considering the activity of the teacher in the logic of the modern trend "futurization", the authors focus on the "spatial" understanding of the system of the teacher's work, highlighting the didactic space as a special kind of space that determines the specifics of the content and organization of the educational process. The authors propose the structure of the didactic space of the teacher, which includes: didactic concept, didactic system of the teacher; the components of the didactic system. Updates of these components from the point of view of trends of time and world trends are proposed, the logic of interaction between teaching and learning as the basis of the collective subject in development is determined, the possibilities of using the latest didactic tools are identified, an integrated approach to reflection and evaluation is presented. The authors predict the future changes in the professional development of teachers, focused on updating the approaches and methods of organization of the educational process in the conditions of sustainable development and advanced education.

Keywords: professional development, teacher's professional level, educational process, learning, content, teaching, didactic space.

Селихова Татьяна Юрьевна

Аспирант, Дальневосточный государственный университет; зам. директора по НМР, учитель информатики и ИКТ и математики, МБОУ СОШ № 4, с. Монастырище, Черниговского района

Демиденко Елена Николаевна

Аспирант, Дальневосточный государственный университет; учитель русского языка и литературы, МОУ СОШ № 3, г.о. Спасск-Дальний

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема необходимости пересмотра дидактических подходов к содержанию непрерывного профессионального развития учителя. Авторами конкретизированы требования к профессиональному уровню учителя с позиции идей антропоориентированного подхода. Рассматривая деятельность учителя в логике современного тренда "футуризация", авторы акцентируют внимание на "пространственное" понимание системы работы учителя, выделяя дидактическое пространство как особый вид пространства, определяющий специфику содержания и организации учебного процесса. Авторами предложена структура дидактического пространства учителя, включающая в себя: дидактическую концепцию, дидактическую систему учителя; определены компоненты дидактической системы. Предложены обновления данных компонентов с точки зрения веяний времени и мировых тенденций, определена логика взаимодействия преподавания и учения как основы деятельности коллективного субъекта в развитии, обозначены возможности использования новейших дидактических инструментов, представлен комплексный подход к рефлексии и оценке. Авторами спрогнозированы грядущие изменения в профессиональном развитии учителя, ориентированные на обновление подходов и способов организации учебного процесса в условиях устойчивого развития и опережающего образования.

Ключевые слова:

Профессиональное развитие, профессиональный уровень учителя, учебный процесс, обучение, содержание, преподавание, учение, дидактическое пространство.

Сремительные перемены, которые происходят в мире и обществе, реформирование системы образования, введение образовательных стандартов второго поколения, профессионального стандарта формируют новые требования к учителю. Современная социокультурная ситуация заставляет задуматься над подлинной сущностью образования, актуализирует идеи непрерывного образования в жизни каждого человека.

Данные идеи в логике современного тренда "футуризация" [5] следует воспринимать как конструктивное преодоление ситуации профессионального и жизненного кризиса и эффективный способ освоения новых ниш в образовательном пространстве. Поэтому непрерывное образование должно носить опережающий характер, то есть ориентироваться на будущее, потенциально изменчивое содержание профессиональной деятельности.

Идеи антропоориентированного подхода, требования профессионального стандарта предполагают переход учителя на новый более качественный уровень деятельности. Современному педагогу необходимо:

- ◆ знать закономерности и принципы построения образовательных систем, основы психодидактики и поликультурного образования, закономерности возрастного развития своих воспитанников и индикаторы индивидуальных особенностей жизни;

- ◆ уметь проектировать программу развития и воспитательную программу образовательного учреждения, разрабатывать и применять современные психолого-педагогические технологии, а также индивидуально-ориентированные программы.

Возникает необходимость пересмотра дидактических подходов к содержанию непрерывного профессионального развития учителя и модернизации процесса обучения.

Деятельность учителя уже не может лежать в плоскости решения частных педагогических задач. Выход за границы заданной действительности в поиске эффективных способов организации учебного процесса, соответствующего настоящему и ориентированного на будущее, выводит нас на уровень "пространственного" понимания системы работы учителя. Именно "пространственность" помогает увидеть перспективы развития педагога как профессионала.

В школьной практике все чаще появляются идеи проектирования образовательного, воспитательного пространства. По мнению И.Г. Шендрика, Г.А. Лебедевой пространство как раз и появляется как результат активности субъектов, включенных в процесс обучения и воспитания, как результат взаимодействия субъектов друг с другом и со средой, в которой осуществляется педагогическая практика [3].

Особым видом пространства, определяющим специфику содержания и организации учебного процесса в школе, является дидактическое пространство.

В нем выстраивается взаимодействие между учителем и учеником, происходит согласование ценностных и целевых ориентиров учителя и ученика, взаимное обогащение и взаимное изменение, выстраивается индивидуальная стратегия развития педагога и его воспитанника.

Таким образом, дидактическое пространство связано непосредственно с дидактической системой учителя и его деятельностью по реализации этой системы в образовательной среде школы.

Структурно "дидактическое пространство" учителя включает в себя: дидактическую концепцию, дидактическую систему учителя, пространство смыслов и профессиональных ценностей учителя и информационно-образовательную среду. Основополагающим компонентом этого пространства является дидактическая система, которая реализует концепцию, построенную на личностных смыслах, профессиональных ценностях, представлениях о со-

временных мировых тенденциях и цивилизационных вызовах. Дидактическая система обуславливает и деятельность педагога в образовательной среде школы, интегрированной с виртуальным пространством. Не случайно моделью дидактического пространства учителя, отражающей устойчивые свойства, связи и отношения между его компонентами, является дидактическая система.

Сравнительный анализ различных подходов к определению компонентов дидактической системы показал, что ученые-исследователи единодушно выделяют цели, содержание, методы и формы обучения, способы контроля и оценивания. Каждый из представленных элементов связан с другими элементами и обуславливает их выбор. Цель определяет содержание, от которого в свою очередь зависят методы и формы обучения, а также виды контроля и оценки. Пространственность дидактической системе придает дидактическая концепция, согласно которой и формулируются цели обучения, а также включение в систему элементов, обуславливающих организацию взаимодействия педагога и воспитанника, осмысленные результаты обучения и деятельности учителя и ученика [3].

Таким образом, дидактическая система представляет собой совокупность следующих взаимодополняющих компонентов: цель, содержание, результат, методы и формы для организации преподавания-учения, вид взаимодействия, рефлексия и оценка.

Современный взгляд на дидактическую систему как модель дидактического пространства учителя связан не только с расширением ее структуры, но и с мировыми тенденциями в образовании, цивилизационными вызовами, которые определяют предъявляемые будущим требованиям к настоящему. Бурное развитие информационных технологий, глобализация экономики требуют от человека способности быстро менять устоявшиеся подходы к решению задач на новые, находящиеся еще на стадии разработок; предвидеть проблемы и принимать опережающие решения; работать в командах, сохраняя свою индивидуальность. Нестабильный, быстроменяющийся мир нуждается в устойчивом развитии. В соответствии с этим образование должно быть нацелено на подготовку человека с опережающим сознанием, владеющим не только информационными технологиями, но и умеющим жить в цифровом мире, социально активным, постоянно развивающимся в профессиональном плане.

Решение этих задач приводит нас к обновлению компонентов дидактической системы учителя с точки зрения вехи времени и мировых тенденций. Необходимо посмотреть на содержание образования, учебный процесс из будущего и начать вносить изменения в настоящем.

Первое преобразование связано с определением ведущих ценностей-смыслов дидактической концепции учителя. Во имя чего, зачем я прихожу к своим ученикам? Зачем это нужно мне и ребенку? Ответы на эти, казалось бы, простые вопросы лежат в пространстве идей будущего, в котором высшей ценностью является человек, ори-

ентированный на образование через всю жизнь, "образовывание" себя самой жизнью. Учитывая ведущую роль знаний и цифровых технологий в информационном обществе, ведущими ценностями становятся интеллектуально-информационные с сохранением приоритета духовно-нравственных.

Концептуальные положения меняют взгляд и на цели деятельности субъектов учебного процесса, каждый из которых отвечает на свой вопрос: учитель – Зачем учить?; ученик – Зачем учиться? Педагог, организующий обучение, определяет образ будущего на стратегическом, тактическом и ситуативном уровнях. Воспитанник движется от цели – элемента учебной деятельности через цель – ценность к цели – перспективе.

Цели учителя и ученика нуждаются в согласовании, в коллективном обсуждении для того чтобы их деятельности резонировали, поддерживали и усиливали друг друга. Опережающее образование, цифровизация окружающей среды определяют ведущую цель всей деятельности учителя и ученика – формирование научной картины мира, построенной на фундаментальных знаниях и открытой для знаний будущего, освоение способов жизнедеятельности в "умной" среде. Перспективная цель ребенка – раскрытие и перевод своих способностей в ресурс-капитал для дальнейшего развития и сохранение "самости".

Видение образа будущего предполагает его конкретизацию на уровне результатов, которые могут быть представлены внешними продуктами и внутренними личностно значимыми изменениями. Соответствие определенным стандартам и нормам оценивается нормированными, универсальными контрольно-измерительными процедурами. Важные для ребенка результаты могут быть зафиксированы с помощью тех образовательных продуктов, которые создаются им не по требованию, а по желанию, на основе своих предпочтений, интересов, стремлений преобразовать себя и окружающий мир.

Устойчивое развитие в свою очередь задает свой результат, на достижение которого направляется деятельность учителя, – опережающее мышление, опережающее знание, опережающие способы действий, "цифровая репутация" как демонстрация способности действовать в "умной" среде, способность противостоять вызовам неопределенности и вызовам сложности. Результаты, ожидаемые цивилизацией, обществом и их конкретным представителем – ребенком на первый взгляд не сопоставимы, однако сущностно они взаимообуславливают друг друга. Коллективное сознание, ноосферный интеллект мировой цивилизации есть не сумма сознания и интеллекта каждого индивида, а сложно организованная система взаимосвязанных, влияющих на развитие общего и единичного состояний, убеждений, чувств, ценностей, способностей и познавательных действий.

Цель и планируемые результаты определяют содержание образования – опыт человечества, воплощенный в знаниях, умениях, творческой деятельности и отношении к миру. Современный подход не отменяет традици-

онного представления о содержании, а расширяет границы его понимания. Опережающие знания предполагают дополнение фундаментальных знаний гипотетическими, незавершенными, находящимися на стадии доказательств, проверки. Опережающие способы действий включают в систему общих интеллектуальных и практических навыков, умений, обеспечивающих возможность преобразования окружающего мира, опережающие решения, превентивные действия, основы антикризисного управления, которые в свою очередь обеспечивают возможность прогнозирования проблем и их предварительного решения.

Истина из устоявшегося и проверенного временем факта переходит в вероятностную форму становления и обоснования знания будущего. Носителем такого содержания уже не может выступать только учебник – хранитель адаптированных научных фактов. Традиционные бумажные и цифровые пособия дополняются аутентичными текстами, культурными образцами, большими потоками образовательных данных (Education Big&Data), а "умная цифровая среда" предоставляет возможность использовать в качестве источника содержания – дополненную реальность.

Антропоориентированный подход как основа опережающего образования рассматривает содержание в качестве повода для общения и взаимного обогащения двух самоценных личностей учителя и ученика, извлечение каждым из них из большого информационного массива личностно значимого знания, освоение личностно значимого способа деятельности, выработку индивидуального стиля жизнедеятельности и построение собственного оценочного суждения [4].

Преподавание и учение – две составляющие единого процесса обучения обеспечивают реализацию поставленных целей. От того, насколько умело педагог выстраивает свою деятельность, зависит активность самостоятельной познавательной деятельности его воспитанника [1]. Проблемный, эвристический, проектный методы обучения нуждаются в новых организационных формах в "умных" образовательных средах. Ориентация учебного процесса на развитие личности каждого ученика с учетом его интересов, потребностей, возможностей и ресурсов, обуславливает выбор следующих педагогических способов организации дидактических отношений:

- ◆ гибридная педагогика, сочетающая в себе обучение в реальной и виртуальной средах;
- ◆ ризомоподобное обучение, в котором знания и процесс их освоения конструируются членами временного учебного сообщества [2];
- ◆ обучение через среду компьютерной игры, построенной до образовательной;
- ◆ организация производства образовательных продуктов, "знаний под себя" – Diy-культура;
- ◆ переход от классно-урочной системы обучения к реализации индивидуальных образовательных стратегий.

Арсенал дидактических инструментов педагога пополняется антропологическими заданиями – заданиями самому себе, антропологическими практиками [4], лично и социально значимыми учебными ситуациями, дискурсами и дискуссиями, практиками DIY. Информационные технологии, гаджеты, виртуальные среды, биржи образовательных возможностей делают систему обучения открытой, как с точки зрения расширения ресурсов, так и с точки зрения увеличения векторов индивидуального развития.

Современное понимание преподавания–учения как рефлексивного взаимодействия учителя и ученика [6] нуждается в поиске новых форм эффективной организации взаимных действий всех субъектов процесса обучения. Миссия взаимного действия в образовании заключается в создании педагогических практик, практик преобразования себя и окружающей действительности. В соответствии с возможностями цифровых сред такие продуктивные виды взаимодействия, как сотрудничество, кооперация, договор, командная игра дополняются распределенной групповой работой в социальных сетях, игровых средах, удаленным взаимодействием. Роль учителя в таких случаях так же меняется от модератора, консультанта, партнера, компаньона до мотиватора, виртуального наставника – ИксИна и виртуального тьютора.

Компонентом дидактической системы, позволяющим проанализировать и оценить эффективность деятельности учителя, продуктивности и успешности деятельности ученика, являются рефлексия и оценка.

Рефлексия представляет собой способ осмысления себя, своей деятельности, своего отношения к себе, миру, Другому. Оценка же выступает способом и формой сравнения, соотнесения полученного результата с запланированными.

Большое значение для осмысления произошедшего, происходящего и будущего имеет комплексный подход к организации рефлексии на трех уровнях: ситуативном, ретроспективном и перспективном.

Анализ совершенного действия, полученного результата, осмысление того, что получилось, что не получилось,

как действовать дальше обеспечивает ситуативная рефлексия, которой можно прерывать текущую деятельность для ее своевременной корректировки.

Ретроспективная рефлексия направлена на анализ деятельности, совершенной ранее, на осмысление себя "вчерашнего", осознание причин неудач, условий успеха, осмысление того, насколько ожидания прошлого совпадают с результатами настоящего.

Перспективная рефлексия обеспечивает прогностическую деятельность, так как нацелена на осмысление того, что может произойти, если занять ту или иную позицию, совершить то или иное действие. Осмысление того, как деятельность в настоящем может повлиять на будущее, представление о себе в будущем являются основой опережающего сознания. Коллективное сознание предполагает коллективную рефлекссию, формирование коллективного отношения к каждому и к команде в целом.

Оценка является совокупностью трех элементов, каждый из которых обуславливает все остальные – это самооценка, взаимооценка и "круговая оценка" (все оценивают всех).

Таким образом, в ходе рефлексивно–оценочной деятельности ученик сравнивает "себя вчерашнего" с "собой сегодняшним" и прогнозирует изменения "себя завтрашнего" в соответствии с желаемым образом "себя завтрашнего".

Представленный нами взгляд на дидактическую систему как модель дидактического пространства учителя является попыткой осмысления грядущих изменений в деятельности учителя, подходах и способах организации учебного процесса в школе, которые позволят рассмотреть образование не только как институт передачи опыта человечества от одного поколения к другому, но и как институт формирования ответственного отношения к настоящему и ответственного "творения" будущего. Что позволяет в содержательном плане непрерывного профессионального развития учителя уйти от формального отношения к реальному методическому сопровождению учителя на этапе преобразования/обновления его деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов М.А. Процесс обучения в советской школе. – М.: Учпедгиз, 1960. – 300 с.
2. Иванова С.В., Елкина И.М. Постмодернизм и качество образования (постановка проблемы) //ТРИ "М": МЕТОДОЛОГИЯ – МЕТОДИКА – МЕТОД. – 2016. – С. 115–124.
3. Лебедева Г.А. К вопросу о модели гимназического образования./Материалы V научной конференции преподавателей и студентов Соликамского государственного педагогического института, Соликамск, 20–22 апреля 2000г./Соликамский государственный педагогический институт. – Соликамск, 2001. – 226с.
4. Попов А.А. Открытое образование: Философия и технологии. Изд. 4–е. М.: ЛЕНАНД, 2017. – 256 с.
5. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Образование как информационный процесс и перспективы его футуризации // Современное образование. – 2013. – № 2. – С.1–57. DOI: 10.7256/2306–4188.2013.2.8997. URL: http://e-notabene.ru/pp/article_8997.html
6. Щедровицкий Г.П. Заметки о структуре ситуаций "учения–обучения"// Обучение и развитие. Материалы к симпозиуму. – М., 1966.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЯ ОБУВИ И ЕЕ ДЕТАЛЕЙ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

LEXICAL AND SEMANTIC FEATURES OF NAMES OF FOOTWEAR AND ITS COMPONENTS IN KHAKAS LANGUAGE

R. Abdina

Annotation

The article provides an analysis of the names of varieties of shoes in the Khakass language with the involvement of materials from other languages. In the national clothes of Khakas there were more than ten kinds of shoes, which were called depending on the material of manufacture, shape, color. In the derivation of these terms are used by syntactic and morphological means. The names of shoes are dominated by a motivational feature, which is based on the material of manufacture, followed by terms based on indications of the purpose for a particular process, to a lesser extent the terms indicating the color and shape of the shoes.

Keywords: Khakass language, vocabulary, semantics, national costume, footwear, traditional culture, thematic groups, motivational feature, word formation.

Абдина Раиса Петровна

К.филол.н., в.н.с.,

*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
г. Абакан*

Аннотация

В статье приводится анализ наименований разновидностей обуви в хакасском языке с привлечением материалов из других языков, а также из художественной литературы. В национальной одежде хакасов имелось более десяти разновидностей обуви, которые назывались в зависимости от материала изготовления, формы, цвета. В словообразовании этих терминов используются синтаксический и морфологический способы. В наименованиях обуви преобладает мотивационный признак, в основе которого лежит материал изготовления, далее следуют термины, в основе которых лежат указания на предназначённость для определённого процесса, в меньшей степени термины, указывающие на цвет и форму обуви.

Ключевые слова:

Хакасский язык, лексика, семантика, национальный костюм, обувь, традиционная культура, тематические группы, мотивационный признак, словообразование.

Лексические единицы любого языка, отображая те или иные явления действительности, связаны между собой так же, как и отображаемые ими реалии, благодаря чему объединяются в группы, которые многие исследователи называют тематическими. В тематические группы объединяются слова в силу сходства или общности функций обозначаемых ими предметов и процессов, поэтому их выделение основано на внеязыковых явлениях. Подобная классификация позволяет выявить общий объем и лексического запаса языка в той или иной его области, а также наиболее характерные для данных семантических разрядов словообразовательные модели. В данной статье мы рассмотрим тематическую группу лексики, обозначающую наименования обуви как части национальной одежды, в хакасском языке. Хакасский язык относится к алтайской языковой семье, и, несмотря на относительную малочисленность его носителей, язык имеет четыре диалекта: качинский, сагайский, кызыльский и шорский [4]. Хакасы (самоназвание тадар) – тюркоязычный этнос, преимущественно проживающий в Республике Хакасия, которая расположена в долинах рек Енисей и Абакан. На северо-западе республика граничит с Кемеровской областью, на юге и юго-западе – с Горным Алтаем и Тывой. Южная граница Хакасии прохо-

дит по хребтам Западного Саяна. История происхождения хакасов до сих пор исследуется и вызывает споры у историков, но мы принимаем за основу общепринятые факты, что процесс формирования хакасской народности и хакасского языка происходил в течение XVIII–XIX вв. Объединялись группы, уже имевшие языковые, культурно-бытовые и территориально-общие признаки, которые возникли на протяжении предшествовавших веков. Следовательно, можно утверждать, что национальный костюм хакасского этноса сложился в этот период. В хакасском костюме, как и в костюмах других тюркоязычных народов, сохранились общие архаические элементы, благодаря которым возможно проследить этногенетические и исторические связи хакасов [1].

Обувь – одна из важнейших функциональных деталей одежды, позволяющая человеку лучше приспособиться к особенностям климата, ландшафта и различным видам хозяйственной деятельности. Природные особенности территории проживания этноса, традиционные занятия, межэтнические процессы влияли на крой, материал, цвет, высоту обуви, что нашло отражение в ее наименованиях. Летней традиционной обувью хакасов были кожаные сапоги, зимней – меховые, крой не имел сущест-

венных различий. Носок праздничных сапог вышивали шелковыми или золотыми нитями. В специфике кроя, материала и орнаментации ярко обозначались половозрастные особенности. Детская обувь с точки зрения кроя являлась довольно простой. Для молодых людей обувь изготавливали, используя сложный крой, более яркие цвета и орнаменты. Обувь пожилых людей определяли следующие особенности: приглушенные, темные цвета, орнаментальный минимализм. Мужская и женская обувь особо не отличались по крою, однако цветовое исполнение и элементы украшения женской обуви были более насыщенными.

Для обозначения общего понятия обуви в хакасском языке и его диалектах часто используется составное собирательное слово *маймах-одик*. Этот термин образован синтаксическим способом, который предполагает создание нового слова путем сочетания отдельных значимых слов и является парным словосочетанием. Образование парных слов в настоящее время в хакасском языке является продуктивным видом словообразования. Например: *ис-най* 'имущество, богатство', *ыр-ког* 'веселье' *чурух-убирек* 'тряпье, лоскуты', *игір-пугур* 'извилистый', *ине-чип* 'швейные принадлежности'. Данные примеры подтверждают, что в них объединяются только такие лексемы, которые являются однородными как в морфологическом, так и в семантическом отношении. Компонентами подобных парных терминов являются только слова, относящиеся к одной и той же части речи. Часто они входят в один синонимический ряд. В термине *маймах-одик* 'обувь' мы обнаруживаем диалектною лексическую оппозицию, то есть здесь объединены слова, относящиеся к разным диалектам хакасского языка. *Одик* относится к сагайскому диалекту, а термин *маймах* – к качинскому диалекту. Как отмечают этнографы "раньше качинцы носили другую обувь – монгольского типа, с нашивной подошвой и характерным легким загибом носка вверх". Возможно, именно эту обувь стали называть *маймах*, от монг. *най* 'нога'. Отсюда происходит и хакасский термин *пойтах* 'носки из овчины или собачьей шкуры шерстью вовнутрь'. Термин *одик* в различных фонетических вариантах охватывает обширный район распространения тюркских языков и их диалектов: др.-уйг. *етук*; башк. *итек*; кар., тат., , ног., ккалп., каз. *етик*; кирг. *отук*; крх-уйг. *етик*; кум. *едик*; ср.-уйг. *етик*; ср.-кыпч. *итик*; *итук*; ср.-огуз. *едук*; тоф., тув. *идик*; тур. *едик*, тур. диал. *едук*, *етик*; турк. *а:дик*, чаг. *етук*, *отук*; чул. *одук*; узб. диал. *адик*, *отик*, уйг. *отук*, уйг. диал. *утук*. Во всех источниках идет речь о разновидностях обуви, например: мягкая обувь из кожи, кожаная обувь с каблучками, сафьяновые сапоги. Термины *одик* и *маймах* функционируют в современном хакасском языке на правах синонимов в значении 'обувь' [6].

Для обозначения разновидностей обуви в диалектах хакасского языка существуют следующие преимущественно составные термины:

кон одик (*кон* – ютевая высококачественная кожа) – сапоги из качественной кожи. По мнению информантов, термин *кон*, обозначающий разновидность кожи, встречается только в сочетании *одик*, *маймах*. Например: *Ізік хыринда кон одиктер турчатханнар* – "Возле двери стояли кожаные сапоги";

кум маймах – женская меховая обувь ворсом вовнутрь, окаймленная кожей;

пеерет маймах – легкие сапоги с мягкой подошвой без каблучка и твердого задника с округлым носком. Термины-словосочетания *кум маймах*, *пеерет маймах* используются сегодня как устаревшие [7];

кулбус маймах (*кулбус* – дикий козел) – обувь из шкуры дикого козла;

пысхах одик (*пысхах* – шкура с лапок животных и зверей) – мужская обувь, сшитая мехом наружу из шкур, снятых с животных и зверей. Например: *Хоох, тонын суурбинох, пысхах одигінен полха істен киліп, орган хыринда напланда одырыбысхан* – "Хоох, не снимая шубы, наследив по полу меховыми сапогами, резко сел возле кровати" [КХ 81]. Исследователи, описывая этот вид обуви, отмечают что, "обувь зимняя у охотников представляла снятую "чулком" шкуру с лосины ног, в которую для тепла набивали сушеную траву "озан от". Слово *пысхах* в хакасском языке имеет соответствие в древнетюркском *іεsnaq* 'кожа конечностей животных, из которой изготавливают обувь', алтайском бычкак 'лапки животных' и других языках: каз. *пушкак/бышкак* 'кожа с ног животных', кирг. *пушкак/бышкак*, 'кожа с ног животных', тув. *бышкак* 'мех из лапок зверя'. По поводу *бышкак* – *бучкак* Э.В. Севортян высказывает мнение о том, что здесь звук *ы* является поздним по сравнению с *у* и носит непоследовательный характер. По мнению Б.И. Татаринцева, гласный *ы* был первичным, и в этом плане хака. *пысхах*, алт. *бычкак* и другие подобные формы сохранили более древний вокализм данного слова [5].

сагыр маймах (*сагыр* – круп лошади) – кожаная обувь, подошва которой, а порой и полностью обувь, изготавливалась из толстой шкуры, снятой с крупы лошади. Еще одно название такой обуви – *чарки*. Ее шили с одинарной подошвой без каблучков, с тупым носком и высокими голенищами, которые ниже колен стягивались ремешками. Описание этой обуви приведено в исследованиях А. А. Кузнецовой: "Частью у кызыльцев и в особенности у мелецких инородцев русская обувь почти совершенно вытеснила так называемые *сагыры*, или *чарки*, – самостоятельные сапоги из скотской кожи, подбитые деревянными гвоздями". Однако, по мнению информантов, у качинцев и кызыльцев термином *черки* называют обувь, похожую на чешки или тапки: легкая летняя обувь, напоминающая тапочки. Например, так обращались бедняки: *Черкиим тискер пастырага хын турзын ма?* – "Хочешь заставить носить черки на другую сторону?" (в том смысле, что одна часть обуви может стереться). Верх такой обуви изготавливали из мягкой кожи и стягивали кожаными ремешками. Подошву делали из твердой кожи или вой-

лока. Данные лексемы имеют место и в других языках: алт. *чарык* 'род обуви из кожи без голенищ', др. – тюрк. *саггэ* 'род обуви', кирг. *чарык* 'обувь из сыромятной кожи с толстой подошвой', монг. *саарь* 'кожа (лошадиная)', туркм. *чарык* 'род обуви', эвен. *чари* 'непромокаемая обувь', як. *сары* 'непромокаемая обувь из кожи конского крупа'.

сазан маймах (*сазан* – сыромять) – обувь, сшитая из сыромятной кожи;

талбах одік – зимние меховые теплые сапоги (*талбах* – необработанная, засушенная шкура);

тім одік – нарядная женская обувь из высококачественной кожи (*тім* – высококачественная кожа, хром); Например: *Бгыраза тузэрлер Пычоннын ипчизинін азахтарында чітіг тумзухтыг тім одіктөк, хасхали тіккен алтыннары кунге сагыл чорерлер* (ЫА 45). – Заскрипят на ногах жены Пычона хромовые сапожки с острым носом, швы, прошитые золотыми нитками, засверкают на солнце.

тууп маймах (*тууп* – дубленая кожа) – обувь, сшитая из хорошо выделанной дубленой кожи. Для окрашивания в желтый цвет использовали отвар сушеной и размельченной травы тальника и называли обувь *сарыг тууп маймах* (*сарыг* – желтый), для окрашивания в красный цвет – *лиственницу* и называли *хызыл тууп маймах* (*хызыл* – красный). [2].

Вот как поется о такой обуви в известной хакасской песне:

<i>Сарыг тууп маймамы Сайга паспаанда, суурбаспын... Хызыл тууп маймамы Хумга паспаанда, суурбаспын (ХПФ 28)</i>	Желтую кожаную обувь Пока не наступлю на гальку, не сниму... Красную кожаную обувь Пока не наступлю на песок, не сниму.
--	--

ханах одік (*ханах* – загнутый вверх) – кожаная обувь с загнутым вверх носком;

хара одік (*хара* – черный) – обувь, сшитая из хорошо выделанной кожи. Называние *хара* объясняется тем, что в старину обыкновенную кожу при изготовлении обуви для прочности и водонепроницаемости пропитывали черной краской, получаемой от варки железных обломков. Иногда передняя часть такой обуви, сшитой из хорошей и мягкой кожи, для красоты расшивалась цветным узором;

хатыг одік (*хатыг* – твердый) – нарядные мужские сапоги с твердой, прошитой из нескольких слоев кожи, подошвой;

папу/папухах – детская обувь, или пинетки.

В конце XIX – начале XX в. традиционная обувь хакасов заменяется обувью, заимствованной у русского населения, с соответствующими названиями:

сапог одік или *сапог маймах* – сапоги фабричного производства;

киис маймах (*киис* – войлок) – валенки. Например: *Ултурган улуг киис одігін не хоналтахха кире теен алып, коридорзар сыгара хонган* – "Одев растоптанные валенки, он выбежал в коридор" (КК 98). Валенки в хакасском языке

еще называют термином катенке, заимствованным из русского языка.

Элементы хакасской обуви, о также предметы, имеющие к ней отношение, представлены следующими терминами:

маймах/одік пазы (букв.: голова обуви) – носок или голловка обуви. Например:

<i>Чорган алтынан корзе, Одік пазы сыгып одыр. (АА 228)</i>	Смотрит: из-под одеяла Носок сапога торчит.
---	---

Турей – голенище. Например: *Хоналтах маймахтарын турейинен киндір пагнан поостанглап салган* (КХ 250). Голенище старой обуви он прошил конопляными нитками.

На сегодняшний день термин *турей* является непрямозначимым, хотя ранее был образован от глагольной основы *тур-* 'свертывать, заворачивать' и распадался на морфемы, которые в ходе исторического развития превратились в неотделимую часть слова.

Таха – каблук. Поллар *ыгырасчалар, сапог тахалары удаа нимес тохлас турчалар* (ЫА 52). – Полы скрипят, каблуки у сапог неторопливо стучат.

Ултун – подошва. Ср.: др.– тюрк. *uldaŋ* 'подошва обуви', алт. *ултан* 'подошва, подметка', каз. *ултан* 'подошва обуви', кирг. *ултан* 'подошва обуви, подметка', тат. *олтан*, як. *ултан* 'подошва обуви'.

Ултурух – стелька. Ср.: алт. *ултармыш* 'стелька для обуви'.

Термины, обозначающие подошву '*ултун*' и стельку '*ултурух*', по всей видимости, произошли от глагола *ултур-* 'подшивать обувь'. Например: *Ипчи кізі, кічихек агас харахаты тасхар сыгарып, ізік хыринда одырып, маймах ултур сыххан* (ЫА, 45). – "Женщина вытащила на улицу корбочку, села возле дверей и стала пришивать подошву к обуви".

Олен, озан от (*олен, озан* – ковыль, потничная трава) – стелька из травы, служащая и как портянки, так как она хорошо сохраняет тепло.

Пойтах/пойтах – носки-сапоги, сшитые из овчины или собачьей шкуры шерстью внутрь. Ср.: алт. *байпак* 'войлочные носки'. В.И. Рассадин утверждает, что данный термин монгольского происхождения, Л.З. Будагов усматривает в *пайнаг* перс. *пай* 'нога' и тюрк. *бау* 'повязка' [8].

Сулганчык – портянки. Термин производный от глагола *сулга-* 'завертывать, наматывать' +афф *чык*;

ух – чулок, носок. Например: *Коп ухтар, час- кус кичен салаалыг мелейлер сох салган Кнай* (ЫА 198). – "Много вы-

кроек носков, рабочих перчаток сделала *Кнай*". Ср.: др.-тюрк. *gogq* 'войлочный чулок', алт. *ук* 'войлочные чулки', каз. *уйык* 'шерстяные носки, валенки', кирг. *уйук* 'чулки, валенки', тат. *уйук*, тув. *ух* 'чулок'

Чулух – чулок. Например: *Анын нуур теерізі хатанхы?ы даа, чулугы даа нар* (ЫА 85). – У него есть и одежда из волчьей шкуры, и чулки. Ср.: алт. *чулгамыш*, кирг. *чулгоо*, тув. *чоргеши* 'портянка'.

Возможно, все эти термины, как и русское 'чулок', произошли от др.-тюрк. *coyla* 'заворачивать'.

Таким образом, описываемая лексическая тематическая группа представлена тридцатью хакасскими терминами. По способу образования в данной группе лексемы выделяются следующие непроизводные термины: *папу*, *одік*, *маймах*, *чарки*, *катенке*, *олен*, *пойтах/пойпах*, *ух*, *чулух*, *турей*, *таха*, *ултун*, *ултурух*.

Производные термины образованы двумя путями: морфологическим и синтаксическим.

1. Морфологический способ:

сулганхых производный от глагола *сулга-* 'завертывать, наматывать' +афф *хых*;

2. Синтаксический способ:

2.1. Схема сущ+сущ: *кон одік*, *кулбус маймах*, *пее-рет маймах пыссах одік*, *сагыр маймах*, *сазан маймах*, *талбах маймах*, *тім одік*, *тууп маймах*, *ханах одік*, *киис маймах*.

2.2. Схема сущ + сущ с аффиксом категории принадлежности: *маймах/одік пазы*

2.3. Схема прил+сущ: *хара одік*, *хатых одік*.

Практически все термины, обозначающие разновидности обуви у хакасов, являются составными, образованными синтаксическим способом по схеме "существительное +существительное". В качестве слов – определений в основном используются названия разновидностей кожи. Базовым компонентом для их обозначения являются слова *одік* и *маймах*, которые функционируют в современном хакасском языке как полные синонимы. Как отмечают исследователи "наличие полных синонимов в хакасском литературном языке объясняется тем, что в общенародный литературный язык проникают слова из разных диалектов, в основном из двух ведущих диалектов – качинского и сагайского, которые существуют в нем на равных правах, в качестве нормативных слов" [4]

Слова *пойтах/пойпах*, *турей*, *ултун*, *ултурух*, когда-то распадавшиеся на морфемы, на сегодняшний день считаются непроизводными, то есть подвергшимися процессу опрощения.

По источнику формирования простые термины *одік*, *катенке*, *маймах*, *чарки*, *сапог*, *пойтах/пойпах*, *сулганхых*, *ух*, *чулух*, *турей*, *таха*, *ултун*, *ултурух* представлены следую-

щими типами:

1. Тюркский источник: *ултурух*, *чарки*, *сулганхых*, *ух*, *чулух*, *турей*, *таха*, *ултун*, *одік*.

2. Русский источник: *катенке*, *сапог*.

3. Монгольский источник: *маймах*, *пойтах/пойпах*.

Данную группу лексики можно дифференцировать по следующим признакам, которые лежат в основе мотивации обуви и ее элементов: материал изготовления, указания на предназначенность для определенного процесса, форма, цвет:

◆ наименования, в основе которых лежат указания на предназначенность для определенного процесса, по своей грамматической структуре являются отглагольными существительными: *турей* 'голенище' – от глагольной основы *тур-* 'свертывать, заворачивать', термины, обозначающие подошву '*ултуг*' и стельку '*ултурух*', произошли от глагола *ултур-* 'подшивать обувь'; *сулганхых* 'портянки' производный от глагола *сулга-* 'завертывать, наматывать';

◆ термин, указывающий форму обуви: *ханах одік* [*ханах* – загнутый вверх];

◆ термин, указывающий на цвет: *хара одік*

◆ термины, указывающие на материал изготовления: *кон* (*кон* – ютевая высококачественная кожа) *одік*, *кулбус* (*кулбус* – дикий козел) *маймах*, *пыссах* (*пыссах* – шкура с лапок животных и зверей) *одік*, *сагыр* (*сагыр* – круп лошади) *маймах*, *сазан* (*сазан* – сыромятная кожа) *маймах*, *талбах* (*талбах* – необработанная, засушенная шкура) *маймах*, *тім* (*тім* – высококачественная кожа, хром) *одік*, *тууп* (*тууп* – дубленая кожа) *маймах*, *киис маймах*, (*киис* – войлок), *кум* (*кум* – шкура с мехом) *маймах*.

Из представленного можно сделать вывод об определенных отраслях жизнедеятельности народа, его особенностях хозяйства и быта. Такое разнообразие наименований кожи, шкур, меха может свидетельствовать о том, что хакасы занимались скотоводством, коневодством, овцеводством, охотой, и многими другими промыслами, и выделка кожи у них была на высоком уровне.

Таким образом, термины, обозначающие обувь в хакасском языке образованы в основном синтаксическим и морфологическим способом. В наименованиях обуви преобладает мотивационный признак, в основе которого лежит материал изготовления, далее следуют термины, в основе которых лежат указания на предназначенность для определенного процесса, в меньшей степени термины, указывающие на цвет и форму обуви.

Кроме того, анализ и классификация лексики по определенным тематическим группам позволяет выявить материал об особенностях быта и культуры этноса, а также данные для установления культурных, исторических и лингвистических взаимоотношений между различными этносами.

Источники и принятые сокращения

аз. – азербайджанский язык
алт. – алтайский язык
башк. – башкирский язык
бур. – бурятский язык
каз. – казахский язык
Кач – качинский диалект хакасского языка
кирг. – киргизский язык
Кыз – кызыльский диалект хакасского языка
лит. – литературный
монг. – монгольский язык
Саг – сагайский диалект хакасского языка
тат. – татарский язык
тув. – тувинский язык
узб. – узбекский язык

Шор – шорский диалект хакасского языка
шор. – шорский язык
як. – якутский язык
ЫА – Доможаков Н.Г. Ыраххы аалда.
 В далеком аале: роман на хакасском и русском языках. Абакан, 2010;
АА – Хакасский героический эпос
 "Алтын Арыг" под ред. Майногашевой В.Е. М, 1988;
ХПФ – Хакасский песенный фольклор.
 Составитель К.Е. Сунчугашева; запись и обработка песен А.А. Кенель. Абакан, 2007.
КХ – Нербышев К. Кјгбм хорымнарда.
 Красноярск, 1983;
КК – Тинников Н Кавристіу коглері. Абакан, 1977.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдина Р.П. Лексика традиционной одежды в диалектах хакасского языка (в сравнении с алтайским языком). Автореф. дис. ...канд.филол.наук. Новосибирск, 2009.
2. Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов. – Абакан. 1998.
3. Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы. –Красноярск. 1898.
4. Патачакова Д.Ф. О роли диалектов в формировании национальных особенностей хакасского языка // Хакасская диалектология. 1992. С.14–18.
5. Сравнительно–историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Под ред. Э. Р. Тенишева. –М. Наука, 2002.
6. Старостина О.В. Обувь в традиционной культуре народов Средней Азии и Казахстана. Автореф. дис. канд.истор.наук. Санкт–Петербург. 2009
7. Хакасско– русский словарь. –Новосибирск: Наука. 2006.
8. Шайхулов А.Г. Историческая и диалектная лексика тюркоязычных народов Волго–Камско–Уральского региона (аспекты системной характеристики). –Уфа: БКИ. 1988.
9. Шиббаева Ю.А. Одежда хакасов. –Сталинград. 1928.
10. Доможаков Н.Г. Ыраххы аалда. В далеком аале: роман на хакасском и русском языках. Абакан, 2010;
11. Хакасский героический эпос "Алтын Арыг" под ред. Майногашевой В.Е. М, 1988;
12. Нербышев К. Кјгбм хорымнарда. Красноярск, 1983;
13. Тинников Н Кавристіу коглері. Абакан, 1977.

© Р.П. Абдина, (rabdina@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

www.asergroup.ru
АСЭР
 Групп

Управление государственной и муниципальной собственностью

XX Всероссийская Конференция, Конгресс-центр ГК "КОСМОС", Москва

26 сентября 2018

ГК Агентство Социально-Экономического Развития
 тел: (495) 971-5681
 http://www.asergroup.ru

Реклама

РАЗНООБРАЗИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ КОНТЕКСТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГОГОЛЯ

Ван Чунхунь

Доцент, Цзилиньский педагогический университет,
г. Сыпин, провинция Цзилинь, Китай

DIVERSITY OF LITERARY CONTEXTS IN GOGOL'S WORKS

Wang Chunhun

Annotation

Gogol at the beginning of the XXI century was just as unconceivable interpretations and "getting out" beyond any interpretation that was for his readers and during his lifetime.

Creativity NV Gogol, in spite of the apparent study, is still a mystery, which every generation has to solve in a new way. From the standpoint of modern science, it seems necessary to revise the generally accepted stereotypes and to approach Gogol's study impartially and objectively, taking into account the positive experience of past studies and new trends in Gogol.

Gogol is one of the rare writers whose brilliant artistic heritage demonstrates exceptional universalism, which allows us to speak about the harmonious inclusion of his work in various cultural, aesthetic, philosophical and literary contexts, thereby defining the most promising line of Gogol studies of the connections of the great artist with various traditions of Russian and Western European culture, as evidenced by the work of A.N. Veselovsky, M.M. Bakhtin, V.V. Vinogradova G.A. Gukovsky, Yu.M. Lotman et al.

The article explores the question of what is happening now in Gogolem? As you know, Gogol exists on the border of Russian and Ukrainian cultures. In Gogolism, there is the question of which culture, does it belong to a greater degree? How acute is the use of Gogol's name in the political sphere?

Gogol is certainly an outstanding figure. How and why did Gogol create a special atmosphere of mystery around himself and his works? This poetics of Gogol's secret gives rise to a unique for Russian literature image of the Mysterious Author, the master of meaning, not accessible to the simple reader. While reading Gogol, we do not move forward, from the beginning to the end of the text, but back to the source of the message, eluding our understanding.

The accumulated material requires systematization and generalization. Many of the previously unknown facts of Gogol's biography and creativity need scientific understanding and interpretation.

Keywords: Gogolian, literary criticism, literary criticism of the 21st century, modern literary criticism, Gogol, Gogol studies.

Аннотация

Гоголь в начале XXI столетия оказался столь же не поддающимся однозначным истолкованиям и "вылезавшим" за рамки любой интерпретации, каким был для своих читателей и при жизни.

Творчество Н. В. Гоголя, несмотря на кажущуюся изученность, представляется по сей день некоторой загадкой, разгадывать которую приходится каждому поколению по-новому. С позиций современной науки представляется необходимым пересмотреть общепринятые стереотипы и подойти к изучению Гоголя непредвзято и объективно, учитывая положительный опыт прошлых исследований и новые тенденции в гоголеведении.

Гоголь – один из редких писателей, чье блестящее художественное наследие демонстрирует исключительный универсализм, позволяющий говорить о гармоничном включении его работы в разнообразные культурные, эстетические, философские и литературные контексты, тем самым определяя наиболее перспективную линию гоголеведения изучение связей великого художника с различными традициями русской и западноевропейской культуры, о чем свидетельствуют работы А.Н. Веселовского, М.М. Бахтина, В.В. Виноградова Г.А. Гуковского, Ю.М. Лотмана и др.

В статье исследуется вопрос о том, что сейчас нового происходит в гоголеведении? Как известно, Гоголь существует на границе русской и украинской культур. В гоголеведении стоит вопрос о том, какой культуре, он принадлежит в большей степени? Насколько сейчас остро стоит использование имени Гоголя в политической сфере?

Гоголь безусловно выдающаяся фигура. Как и зачем Гоголь создавал особую атмосферу таинственности вокруг себя и своих произведений? Эта поэтика секрета Гоголя порождает уникальный для русской литературы образ Загадочного Автора, хозяина смысла, не доступного простому читателю. Читая Гоголя, мы как бы движемся не вперед, от начала к концу текста, а назад – к источнику сообщения, ускользающего от нашего понимания.

Накопленный материал требует систематизации и обобщения. Многие не известные ранее факты биографии и творчества Гоголя нуждаются в научном осмыслении и интерпретации.

Ключевые слова:

Гоголиана, литературоведение, литературоведение XXI века, современное литературоведение, Гоголь, гоголеведение.

Н. В. Гоголь не принадлежит к числу самых известных и самых читаемых русских писателей в Европе и Америке. Общемировое значение творчества Гоголя отрицали сначала даже те, кто высоко его ценил. Так, на-

пример, В. Г. Белинский писал в 1842 году: "Мировой поэт не может не быть великим поэтом; но великий поэт еще может быть и не мировым поэтом. <...> Гоголь великий русский поэт, не более; "Мертвые души" его – тоже

только для России и в России могут иметь бесконечно великое значение. <...> Немногое, слишком немногое из произведений Пушкина может быть передано на иностранные языки, не утратив с формою своего субстанциального достоинства; но из Гоголя едва ли что-нибудь может быть передано. <...> Чем выше достоинство Гоголя как поэта, тем важнее его значение для русского общества, и тем менее может он иметь какое-либо значение вне России" [1, с. 50].

Гоголеведение в последние десятилетия указывает на определенную раздробленность, на изолированность определенных аспектов его работы, иногда на его радикальную модернизацию и актуализацию под давлением модернизма и постмодернизма. Современное гоголеведение – это плюралистическая панорама, в которой целостность его творчества часто ломается на отдельные, казалось бы, взаимно не связанные сферы и точки зрения.

Творчеству Гоголя в русскоязычном литературоведении посвящено большое количество работ. Можно назвать много работ о "Записках сумасшедшего" – от критических статей В. Г. Белинского, который писал еще при жизни Гоголя, до исследований современных литературоведов [6, с. 36].

Нетрудно заметить, что взгляды критиков и ученых на Гоголя изменялись с течением времени. Чтобы проследить, какие это были изменения, сравним две работы: главу из книги Г.А. Гуковского "Реализм Гоголя" [3, с. 307] (1940-х годов) и статью В. М. Марковича "Безумие и норма в Петербургских повестях Гоголя" [4, с. 20] (2000-х годов). Эти авторы выражают две точки зрения, две интерпретации, к которым так или иначе тяготеют другие исследователи. Сопоставляя две эти интерпретации повести "Записки сумасшедшего", можно заметить много общих взглядов и наблюдений у двух ученых, но важно и различие мнений.

Оба прочтения достаточно аргументированы: хотя работа В. М. Марковича более современная, но и в работе Г.А. Гуковского его точка зрения поддерживается очень убедительно. Г.А. Гуковский мало говорит о духовном состоянии человека, героя. Он сосредотачивается на реалистической стороне повести и анализирует ее очень подробно. Причина трагедии Поприщина – маленького человека, по мнению ученого, в социальном строе, в несправедливости, которая является основой общественного устройства.

Безумие героя Гоголя – иного рода, чем в произведениях его современников (романтиков). Безумцы-романтики живут в мире мечты. Гоголь в "Записках сумасшедшего" изобразил такого пошляка, который живёт в условиях дикой действительности. Хотя у Поприщина тоже

есть мечта, но она основана не на противопоставлении высокого идеала и низкой действительности (как у романтиков), а на основе его эгоизма. Он не стремится изменить мир, но хочет в этом уже существующем мире занять более удобное положение.

Сущность безумия у Гоголя (по мнению Г. А. Гуковского) – зло сословного строя и "денежного наваждения" [3, с. 307]. В "Портрете", "Невском проспекте", "Записках сумасшедшего" осуществляется суд над укладом, который разрушает жизнь маленького человека [3, с. 307]. В. М. Маркович рассматривает единый мир "петербургских повестей" Гоголя (связи между отдельными повестями цикла очень значимы). Во всех этих повестях Гоголь изобразил "сумасшедшую природу" и истории безумцев. Например, в повести "Портрет" художник Чертков променяет свой талант на успех и общественное положение, но в конце концов оказывается "наказан" и начинает чувствовать безумие.

В повести "Невский проспект" художник Пискарев – психически здоровый человек, но часто впадающий в бредовое состояние, как душевнобольной. В "Носе" коллежский асессор Ковалев теряет свой нос, как только он просыпается, а по развитию сюжета повести встречает свой нос в реальной жизни (наяву). В течение того времени, что нос отсутствует, Ковалеву кажется, что он относится к этой реальной действительности, как будто он уже сошёл с ума.

В "Записках сумасшедшего" целиком показана история болезни безумца Поприщина. И в "Шинели" также изображается абсурдное ненормальное общество. С точки зрения В.М. Марковича, в этих повестях Гоголь изобразил такой мир, в котором нарушаются законы логики. Объяснение этому такое: этот мир ослеплен дьяволом. Пороки общества – ложь, несправедливость, господство материальных ценностей, равнодушие людей друг к другу, власть звания и чина над человеческой личностью – это "болезнь духа". Идеи Просвещения уже не влияют на жизнь людей, разум перестает быть ценностью, у человека остаются только материальные интересы.

В целом, сравнивая две интерпретации, можно заключить: по мнению Г.А. Гуковского, причина несчастья Поприщина – это социальные проблемы, а по мнению В. М. Марковича, – универсальные противоречия. Оба исследователя отмечают, что тема безумия была популярна у современников Гоголя, но в "Записках сумасшедшего" она трактуется необычным образом.

Романтики изображают безумца-мечтателя, Гоголь – настоящего сумасшедшего, который погружен в мир действительности. В обеих работах говорится о важности в "петербургских повестях" темы чиновничества, чина, заменяющего личность. Чиномания делает человека су-

масштабам. Связь безумия Поприцина с проблемой чина два исследователя видят по-разному.

Говоря о любви Поприцина к дочери начальника, В.М. Маркович, замечает, что этот вечный неразрешенный конфликт – не оправдавшаяся любовь – отчасти стал причиной сумасшествия. Г.А. Гуковский считает, что в действительности Поприцин совсем не любит Софи, он любит только чин её отца, её положение: даже платок её тоже имеет чин, который выше его. Получается, что Поприцин сходит с ума из-за своего "малочинства". Обе эти точки зрения кажутся с разных сторон убедительными.

Образ главного героя два исследователя тоже оценивают по-разному. В.М. Маркович видит в нем лирические черты. В конце повести, когда Поприцин оказывается в сумасшедшем доме, он жалобно просит: "Матушка, спаси твоего бедного сына!". Это лирический монолог. Поприцин оказывается похожим на романтического героя: он видит в сознании помешательства Италию, море, тройку, избушку, свою матушку.

Г.А. Гуковский же считает, что это патетический монолог – протест пробудившейся личности против угнетения. Здесь снова проявляется различие двух интерпретаций. Г.А. Гуковский видит в повести социальный конфликт – противоречие, которое порождено определенными историческими условиями, и которое должно быть разрешено.

В.М. Маркович говорит о чертах романтического конфликта, то есть об универсальном вневременном противоречии. Те исследователи, которые принимали точку зрения Г.А. Гуковского, развивали ее дальше и говорили о критическом реализме Гоголя. Цель повести, по их мнению, – посредством гротеска показать пороки общества, сатирически изобличить бюрократическую иерархию, которая разрушает личность; наметить возможность победы над этими пороками (финал повести они рассматривают однозначно как "пробуждение" героя от безумия).

Именно так понимает повесть Е.А. Серебряков [5, с. 230]. Другие ученые, развивают точку зрения близкую мнению В.М. Марковича. Гоголь изображает вечную борьбу добра и зла, Бога и дьявола, вечный поиск истины и правды. Победа над злом начинается не с переустройства мира, а с обновления души человека. Будет ли эта победа, Гоголь не говорит – в финале Поприцин так и не освобождается от сумасшествия. Два эти взгляда на "Записки сумасшедшего" отражают разные этапы понимания и осмысления литературоведами творчества Гоголя.

Нельзя говорить о правильных и неправильных объяснениях: по мере развития человеческого сознания, взгляды на литературу меняются. Современники Гоголя

и критики 1850–х–1860–х годов видели в нем сатирика и борца с социальным злом; в эпоху модернизма говорят о религиозных и вечных конфликтах в гоголевском творчестве; советские литературоведы говорят о критическом реализме Гоголя; современные исследователи находят у него сочетание романтического, сатирического, религиозного – сложные универсальные смыслы.

Примерно с середины 20 века начинается известный спор о том, как интерпретировать гоголевское творчество, спор, который можно обобщенно назвать спором исторического и сверхисторического понимания или видения. С одной стороны, Гоголь воспринимается как типично восточнославянский автор, опирающийся на традиции русской культурной специфики с ее неоконченной секуляризацией, пре-пост эффектом (термин наш), т. е. нарочитым пробиванием новых поэтологических путей в стороне от преобладающих тенденций. Проза Н. В. Гоголя, главным образом его роман-поэма, исходила из традиций, на которые необходимо посмотреть поближе.

Сейчас Гоголь излагается с разных сторон, многоаспектно, но как-то слишком модернизируется, становясь скорее верификационным материалом разных теорий, чем настоящей целью исследования. Бывший дуализм его видения трансформируется во внеисторический дискурс; Гоголь оторван от русской или, точнее, восточнославянской культурной и религиозной традиции. Встречаются, однако, и попытки своеобразного синтеза обеих точек зрения, например, например, в юбилейном американском сборнике 1999 года (Exploring Absence) со статьями разных специалистов (Sven Spieker, Renate Lachmann, Jurij Potkan, Mikhail N. Christopher Putny, Susi Frank, Michail Vajskopf, Boris Gasparov, Michael Holquist Boris Groys, Sergej Goncarov, Natascha Drubek-Meyer and Mikhail Yampolsky).⁵ Именно в этом случае необходимо выразить неудовлетворенность тем, что о Гоголе здесь пишется будто бы в первый раз, многие фундаментальные работы словно не учитываются, игнорируются, многие идеи, следовательно, вновь повторяются. Это полностью в духе постмодернизма, т. е. прошлое понимается только как часть новых текстов, оно само по себе как ценность не существует, прекращается осмысленная преемственность, все образует одно хаотичное, неиерархизованное целое.

Кроме попыток синтетизировать взгляд на Гоголя с позиций модернизма или постмодернизма есть и новые компаративистские и документальные исследования, бросающие на Гоголя новый, не только фактографический, но и методологический свет. Это, прежде всего, новая книжка Марка Соколянского, известного историка русской литературы, компаративиста и генолога (жанролога). Межславянской компаративистикой характеризуется и концепция Института славяноведения Российской Академии Наук [2].

Гоголь является не только объектом научного исследования, но и, главным образом, инспирирующим стимулом развития методологии самого литературоведения. Тенденция к интертекстуальности и метатекстуальности является явным, хотя и не новым, направлением, входящим в вышеупомянутый спор, в двойную проекцию Гоголя в начале 21 века. Современное гоголеведение представляет собой плюралистическую панораму, в которой целостность его творчества зачастую, увы, распадается на отдельные, как бы взаимно не связанные, сферы и точки зрения. Дуализм его видения, зародившийся в середине 20 века, был началом этой атомизации, хотя само творчество, как подтверждается и в упомянутых новых трактованиях, с самого начала выступает как единое целое, т. е. как сложный, но однородный, целеустремленный комплекс, с точки зрения не только идеологии, но и литературной морфологии и целостного восприятия мира и человека и их трансценденций.

Гоголь привнес в русскую литературу и особенную достоверность живого слова (хотя и барочно витиеватого), обладающую магической силой воздействия на читателя. Она и прорвала оболочку "искусственного начала и неестественного развития", характерного для русской литературы, где, по мысли Белинского, властвовало "торжество мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности". Гоголь явился "вдруг среди этих пустоцветов и дождевых пузырей литературных, среди этих ребячих затей, детских мыслей, ложных чувств, фари-сейского патриотизма, приторной народности..."[1].

Другие же качества гоголевского таланта – сатира и едкая ирония, – воспринимавшиеся как пафосная стилистическая новизна при жизни писателя, постепенно превратились, по мере роста общественного мнения в России, в своеобразное средство восприятия русской действительности.

В современном гоголеведении, которое уже вышло за рамки литературоведения и часто оказывается в области искусствоведения, философии, психологии, теологии и т.п., можно выделить несколько больших тем. Одна из них – биографическая. Почти 200 лет прошло со дня рождения писателя, а его жизнь изучена далеко не полностью.

В гоголеведении существует тенденция противопоставлять двух мемуаристов – в. П. Анненкова и с. т. Аксакова, расставивших разные акценты в интерпретации личности и жизни писателя. Однако, отказаться от воспоминаний Анненкова означало бы отказаться от Гоголя-артиста, образ которого для многих сформировался благодаря знаменитому "Гоголю в риме в 1841 году".

Можно выделить три основные роли писателя в русской культуре первой половины XIX века – украинец, ху-

дожник, комик, которые отразили богатство артистической природы Гоголя, но одновременно ограничили восприятие его личности и творчества.

Биографические исследования, как правило, включают в себя и реконструкцию идеологического климата эпохи. Гоголь в таком контексте часто выступает как фигура ключевая – не только гениальный художник, но и глубокий мыслитель, прекрасно ориентировавшийся в политической и идеологической картах европы, самостоятельно строивший программу преобразования общественной жизни в России.

Сравнительный анализ нравственных и государственных воззрений Гоголя с позицией и идеологией его современников раскрывает своеобразие его взглядов и одновременно высвечивает особенности развития общественной мысли в России в целом.

Идеологическая оппозиция Гоголю в лице Аполлона Григорьева нашла выражение в его итальянских впечатлениях, построенных как антитеза гоголевским. Впоследствии, уже в XX века, эта же оппозиция выразилась в противостоянии Блока и Белого.

Связи Гоголя с его современниками оставили след и в сочинениях писателя. Гоголь тщательно скрывал свою творческую лабораторию, не называл имена авторов тех произведений, которые, как можно понять из сравнительного анализа текстов, были прочитаны им внимательно и творчески применены.

Другая большая тема современного гоголеведения – Гоголь и Украина. Спор о принадлежности Гоголя к одной или другой национальной традиции постоянно возникает в современном литературоведении. До сих пор не выработан подход, который бы сочетал Гоголя украинского с Гоголем русским, и две эти линии в гоголеведении не смыкаются.

Подход, когда писатель принадлежит только одной культуре, сегодня неактуален. Тут примером могут служить Польша Целан и Франц Кафка, которые оказываются своими сразу в нескольких культурах.

Так и Гоголь – он свой и в украинской, и в русской литературе, и тут нет повода для конфликта. Скорее тут может быть соперничество – кто больше издаст, лучше прочтет и поймет.

Решая вопрос о национальности Гоголя, нельзя забывать про исторический контекст. Русский писатель сегодня и в XIX веке – разные понятия. Украинский писатель сегодня, когда существуют украинская государственность и развитый украинский литературный язык, и украинский писатель полтора века назад, когда только-

только начинался процесс создания украинской нации, – еще более разные понятия. Попытка национальной идентификации того или иного писателя вне этих исторических реалий обречена на провал, что мы и наблюдаем в случае с Гоголем: сама возможность постановки вопроса о национальной принадлежности Гоголя означает, что эта принадлежность неочевидна.

В 1998 году в украинском издательстве "А-ба-ба-га-ла-ма-га" вышли украинские переводы "Тараса Бульбы", "Ночи перед Рождеством" и "Вия". У русских читателей уже сама эта книга и украинское написание имени автора (Микола Гоголь) вызывают бурю эмоций, от иронии до раздражения. Но целью книги, надо думать, было возвращение Гоголю аутентичности.

Авторы предисловия и послесловия к украинскому изданию – доктор филологических наук Тамара Гундорова и профессор Национального университета им. Тараса Шевченко Василий Яременко – ссылаются на Евгения Маланюка, цитату из которого издатель выносит на форзац книги: "Речь идет про восстановление настоящего образа. А то, что образ этот есть и был национальный, – в том сомнений нет. Только настоящий, т.е. национальный, образ Гоголя раскроет нам так называемую тайну Гоголя, мрачный трагизм его жизни и творчества, описанный в довольно обширной литературе про него, но не проясненный в своей сути".

Разворачивая эту мысль, сопутствующие украинскому переводу тексты дают довольно толковые ответы на все те вопросы, которые возникают в связи с национальностью Гоголя, его самоидентификацией и позднейшей идентификацией его нами. Характерно само название послесловия Яременко: "Гоголевский период ук-

раинской литературы". Яременко говорит про тот период становления украинской литературы, когда она существовала еще не только и не столько в рамках народного, украинского языка, а писалась официальным, имперским языком – т.е. русским. На выбор языка влияло множество факторов. Характерный пример – современник Гоголя Тарас Шевченко, который писал по-русски тогда, когда публикация сочинений на украинском ему была запрещена. Тот же Шевченко, выбравший основным языком украинский, подвергался преследованиям со стороны имперских властей, в то время как Гоголь, писавший по-русски, был лишен подобного опыта.

Гоголь заключил "колониальный контракт" в ущерб своим родовым, национальным интересам ради литературного успеха. А Яременко, вслед за творцами украинской идентичности Шевченко, Кулишом и Драгомановым, призывает считать Гоголя украинским писателем, пишущим на русском языке. Такое определение странно звучит для русского читателя, привыкшего отождествлять национальность с языком, но вполне естественно для украинца и читателя, знакомого с украинской историей. В конце концов, не только в прошлом украинские писатели и публицисты выбирали русский язык своим рабочим инструментом, но и сегодня существуют украинские писатели, пишущие по-русски. Что не мешает им называться украинцами. Как существуют и латышские, литовские и эстонские писатели, выбирающие своим языком русский, но остающиеся сугубо национальными авторами.

Обе культуры, и русская, и украинская, склонны считать Гоголя именно своим писателем. Но может ли он, как общий знаменатель, служить взаимопониманию между Украиной и Россией?

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. – М., 1979. – Т. 5.
2. Гоголь Н.В. и славянские литературы. Тезисы международной конференции 10–11 ноября 2009. Отв. ред. Л. Н. Будагова. Москва 2009.
3. Гуковский Г. А. Реализм Гоголя М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.
4. Маркович В. М. Безумие и норма в Петербургских повестях Гоголя // Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего: Повести. – СПб.: Азбука, 2012.
5. Серебряков Е. А. Гоголь в Китае. – СПб.: Азбука, 2012.
6. Скрипник А. В. Общественно-литературный фон повести "Записки сумасшедшего" Н. В. Гоголя: автореф. ... канд. филол. наук. Томск, 2008.

© Ван Чуньхунь, (wbcd123@sina.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ В СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА АЛИ КУДРЯШЕВОЙ

Горушкина Анна Валентиновна
Аспирант,
Череповецкий государственный
университет

LINGVOKULTUREMY IN THE STRUCTURE OF POETIC DISCOURSE BY ALI KUDRYASHEVA

A. Gorushkina

Annotation

In this article the author considers the texts of the modern network author Alya Kudryasheva according to the linguistic and cultural approach. Being a semiotic sign of the discourse network poetry, linguo-cultureme accumulates linguistic and extralinguistic sides and includes precedent phenomena, idiomatic and paroimic units, speech patterns and cliches. These units are widely represented in the works of Alya Kudryasheva, the article presents their classification. The precedent phenomena are structured according to the sources of the precedent situation (folklore, mythological, biblical, literary, musical, cinematographic, artistic-visual, historical, philosophical), the most numerous groups are considered in detail. The article reveals that in the author's poems the original semantics of the texts-sources of linguistic culture is destroyed, which leads to an increase in the metaphorical imagery of poems.

Keywords: Alya Kudryasheva, network poetry, linguo-cultureme, precedent phenomenon, idiom, paroimia, speech patterns.

Аннотация

В данной статье автор рассматривает тексты современного сетевого автора Али Кудряшевой с позиции лингвокультурологического подхода. Выступая в качестве семиотического знака дискурса сетевой поэзии, лингвокультурема аккумулирует лингвистическое и экстралингвистическое начало и включает в себя прецедентные феномены, идиоматические и паремические единицы, речевые клише и штампы. Данные единицы широко представлены в творчестве Али Кудряшевой, в статье представлена их классификация. Прецедентные феномены структурированы согласно источникам прецедентной ситуации (фольклорные, мифологические, библейские, литературные, музыкальные, кинематографические, художественно-изобразительные, исторические, философские), подробно рассмотрены наиболее многочисленные группы. В статье выявлено, что в стихотворениях поэта исходная семантика текстов-источников лингвокультурем разрушается, что приводит к усилению метафорической образности стихотворений.

Ключевые слова:

Аля Кудряшева, сетевая поэзия, лингвокультурема, прецедентный феномен, идиома, паремия, речевое клише.

Переход лингвистики к антропологической парадигме, совершившийся в последние десятилетия XX в., стимулировал быстрое развитие междисциплинарных областей гуманитарных исследований, в основе которых лежит триединство "человек – язык – культура". В этом ряду можно назвать лингвокультурологию как "комплексную научную дисциплину, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании" [1, с. 36].

К числу стержневых терминов понятийного аппарата лингвокультурологии относится лингвокультурема. Вслед за В.В. Воробьевым мы понимаем под данной единицей совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак, однако мы уточняем содержание, объем и структуру данного понятия. Мы считаем, что как любой семиотический знак, лингвокультурема имеет бинарную структуру, где означающее (форма) может быть выражено языковой единицей, объем которой варьируется от слова до предложения. Означающее (содержание) лингвокультуремы актуализи-

рует культурный контекст и может быть представлено прецедентными феноменами, идиоматическими единицами, паремиями, речевыми клише и штампами. Рассмотрим лингвокультуремы применительно к творчеству сетевого поэта Али Кудряшевой.

Единицы лингвокультурологического пространства подразделяются на категории и в поэзии Кудряшевой представлены прецедентными феноменами – 114 употреблений, идиоматическими единицами – 92 употреблений, речевыми клише и штампами – 27 употреблений, паремиями – 3 употребления (рис. 1).

Прецедентные феномены, выраженные прецедентными именами и высказываниями, актуализируют прецедентные ситуации, источниками которых могут выступать фольклорные, мифологические, библейские, литературные, музыкальные, кинематографические, художественно-изобразительные, исторические, философские претексты. Источники прецедентности можно представить в виде диаграммы.

Классификация лингвокультурем поэзии Али Кудряшевой

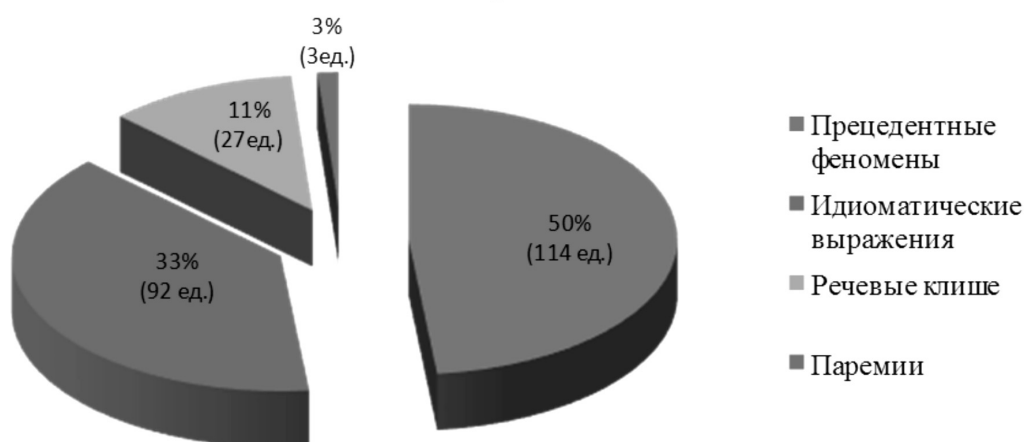

Рисунок 1. Классификация лингвокультурем поэзии Али Кудряшевой.

Классификация лингвокультурем поэзии Али Кудряшевой

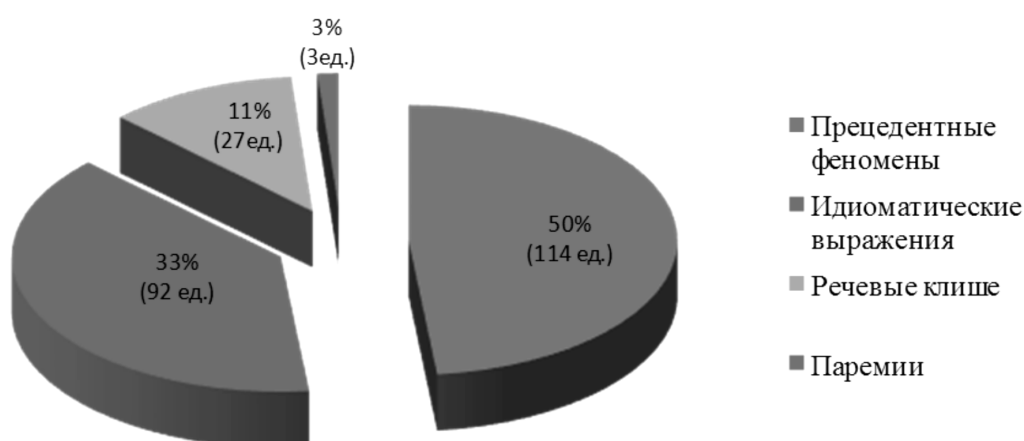

Рисунок 2. Источники прецедентных феноменов в поэзии Али Кудряшевой.

Вне контекста данные единицы характеризуются однозначным соотношением с известным первичным источником, однако, раскрывая семантический потенциал в рамках того или иного авторского стихотворения, данные лингвокультуремы получают возможность служить выражением определенного признака, вносить дополнительную экстралингвистическую информацию. Рассмотрим наиболее многочисленные группы подробнее.

Прецедентные феномены, источниками которых являются литературные произведения, довольно многочисленны. Наиболее часто поэтом актуализируются в

текстах отсылки к сказке А. де Сент-Экзюпери "Маленький принц", при этом характерной чертой автора является разрушение исходной семантики образов и сюжета. Так, например, стихотворение "Мне бы дожить до Нового Года..." изображает особенности эмоционального состояния и взаимоотношения людей современного мира, основанных на эгоистических интересах. Это приводит к деструкции известного афоризма "Мы в ответе за тех, кого приручили" – "Третье пошло тысячелетье, / Надежда почти досуха выжата... / Мы за прирученных не в ответе - / Это вполне помогает выжить...". Цитата "Я за тебя в ответе?" из текста "Слышишь ли, Брат-Сокол?.." вновь апелли-

рует к сказке Экзюпери, при этом разрушается исходный авторский афоризм "Мы в ответе за тех, кого приручили", а определяющей причиной деструкции становится апелляция к возрасту лирического персонажа ("*Хватит уже реветь, мы / Взрослые ведь люди...*").

Текст "*Ленский*" построен на переосмыслении и обыгрывании эпизода дуэли романа "Евгений Онегин". Очевидно, что в данном случае утрачивается прямая связь с образами, а употребление поэтонима в форме множественного числа приводит к утрате его собственного значения ("*Почему-то летом всё время на всё плевать, / Небольшая бричка спрятана в перелеске. / Господа, Онегину больше не наливать, / У него дрожит пистолет и всё небо в Ленских*"). При этом в данном фрагменте имплицитно актуализируется связь с еще один произведением А.С. Пушкина – драмой "Борис Годунов" (ср. "И мальчики кровавые в глазах"). Дальнейшее функционирование поэтонимов утрачивает всякую связь с первоисточником, остаются лишь имена, которые существуют в отрыве от исходного текста, при этом деонимизация онимов сопровождается их намеренным стилистическим снижением: "*Двое Ленских отчаянно режут в поддавки - / Но похоже, что Ленский Ленскому проиграет*", "*Стайка Ленских о чём-то шушукается в тени, / Говорят, наверно, о Тане? О Геттигене?*".

Среди текстов, в которых источником прецедентности являются библейские образы и сюжеты, прецедентная ситуация рождения Евы из ребра Адама занимает особое место, при этом образ Евы всегда является доминирующим: "*Я знаю, милый, я как всегда права, / С младых ногтей я учусь причинять добро. / А ты не спорь. Если будешь качать права, / Возьму - и сделаю снова твоим ребром*". В другом стихотворном тексте функциональная роль онима Ева меняется с агенса на пациенс: "*О, леди, не надо со мною о Феде, не путайте мужа со мной, / О, леди, вы слышите, даже соседки уже улеглись за стеной. / Не будем мешать им, о, милая леди, искать от добра не-добра, / О, леди, я слышал, что вы по легенде из этого вышли ребра*". Отметим, что в данном случае при сохранении прямой отсылки к библейскому сюжету прочитываемый за характерными признаками прецедентной ситуации женский образ становится символом феминности. В следующем стихотворении данный символ проецируется на конкретный образ – возлюбленной, находящейся в разлуке с лирическим персонажем: "*Как она без меня?*", "*Господи, дай ей пути лучистые, / Лучшие из твоих*", "*Чтобы она не видела черного / В розе твоих ветров*", "*Чтоб миновали ее трущобы, / Изморозь, гарь и ил, / Чтобы играл Михаил и чтобы / Подыгрывал Гавриил*". Появление образов архангелов связывает земное и небесное начало. Обращение к Новому Завету возвышает данный образ, воспевание которого становится своеобразным гимном женственности: "*Господи, лучшее, что ты выдумал, / Сделано из ребра*".

Значимой для творчества Кудряшевой является также и мифологическая традиция. Наиболее частотным в

этом контексте является образ Икара. Так, текст "*Знают только сосны и янтарная смола...*" (с) является отсылкой к древнегреческому мифу о Дедале и Икаре, однако если в античной традиции Икар символизирует непокорность, неукротимость, мятежность, а его падение – расплату за непослушательную дерзость и высокомерие, то в данной ситуации авторская интенция лишь намек на первичное значение: "*Ну, давай же нальем вина и нарежем сыр, / И устроим вечер по-гречески при свечах, / И представим, как возносился Дедалов сын, / Потому что, правда, хватит уже молчать... / Мы летели под небом, зная, что это грех, / И от зависти Бог дождями нас поливал*". Прецедентная ситуация в авторском поэтическом дискурсе соотносена с первым смертным грехом в христианстве – гордыней, однако его репрезентация в тексте претерпевает определенные трансформации: полет провоцируется невозможностью существования на земле [7].

В контексте "*Сердце моё смотрит в глаза с укором, / Лето ушло - лето вернется скоро. / Сердце моё, участь моя и кара, / Сердце моё, перья и воск Икара*" актуализация мифологических знаний (повествование о том, как вопреки наказам отца сын поднялся высоко к солнцу, которое растопило воск, скрепляющий перья крыльев, что повлекло гибель юноши) позволяет увидеть в этом фрагменте аллюзию на фразеологическую единицу "растопить сердце" в значении "смягчить, сделать добрее, чувствительнее кого-либо" [9].

В качестве примера фольклорного источника прецедентности приведем пример: "*Она ревет, вдыхая прогорклый смог, двадцатилетний лоб, а точнее лбища, как будто весь мир старался к ней продолбиться, а этот придурок смог. И заяц жил, и лисица жила, и львица - а медведь пришел и разрушил весь теремок. Она стоит и коса у нее по пояс. И щеки мокры от слез...*" ("Считалочка"). Аллюзия на сказку "Теремок" связана с мотивом разрушения: конкретное физическое действие проецируется на психологическое состояние героини, страдающей от безответной любви.

Для ряда текстов Кудряшевой характерна особенно высокая плотность идиоматических единиц, источники которых могут быть как русскоязычными, так и заимствованными. Так, Стихотворение "*Роет землю, что я ей туда насыпал...*(с)" представляет собой разговор с самим собой и отличается большим количеством идиом: "*Всё на месте: зубы на полке, / Рыльце в пуху, нос под одеялом. / Слушай, я! Мы живем с тобой вместе так долго, / Что я уже не пойму - где ты, а где я. / Я тоже умею толкать телегу! / И чушь, пожалуй, получше несусь / Но это грубое alter ego / Запрещает мне ковырять в носу, <...> Мы каждый лежим не в своей тарелке, / Мы вместе валяемся в общей куче! / Дерется. Врет. Переводит стрелки. / Ему, наверно, со мною скучно...*". В данном случае идиоматические единицы не подвергаются деструкции, однако употребление поочередности фразеологизмов "зубы на полке", "рыльце в пуху" с обобща-

ющей конструкцией "все на месте" позволяет говорить об использовании данных единиц для описания внешности лирического персонажа. Выражение воровского жаргона "толкать телегу" в значении "врать, вводить в заблуждение" соотносится с фразеологической единицей "нести чушь" (говорить глупости, бессмыслицу). Сочетание данных единиц, соотносимое в контексте авторского дискурса с творческой писательской работой, усиливает негативную составляющую характера образа, способствуя его стилистическому снижению. Мотив двойственности подчеркивается использованием латинского крылатого выражения "alter ego" ("другое я") – ментального образа, соотносимого в бытовом сознании с "внутренним голосом", с которым не установлены гармоничные отношения. С одной стороны, "внутренне я" выполняет контролирующую функцию (запрещает "ковырять носу", то есть бездельничать), с другой стороны "переводит стрелки" (снимает с себя вину за что-либо, переносит ответственность на другого). Фразеологизм "не в своей тарелке", обозначающий некомфортное состояние, понимается в прямом значении, что делает возможным иное прочтение: и у "внутреннего голоса" и у его "внешнего" проявления нет своего места, что приводит к их вечной борьбе.

Паремические единицы в творчестве Кудряшевой немногочисленны и могут подвергаться трансформациям: Так, во фрагменте *"Вам-то в рай, вам нынче каждый дворец - сарай, примеряй ее, придумывай, притирай, ты в ее огне, в руках у нее сгорай, / А меня - сдирай"* в имплицитной форме актуализирует паремию "С милым рай и в шалаше", меняя ее семантику на противоположную, что обус-

ловлено авторским замыслом снижения образа "другой" возлюбленной (*"Так что ты ее люби, кувыржайся с ней, ездь в лес, ходи ботинками по весне, обнимай ее, прижимайся еще тесней, / А со мной - не смей"*).

Речевые клише представляют собой стереотипные реплики, зафиксированные в языке. Как отмечает В. Г. Гак, "подобные языковые образования выступают как рекуррентные речевые единицы, имеющие тенденцию к фразеологизации" [2, с. 567], соответственно, они являются культурно маркированными. Так, речевое клише в контексте *"А с жизнью - брак по расчету"* проецирует бытовую ситуацию отношений между супругами на отношения к жизни лирического персонажа. Как правило, данное клише в сознании носителя языка противопоставляется "браку по любви" и основывается на холодном разуме, рациональности, исключая душевную сторону жизни.

Органично сосуществуя с прецедентными феноменами, идиоматическими образованиями в текстах, клишированные и паремические единицы повышают плотность лингвокультурологических единиц в авторском поэтическом дискурсе, отражая лингвокультурный потенциал текста.

Функционируя в авторском тексте, данные единицы утрачивают прямую связь с текстом-источником, что сводит к минимуму номинативную функцию. Лингвокультуремы приобретают образно-метафорическое значение, что приводит, в свою очередь, к сдвигу в семантической структуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: монография / В.В. Воробьев. – М., 2006. – 112 с.
2. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М., 1998. – 768 с.
3. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации / Д.Б. Гудков // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997. – С. 116–129
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987 – 264 с.
5. Красных, В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А. И. Изотов. – М., 1997. – Вып. 2. – С. 5–12
6. Кудряшева А. Живой журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://izubr.livejournal.com/>
7. Минец, Д.В., Горушкина, А.В. "Диалог культур" в структуре языковой личности (на материале текстов Али Кудряшевой) / Д.В. Минец, А.В. Горушкина // LITERA. – М., 2017. – №2. – С. 10–19
8. Телия, В.Н. Что такое фразеология / В.Н. Телия. – М., 1966. – 288 с.
9. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров. – М., 2008. – 828 с.
10. Шульга, М.В. Фразеология в ряду прецедентных феноменов в русском тексте / М.В. Шульга // Slavenska frazeologija I pragmatika. Славянская фразеология и прагматика. – Knjižica Zagreb (Хорватия), 2007. – С. 523–526.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

THE PROBLEM OF SOME LANGUAGE PHENOMENA TRANSMISSION IN THE ENGLISH LANGUAGE

A. Ibatova

Annotation

The following article discusses the peculiarities of the impersonal form of the verb (English Infinitive constructions), as well as Passive Voice. The author analyzes the difficulties which arise while translating these constructions from English into Russian, determines the main ways to overcome them.

Keywords: infinitive, causative form, passive voice, predicate.

Ибатова Айгуль Зуфаровна

К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО

"Тюменский индустриальный университет", филиал в г. Сургуте

Аннотация

В данной статье рассматриваются некоторые особенности неличной формы глагола (инфинитивные обороты), страдательного залога. Автор анализирует трудности, возникающие при переводе данных конструкций с английского языка на русский, определяет основные пути их преодоления.

Ключевые слова:

Инфинитивные обороты, каузативный оборот, страдательный залог, сказуемое.

Рассмотрим употребление и особенности перевода инфинитивных оборотов в английском языке. Необходимо отметить, что данные обороты в русском языке отсутствуют.оборот, состоящий из существительного в общем падеже или местоимения в объектном падеже + инфинитив переводится дополнительным придаточным предложением и вводится союзами "чтобы", "что" или "как". Между компонентами этого оборота существует тесная логическая связь, позволяющая им выполнять одну синтаксическую функцию – функцию сложного дополнения. Существительное, так же как и местоимение перед инфинитивом, выступает в роли подлежащего придаточного предложения при переводе, а инфинитив соответственно – сказуемым. Например:

We desire further cooperation of the lecturers of our university to develop successfully. The lecturers suppose the master student to be equal to the task of translating the articles.

Мы желаем, чтобы дальнейшее сотрудничество преподавателей нашего университета успешно развивалось. Преподаватели полагают, что аспирант справится с переводом статей.

Характерным явлением для данной конструкции является употребление Participle I после глаголов чувственного восприятия, показывает продолжительность и длительность действия. Например:

We saw her registering the results.

Мы видели, как она записывала результаты.

Тогда как употребление Participle II придает инфинитивному обороту пассивный характер или обозначает действие, совершаемое кем-то для лица, обозначенного подлежащим. Например:

<i>They heard his title mentioned.</i>	Они услышали, что упомянули его титул.
<i>They had their motor repaired.</i>	Им отремонтировали двигатель.
<i>He wished the letter mailed immediately.</i>	Он хотел, чтобы письмо отправили немедленно.

Особого внимания при переводе заслуживает субъектный инфинитивный оборот – специфический английский оборот, в котором инфинитив логически связан с существительным в общем или местоимением в именительном падеже, выполняющий синтаксическую функцию сложного подлежащего.

<i>These devices are said to give considerable economy. A. Volta is known to have invented the first electrical battery. Oil is supposed to have been formed in the earth hundreds of years ago. He is believed to be working at his presentation. Artists are said to work hard at their skills.</i>	Говорят, что эти приборы дают значительную экономию. Известно, что А. Вольт изобрел первую электрическую батарею. Полагают, что нефть образовалась в земле много сотен лет тому назад. Полагают, что он сейчас работает над своей презентацией. Говорят, что художники много работают над совершенствованием своих навыков.
---	---

Как мы видим, сказуемое переводится неопределённо-личным предложением, а сложное подлежащее – придаточным предложением с союзом "что".

Рассмотрим случаи перевода предложений с описываемым нами оборотом. Во-первых, предложения с подобным оборотом могут переводиться сложноподчинённым предложением, в котором в роли главного предложения выступает неопределённо-личный или безличный оборот и на русский язык переводится: говорят, известно, сообщают, казалось, придаточное же предложение в данном случае присоединяется с союзом что.

Подлежащим в русском придаточном предложении выступает существительное или местоимение, обычно стоит перед глаголом в страдательном залоге, а глаголом в личной форме или существительным в данном случае переводится инфинитив. Например:

<i>The sales are expected to rise.</i>	Ожидается, что продажи увеличатся. Ожидается увеличение цен.
--	--

Во-вторых, при расположении субъектного инфинитивного оборота в придаточном определительном предложении, сказуемое определительного предложения переводится вводным неопределённо-личным предложением, посредством использования союза как. Например:

<i>This substance, which is known to dissolve in water, may not dissolve in acid.</i>	Это вещество, которое, как известно, растворяется в воде, может и не раствориться в кислоте.
<i>This process, which is believed to give excellent results, will be used in our research.</i>	Этот технологический процесс, который, как полагают, даёт блестящие результаты, будет использован в нашем исследовании.

В-третьих, сложноподчинённым предложением с безличным оборотом данная конструкция переводится в случае, если в форме инфинитива стоит глагол to be. В этом случае последний глагол может, как переводиться, так и не переводиться. Например:

<i>This substance was found to be rather useful.</i>	Оказалось, что это вещество более полезно.
<i>For this reason our tubes are considered to be more efficient than their ones.</i>	Именно по этой причине, наши лампы считаются более эффективными, чем их.

В-четвертых, простым предложением, глагол to be не переводится. Например:

<i>The rapid increase in our salary was found to be independent of company revenues.</i>	Стремительное повышение нашей зарплаты оказалось независимым от доходов компании.
--	---

Если за сказуемым следует дополнение с предлогом by + инфинитив, то при переводе это дополнение выступает в роли подлежащего в главном предложении, а глагол страдательного залога заменяется глаголом действительного залога, следовательно, становится сказуемым главного предложения.

Предложения с данным оборотом переводятся сложноподчинёнными предложениями, если сказуемое выражено модальным глаголом + инфинитив в страдательном залоге, существительное оборота выступает в роли подлежащего обстоятельного предложения, а инфинитив – сказуемым.

Например:

<i>These devices are reported by the laboratory assistant to have been arranged so that incorrect functioning of any part cannot cause system crash. The described experiments are certain to proceed rapidly.</i>	Лаборант сообщает, что эти приборы настроены так, что не функционирование любой её части не может вызвать сбой системы. Несомненно, описанные эксперименты будут протекать бурно.
--	---

В свою очередь особое значение в практике перевода придают инфинитивному обороту с предлогом for. Данный оборот представляет собой одну синтаксическую группу, инфинитив выражает действие, которое относится к лицу или предмету, обозначенному существительным в общем падеже или местоимение в объектном падеже. Инфинитивный предложный оборот употребляется как в действительном, так и в страдательном залоге.

Например:

<i>It required some more researches for the doctors to prove the accurateness of the results obtained.</i>	Докторам потребовалось провести больше исследований, чтобы доказать точность полученных результатов.
--	--

Перевод этого оборота зависит от его функции в предложении и может переводиться:

◆ придаточным предложением:

<i>The most important thing is for the researches to fulfil their work in time.</i>	Самое важное для исследователей - закончить работу вовремя.
---	---

◆ существительным:

<i>The students waited for the lecture to start.</i>	Студенты ждали начала лекции.
--	-------------------------------

◆ инфинитивом:

<i>It is late for us to send the expedition to the Far East. The most important thing is for the device to be applied in severe northern conditions.</i>	Посылать экспедицию на Дальний Восток было поздно. Самое главное - это то, чтобы прибор был применен в суровых северных условиях.
--	---

Еще один оборот представляет сложности при переводе – это каузативный оборот.

Данный оборот относится к числу сложных дополнительных и часто употребляется в научной и технической литературе. Конструкция "каузативный оборот" состоит из глагола to have + прямое дополнение + Participle II, при этом действие, выраженное глаголом to have u Participle II совершает кто-то другой для него или за него, а не само лицо (подлежащее).

Например:

<i>We have had our apparatuses mended. Engineers had equipment designed.</i>	Мы починили аппаратуру (кто-то другой починил аппаратуру, по нашей просьбе). Инженеры спроектировали оборудование.
--	--

Немалые трудности при переводе технических текстов с английского языка на русский представляет собой страдательный залог в английском языке.

Основная причина заключается в том, что при переводе необходимо изменять грамматическую структуру английского предложения. Рассмотрим разные способы перевода глагола сказуемого.

Глагол-сказуемое переводится сочетанием "to be" с краткой формой причастия страдательного залога; неопределённо-личной формой глагола в 3м лице множественного числа в действительном залоге. Например:

<i>The new iron and steel mill will be equipped with the up-to-date machinery. After the synthetic rubber plant had been completed and its capacity reached the designed level, the task of intensification of production came to the fore.</i>	Новый металлургический завод будет оборудован новой техникой. После того как был построен завод синтетического каучука и его производительность достигла проектного уровня, первоочередной задачей стала интенсификация производства.
---	---

Подлежащее со сказуемым в страдательном залоге переводится на русский язык а) существительным в именительном или винительных падежах; б) существительным в дательном падеже; в) если после сказуемого в данном залоге стоит предлог, то мы переводим предложение, начиная с данного предлога.

Рассмотрим примеры:

<i>a) Brown's works are often referred to in scientific papers. The expedition will be sent to Central Asia next year. б) The engineers have been shown a new tool. в) The growth of automobile industry in Korea paid great attention to.</i>	В научных статьях часто ссылаются на работа Брауна. Экспедицию пошлют в Среднюю Азию в следующем году. Инженерам показали новый резец. Большое внимание уделялось росту автомобильной промышленности в Корее.
--	---

В отличие от русского языка, в английском языке страдательный залог используется гораздо чаще. Характерной особенностью является тот факт, что английскому глаголу в страдательном залоге соответствует русский непереходный глагол, поэтому такие глаголы переводятся на русский язык в действительном залоге. Как правило, подобные глаголы употребляются с предлогом.

Например:

<i>The rate of corrosion is greatly influenced by temperature. Any body is acted upon by a very large number of equal parallel forces. The functions of semiconductor devices are greatly affected by temperature.</i>	Автоматическими средствами. От температуры сильно зависит скорость коррозии. На любое тело воздействует очень большое количество равных параллельных сил. От функций полупроводниковых приборов в значительной степени зависит температура полупроводников.
--	---

В заключение необходимо отметить следующее: при переводе научно-технической литературы с английского языка на русский задача перевода инфинитива и инфинитивных конструкций является довольно сложной, и, даже при наличии определенных закономерностей и правил, большое внимание надо уделять изучению всей системы языковых средств. Это позволит скомпенсировать несоответствия в грамматической системе двух языков и осуществить наиболее правильную передачу смыслового значения предложения.

ЛИТЕРАТУРА

- Zhai, X.F., Ding, G.F. An empirical study of the application of functional grammar theories to the teaching of the English Passive Voice. Proceedings of the International Conference on Management, Information and Educational Engineering, MIEE 2014Volume 2, 2015, Pages 655–658.
- Кипнис И. Ю. Грамматические особенности перевода английского научно-технического текста: Грамматический справочник/ И. Ю. Кипнис и С. А. Хоменко. – Минск : БНТУ, 2010. – 121 с.
- Молчанова С. Е. Специфика употребления инфинитива в современных английском и русском языках //Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №. 9–3 (63).
- Паршин А. Теория и практика перевода //М.: Русский язык. – 2000. – С. 169–201.

© А.З. Ибатова, (aigoul@rambler.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

university
Тюменский
индустриальный
университет

ОПОРНЫЙ ТЮМЕНСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПЕРВЫЙ ВУЗ КОРПОРАЦИЙ

ЖУРНАЛИСТ Н.П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ В ВОСПРИЯТИИ И ОЦЕНКАХ А.П. ЧЕХОВА

JOURNALIST N.P. GILYAROV-PLATONOV IN THE PERCEPTION AND EVALUATION OF A.P. CHEKHOV

M. Kalugina

Annotation

The article considers the perception of young A.P. Chekhov's personality and creativity of his older contemporary N.P. Gilyarova-Platonov—publisher, editor and author of the newspaper "Modern news". It is noted that A.P. Chekhov repeatedly expressed ironic, humorous and satirical assessments of a pseudo-prog and quasi-liberal journalist. Absurd, ridiculous and imaginary humane ideas, the author of which was N.P. Gilyarova-Platonov, ridiculed by a young journalist A.P. Chekhov. The study is relevant in connection with the attempts of modern literary studies to present the activities of N.P. Gilyarova-Platonov as an advanced, philanthropic, and the journalist himself—as a freedom-loving and deeply Christian personality.

Keywords: A.P. Chekhov, N.P. Gilyarova-Platonov, literary relations, senior contemporary, journalist, journalism.

Калугина Марина Львовна

К.филол.н., доцент,

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

Аннотация

В статье рассмотрено восприятие молодым А.П. Чеховым личности и творчества его старшего современника Н.П. Гилярова-Платонова – издателя, редактора и автора газеты "Современные известия". Отмечается, что А.П. Чехов неоднократно высказывал иронические, юмористические и сатирические оценки псевдопрогрессивного и квазилиберального журналиста. Абсурдные, нелепые и мнимо гуманные идеи, автором которых был Н.П. Гиляров-Платонов, высмеивались молодым журналистом А.П. Чеховым. Исследование актуально в связи с попытками современного литературоведения представить деятельность Н.П. Гилярова-Платонова как передовую, человеколюбивую, а самого журналиста – как свободолюбивую и глубоко христианскую личность.

Ключевые слова:

А.П. Чехов, Н.П. Гиляров-Платонов, литературные связи, старший современник, журналист, журналистика.

Проблема взаимоотношений А.П. Чехова и его старших современников не нова в литературоведении [1; 2; 3]. Отношения писателя, как личные, так и литературно-творческие, с А.С. Сувориным, Н.А. Лейкиным, Д.В. Григоровичем, А.Н. Плещеевым, Я.П. Полонским весьма обстоятельно разработаны исследователями. Так же полно освещены в различных источниках связи и дружеские знакомства А.П. Чехова с нелиetterаторами – актёрами В.Н. Давыдовым, П.М. Свободным, М.Г. Савиной, Г.Н. Федотовой; композитором П.И. Чайковским, к которому А.П. Чехов, как известно, относился с величайшим уважением и привязанностью. К некоторым из названных людей А.П. Чехов испытывал устойчивое и ничем не омрачавшееся уважение и привязанность, как в творческом, так и в житейском смысле, к иным же относился по-другому, например, к Д.В. Григоровичу – иногда насторожённо или даже неприязненно. Порою чеховские оценки этих людей отличала некоторая непоследовательность в зависимости от настроения писателя и обстоятельств оценки. А.П. Чехов был сдержанным, замкнутым и в достаточной мере закрытым человеком и поэтому не всегда прямо высказывал своё отношение к разным людям, однако преимущественно его оценки носили вполне определённый характер, особенно в тех случаях, когда были нелицеприятны.

Глубокая и органическая связь А.П. Чехова – человека и писателя, принадлежащего к эпохе конца XIX века, с литературными культурными деятелями предшествующего поколения, несомненна и хорошо известна. Так, в письме к Д.В. Григоровичу от 12 января 1888 года, говоря об университетском празднике Татьянин день, который А.П. Чехов собирался праздновать с однокурсниками и наставниками, он писал:

"Сегодня много придётся пить за здоровье людей, учивших меня резать трупы и писать рецепты.

Вероятно, придётся пить и за Ваше здоровье, так как у нас не проходит ни одна годовщина без того, чтобы пьющие не помянули добром Тургенева, Толстого и Вас. Литераторы пьют за Чернышевского, Салтыкова и Глеба Успенского, а публика, врачи, математики и прочие, к которым и я принадлежу как эскулап, всё ещё держатся старины и не хотят изменять родным именам" [4].

Молодой А.П. Чехов – журналист и начинающий беллетрист, будучи ещё рядовым восьмидесятилетним периода "Будильника" и "Осколков", а также и в последующие годы, когда появились и стали известны его крупные произведения, начиная с повести "Степь", в своей публицистике и фельетонах резко нападал на признанные авторитеты, уродливые общественные явления, едко и задорно высмеивал их.

Именно к признанным авторитетам старшего поколения принадлежал церковный публицист и историк позднеславянофильского направления, профессор Московской духовной академии, ярый, замшелый консерватор, человек истово православный, в определенном смысле, что называется, пропахший лампадным маслом и кислой капустой, Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824–1887), издававший в Москве в 1870-х – в первой половине 1880-х годов "дешёвую" газету "для народа" под названием "Современные известия", которая, в конце концов, прогорела в пух и прах, лишившись подписчиков.

Рассмотреть отношение А.П. Чехова к личности и журналистской деятельности Н.П. Гилярова-Платонова, оценку писателем данной исторической личности и её роли в развитии русского общества является целью нашего исследования.

Писатель и театральный деятель Н.Д. Телешов (1867–1957), бывший на семь лет моложе А.П. Чехова и хорошо помнивший газетную Москву 1880-х годов, в своих известных мемуарах "Записки писателя" (1943) дал следующую характеристику Н.П. Гилярову-Платонову и его газете: "В прежней Москве <...> существовала газета "Современные известия". Издавал ее славянофил Гиляров-Платонов <...> Почти все статьи по внутренней и иностранной жизни сочинил он сам <...> И в его газете печатались статьи то слишком смелые и резкие, то, наоборот, приторные <...> Когда в Москве появились новые дешёвые газеты уличного типа вроде "Московского листка" (издатель-редактор Н.И. Пастухов) с такими романами, как "Разбойник Чуркин" и др. <...>, газета Гилярова-Платонова с ее вмешательством в частную и семейную жизнь людей в виде непрошенных "советов и ответов" и всяких сплетен, многим показалась пресной, завялая и кончилась" [5]. Как ни старался Н.П. Гиляров-Платонов получить на издание своей газеты какие-либо субсидии, ничего не получилось. Газета не "воскресла", и сам издатель вскоре скончался.

Личность Н.П. Гиляров-Платонова вызывает интерес. Будущий издатель происходил родом из подмосковной Коломны, из среды провинциального духовенства. Коломенское духовенство и купечество первой половины и середины XIX столетия он очень интересно, колоритно и со знанием дела описал в своих двухтомных мемуарах "Из прошлого" (1886), в 2009-м году впервые переизданных в серии "Литературные памятники". Эти мемуары, безусловно, представляют большой интерес и ценность в культурно-историческом смысле. Известный литературовед-марксист профессор В.А. Десницкий ещё в 1930-х годах определил эти мемуары Н.П. Гилярова-Платонова как "любопытнейшие по богатству бытового материала" [6] и отметил, что один из представителей богатого колומенского купечества той поры, описанный Н.П. Гиляровым-Платоновым, И.И. Мещанинов, владевший богатейшей усадьбой с садами, беседками, фонтанами и дворовой челядью, "мог бы вполне явиться натурой для зарисовки гончаровского Обломова, его социальное бытие могло бы быть совершенно приемлемым бытием в рома-

не об обломовщине" [6]. Разумеется, на таком суждении явно лежит печать времени, вульгарного социологизма, процветавшего в литературоведении 1920-х – 1930-х годов, но такая параллель всё же в определенном смысле небезынтересна.

Казалось бы, фигура Н.П. Гилярова-Платонова давно и прочно забыта, и забыта, надо сказать, во многом справедливо. Он был понемногу всем – богословом, церковным историком, этнографом, довольно беспомощным и эклектичным философом – и в крайне малой степени литературным критиком, незадачливым журналистом – и, собственно говоря, в итоге ничем. Его религиозные идеи так же, как и всё остальное, отличается полная неформальность и незаконченность. Наиболее объективная оценка наследия Н.П. Гилярова-Платонова принадлежит Н.И. Осьмаковой: "Публицист-философ, постоянно стремившийся совместить обсуждение практических нужд дня с идеальными началами бытия, темпераментный и едкий полемист, нередко увлекавшийся до односторонности и преувеличений, Гиляров-Платонов оставил творческое наследие, которое представляет собой мозаичную картину, результат работы мысли интенсивной и самостоятельной, но не сумевшей сколько-нибудь полно выразить себя" [7]. Известный писатель, религиозный философ и историк искусства, работавший в первой половине XX века, Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954), назвав Н.П. Гилярова-Платонова вкуче с Ю.С. Самариним "тончайшим мыслителем" и противопоставив его навязавшей в зубах революционно-демократической идеологии и критике, представленной именами В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и в особенности Д.И. Писарева, также отмечал мелкость и узкость многих его интересов и квалифицировал их как "никому не нужные проекты дорожных повинностей и уездных училищ" [8].

Тем не менее, в настоящее время личность Н.П. Гилярова-Платонова и его деятельность стали предметом пристального внимания некоторых исследователей, обьявивших его – ни много ни мало – "неопознанным гением". В современном литературоведении, точнее в его почвенническо-национальной части, Н.П. Гиляров-Платонов стал объектом, можно сказать, напряжённого и пристального внимания. Так, в 2007 году в Коломне вышел сборник под названием "Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова", составители и авторы которого поставили своей основной целью и задачей "воскресить" эту фигуру. И в данном издании особо выделяется тот момент, что "контрапунктный строй личности [Гилярова-Платонова – М.К.] распространялся и на сферу мировоззрения. Безоговорочная поддержка консервативных ценностей сочеталась с защитой либеральных положений о свободе слова и печати. Неприятие эксплуатации не мешало признавать эффективность капиталистических отношений. Трезвость ума не подрывала веру в божественное откровение, а глубокая личная вера не мешала говорить о предрассудке, лежащем в её основе. В то же время указанные контрапункты не свидетельствовали о разорванности личности

[Заметим, что, хотя Н.П. Гиляров–Платонов был человеком странным, как вспоминали о нём знавшие его люди, однако раздвоением личности, иными словами, "шизофренией", он определённо не страдал – М.К.]. Всё, по-видимому, сводилось к единому центру, к безоговорочному признанию человеческой свободы, данной человеку в момент сотворения, как созданному "по образу и подобию Божию". Свобода, по мнению Гилярова–Платонова, неразрывно связана с человеком, но она не безгранично "освобождает" его, как виделось нигилистам, а, наоборот, наделает ответственностью выбора" [9].

В этом пассаже нельзя не заметить много расхожих литературоведческих штампов и квазиученной фразеологии, но сущность деятельности Н.П. Гилярова–Платонова, по-видимому, схвачена в сформулирована в основном верно.

И как тут не вспомнить известные чеховские слова о "свободном человеческом духе и теле", независимом от общественно–политических направлений и конъюнктур времени!

Авторы процитированной выше книги ставят обширное и пёстрое наследие Н.П. Гилярова–Платонова в широкий контекст эпохи, подробно и обстоятельно исследуют его связи со славянофильством в лице А.С. Хомякова, Ю.С. Самарина, И.С. Аксакова. Представлены также связи и контакты Н.П. Гилярова–Платонова с М.П. Погодиным, Л.Н. Толстым, К.Н. Леонтьевым и, в особенности с В.В. Розановым, немало написавшем о своем современнике; с современной Н.П. Гилярову–Платонову журналистикой и периодикой. В поле внимания одного из исследователей, чьи работы представлены в книге, оказался также и еврейский вопрос в интерпретации Н.П. Гилярова–Платонова, который, понятно, в ту эпоху не имел всё же остроты и актуальности, приобретённых впоследствии, в XX веке. А вот интересующий нас в первую очередь А.П. Чехов в данном издании даже не упоминают.

Может показаться, что соотнесение Н.П. Гилярова–Платонова с А.П. Чеховым, который в последние годы жизни своего старшего современника был молодым человеком, начинающим писателем и журналистом совершенно другого толка, действительно неактуально. Кроме того, нет никаких данных, свидетельствующих о личном знакомстве А.П. Чехова с Н.П. Гиляровым–Платоновым. Но выясняется, что основания для рассмотрения данной связи всё же есть.

Нельзя, как нам представляется, не вспомнить и о том, что наличие религиозности и православного начала у А.П. Чехова не подлежит никакому сомнению, и это даже несмотря на то, что у писателя начисто отсутствуют какие–либо прямые признания по этому поводу. По-видимому, чеховская вера была особого рода – совершенно ненавязчивая, почти лишённая каких бы то ни было внешних атрибутов, но тем не менее живая, глубокая и подлинная, пусть подспудно, но связанная и с церковной обрядностью. Доказательство этому – такие гениальные произведения, как "Студент", "Святою ночью", "Архиерей", "Душечка". Необходимо упомянуть также и переписку

А.П. Чехова с представителями духовенства, особенно в последние годы жизни. И то, что многие свои письма к знакомым – близким и дальним – он заканчивал фразой: "Храни вас Господь и ангелы небесные", тоже достаточно красноречиво.

Что касается Н.П. Гилярова–Платонова, то он упоминается в письмах А.П. Чехова лишь раз, по поводу того, что, совершая как–то прогулку по Новодевичьему монастырю, А.П. Чехов случайно оказался свидетелем похорон Н.П. Гилярова–Платонова. Он писал брату Александру Павловичу Чехову в письме от 21 октября 1887 года: "Был на кладбище [Новодевичьем – М.К.] и видел, как хоронили Гилярова" [10].

Тем не менее, имя это А.П. Чехову было знакомо хорошо. В чеховском фельетонном обозрении "Осколки московской жизни" (1883–1884), публиковавшемся в петербургской газете А.С. Суворина "Осколки", не раз и по разным поводам упоминается Н.П. Гиляров–Платонов и его "дурно пахнущая" газета "Современные известия". Такие замечания делались А.П. Чеховым чаще всего в ироническом, а то и юмористическом контексте. Так, ведя речь о современных консервативных журналистах, А.П. Чехов, например, пишет, что Н.П. Гиляров–Платонов "выдаёт себя за обскуранта, а поглядите–ка, какой он прогрессист! То и дело изображает он в своей газете всячину. От этой всячины попахивает Никитой [ироническая отсылка к имени Н.П. Гилярова–Платонова – М.К.], а всё–таки она говорит за прогресс в области мысли" [11].

А.П. Чехов неоднократно сатирически высказывается о "прожектах" Н.П. Гилярова–Платонова, некоторые из которых, несомненно, претендуют на статус анекдота: "В одном из последних номеров он [Н.П. Гиляров–Платонов – М.К.] пропагандирует воинскую повинность для собак" [12]. В "Современных известиях" действительно был изложен такой "прожект" в совершенно анекдотическом и абсурдном ключе, однако без тени иронии: "Это мечта [призыв собак на военную службу – М.К.], но если края верификационных сооружений на государственной границе были бы прикрыты сплошными стаями дрессированных зверей, задача государственной обороны много бы облегчилась, и притом с значительною экономическою выгодой и сбережением человеческих жизней" [11].

Столь же, как известно, консервативный журналист А.С. Суворин, ставший впоследствии одним из ближайших знакомых А.П. Чехова, по всей видимости, в 1880–х годах достаточно позитивно оценивал деятельность Н.П. Гилярова–Платонова – журналиста и публициста. Он, по словам А.П. Чехова, "величает нашего Гилярова "стилистом", "философом" и проч." [11]. Далее А.П. Чехов продолжает: "Поглядите–ка, какую штуку стилистнул этот стилист и какую философию съерундил этот философ! В одном из последних номеров своей газеты он советует "неразумным" хозяикам бросать раков не в кипяток, как это обыкновенно делается, а в холодную воду. "Раки понемножку привыкают к теплу и, во всяком случае, неприметно для них окажутся в кипятке". Консерватор засту–

пилился за раков, это так и следует. Но предоставляю "неразумным" хозяйкам и кухаркам диктовать разумному ракофилу, что едва ли возможно даже самому чахоточному раку умереть "неприметно" в медленном огне" [11].

Высмеивая одну из новейших московских "достопримечательностей", так называемую "свадебную карету", которая демонстрировала во всем блеске "тяжеловесность московских вкусов" и катание на которой сопровождалось "приличными возлияниями и неприличными телодвижениями", А.П. Чехов вновь делает отсылку к газете "Современные известия", собирающуюся, по его словам, "уже поднять вопль за оскорбление и профанацию святынь" [11].

Н.П. Гиляров-Платонов, выбранный в 1884 году гласным Московской городской думы, однажды составил и опубликовал в одном из номеров своей газеты, видимо, не слишком разумные так называемые "Заметки на городскую смету", и этот документ тоже не преминул высмеять А.П. Чехов в том же фельетонном обозрении.

А в пространном судебном отчёте о нашумевшем деле "Скопинского банка", о злоупотреблениях и мошенничествах под названием "дело Рыкова и компании", который А.П. Чехов вёл в ноябре-декабре на страницах "Петербургской газеты", он "окрестил" газету Н.П. Гилярова-Платонова "юродивой Современкой" и обвинил почетного редактора в самом заурядном корыстолюбии. Основанием для обвинения послужило собственное признание Н.П. Гилярова-Платонова в том, что некогда, еще в 1868 году, он якобы "случайно" получил от директора Скопинского общественного банка И.Г. Рыкова вместо папиросы, за которой тот полез в карман, банковский кредитный билет с маленьким процентом и с необязательным возвратом капитала. "Предложением я воспользовался", – простодушно признался Гиляров [11].

Думается, что нет никаких оснований полагать, что сатирический задор и смех молодого А.П. Чехова, который был тогда ещё Антошей Чехонте, "человеком без селезенки", по прошествии нескольких лет сменился бы на

более взвешенное и доброжелательное отношение к Н.П. Гилярову-Платонову. Невозможно себе представить, что А.П. Чехов был способен сколько-нибудь существенно переменить свою позицию в отношении к этой достаточной одиозной для того времени фигуре.

Тем более что на этот счёт нет никаких прямых свидетельств.

Исходя из нами сказанного, можно прийти к выводу о том, что Н.П. Гиляров-Платонов отнюдь не принадлежал к числу тех современников "спутников" А.П. Чехова, к которым писатель относился с каким бы то ни было пиететом и, тем более, к тем, которые могли бы оказывать на него какое-то позитивное влияние или вызывать в нём какие-то творческие импульсы. Мы видим, что дело обстояло совершенно противоположным образом.

Значимыми для чеховского творчества отношения с Н.П. Гиляровым-Платоновым назвать нельзя. Можно говорить лишь о некоем "проходном" эпизоде журналистской деятельности молодого А.П. Чехова, но, несмотря на это (к тому же ведь нам неизвестны, как было уже отмечено, какие-либо другие данные о встречах с Н.П. Гиляровым-Платоновым и какие-либо ещё высказывания о нём А.П. Чехова) данный эпизод газетной полемики 1880-х годов всё же представляется достойным внимания. Он даёт дополнительное представление об интересах, связях и журналистских сюжетах Чехова-восьмидесятника, который в ту пору ещё не вылился в большую литературу, не стал признанным классиком. Всё это во многом подтверждает давнее мнение, что А.П. Чехов в фельетонах, а также и в ранних рассказах первой половины 1880-х годов, испытал на себе влияние сатирической манеры другого своего старшего современника – М.Е. Салтыкова-Щедрина, с которым не был знаком лично, но которого глубоко почитал как литературного деятеля и которому, быть может, даже не вполне осознанно, подражал [13]. Великий сатирик для молодого А.П. Чехова был одним из наиболее значимых авторитетов, о чем не раз говорил сам писатель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калугина М.Л. А.П. Чехов и его современники: сближения и отталкивания // Stephanos. 2017. № 3 (23). С. 54–64.
2. Бойчук О. А.П. Чехов и А.С. Суворин. Искренняя дружба или личная выгода! // МедиаАльманах. 2005. № 1. С. 9.
3. Овчарская О.В. А.П. Чехов и Н.А. Лейкин: сходство, подчеркивающее различие // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3–1 (57). С. 41–45.
4. Чехов А.П. Полно собр. Соч. и писем в 30 т.т. Письма в 12 томах. М. "Наука", 1995, Т. 2, С. 175.
5. Телешов Н.Д. "Записки писателя". Воспоминания и рассказы о прошлом. М., "Московский рабочий", 1998, С. 350.
6. Десницкий В.А. Статьи и исследования. Л., "Художественная литература", 1979, С. 202.
7. Осьмакова Н.И. Н.П. Гиляров-Платонов // Русские писатели 1800 – 1917. Биографический словарь. М., "Энциклопедия", 1992. Т. I. С. 512.
8. Дурылин С.Н. "В своем углу". М., "Молодая гвардия", 2006, С. 324.
9. "Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова". Сб. статей и материалов. Коломна, 2007, С. 7.
10. ПСС. Письма. М., Наука, 1975, Т. 2, С. 136.
11. ПСС. Сочинения в 17 томах. Т. 16, М., Наука, 1987, С. 64.
12. "Современные известия", 1883, №286, 14 октября, отд. "Разные известия". /Без подписи/.
13. Есин Б.И. "Чехов-журналист". М.: Изд-во Московского университета, 1977, С. 25

НАРУШЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА (на материале французского, английского и русского языков)

BREAKING GRAMMAR NORMS IN THE MODERN DEVELOPMENT OF LANGUAGES (French, English, Russian)

T. Kravtsova

Annotation

The article is devoted to some peculiarities characteristic of contemporary grammar in the standard and substandard French language, as well as to an attempt to make a comparative analysis of such peculiarities in the colloquial French, English and Russian languages. Reasons of practically universal neglect of grammar rules and the establishment of such mistakes in the linguistic norm as a whole are also under analysis.

Keywords: grammar system, linguistic norm and its breaking, spoken language, colloquial language, French language, English language, Russian language, comparative analysis.

Кравцова Татьяна Владимировна

*К. филол. н., доцент, ФГБОУ
"Ростовская государственная
консерватория им. С. В. Рахманинова"*

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей, характерных для современного состояния грамматического строя французского языка стандартного и субстандартного уровня, и попытке компаративного анализа указанных особенностей во французском, английском и русском языках. Выявляются причины фактически повсеместного пренебрежения правилами грамматики и укоренения некоторых из подобных ошибок на уровне языковой нормы в целом.

Ключевые слова:

Грамматический строй, языковая норма и ее нарушение, разговорный язык, разговорно-бытовой стиль речи, французский язык, английский язык, русский язык, компаративный анализ.

Языковые изменения составляют саму суть любого живого языка, являясь, пожалуй, его единственной константой. Любой живой язык, существующий как в устной, так и в письменной формах, меняется, развивается, обеспечивая тем самым все возрастающие потребности коммуникации в пределах и за пределами своего языкового коллектива.

Язык изменяется на всех уровнях, но в разной степени и в разном темпе. Лексический пласт, как известно, подвержен самым существенным трансформациям в силу своей прямой зависимости от развития общества. На второе место, вероятно, правильно определить стилевое разграничение и фонетический уровень, которые, на наш взгляд, не просто взаимодействуют, но напрямую зависят друг от друга. Узнать, к примеру, просторечный акцент (в широком смысле) можно еще до появления в речи отличительного синтаксиса или даже лексики. При этом просторечный акцент характерен в основном для разговорно-бытового стиля речи и, тем более, субстандарта в целом, ведь, как правильно отмечает Ф. Гаде, именно фонетика в первую очередь дает ясное разграничение узуса и ненормативности: орфоэпически неверные слова влияют на восприятие информации в той же или даже большей степени, что и морфологические или синтаксические ошибки [Gadet, 29]. Недаром такие слова многим объектам коммуникации "режут слух", при этом они зачастую

не обратят такого же внимания на отклонения от нормы, например, в падежных окончаниях. С другой стороны, коммуниканты, желающие "опуститься" или "подняться" на языковой уровень своего собеседника с целью "говорить на одном языке", выстраивают свою речь в первую очередь в соответствии с орфоэпическими нормами или же их нарушением.

Последнюю строчку в иерархии языковых изменений по степени и темпу таковых занимает грамматика. Это наиболее устойчивый языковой уровень, но и здесь наблюдаются трансформации, в определенный отрезок времени воспринимающиеся как отклонение от грамматической нормы и даже ее нарушение. На современном этапе своего развития многие языки характеризуются подобными изменениями, что напрямую связано с социальным и техногенным факторами. Смещение языковых коллективов в связи с постоянным глобальным перемещением целых народов в силу политического и/или экономического воздействия на них; повсеместное использование технических средств коммуникации, во многих случаях практически полностью заменивших живое общение; наличие разнообразных текстовых редакторов для правки письменных сообщений, соответственно, отсутствие необходимости фактически детального изучения родного языка, что было характерно для предыдущих поколений, и, как следствие, резкое падение уровня гра-

мотности – вот, на наш взгляд, основные причины грамматических (и не только) изменений в современных развитах языках.

Каковы же эти трансформации, в частности, в современном французском языке? Синтаксические особенности можно сгруппировать следующим образом.

1. Практически повсеместная замена инверсии интонацией в вопросительных предложениях: *Tu y vas?* (вместо *Y vas-tu?*).

2. Употребление вопросительных слов в конце вопросительных предложений: *Tu vas ou?* (вместо *Ou vas-tu?*).

3. Нарушение порядка слов в побудительных предложениях: *Parlez-moi pas* (вместо *Ne me parlez pas*).

Нарушения в морфологии современного разговорно-французского языка как стандартного, так и субстандартного (в большей степени) уровня сводятся к следующему.

1. Однокомпонентное отрицание с опущением первого отрицательного элемента – частицы *ne*: *J'y vais pas* (вместо *Je n'y vais pas*); *il voit plus* (вместо *il ne voit plus*).

2. Смена рода у имен существительных: *un espece* (вместо *une espece*), *un auto* (вместо *une auto*), *le toux* (вместо *la toux*), *une mur* (вместо *un mur*).

3. Образование формы женского рода, не существующей во французской норме или ей не соответствующей, у имен существительных и прилагательных: *temouine* (от *temoin*), *maline* (от *malin*), *typesse* (от *type*), *chefesse* (от *chef*), *rigolote* (от *rigolo*), *avarde* (от *avare*), *bizarde* (от *bizarre*).

4. Унификация форм единственного и множественного числа у имен существительных, оканчивающихся на *-al*. При этом данная унификация во многих случаях проводится двойко – как по форме единственного (*un cheval > des chevaux* вместо *des chevaux*), так и по форме множественного числа (*des chevaux > un cheveau* вместо *un cheval*).

5. Употребление частичного артикля с именами собственными: *C'est du Jean* (вместо *C'est de Jean*).

6. Отсутствие слитных форм артикля и предлога: *a le logement* (вместо *au logement*), *de le chef* (вместо *du chef*).

7. Спряжение местоименных и непереходных глаголов со вспомогательным глаголом *avoir* вместо *etre*: *je m'ai sauve* (вместо *je me suis sauve*), *il a venu* (вместо *il est venu*).

8. Не соответствующее норме современного французского литературного языка образование различных форм времен и наклонений у неправильных глаголов: *je vas* (вместо *je vais*), *j'avons* (вместо *j'ai*), *il voira* (вместо *il verra*), *qu'elle peuve* (вместо *qu'elle puisse*), *ils ont met* (вместо *ils ont mis*).

9. Включение слога *ge* в глагол при образовании форм различных сложных времен (в особенности при согласовании времен) и наклонений (в особенности условного наклонения): *j'aurerais du* (вместо *j'aurais du*), *elle pourerait* (вместо *elle pourrait*). Интересно отметить, что в данном случае прослеживается тенденция не к упрощению, что характерно для современного состояния языков в це-

лом, а наоборот, к усложнению через вставку дополнительного слога в нормированную форму.

10. Присоединение суффиксов *-ares / -aresse* к формам причастия прошедшего времени у глаголов I группы: *bouclares* (вместо *bouclare*), *etouffaresse* (вместо *etouffe*).

11. Отсутствие согласования причастия прошедшего времени в роде и числе с прямым дополнением в позиции последнего относительно причастия: *Les fleurs, j't'les ai offert* (вместо *offertes*); *Toutes ces choses qu'on s'est dit* (вместо *dites*).

12. Выпадение безличного местоимения 3-го лица единственного числа в таких конструкциях, как *il faut, il y a: faut l'faire* (вместо *il faut le faire*).

13. Согласование сказуемого по форме множественного числа, если подлежащее выражено собирательным существительным: *tout le monde sont d'accord* (вместо *tout le monde est d'accord*).

14. Употребление наречия *plus* с формами-исключениями прилагательных и наречий в сравнительной и превосходной степени: *plus mieux* (вместо *mieux*), *le plus pire* (вместо *le pire*).

15. Замена *qui* на *que* в функции подлежащего: *Que vient avec nous?* (вместо *Qui vient avec nous?*); *Qu'a deja fini?* (вместо *Qui a deja fini?*). Последний пример и примеры, ему подобные, можно также трактовать как фонетическое упрощение, краткость произношения формы *qui* в сочетании с последующей лексемой, начинающейся с гласного звука.

16. Усиление выразительности конструкции "указательное местоимение + имя существительное" посредством употребления наречия *la* в постпозиции: *cette chose-la, ces mecs-la, cet idiot-la*.

17. Замена местоимения *cela* и прямого местоимения *le*, выражающего неодушевленный предмет, местоимением *ca*: *ca m'etonne* (вместо *cela m'etonne*), *je vois ca* (вместо *je le vois*).

Следует отметить, что некоторые из указанных грамматических трансформаций (а во многих случаях просто ошибок) наличествуют и в других языках, например, русском и английском. Безусловно, проводить компаративный анализ в отношении всех из вышеперечисленных пунктов не представляется возможным в силу разницы грамматических систем упомянутых языков. Даже с учетом влияния, которое они оказывали друг на друга в определенных периоды истории своего развития, тождество их грамматических систем не прослеживается, главным образом, в связи с принадлежностью данных языков разным языковым группам: русский относится к славянской, английский – к германской, а французский – к романской языковым группам. Тем не менее, некоторые соответствия все же имеются.

Например, в современном английском языке субстандартного уровня распространен перенос вопросительного местоимения в конец предложения с параллельным опущением вспомогательного глагола, необхо-

димого для формирования вопроса (*Present Indefinite u Past Indefinite*): *You mean what?* (вместо *What do you mean?*). Также относительное местоимение *that* практически полностью вытеснило относительные (вопросительные) местоимения академической формы *who(m) / which* в определенных придаточных предложениях: *Peter that lives there* (вместо *Peter who lives there*). Кроме того, наличествует унификация согласования сказуемого по единственному или множественному числу при подлежащем, выраженном собирательным существительным, вне зависимости от контекстуального значения данного существительного (особенность, характерная в большей степени для американского варианта современного английского языка, но уже внедряющаяся и в британский вариант английского языка разговорного уровня): *The band is tuning their instruments вместо The band are tuning their instruments*. В современном английском языке также прослеживается тенденция к унификации форм вспомогательного глагола *to do* в отрицательном предложении *Present Indefinite*: *she don't know вместо she doesn't know*.

Смена рода у имен существительных, помимо французского, характерна и для русского языка, но в основном в отношении заимствований, что связано, главным образом, с четкой системой окончаний и их влиянием на род имен существительных в русском языке и отсутствием подобной выверенной системы во французском языке. Например, в настоящий момент часто говорят "детская шампунь" и "белая тюль" вместо "детский шампунь" и "белый тюль", соответственно. Иногда подобные нарушения грамматической правильности настолько прочно входят в речь огромного числа представителей данного языкового коллектива, что с течением времени начинают восприниматься как нормированные и впоследствии укореняются, собственно, в литературной норме языка. Здесь достаточно вспомнить существительное "кофе", которое (согласно списку грамматик, словарей и справочников, утвержденных Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 июня 2009 года № 195) в 2009 г. перешло в разряд имен существительных, относящихся не только к мужскому, но и к среднему роду: "горячее кофе" теперь сосуществует с "кофе горячим" [Приказ].

Наконец, укажем тенденцию грамматического уровня, характерную для всех трех вышеупомянутых языков, а именно употребление наречий "*more / более*" и "*the most / наиболее, самый*" с формами-исключениями прилагательных и наречий в сравнительной и превосходной степени: *more far* (вместо *farther*), *the most little* (вместо *the least*), "более красивее" (вместо "красивее / более красивый"). (Примеры нарушения грамматической нормы французского языка в данном отношении мы привели ранее.)

Безусловно, все указанные в настоящей статье и им подобные процессы не скоротечны и не "одноразовы" в историческом плане.

Другими словами, грамматические трансформации имели место и на предыдущих этапах развития всех без исключения языков. Вспомним, к примеру, о влиянии латинского языка на французский в период романизации Галлии, приведем, в частности, к абсолютному стиранию падежной системы во французском языке. Или же о влиянии французского языка на английский в период норманнского завоевания Англии, что выразилось, в числе прочего, в замене разветвленной системы образования формы множественного числа у английских имен существительных на гораздо более упрощенную и унифицированную схему присоединения суффикса *-s* к форме единственного числа существительного.

Если в целом говорить о современных процессах, характеризующих грамматический строй многих языков в настоящий момент, то их анализ также выявляет тенденцию к абсолютному упрощению всей грамматической системы, что (и это удивительно) не отражается особым образом на восприятии информации, что, как мы полагаем, связано с практически повсеместным пренебрежением веками устанавливаемых правил. Следовательно, разумно утверждать, что с течением времени (на наш взгляд, относительно короткого отрезка) мы столкнемся с укоренением как минимум некоторых из перечисленных грамматических отклонений (синоним "ошибок") в собственно языковой норме на уровне грамматики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 июня 2009 г. № 195 "Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации".
2. Gadet F. *Le français populaire*. – Paris: PUF, 1992. – 127 p.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА "NOAH" И "NOAH'S ARK" В МАТЕРИАЛАХ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА "TIME"

PROPER NAMES "NOAH" AND "NOAH'S ARK" AS CULTURAL PHENOMENA IN THE "TIME" ARTICLES

*Т. Ма
Т. Khloпова*

Annotation

The article deals with proper names "Noah" and "Noah's ark" used as cultural phenomena in the "Time" publications. Analyzed are specific traits of the names and their attributes which determine how the names are perceived by the reader in mass media discourse. Exposed are the reasons influencing changes in the structure of the name and consequently its connection with the Bible.

Keywords: precedent phenomena, proper name, sacred connotation, specific traits, mass-media.

*Ма Татьяна Юрьевна
Д.филол.н., профессор,
Амурский государственный
университет, г. Благовещенск
Хлопова Татьяна Владимировна
Ст. преподаватель,
Амурский государственный
университет, г. Благовещенск*

Аннотация

В статье анализируются случаи апелляции к прецедентным именам "Noah" (Ной) и "Noah's Ark" (Ноев ковчег) в материалах электронной версии американского журнала "Time". Определяются дифференциальные признаки имен и атрибуты, которые формируют специфику восприятия данных феноменов в дискурсе современных масс-медиа. Рассматриваются причины, обуславливающие изменения в структуре имени и, как следствие, ослабление его связи с тестом-источником.

Ключевые слова:

Прецедентные феномены, имя собственное, сакральные коннотации, дифференциальные признаки, СМИ.

Несмотря на довольно долгую практику изучения библеизмов в филологии, антропонимы библейского происхождения как единицы языка и культуры, обладающие яркой образностью и оказывающие непосредственное влияние на формирование системы ценностей человека и общества, все еще остаются на периферии лингвистического поиска.

Имена собственные библейского происхождения не раз становились предметом исследования в науке о языке, но только как базовые компоненты библейских фразеологизмов. Работ, посвящённых описанию имен библейских персонажей в контексте теории прецедентности, практически нет, что обуславливает необходимость дальнейшего изучения библейских онимов как феноменов прецедентного характера, апелляции к которым частотны в дискурсе языковой личности, важны в когнитивном и эмоциональном отношении.

Интерес для данного исследования представляют библейские имена собственные, образовавшие общий интеркультурный слой лексики английского языка, без которых невозможно изучать историю развития духовной жизни и нравственных ценностей общества. Они де факто формируют один из важнейших фрагментов языковой картины мира современного образованного человека благодаря смысловой глубине и неиссякаемости сакрального текста, особой этически-культурной значимости библейской образности и символики.

Важно отметить, что любое прецедентное имя – это

"самодостаточная" языковая единица, не требующая каких-либо комментариев, как самого имени, так и ситуации, в которой оно употребляется [1, 203]. Имя считается центром категории прецедентности, поскольку это вербальный феномен, характеризующийся воспроизводимостью, когнитивной и эмоциональной ценностью, устойчивой связью с породившим его текстом или ситуацией, выступающей как эталонная в сознании носителя языка.

В ядро прецедентного имени, согласно В.В. Красных, входят дифференциальные признаки, в периферию – атрибуты, которые являются достаточными, но не необходимыми для его сигнификации. Дифференциальные признаки прецедентного имени составляют систему характеристик, отличающих данный объект от ему подобных, во-первых, по внешнему виду, во-вторых, по поведенческим чертам, в-третьих, по специфическим для прецедентной ситуации особенностям [1, 198 – 199].

Рассмотрим в качестве примеров, иллюстрирующих актуализацию признаков прецедентного имени в речевом контексте, случаи апелляции к онимам "Noah" и "Noah's Ark".

Инвариант восприятия прецедентного имени "Noah" составляют следующие дифференциальные признаки, объективированные в словарях: 1) the hero of the biblical Flood story; 2) a man chosen by God; 3) a savior 4) a righteous man; 5) the father of Shem, Ham, and Japheth. Атрибутами можно считать такие признаки как 1) preacher of righteousness; 2) a carpenter; 3) the originator of vineyard

cultivation; 4) the patriarch; 5) son of Lamech; 6) the representative head of a Semitic genealogical line [2, 3, 4].

Как показывает практика употребления имени, только малая часть дифференциальных признаков антропонима "Noah" актуализируется сегодня в текстах СМИ, в частности, публикациях журнала "Time".

Например, автор статьи "Has Noah's Ark Been Discovered in Turkey?", апеллируя к библейской притче о всемирном потопе, пытается напомнить читателям о последствиях грехопадения и о том, насколько губительными они могут быть для человечества:

"The team has conducted missions to Mount Ararat since 2003 under the auspices of a Hong Kong-based organization dubbed Noah's Ark Ministries International, which is in turn linked with another well-funded Christian group in the city called Media Evangelism. The latter drew attention in 2008 when it helped set up a park that now houses a life-size replica of the ark, accompanied by models of animals on board as well as a vivid film depicting God's wrath at a sinful mankind and the flood he sent to wash it away. Yeung talks of the ark's discovery in almost apocalyptic terms: "At this day, at this moment, it has a very special meaning when we see so many natural disasters and earthquakes," he tells TIME. "People should come and see the ark and think about their place in the world" (Apr. 29, 2010).

Речь в публикации идет о ковчеге как символе спасения рода человеческого, однако отсутствие упоминания в заголовке имени "Noah" затруднило бы понимание текста читателем.

Первым дифференциальным признаком прецедентного имени "Noah's ark" можно считать определение "the vessel built by Noah for saving life" [2]. Вторым – "(large enough to contain) representatives of each kind of animal" [3]. Атрибутом – "made of "gopher" wood" [2, 3]. То есть, смысловая нагрузка прецедентного антропонима, создаваемая за счет дифференциальных признаков "the hero of the biblical Flood story" и "a savior", определяет специфику восприятия прецедентного имени "Noah's ark" как символа спасения всего живого во время Всемирного потопы.

История Ноя и Всемирного потопы является, пожалуй, наилучшей иллюстрацией того, что человечество никогда не отличалось праведностью перед Богом. В библейской притче говорится о приговоре, вынесенном грешникам, выборе жизни или смерти, о Божьем завете и будущем искуплении. Спаситься могут лишь те, кто храним верой, как Ной своим ковчегом. Однако в тексте СМИ не актуализируются такие дифференциальные признаки антропонима "Noah" как "a righteous man", "a man chosen by God".

Тот факт, что Ной был избран Богом и спасен Им благодаря своей праведности, редко находит отражение в материалах масс-медийного дискурса. Как следствие, нарушается целостность структуры прецедентного имени, утрачивается один из ее важнейших ядерных признаков.

Основным фактором, формирующим прецедентный оним, является наличие фонового знания, которое зависит от культурной компетентности человека и самого

прецедента [1, 200 – 20]. Фоновые знания не являются предметом сообщения, но являются совершенно обязательной его частью, обеспечивающей адекватность восприятия и понимания текста, в котором употребляется прецедентное имя.

В следующем примере автор апеллирует не только к Священному Писанию, но и к Вавилонскому мифу о всемирном потопе, используя одно прецедентное имя для интерпретации другого. При этом актуализируются такие дифференциальные признаки антропонима "Noah" как "a man chosen by God" и "the hero of the biblical Flood story":

"It also misses a larger point about the history of the myth. The flood has echoes in legends from Central America to South Asia, and it almost certainly predates Judeo-Christian times. Scholars believe it was most likely transmitted to the Israelites from Mesopotamia: in the far older Epic of Gilgamesh, we encounter Utnapishtim, a man chosen by the gods to live alone in a boat full of animals while the world around him ended in a deluge. Just like Noah, as the rains stopped he sent out both a dove and a raven to gauge whether the waters had receded" (Apr. 29, 2010).

Исследователи полагают, что Ной как персонаж притчи о Всемирном потопе имеет прототипы во многих культурах. "Шумерский Ной" Утнапиштим – герой Вавилонского мифа. Многие элементы этого сказания обнаружили поразительное сходство с библейской легендой о потопе: выпущенные на свободу ворон и голубь, длительность потопы, описание горы, к которой пристал ковчег.

В статье автор сравнивает Утнапиштима с Ноем, что позволяет читателю составить представление о роли этого персонажа в истории человечества, отраженной в мифологии Древнего Востока. Однако целостное восприятие и правильная интерпретация описываемой в статье прецедентной ситуации будут определяться фоновыми знаниями читателя, в первую очередь, знанием Библии как текста-источника.

Прецедентные имена всегда содержат внутреннюю отсылку к соответствующей прецедентной ситуации, выступая в роли ее ключевого концепта. Связь с прецедентной ситуацией является одним из критериев восприятия феномена как прецедентного. Поэтому ослабление или утрата такой связи, как следствие нарушения целостности структуры имени, приводит к исчезновению закрепленных за ним культурных коннотаций, в том числе сакральных, присущих библейской лексике.

Так в статье "Education: The Inspector General", посвященной проблемам функционирования государственных школ в США, единственным дифференциальным признаком прецедентного имени "Noah's ark", который актуализируется в контексте, является "многообразие видов" – "representatives of each kind of animal" [3]:

"Noah's Ark. To criticize the schools in good sense, says Conant, the first rule is to grasp their astonishing diversity: "You can find almost any animal in the system. It's like Noah's ark." The pervasive U.S. cathedral is the "comprehensive" high school, which sends some of its students to college and gives the rest marketable skills. But hundreds of schools are "special." New York City has outright detention

camps for delinquents - and it also has the exquisitely superior Bronx High School of Science schools send 90% of their students to top colleges" (Sep. 14, 1959).

Указанный дифференциальный признак не связан с идеей праведности человечества, на которой строится прецедентная ситуация всемирного потоп, не соотносится в полной мере с когнитивной структурой прецедентного имени "Noah", не является ключевым для восприятия ситуации как прецедентной. Ценность данного признака как концепта заключается в его способности передавать идею многообразия существующих объектов, предметов, классов, разрядов, видов, явлений окружающей действительности как предельного множества.

Дифференциальный признак "многообразия видов" актуализируется также в тексте статьи "Boston marathon: a long running show", повествующей читателям о 7-мильной гонке в Фалмуте, штат Массачусетс. Falmouth Road Race – это семейное мероприятие, организованное Томми Леонардом, заядлым бегуном и известным барменом в Бостоне и Фалмуте, которое проходит от ресторана Captain Kidd до бара Brothers Four, расположенном на пляже:

"Located a few blocks from the finish line, the Eliot is the Grauman's Chinese Theatre of running, with footprints of famous runners in the concrete outside. Inside, host and 24-time marathoner Tommy Leonard is anxiously awaiting the pre- and post-100th parties. "It's going to be like the Normandy invasion, only positive," says Leonard. "It'll be like a bouillabaise of society, a Noah's ark of life" (Apr. 15, 1996).

Falmouth Road Race – одно из заметных спортивных событий нашего времени. Первая гонка состоялась в 1973 году и стала важной частью летней жизни в Фалмуте. Каждый год бегуны мирового класса посещают Кейп-Код для участия в Falmouth Road Race, которая привлекает более десяти тысяч бегунов, от новичка до элиты. Во второй гонке участвовало почти 100 человек, в третьей – более 400, а спустя 41 год – почти 13 000, включая олимпийских звезд. Поэтому Томми Леонард сравнивает марафон, в котором принимают участие такое количество людей, с Ноевым ковчегом.

В следующих примерах при употреблении прецедентного имени "Noah's ark" вновь актуализируется признак "многообразия видов", предопределяемый контекстом. В статье "Hotpot Paradise in Beijing" автор, описывая один способ приготовления блюд китайской кухни, употребляет сочетание "Ноев ковчег", чтобы подчеркнуть то множество продуктов, которые можно приготовить на основе рисового отвара:

"The custom at this homely venue in central southeastern Beijing is to cook your meal not in broth but in zhou, or congee, a watery rice porridge. The list of what you can simmer in it is worthy of Noah's Ark" (Feb. 03, 2010).

Усиление сугубо прагматической составляющей сообщения, повышение его экспрессивности за счет сокращения сакральных культурных коннотаций свидетельствуют об ослаблении связи прецедентного имени "Noah's ark" с текстом-источником и утрате важнейшего

ядерного признака в анализируемом контексте: "the vessel built by Noah for saving life".

Прецедентное имя "Noah's Ark" – это "удобная" метафора, передающая идею многообразия любых предметов и явлений. Например, состава выступающих на съезде Республиканской партии США в статье "Jimmy LaSalvia, Founder of GOProud, Leaves Republican Party":

"There were so many examples that happened during the 2012 election, when I saw Mitt Romney paralyzed with fear ... They had a Noah's Ark of a speakers list at the Republican National Convention - there were two of everybody on that stage except gays and Muslims (Jan. 15, 2014).

В следующем примере, взятом из статьи "Science: The Psychology of Scent", отсутствуют основания для актуализации как дифференциальных признаков имен "Noah" и "Noah's Ark", важных для полноценного воспроизведения прецедентной ситуации, так и культурных коннотаций, благодаря которым поддерживается связь с текстом-источником:

"The pleasantness or unpleasantness of an odor is mostly a matter of psychological conditioning... People whose minds are fully occupied are often unconscious of odors. "It may be doubted," observe McCord and Witheridge, "that the handful of men and women on Noah's Ark, with their own existence threatened, complained of animal odors about the place." But less preoccupied people than the Noah family make a major to-do about minor stenches" (May. 23, 1949);.

Библейская притча приравнивается к факту, имевшему место в реальной действительности, а сакральный смысл, заложенный в ее содержание, утрачивается в процессе научной интерпретации сюжета.

В статье "Modern-Day Noah: Dutch Man Builds Ark of Biblical Proportions" речь идет о жителе Нидерландов, который строит модели Ноева Ковчега, чтобы спасти людей от наводнения в его родном городе:

"After dreaming of the Netherlands disappearing in water almost 20 years ago, Johan Huibers set out to recreate an ark like Noah's in the Book of Genesis. Practically speaking, it's not a ridiculous aspiration, as nearly one-quarter of the Netherlands lies below sea level. Almost 2,000 people in his home province were killed by a flood in 1953.

Between 2005 and 2007 he built his first ark, spending six days a week constructing a half-size replica using the biblical measurements. ... Last year, he sold the original model to a friend in order to focus his energies on the main event, a full-size ark..." (Feb. 15, 2011).

Контекст, в котором воспроизводится прецедентное имя "Noah", предопределяет актуализацию таких дифференциальных признаков как "the hero of the biblical Flood story", "a savior", а также атрибута "a carpenter". Однако ни праведность как характерная черта главного героя притчи о Всемирном потопе, ни его богоизбранничество не упоминаются автором публикации. И даже идея спасения людей из сакральной превращается в развлекательно-увеселительную:

"Inside, it houses two theaters, a cinema, a restaurant, live ani-

mals (of course) and a train that takes visitors on a ride through the creation story".

Одним из самых ярких примеров трансформации структуры прецедентного имени является статья "Noah's New Ark", в которой оним "Noah" из разряда антропонимов переходит в разряд зоонимической лексики и, как прецедентный феномен, фактически утрачивает свой статус:

"In the updated story, though, Noah is not the skipper of the rescue project. Instead, it's the name given in advance to the clone of a dead gaur, an endangered wild ox found in India, Bangladesh and Southeast Asia. The new Noah is expected to be born any day now to Bessie, a cow living on a farm near Sioux City, Iowa" (Dec. 31, 2000).

В статье прямо говорится о том, что Ной в новой интерпретации – это не капитан судна-спасателя, а имя животного, которого собираются клонировать с целью сохранения вида. Такая трактовка неизбежно влечет глобальную трансформацию структуры прецедентного антропонима и элиминацию важнейших для правильного понимания прецедентной ситуации дифференциальных признаков, связанных с образом человека: *"a man chosen by God"; "a righteous man", "the father of Shem, Ham, and Japheth"*. Как следствие, утрачиваются и сакральные культурные коннотации, важные для поддержания связи прецедентного имени с текстом-источником на новом концептуальном уровне.

Выводы. В когнитивной базе американского лингвокультурного сообщества имена "Noah" и "Noah's Ark", несомненно, имеют статус прецедентных, так как апелляции к ним частотны, а контексты, в которых они воспроизводятся, разнообразны и эмоционально нагружены.

В то же время, на основании изученных материалов – статей журнала "Time", в которых происходит апелляция к данным прецедентным феноменам, можно с уверенностью говорить о наметившейся тенденции к утрате именами сакральных культурных коннотаций.

Практически отсутствуют публикации, в которых актуализируются такие познавательные, эмоционально значимые дифференциальные признаки имени "Noah" как *"a man chosen by God", "a righteous man", "the father of Shem, Ham, and Japheth"*. Атрибутивные признаки *"the originator of vineyard cultivation", "the patriarch", "son of Lamech", "the representative head of a Semitic genealogical line"* также оказываются нерелевантными для потребителя текста СМИ, фактически полностью стертными из его когни-

тивной базы. Ной – это персонаж притчи о всемирном потопе (*"the hero of the biblical Flood story"*), плотник (*"a carpenter"*), спасатель (*"a savior"*), но не спаситель.

Один из важнейших ядерных признаков прецедентного имени – праведность, которая стала определяющим фактором избрания Ноя на роль спасителя рода человечества, практически не актуализируется в текстах массовой медиа. Происходит явная десакрализация образа в результате того, что прецедентная ситуация и связанные с ней ассоциации довлеют над исходным смыслом. Ной должен был спасти мир, обеспечить существование человека и всех видов животных, но главное – чистоту души и помыслов.

То же можно сказать и о прецедентном имени "Noah's Ark", в структуре которого наиболее "востребованным" дифференциальным признаком оказывается понятие "многообразия видов" (*"representatives of each kind of animal"*).

Воспроизводимость прецедентного онима, относящегося к Ветхому Завету, частотность апелляций к нему в дискурсе журнала "Time" определяется, несомненно, популярностью и известностью притчи, персонажем которой – одушевленным или неодушевленным – является носитель имени. Прецедентный антропоним "Noah", учитывая изученный масс-медийный контекст, имеет более устойчивую связь с историей Всемирного потопы как текстом-источником, чем собственно с текстом Священного Писания и его сакральными культурными коннотациями.

Прецедентное имя "Noah's Ark", которое часто употребляется как метафора, имеет устойчивую ассоциативную связь с текстом Библии. Однако его использование в материалах СМИ далеко не всегда приводит к актуализации такого дифференциального признака как *"the vessel built by Noah for saving life"*.

Утрата прецедентным именем сакральных коннотаций в дискурсе средств массовой информации обусловлена экстралингвистическими факторами: жанровой принадлежностью текстов, в которых оно воспроизводится, их тематикой, ориентацией издания на интересы массового потребителя медиа-продукта, функциями, которые характерны для СМИ в целом. Доминирующим оказывается желание авторов заинтриговать читателя, вовлечь в языковую игру, акцентировать внимание на общении и заставить просмотреть его до конца, не всегда задумываясь о нравственной составляющей и познавательной ценности Библии как текста-источника прецедентных имен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных В.В. "Свой" среди "чужих": миф или реальность? – М.: ИТДК "Гнозис", 2003. – 375 с.
2. Bible Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.lds.org/> (дата обращения: 1.04.2018)
3. Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.britannica.com/> (дата обращения: 1.04.2018)
4. Longman Dictionary of English Language and Culture. New Edition. – Longman. Pearson Educational, 2005 – 1620 с.
5. TIME [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://time.com/>. – 1.03.2018

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕССЫ И МОБИЛЬНЫХ ПРЕСС-ЦЕНТРОВ ВО ВРЕМЯ ЧС

PHILOLOGICAL ASPECTS OF INTERACTION OF THE PRESS AND MOBILE PRESS CENTERS DURING THE TIME OF THE ES

*E. Martynenko
A. Melnikova*

Annotation

The degree of trust of audience to the current emergency situations reported by the journalists depends on tight cooperation between the PR-service of the emergency department, namely "temporary mobile press-center" which is situated on the site of emergency, and the media. The thing is it's more difficult to work in extreme conditions if there is no reliable contact between them. The article is devoted to the principles of such interaction.

Keywords: journalists, emergency situation, emergency, emergency information, EMERCOM, emergency department, rescuers, media, PR, PR-service, mobile press-center.

Мартыненко Елена Викторовна

*Д.полит.н., профессор,
Российский университет
дружбы народов*

Мельникова Анастасия Владимировна

*Аспирант,
Российский университет
дружбы народов*

Аннотация

Степень доверия аудитории к происходящим чрезвычайным ситуациям, которые выходят в свет под призмой журналистского репортажа, напрямую зависит от того, как выстроено взаимодействие ведомственной PR-службы, временного мобильного пресс-центра на месте ЧС, с журналистами. Особенно сложно работать в экстремальных условиях, если нет надежного контакта между ними. Именно принципам такого взаимодействия посвящена наша статья.

Ключевые слова:

Журналисты, ЧС, чрезвычайная ситуация, МЧС, чрезвычайное ведомство, спасатели, СМИ, PR-специалисты, пресс-служба, мобильный пресс-центр.

В последние годы в нашей стране и во многих регионах и странах мира не проходило ни дня, чтобы где-нибудь не возникали вооруженные конфликты, не случались террористические акты, катастрофы, землетрясения, наводнения и другие бедствия и чрезвычайные ситуации, последствием которых зачастую становятся пострадавшие и погибшие люди. Подобного рода повестка дня никогда, конечно, не остается без внимания СМИ. Всегда на месте событий, в так называемых "горячих точках", работают журналисты. Они выполняют свой служебный долг, сообщая оперативную информацию.

В этих условиях журналисты постоянно испытывают трудности прежде всего с получением информации. Иногда такие трудности связаны с сопротивлением и отказом от комментариев руководителей специальных операций или спасательных мероприятий, начальников оперативного штаба, работающих на месте событий, а также они могут быть обусловлены стремлением засекретить или частично скрыть любую, даже самую незначительную информацию. Во многом решение данной проблемы зависит от степени подготовки журналистов к работе в условиях ЧС. Ведь для такого рода информационной деятельности необходимо обладать знанием и пониманием журналистской этики, юридических норм и

основ личной безопасности, навыками поведения в нестандартных и экстремальных ситуациях, а также важно знать, как или с чьей помощью можно добыть нужную информацию.

Как раз в вопросах содействия, помощи, подготовки и освещения событий во время ЧС журналистам стоит всегда обращаться к сотрудникам штабов оперативного информирования, развернутых на местах ЧС, так называемых мобильных пресс-центров, где сосредоточены все последние сводки новостей. А мобильные пресс-центры представляют собой специально организованные пункты для работы журналистов, где также дежурят за происходящим сотрудники пресс-служб оперативных ведомств, в частности PR-специалисты чрезвычайного ведомства, к примеру, МЧС России.

Безусловно, для того чтобы взаимодействие журналистов и сотрудников мобильных пресс-центров во время ЧС было наиболее эффективным, должен быть заранее выстроен надежный контакт между представителями прессы и PR-службой. Ведь, как отмечают эксперты: "Цель журналиста – напечатать или показать то, что интересует современного читателя и зрителя. Возникает непростая ситуация: СМИ предпочитают плохие новости

хорошим, а работники сферы связей с общественностью заинтересованы в обратном: предпочитают хорошие новости плохим. Поэтому одна из важнейших задач, стоящих перед пиарщиком–практиком, – свести к минимуму противоречия целей, чтобы добиться взаимовыгодного сотрудничества" [1, 87]. При этом единого алгоритма действий, направленных на установление доверительного диалога сторон и впоследствии их продуктивного взаимодействия, нет. Однако исследователи данной проблематики анализируют и предлагают основные принципы сотрудничества журналистов и ПР–специалистов в условиях ЧС, о которых пойдет речь далее.

Именно ПР–служба чрезвычайного ведомства (или иных оперативных служб), т.е. сотрудники мобильного пресс–центра обеспечивают журналистов, работающих на месте ЧС, главным образом, фактическими данными, статистикой, аналитическими материалами и комментариями ответственных и первых лиц. Поэтому важнейшее направление и ключевая задача деятельности ПР–специалиста – быть полезным для представителей прессы. Это основа сотрудничества между сторонами [2, 212]. Но перед тем, как что–либо предложить журналисту, сотрудник мобильного пресс–центра должен понимать, с какой целью это делается, насколько информация может быть интересна аудитории.

В первую очередь, журналистам обычно предлагают только те материалы, которые содержат срочную новость. Это могут быть короткие сообщения о том, что произошло или произойдет, доклады с новыми данными, важными выводами, которые планируются к презентации, аналитические записки по итогам бедствия. А сообщения об очередных круглых столах, заседаниях, которые не содержат новость, направлять в таком случае считается бессмысленным, поскольку они только вызовут раздражение и, как следствие, потерю интереса к деятельности ведомства при дальнейшей работе. После рассылки или передачи новости, как правило, следует прямой звонок и доверительная деловая беседа на тему, когда уже более подробно и эмоционально коллеги общаются и ищут варианты взаимодействия.

Как подчеркивают специалисты, в зоне бедствия мелочей не бывает [2, 214]. Поэтому крайне важно, чтобы сотрудники пресс–службы ведомства и журналисты помогали друг другу на протяжении всего времени сотрудничества на месте ЧС. Задача ПР–специалиста – чтобы в СМИ своевременно появился оперативный материал. А главное задание журналиста – собрать как можно больше разнообразной информации (первоисточником которой является пресс–служба или пресс–центр) о случившемся, максимально эксклюзивной или обновленной, желательной из первых уст и в подробностях. По сути, цели у коллег общие, так что они должны выступать партнерами.

Во время ЧС, если обе стороны действуют профессионально, это значит – оперативно, тактично, грамотно, уровень освещения события будет высоким. Но если одна из сторон дает в своей работе сбой – недостатки сразу проявляются в репортажах, заметках, соцсетях, возникают ошибки, неточности, противоречия в данных. Такие действия значительно подрывают доверие аудитории.

Практика показывает: журналист, например, из информагентства, с которым налажены давние рабочие отношения, после первого звонка ПР–специалиста с сообщением о ЧС моментально включается в работу. Здесь сотруднику мобильного пресс–центра можно не беспокоиться – с большей вероятностью будет дан сильный информационный заголовок с упоминанием ведомства, правильные ссылки на источник информации, которыми выступают ПР–службы управления информацией, ГУ и РЦ. Также, если требуется, журналист уточнит в пресс–службе подробности и, что не менее важно, подскажет, какие источники дают ту же информацию, где возникает противоречие в цифрах, фактах, что, по его мнению, следует проверить. В этом значительную роль играет сотрудник пресс–центра. Журналист, который не только видит все медийное поле, но и сам в числе других его формирует, может попросить коллегу изменить акценты, добавить подробности, чтобы новость была более значимая и, тем самым, привлекла внимание других СМИ, а также пользователей информационных интернет–порталов. Журналисту всегда виднее, когда надо выпускать новость в развитие предыдущей, чтобы оставаться в топе новостей. Вот почему ПР–специалистам надо стремиться, чтобы в их пуле обязательно были профессиональные журналисты, представители ведущих новостных агентств, которые станут их надежными партнерами и помощниками в условиях ЧС, а затем, в "мирной" жизни – постоянными экспертами–консультантами пресс–службы ведомства, вместе с которыми ежедневно создается информационная картина дня о событиях с пометкой "Срочно!".

Один из главных принципов взаимодействия прессы и сотрудников мобильных пресс–центров во время ЧС – понимание того, что разговоров между ними не для печати не существует [2, 205–206]. Всё идёт строго под запись. Ведь журналист, который находится в зоне бедствия, всегда на работе и постоянно контролирует ситуацию. И если представитель прессы собирается взять интервью или просто побеседовать без диктофона со спасателями или сотрудниками оперативной группы, то ПР–специалист ни в коем случае не должен забывать, что все услышанные подробности могут быть использованы в публикациях, в том числе и негативного характера. В этом случае чрезвычайно важно, чтобы все сотрудники мобильного пресс–центра на месте ЧС знали: разговоры не для публикации с журналистами не бывает, и

также не инициировали общение с ответственными и первыми лицами проводимой операции без присутствия журналистского пула и одновременно ПР-специалистов как модераторов брифинга или пресс-подхода.

Стоит отметить, что дружба работников мобильных пресс-центров с журналистами в условиях ЧС, с одной стороны, залог успешной работы. Однако взаимодействие сторон не должно стать демонстрацией каких-либо привилегий. В зоне бедствия для все равны, и условия для всех одинаковы. ПР-специалисты всегда и везде, тем более во время ЧС, должны помогать и работать с каждым представителем прессы, вне зависимости от издания или компании, которые они представляют, места жительства, убеждений и взглядов. Точно также и журналисты не могут рассчитывать на особое расположение к себе в связи со СМИ, которое они представляют, или, тем более, в отношении их как "четвёртой власти". Правила работы в случае ЧС и порядок освещения событий, как и основы безопасности в экстремальных условиях, для всех едины.

Это касается даже самого необходимого процесса подготовки к информационной деятельности во время ЧС – аккредитации журналистов на вылет в зону бедствия. К примеру, если поступает команда отправляться к месту ЧС, в распоряжении управления информации чрезвычайного ведомства или мобильного пресс-центра есть примерно два часа, чтобы провести аккредитацию журналистов, которые пожелают вылететь вместе с оперативной группой, и включить их в так называемый полетный лист. Часто в такой ситуации достаточно записать ФИО, номер паспорта и дату рождения. Причём, обычно журналистов, желающих вылететь вместе со спасателями или оперативной группой к месту события гораздо больше, чем может вместить транспортный самолет. ПР-специалист должен тогда грамотно аргументировать отказ тем, кто не сможет полететь, или, если известно о последующих вылетах, установить очередность для прессы. Особое отношение и здесь неприемлемо.

Оформив аккредитацию, журналисты нередко ошибочно считают, что уже получили полное право свободно работать в объединенной группировке, которая отправляется в зону бедствия, и что им, тем самым, предоставили постоянное рабочее место. Эксперты предупреждают: возможности прессы в "горячей точке" всегда в значительной степени ограничены [3, 105]. Прежде, чем лететь на место ЧС, стоит сначала уточнить возможности и условия работы журналистов там на данный момент. Такого рода информацию предоставляет именно пресс-служба, которая проводит инструктаж предварительно и объясняет, кто и как будет курировать деятельность и дальнейшие передвижения прессы в зоне бедствия. Наилучший выход из положения, если сотрудники СМИ хотят попасть в какую-то часть, на территорию, к которой

ограничен доступ, поехать также в сопровождении представителей этой части или округа. Таким образом, журналисты быстрее и легче находят конкретных людей, рассказывают о них, берут у них комментарии. Исследователи данной проблематики отмечают здесь интересный факт: у федеральных телеканалов, РТР, НТВ, ОРТ, не всегда имеется возможность показать картину событий так подробно, как это может сделать региональная газета или телекомпания [3, 106].

Конечно же, на полную открытость информации во время ЧС журналисты всегда рассчитывать не могут. Речь в этом случае идет не только о секретности фактов как таковых, но и о времени их обнародования. Вполне возможно, что в определенный момент, по мнению ответственных или первых лиц в зоне ЧС, еще не время сообщать какие-либо сведения, по причине их уточнения и проверки. Оперативная и срочная информация требует качественной подачи и высококачественных и проверенных источников. В России официально нет цензуры и, тем более, военной цензуры, но, по общему убеждению специалистов, при освещении вооруженных конфликтов, военных действий, экстремальных ситуаций, ЧС и катастроф у журналистов должна присутствовать самоцензура. Представители прессы должны четко понимать, что действуют определенные ограничения, и руководствоваться, прежде всего, Законом РФ "О средствах массовой информации" [3, 107].

Ещё один значимый принцип успешного взаимодействия журналистов и сотрудников мобильного пресс-центра во время ЧС зависит напрямую от ПР-специалистов. Освободить представителей прессы от бытовых проблем (например, обеспечить питанием и транспортом или разместить на ночь в организованном спасателями лагере) так же необходимо, как и предоставить им доступ к информации. Это всегда отвлекает от оперативной информационной деятельности, особенно в экстремальных условиях, и занимает много времени, но без этого наладить рабочий процесс трудно. В первую очередь, решение бытовых вопросов касается тележурналистов, которые должны регулярно выходить в эфир. Эксперты акцентируют внимание на том, что ситуация обычно осложняется тем, что представители прессы вылетают вместе с оперативными работниками по сигналу тревоги, часто не успевая даже заехать домой переодеться. В редакциях не предусмотрены так называемые "тревожные рюкзаки" и часто корреспонденты, которых экстренно направили в командировку, оказываются совсем не подготовленными к "чрезвычайной жизни" [4, 207–209].

В течение всей информационной деятельности журналистов на месте ЧС менеджерами их времени и экспертами по различным вопросам единолично выступают ПР-специалисты, сотрудники пресс-службы чрезвычай-

чайного ведомства и мобильного пресс-центра. Во время ЧС им следует предлагать журналистам новую информацию, интересные подробности, детали и нюансы проводимой операции или работ по ее предупреждению. ПР-специалисты действуют, образно говоря, как дирижеры: они должны знать кому, в каком объеме, каким образом и когда предоставить запрашиваемые данные. Очевидно, что, к примеру, обновленные цифры, срочные заявления руководства скорее важны информагентствам и радиостанциям, а подробности работы, например, кинологов – газетчикам. Телевидение и фотослужбу надо заранее сориентировать, если начнется облет территории, на разминировании будет работать робот или под завалами зданий, возможно, есть живые люди, а спасатели уже приступили к их извлечению, ведь картинка для теле- и фото-журналистов стоит на первом месте.

Управлять информационным полем, трудно, но возможно. Ситуация осложняется чрезвычайными обстоятельствами и экстремальными условиями места действия. Журналист, даже самый опытный, в случае ЧС зачастую нуждается в своевременной подсказке со стороны ПР-специалиста чрезвычайного ведомства, который, в свою очередь, находится в зоне бедствия чаще, чем кто-либо. Сотрудник мобильного пресс-центра, сам или с помощью коллег по пресс-службе, должен следить за прессой на территории своей ответственности и в какой-то момент, если он считает, что не хватает весомой масштабной точки зрения, предложить эксклюзивное

интервью руководства ведущей газете, интернет-СМИ или аналитической программе влиятельного телеканала. Причем, это должно быть интервью исключительно по поводу, с новыми подробностями, расставленными акцентами, с оценкой ситуации на должном уровне, в зависимости от масштаба событий. А если ПР-специалист понимает, что, несмотря на обилие сообщений от пресс-центра, СМИ теряют интерес к теме, его задача – найти новый информационный повод и сформулировать новость так, чтобы в очередной раз привлечь их внимание. Специалисты рекомендуют: можно дать информацию в концентрированном виде, так, чтобы ключевое событие было на первом плане. Так, например, то, что проходит по плану, в новости должно прозвучать как только что принятое решение [5, 102]. Чтобы новость была полноценной, актуальной и интересной, журналист посредством ПР-специалиста, сотрудника мобильного пресс-центра, обязан владеть всей полнотой информации и знать, что и где на территории происходит.

Итак, мы убедились, что разобраться в ситуации, увидеть и услышать главное, решить возникшие проблемы, в том числе и бытовые, организовать и получить успешный результат помогает наиболее эффективное взаимодействие прессы и мобильных пресс-центров. Без налаженного должным образом их диалога никак не удастся подготовить качественный репортаж из "горячей точки" – конечный и желанный продукт как результат сотрудничества между журналистами и ПР-специалистами во время ЧС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочеткова А.В. Современная пресс-служба / А.В. Кочеткова, А.С. Тарасов. – М.: Эксмо, 2009. С. 87.
2. Рыклина М.В. Пресс-секретарь чрезвычайного ведомства: учебный курс лекций / М.В. Рыклина. – М: МЧС России, 2014. С. 212.
3. Журналисты в "горячих точках": технология профессионального поведения / Составитель И. Дзялошинский. – М.: Институт гуманитарных коммуникаций, 2000. С. 105.
4. Рыклина М.В. Пресс-секретарь чрезвычайного ведомства: учебный курс лекций / М.В. Рыклина. – М: МЧС России, 2014. С. 207–209.
5. Рыклина М.В. Как сообщает МЧС России: организация работы пресс-службы в органах государственной власти: учебное пособие / М.В. Рыклина. – М: Легейн, 2009. С. 102.

© Е.В. Мартыненко, А.В. Мельникова, (E_Martynenko@list.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Открой Мир в одном
Университете!

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕРМИНОВ ФОНЕТИКИ "ОГУБЛЕННЫЙ" / "ЛАБИАЛИЗОВАННЫЙ" И 'ROUNDED' / 'LABIALIZED'

THE SEMANTIC STRUCTURE
OF PHONETIC TERMS "ОГУБЛЕННЫЙ" /
"ЛАБИАЛИЗОВАННЫЙ" AND 'ROUNDED' /
'LABIALIZED'

E. Matveeva

Annotation

The article researches the issue of semantic equality of phonetic terms denoting sounds that are pronounced with lip-rounding: "огубленный" and "лабиализованный" in Russian and 'rounded' and 'labialised' in English. It studies the definitions of the terms in question as well as the peculiarities of their functioning in scientific texts in order to make a conclusion about the discrepancy of the semantic structure of the terminological units analysed.

Keywords: term, absolute synonym, conditional synonym, phonetic term, labialization, labialized sound.

Матвеева Евгения Евгеньевна
К.филол.н., доцент,
Московский городской
педагогический университет

Аннотация

В статье рассматривается вопрос семантической эквивалентности фонетических терминов, обозначающих звуки, произносимые при помощи округления губ – "огубленный" и "лабиализованный" в русском языке и 'rounded' и 'labialised' в английском языке. На основе анализа дефиниций указанных терминов, а также рассмотрения особенностей их функционирования в научных текстах делается вывод о несоответствии семантических структур указанных терминологических единиц.

Ключевые слова:

Термин, абсолютный синоним, условный синоним, термин фонетики, лабиализация, огубленный звук.

На современном этапе развития общества, как известно, наблюдается стремительное развитие науки и техники, оказывающее неизбежное влияние на все области жизни человека. Вместе с определенными сферами человеческой деятельности получает развитие и специальная лексика, призванная обслуживать ту или иную научную отрасль и являющаяся ее неотъемлемой частью.

Язык для специальных целей конкретной области знания оперирует несколькими видами специальных единиц, центральное место среди которых занимают термины. Несмотря на то что в современном языкознании не существует единого взгляда на дефиницию этого понятия, не подвергается сомнению тот факт, что это понятие многогранно и многоаспектно.

Под термином как основным понятийным элементом языка для специальных целей понимается "специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях" [5, с. 14].

При этом одним из основных признаков термина многие ученые выделяют его дефинированность, т.е. обязательное наличие дефиниции. Так, Т.Л. Канделаки понимает под термином "слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего

значения в соответствующей системе понятий дефиниции" [4, с. 7].

Н.Б. Гвишиани отмечает неоднородность отношения ученых к терминологическим единицам, фиксирующим понятия данной научной области: с одной стороны, специалисты стремятся к однозначной трактовке термина, с другой – возникает различное понимание одной и той же специальной лексической единицы [2, с. 23].

А.В. Суперанская, Н.В. Подольская и Н.В. Васильева утверждают, что внутри терминосистемы как совокупности специальных лексических единиц определенной области знания термин однозначен [5, с. 14]. Этот факт подтверждается и требованиями, предъявляемыми к термину как лексической единице с точки зрения синтаксиса, семантики и прагматики. Так, С.В. Гринев-Гриневич среди прочих требований к значению термина выделяет его однозначность в данной терминологии и отсутствие синонимов, которые, однако, соблюдаются не во всех случаях [3, с. 31–32].

Проблема синонимии, как отмечает С.В. Гринев-Гриневич, является одной из наиболее важных в терминоведении, поскольку использование двух и более специальных лексем для называния одного понятия вызывает неуверенность в том, что специалисты, пользующиеся ими, говорят об одном и том же концепте, а также стремление находить между ними разницу [3, с. 103]. Терминосист-

тема фонетики также не лишена недостатков: среди фонетических терминологических единиц встречается множество синонимов, многозначных слов и омонимов.

Избыточность средств номинации в терминосистеме фонетики представлена, в частности, в паре лексем *огубленный / лабиализованный* в русском языке и *rounded / labialized* в английском языке. С целью установления того факта, насколько данные специальные единицы эквивалентны семантически необходимо рассмотреть дефиниции понятий, которые они вербализуют. В *Словаре лингвистических терминов* под редакцией О.С. Ахмановой находим такие определения анализируемых терминологических единиц:

"Лабиализованный - артикулируемый с лабиализацией, т.е. с таким произношением звуков, при котором губы вытягиваются вперед и принимают форму круглого отверстия" [1, с. 213].

"Огублённый - то же, что лабиализованный (rounded, labialized)" [1, с. 281].

Анализ представленных определений рассматриваемых равнозначных терминов позволяет утверждать, что в русской терминосистеме данные специальные лексемы являются абсолютными синонимами, т.е. единицами с тождественным значением, которые обозначают характеристику звука, произносимого при участии губ.

В английской терминосистеме фонетики для обозначения звуков, которые артикулируются при помощи губ, применяются лексемы 'labialised' и 'rounded'.

В словаре Р. Траска *Dictionary of Phonetics and Phonology* лексемы 'labialization' [8, с. 193] и 'lip-rounding' [8, с. 209] рассматриваются как синонимы, поскольку значение первого термина объясняется через значение второго:

labialization 1. The presence in an articulation of some degree of *lip-rounding as a secondary articulation*. V. labialize; adj. labialized [8, с. 193] [- Присутствие в произнесении некоторой степени округления губ как побочной артикуляции – пер. Е.Е. Матвеевой].

Сходный подход к данным лексемам наблюдается в словаре Д. Кристала *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*: в данном источнике дается следующее объяснение процесса лабиализации (labialization):

Labialization is a general term referring to a secondary articulation involving any noticeable lip-rounding, as in the initial /k/ of coop, or /S/ of shoe, which are here labialized, because of the influence of the labialization in the following vowel /u:/. Labialization is applied both to cases where the lip-rounding is an essential feature of

a sound's identity, as in /u:/, and to cases where the lip-rounding is found only in specific contexts, as in the /k/ example above - in kill, there is no labialization [6, с. 263] [- Лабиализация – это общий термин, обозначающий дополнительную артикуляцию, заключающуюся в любой степени округления губ, как в звуке /k/ в слове *coop*, или звуке /S/ в слове *shoe*, которые в данном случае являются лабиализованными вследствие влияния лабиализации следующего звука /u:/. Термин 'labialization' ("лабиализация") используется и в случае, когда округление губ является неотъемлемой характеристикой звука, и в случаях, когда оно проявляется только в определенных контекстах: например, звук /k/ в приведенном выше примере лабиализован, а в слове *kill* лабиализация отсутствует – пер. Е.Е. Матвеевой].

Таким образом, исходя из приведенного определения, можно сделать вывод о том, что термин-существительное 'labialization', а соответственно и однокоренное причастие 'labialised' может использоваться при характеристике как согласных, так и гласных звуков.

Тем не менее, далее в данном лексикографическом источнике приведено определение сходного по значению термина 'rounding', т.е. "огубление":

rounding – *A term used in the classification of lip position in phonetics, referring to the visual appearance of the lips when they assume a rounded shape, as in the 'close rounding' of /u:/ and the more 'open rounding' of /ʌ/. Each of the vowel positions on the cardinal vowel diagram has both a rounded and an unrounded form, e.g. /i/ v. /y/, /e/ v. /ø/. Lip position is of particular phonological significance in the analysis of vowel and semi-vowel qualities. <...> Its opposite is non-rounded, referring to sounds produced without any such narrowing, as in English front vowels* [6, с. 420] [- Округление губ (огубление) – это термин, используемый для классификации положения губ в фонетике и обозначающий визуально воспринимаемое расположение губ, принимающих округлую форму, так, например, в артикуляции гласного /u:/ наблюдается "сильное огубление", в гласном /ʌ/ – "слабое огубление". Каждое положение гласных в системе кардинальных гласных имеет огубленную и неогубленную разновидность, например, /i/ v. /y/, /e/ v. /ø/. Положение губ является принципиальным фонологическим различием при анализе гласных и сонорных (полугласных) звуков. Антонимом к термину 'rounded' ("огубленный") является лексема 'non-rounded' ("неогубленный"), служащая для обозначения звуков, произносимых без сужения губ, как, например, гласные переднего ряда в английском языке – пер. Е.Е. Матвеевой].

Анализ данной дефиниции, тем не менее, не позволяет утверждать, что терминологические единицы 'labialised' и 'rounded' полностью совпадают по значению, поскольку в приведенном определении термины 'rounded' и 'unrounded' используются автором для характеристики вокалической системы в целом (система кардинальных

гласных) и системы гласных звуков в английском языке в частности.

В словаре под редакцией П. Роуча *A Little Encyclopedia of Phonetics* можно выявить некоторые особенности, подтверждающие отличия в семантических структурах рассматриваемых фонетических терминов. Так, в данном источнике находим следующее определение лексемы 'labial(-ised)':

labial(-ised) *This is a general label for articulations in which one or both of the lips are involved. <...> Another use of the lips is to produce the effect of lip-rounding, and this is often called labialisation; the term is more often used in relation to consonants, since the term rounded tends to be used for vowels with rounded lips* [7, с. 43] [– Этот термин используется как универсальное обозначение артикуляций, при которых одна или обе губы активны. <...> Кроме того, губы, как активный орган речи, создают эффект округления, который часто называют 'labialisation' ("лабиализацией"); данный термин чаще используется в отношении согласных, поскольку терминологическая единица 'rounded' в большинстве случаев обозначает гласный звук, произносимый с округленными губами – пер. Е.Е. Матвеевой].

Таким образом, на основании приведенных дефиниций в различных специализированных лексикографических источниках в области фонетики и фонологии, можно сделать вывод о том, что в английской терминологии фонетики нет единства мнений относительно семантической структуры пары терминов 'labialised' u 'rounded': некоторые ученые считают их абсолютными синонимами, другие же предполагают, что первый из них используется для характеристики согласных звуков, произносимых при помощи округления губ, в то время как второй – для вербализации гласных, артикулируемых с округленными губами. Сходная ситуация наблюдается и с парой одно-

коренных существительных 'labialisation' u '(lip-)rounding', обозначающих процесс округления губ при произнесении звуков речи.

Для того чтобы ответить на вопрос, в какой степени рассматриваемые термины в русском и английском языках являются синонимами, целесообразно исследовать особенности их функционирования в научных текстах. Функциональный аспект данных специальных лексем в русском и английском языке можно проследить, используя сервис *Google Books Ngram Viewer* (<https://books.google.com/ngrams>), позволяющий графически представить частотность употребления словосочетаний и слов в корпусах научных текстов того или иного языка в определенный промежуток времени.

Так, если рассмотреть частотность употребления коллокаций "огубленный гласный" и "огубленный согласный" с 2000 по 2008 гг. (см. рис. 1), можно заметить, что последнее сочетание не встречается в научных текстах несмотря на то, что исследуемые термины-причастия "огубленный" и "лабиализованный" фиксируются в словарях как синонимы.

В паре словосочетаний "лабиализованный согласный" и "лабиализованный гласный" намного более частотным является второе словосочетание (см. рис. 2), что можно связать с фонетической системой русского языка, в котором присутствуют только гласные звуки, произносимые с округлением губ.

В английской терминологии фонетики ситуация с парой причастий 'labialised / rounded' обстоит несколько иначе. Например, среди коллокаций 'rounded vowel' u 'rounded consonant' последнее сочетание не употребляется в английском научном дискурсе в период с 2000 по 2008 гг. (см. рис. 3).

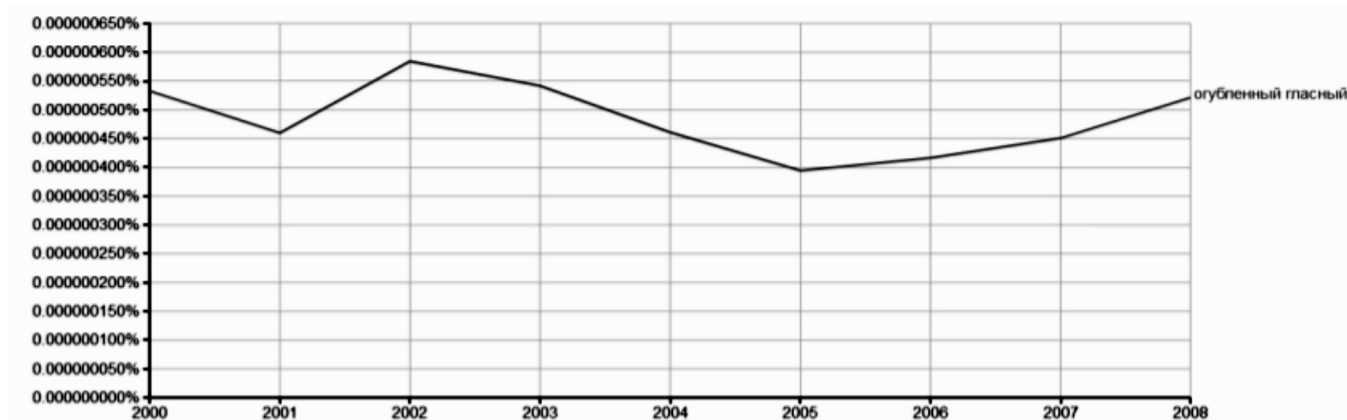

Рисунок 1. Частотность употребления сочетаний "огубленный гласный", "огубленный согласный" в корпусе русскоязычных научных текстов. (2000 - 2008 гг.)

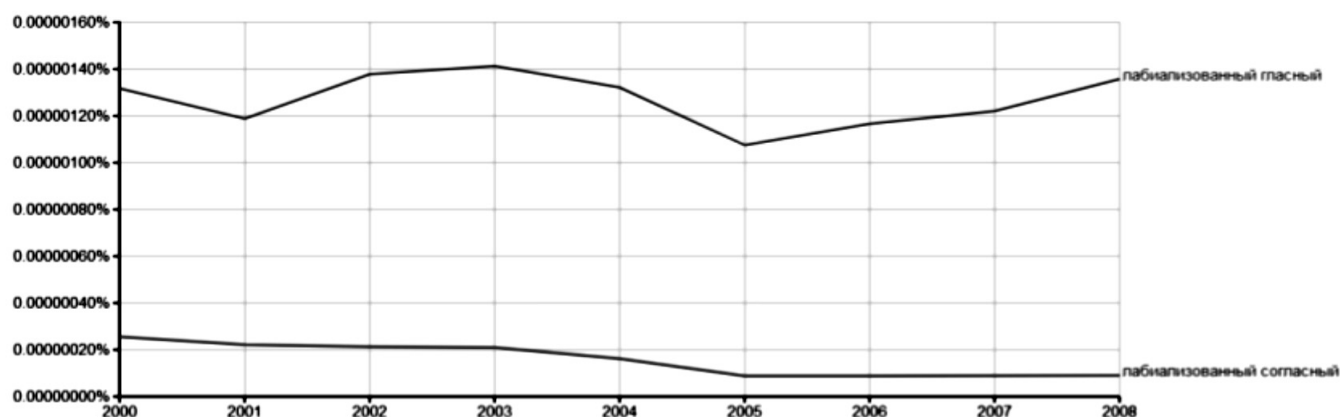

Рисунок 2. Частотность употребления сочетаний "лабиализованный согласный", "лабиализованный гласный" в корпусе русскоязычных научных текстов. (2000 - 2008 гг.)

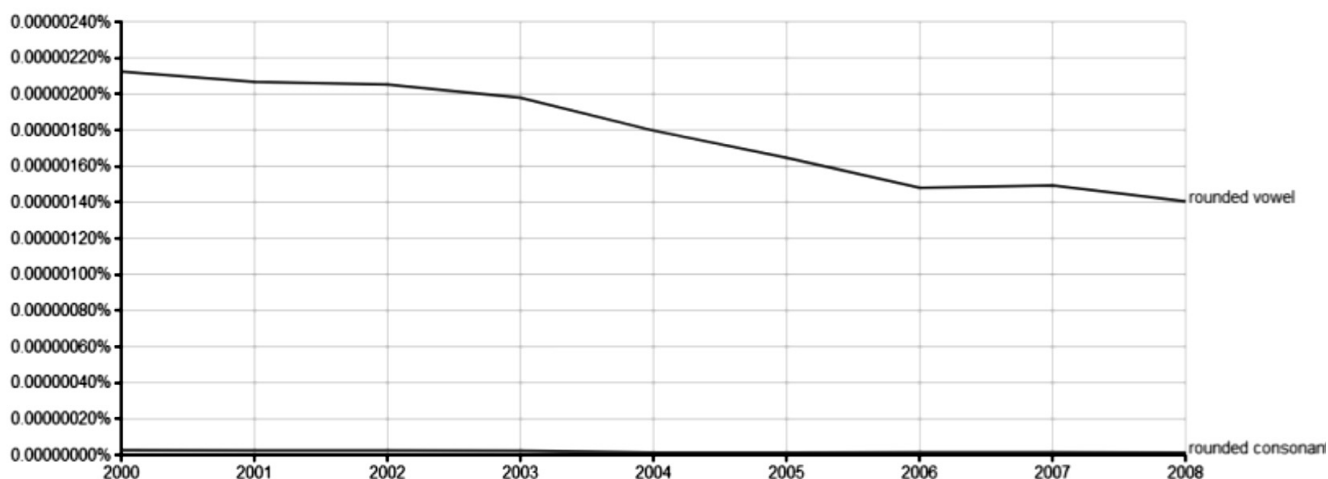

Рисунок 3. Частотность употребления сочетаний 'rounded vowel' и 'rounded consonant' в корпусе англоязычных научных текстов. (2000 - 2008 гг.)

В аналогичной паре сочетаний *'labialized consonant'* и *'labialised vowel'* наиболее часто используется первая коллокация, что подтверждает данные лексикографических источников, рассмотренные ранее (см. рис. 4).

Тем не менее, при тщательном рассмотрении корпуса американских научных текстов за тот же период можно заметить более частое по сравнению с общим числом научных текстов на английском языке употребление причастия *'labialized'* в отношении гласных звуков, которое, однако, становится более редким (см. рис. 5).

Итак, с уверенностью можно утверждать, что рассматриваемые пары терминов огубленный / лабиализованный в русском языке и *rounded / labialized* в английском языке являются условными синонимами, а значит не могут считаться эквивалентами при переводе научных текстов в области фонетики. В русской терминосистеме

единицы *огубленный / лабиализованный* считаются абсолютными синонимами, однако отличаются в функциональном отношении: оба причастия наиболее часто используются в отношении гласных звуков, что связано с типологическими особенностями вокалической и консонантной систем русского языка.

Английские терминологические единицы *rounded / labialized* имеют разные семантические структуры, поскольку первый термин используется исключительно для характеристики гласных звуков, второй – согласных, что подтверждается статистическими данными частотности употребления данных лексем с существительными *'vowel'* (гласный звук) и *'consonant'* (согласный звук). Тем не менее, заметна некоторая тенденция в более частотном использовании причастия *labialized* при характеристике гласного звука в американском дискурсе по сравнению с общим корпусом научных текстов на английском языке.

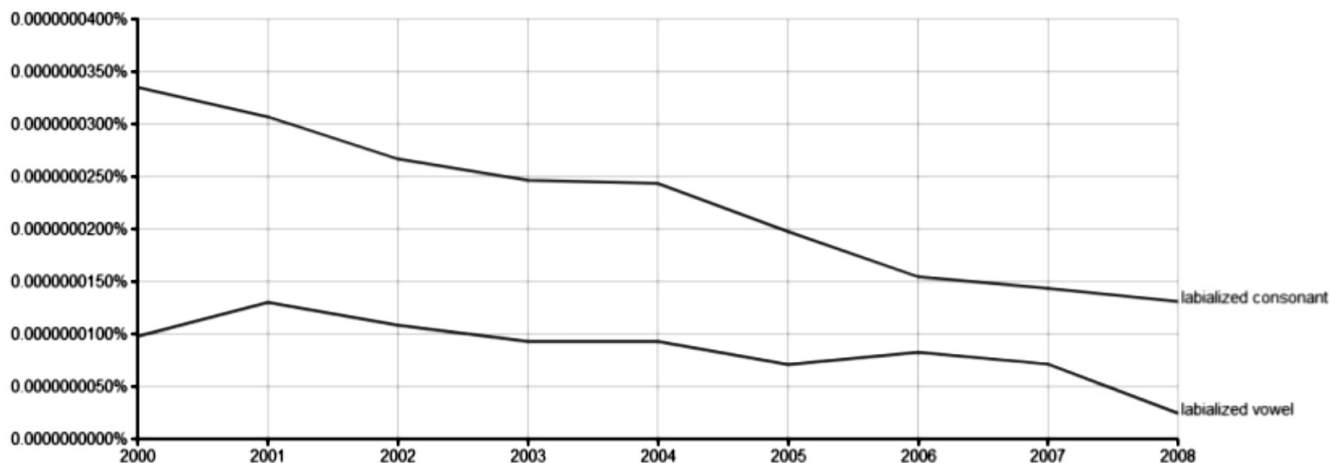

Рисунок 4. Частотность употребления сочетаний 'labialized consonant' и 'labialised vowel' в корпусе англоязычных научных текстов. (2000 - 2008 гг.)

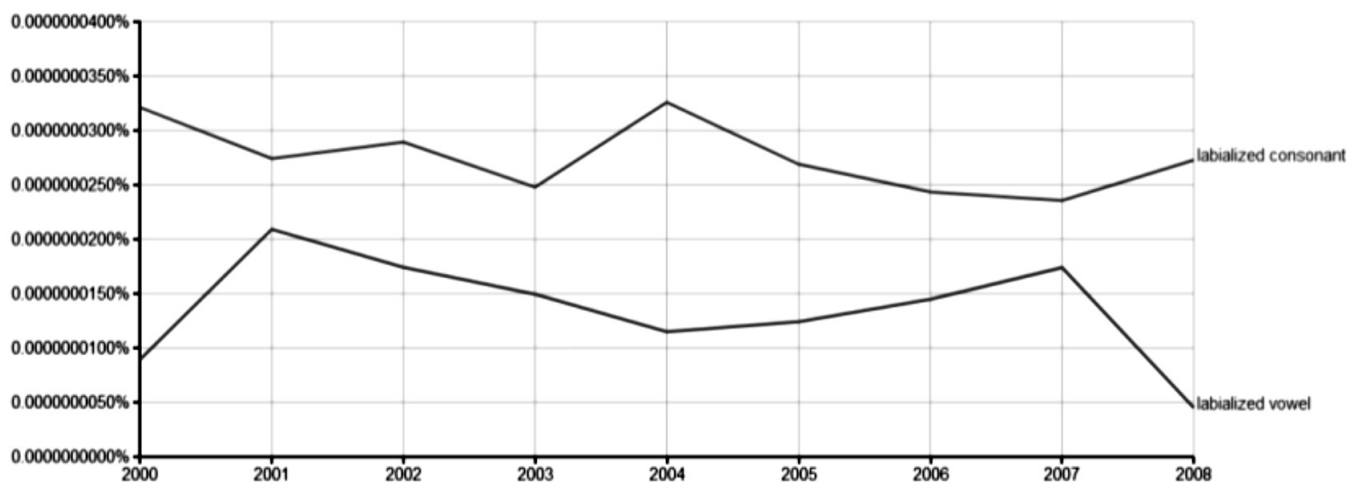

Рисунок 5. Частотность употребления сочетаний 'labialized consonant' и 'labialised vowel' в корпусе англоязычных научных текстов. (2000 - 2008 гг.)

Таким образом, при межъязыковом переводе научных текстов необходимо учитывать специфику значения рассматриваемых специальных единиц: на русский язык лексемы *rounded* / *labialized* можно перевести и как "лабиализованный" и как "огубленный", в то время как при об-

ратном переводе предпочтительно применять причастие 'rounded' при характеристике гласных звуков, а лексему *labialised* при описании согласных звуков, произносимых при помощи округления губ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2005. 576 с.
2. Гвишиани, Н.Б. Язык научного общения: Вопросы методологии. М.: Издательство ЛКИ, 2013. 280 с.
3. Гринев-Гриневиц, С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
4. Канделаки, Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977. 167 с.
5. Суперанская, А.В., Подольская, Н.В., Васильева, Н.В. Общая терминология: вопросы теории. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.
6. Crystal, D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. 529 p.
7. Roach, P. A Little Encyclopedia of Phonetics. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 93 p.
8. Trask, R.L. Dictionary of Phonetics and Phonology. London, New York: Routledge, 1996. 424 p.

КАСАТЕЛЬНО УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА РАЗНОЯЗЫЧНЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ "ОКНО" И "WINDOW", И "FENETRE"

Миронова Елена Евгеньевна
К.филол.н., доцент,
Московский государственный
областной университет

CONCERNING THE IMPROVEMENT OF TRANSLATION QUALITY OF EQUIVALENTS BELONGING TO DIFFERENT LANGUAGES (study of the translation of lexemes "okno", "window", and "fenetre")

E. Mironova

Annotation

In the article the representation in dictionaries of lexemes conveying the notion "window" is compared. The degree of equivalence of English and Russian and French and Russian words is revealed. The reasons for inadequacy of translation are considered and mistakes in translation of the studied lexemes are revealed. By applying the method of reversibility, which includes back translation, cases of inner homonymy and polysemy of the English component and French component are discovered. The associations of the notion "window" in each of the linguocultures are defined.

Keywords: reversibility, translation, semantics, polysemy, homonymy, hyponym, hyperonym, term.

Аннотация

В статье сопоставляется лексикографическая представленность лексем, номинирующих понятие "окно", выявляется степень эквивалентности английских и русских и французских и русских лексем. Рассматриваются причины неадекватности перевода и выявляются ошибки перевода рассматриваемых лексем. При использовании метода реверсивности, заключающемся в пошаговом обратном переводе, выявляются скрытая омонимия и полисемия английского и французского слова. Определяются ассоциативные связи понятия "окно" в каждой из рассматриваемых лингвокультур.

Ключевые слова:

Реверсивность, перевод, семантика, полисемия, омонимия, гипоним, гипероним, термин.

По мере все большего появления иностранной технической литературы и распространения международного сотрудничества в различных отраслях науки и производства чрезвычайную важность представляет оптимизация перевода иностранных текстов.

Для качественной работы переводчика и точного и адекватного перевода необходимо точное отражение слова в словаре. Однако в вариантах, представленных в некоторых лексикографических источниках, часто имеются неточности, а то и ошибки.

Одной из причин неадекватного представления в словарях иноязычных эквивалентов является несовпадение объемов понятий в разных языках, что осложняет или даже делает невозможным прямое соответствие между словами двух языков. Отсутствие необходимого эквивалента в ИЯ (исходном языке) компенсируется различными лексикографическими средствами, например, сопровождением найденного в ПЯ (переводящем языке) лексического соответствия комментариями (примерами, пометами, определениями или их частью) [12].

Другая причина заключается в том, что, стремясь полнее раскрыть значение слова, лексикографы зачастую включают в словарную статью и окказиональные значения, видовые, родовые или ассоциативные слова.

Кроме того, следует принимать в расчет индивидуальную и национальную языковую картину мира, влияние которых порождает своеобразие смысловых и ассоциативных связей понятий в системе знаний. Являясь носителями определенного языка и ориентируясь на читателей – носителей того же языка, лексикографы частично переносят объем понятия, свойственный родному слову, на его иноязычный аналог. Все это ведет к появлению лишних и ошибочных вариантов перевода в словарях, и, как следствие, к созданию у пользователей словарем неверного представления о лексических единицах иностранного языка.

Метод реверсивности, предложенный С.В. Гриневым, позволяет с одной стороны, оптимизировать перевод, выявив его неточности, с другой стороны, этот метод позволяет определить ассоциативные связи, которыми об-

ладает та или иная лексема в ИЯ или связи, появляющаяся при переводе.

Указанный метод состоит в "сопоставлении данных словарей одного объема, но разной направленности, например, англо-русского и русско-английского, и использовании обратного перевода для уточнения объема понятий в различных языках и отношений гипонимии между понятиями" [4, с. 28].

С помощью метода реверсивности нами были проанализированы и сопоставлены объемы понятий русского слова "окно", его англоязычного эквивалента "window" и франкоязычного эквивалента "fenetre".

Это слово было выбрано для исследования по той причине, что понятие, обозначаемое данным словом, является универсальной реалией, обнаруживаемой во всех культурах. Следовательно, лексемы, номинирующие понятие "окно", имеются во всех национальных лингвокультурах. Рассматриваемое слово является консубстанциональным термином [10, с. 71], т.е. оно принадлежит как общепотребительной лексике, так и лексике специальной, а именно, архитектурной терминологии, и может быть встречено при переводе как художественных, так и специальных текстов.

Для сопоставления английской и русской лексем нами были использованы неспециальные переводные словари: англо-русский словарь В.К. Мюллера и русско-английский словарь А.И. Смирницкого, чьи объемы приблизительно идентичны. Для уточнения были использованы другие общие и специальные словари.

При первом шаге перевода в словаре В.К. Мюллера слову "window" дается только один эквивалент – "окно".

При втором шаге словарная статья русской лексической единицы дает следующие варианты перевода:

1. window; casement window; (подоконник) window-sill; слуховое окно – dormer(-window);
2. (просвет, отверстие) gap, opening;
3. тех. port; opening;
4. разг. (в расписании занятий) free period, break. [8, с. 371]

Рассмотрим эквиваленты, приведенные под первым пунктом. Именно здесь мы находим первоначальное слово "window", присутствие которого подтверждает правильность перевода.

Перевод слова "casement-window" отсутствует в неспециальном словаре, однако из специального словаря В.И. Пушкирева мы узнаем, что это слово используется для понятия "створное окно", то есть является гипонимом к искомому слову.

Слово "window-sill", как указано в помете, обозначает "подоконник", что и подтверждает обратный перевод. Но в разговорном русском языке наблюдается использование слова "окно" в значении "подоконник", например, в сочетании "цветы на окнах" [11, с. 359], поэтому подобный вариант признается нами оправданным в неспециальном словаре.

Слово "dormer-window" является переводом не изначальной лексемы, а сочетания "слуховое окно", к которому оно и возвращается при следующем шаге. Английскому сочетанию также дается и эквивалент "мансардное окно", перевод которого отсутствует в словаре. Используя словарь С.И. Ожегова, мы приходим к выводу, что лексические единицы "слуховое окно" и "мансардное окно" являются синонимами.

Рассмотрение остальных пунктов словарной статьи позволило нам обнаружить некоторые неточности перевода. Слово "окно" переводится английским эквивалентом "break". Но при обратном переводе слово "break" не возвращается к искомому русскому слову, но дает вариант "перемена (в школе)", который подтверждается и последующим обратным переводом. Английским эквивалентом этого значения слова "окно" (окно (в расписании)) является слово "gap".

Для сопоставительного исследования объема значений французской и русской лексем нами были использованы неспециальные переводные словари: французско-русский словарь К.А. Ганшиной и русско-французский словарь Л.В. Щербы, чьи объемы приблизительно одинаковы.

При первом шаге в словаре К.А. Ганшиной слову "fenetre" даются следующие эквиваленты:

- ◆ окно;
- ◆ оконный проем [2].

Кроме того, в статье дается ряд сочетаний со словом "fenetre":

- ◆ сочетание "fausse fenetre" переводится как "глухое окно";
- ◆ сочетанию "fenetre a coulisse" дается перевод "раздвижное окно";
- ◆ сочетание "fenetre chassis" переводится как "опускное окно";
- ◆ сочетание "fenetre croisee" переводится как "створчатое окно";
- ◆ сочетание "fenetre ogivale" переводится "готическое окно". [2]

При следующем шаге перевода слово "окно" возвращается к французскому эквиваленту "fenetre". Кроме того, для значения "окно в расписании" дается эквивалент "heure libre".

Во французско–русском словаре также дается перевод для сочетания, содержащего элемент "окно": "слуховое окно" переводится как "lucarne". [2]

Сочетание "оконный проем" отсутствует в русско–французском словаре, однако русский эквивалент "проем" дает вариант "baie".

При третьем шаге слово "lucarne" возвращается к искомому сочетанию "слуховое окно". Слово "baie" дает варианты перевода: "проем двери", "оконный проем". Варианты помечены как относящиеся к архитектурной лексике. Таким образом, мы видим, что в словарях для единицы "слуховое окно" и "оконный проем" даны правильные "lucarne" межъязыковые соответствия.

Fenetre - оконный проем - baie - окно - heure libre +

Возвращаясь к первому шагу, рассмотрим русские сочетания, представленные для французских эквивалентов. При втором шаге только сочетание "глухое окно" возвращается к искомому французскому эквиваленту "fausse fenetre". Для других сочетаний мы не находим в русско–французском словаре их эквивалентов, тем не менее, можно выявить ряд любопытных моментов при переводе прилагательных входящих в их состав.

При первом шаге во французско–русском словаре сочетанию "fenetre a coulisse" дается перевод "раздвижное окно", а сочетание "fenetre a chassis" переводится как "опускное окно". При переводе прилагательного "раздвижной" мы находим эквивалент "a coulisse", т.е. прилагательное при первом шаге соответствующее эквиваленту "опускной".

Замечено, что подобная размытость денотата наблюдается и при переводе на английский язык. Для английского термина в словаре словарях Л.Г. Амбургер дается три русских эквивалента: "опускное окно", "подъемное окно", "раздвижное окно" [1].

При этом также существуют отдельные термины–эквиваленты для каждого из русских сочетаний: "vertical sliding window" ("окно со створками, смещающимися по вертикали") и "horizontal sliding window" – ("окно со створками, смещающимися по горизонтали"). Следовательно, в английской терминологии термин "sash window" служит гиперонимом для двух вышеназванных терминов и обладает скрытой полисемией.

Элементы "chassis" и "croisee" (из сочетания "fenetre croisee" – "створчатое окно") во французско–русском словаре переводятся как "рама", "croisee" возвращается к эквиваленту "окно":

- ◆ "chassis" – "рама (оконная, парниковая)"
- ◆ "croisee" – "окно, оконная рама со стеклом, оконный переплет".

Следовательно, во французском языке, как и в английском существует отождествление оконной рамы с окном и "створное окно" рассматривается как наиболее распространенный вид окна.

Наконец, в русско–французском словаре отсутствует перевод сочетания "готическое окно", данное как эквивалент сочетанию "fenetre ogivale" во французско–русском словаре. Тем не менее, в том же словаре прилагательному "ogivale" даются эквиваленты "стрельчатый, оживальный".

При следующем шаге сочетание "стрельчатый" возвращается к французскому эквиваленту "ogivale". Можно сделать вывод, что сочетание "fenetre ogivale" употребляется для наименования именно стрельчатого окна, как одного из видов готических окон (в готических зданиях также использовались и другие виды окон, например, большое круглое окно–роза).

Все же, следует отметить, что стрельчатые проемы являются одним из наиболее характерных элементов готической архитектуры. Во французско–русском словаре также дается сочетание "art ogival", используемое для обозначения "готического искусства".

Подводя итоги исследования, мы можем отметить следующее. Использование метода реверсивности позволило выявить наличие ряда сходств и различий в презентации понятия "окно" в лексикографических источниках, относящихся к английскому, русскому и французскому языкам.

1. В вариантах перевода и английской и французской лексем мы находим абсолютный эквивалент в качестве предложенного соответствия.
2. И у английской лексемы, и у французской присутствует скрытая полисемия, которая становится очевидной при обратном переводе.
3. В случае как германской, так и романской лексемы при переводе получаем гипонимы в качестве переводных соответствий.
4. Во всех трех лингвокультурах у лексемы "окно" обнаружено ассоциативное значение "свободный промежуток времени" ("break", "heure libre").
5. Как при французско–русском, так и при англо–русском переводе обнаруживается восприятие "окна" прежде всего как створного.
6. Как в английском, так и во французском языках наблюдается размытость денотата "раздвижное окно".
7. В словарях обоих пар языков пошаговый перевод приводит к русскому эквиваленту "слуховое окно".
8. В словарях обоих языков мы обнаружили неточности в переводе. В русско–английском языке неправильно было переведено значение слова "окно" – "свободный период в расписании занятий"; в французско–

русском языке не совсем точно было переведено сочетание *"fenetre ogivale"*.

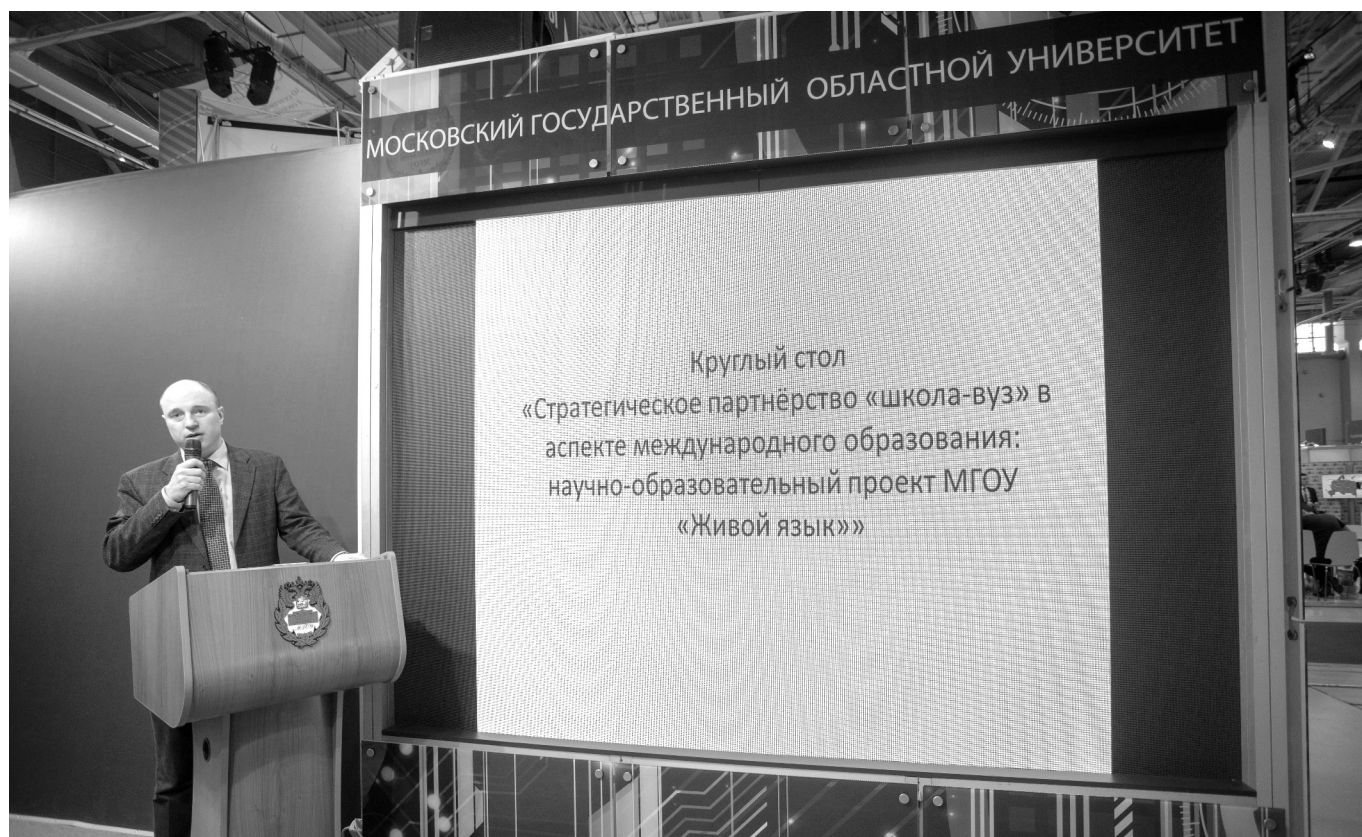
Таким образом, использование метода реверсивности

является эффективным средством устранения имеющихся неточностей перевода и улучшения качества лексико-графических источников, а также установления сходств и различий в сегментах национальных картин мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбургер Л.Г. Англо-русский строительный словарь. – М., 1961. 557 с.
2. Ганшина К.А. Французско-русский словарь: 51000 слов – 11-е изд., стер. – М.: Рус. Яз., 1990 – 960 с.
3. Гринев С.В. Некоторые принципы составления переводных словарей // Терминоведение – М, 2-3, 1995. – С. 24-25.
4. Гринев С.В. Сопоставительное терминоведение – основа международной унификации и стандартизации терминологий. // Научно-техническая терминология – М., 1997, Вып. 2. – С. 28-34.
5. Мюллер В.К. Англо-русский словарь – М., Русский язык, 1992. – 842 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., – Русский язык, 1981. – 763 с.
7. Пушкарев В.И., Щеголева А.М. Англо-русский архитектурно-строительный словарь – Киев, 1961. – 841с.
8. Русско-английский словарь. Под общим рук. А.И. Смирницкого. – М., Русский язык, 1990. – 768 с.
9. Русско-французский словарь. 75000 слов. Составители: Л.В. Щерба, М.М. Матусевич, М.Ф. Даусс. – М., ЮНВЕС, 1995. –736 с.
10. Сорокина Э.А. Специализация значения лексической единицы как исторический процесс // вестник МГОУ № 6. серия "Лингвистика". выпуск 2. – М.: издательство МГОУ, 2005. – с. 69-75
11. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова в 4-х томах. – М., 1935-40.
12. Якимович Ю.К. О соотношении и способах передачи значений терминов в переводных словарях специального типа. // Научный симпозиум "Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. Часть 2. – М., Издательство Московского ун-та, 1971. – С. 508 – 511.

© Е.Е. Миронова, (mironovaelen1@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ПОВТОР КАК ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЛЕКСИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РАССКАЗЕ В.М. ШУКШИНА "ПСИХОПАТ"

REPEATITION AS ONE OF THE MAIN LEXIC EXPRESSIVE MEANS IN V.M. SHUKSHIN'S STORY "PSYCHOPATH"

D. Mukhtarova

Annotation

The study is relevant because of the relevance of the works of V.M. Shukshin and questions raised by him in small prose. There was a need to revise the place of "freaks", Shukshin's favorite characters, in literature, to determine how significant the hero is from the modern point of view.

Keywords: repetition, V.M. Shukshin, story, "Psychopath", lexical expressive means.

Мухтарова Дильбар Равиловна

К.филол.н.,

*Тюменский государственный
университет*

Аннотация

Исследование актуально по причине актуальности произведений В.М. Шукшина и вопросов, поднимаемых им в малой прозе. Возникла необходимость пересмотра места "чудиков", излюбленных персонажей Шукшина, в литературе. Определить насколько значим герой с точки зрения современности.

Ключевые слова:

Повтор, В.М. Шукшин, рассказ, "Психопат", лексические средства выразительности.

Предмет исследования рассказ "Психопат" поскольку он, по мнению исследователей, "несколько выбивается из ряда исследуемых произведений заведомой "положительностью" своего героя" [Зубова, 2013, с. 57].

Но объединяет его с другими рассказами одна вещь – "одержимость – вот качество души, свойственное шукшинским чудикам" [Сапа, 2014, с. 37]. Взаимосвязь темы чудиков, взаимоотношений деревни и города, отношений разных поколений являются ключевыми для Шукшина.

Цель работы – установить виды повторов в тексте рассказа и указать их функции и значимость в создании необходимой атмосферы.

Задачи – проанализировать дополнительные изобразительные средства, лексический состав произведения и раскрыть замысел писателя, обозначить место рассказа "Психопат" в ряде произведений малой прозы В.М. Шукшина.

В статье дается сравнительно-сопоставительный анализ изобразительных средств, ключевое место среди которых занимают лексические, синонимические, синтаксические, корневые повторы. Несмотря на их разнообразие и количество повторы, органично вписанные автором, способствуют созданию цельной картины происходящего.

Название рассказа неоднозначно и интригующе – психопат. И в первых же строках краткое пояснение *"Он и правда какой то ненормальный. Не то что вовсе с вывихом, а так - сдвинутый"* [З, с. 1]. Здесь использован синонимический повторили "повтор слов, содержащих одинаковые семы, в том числе ассоциативные, которые актуализируются в контексте" с целью характеристики главного персонажа и в то же самое время смягчить ее.

Но следующие слова показывают его (Психопата) с другой, положительной стороны как работника библиотеки, самоотверженно трудившегося на благо общества.

Трудолюбивый работник помимо своих прямых обязанностей выказывает завидный энтузиазм и рвение, *Психопат "ходит по деревням - покупает по дешевке старинные книги, журналы, переписывается с какими то учреждениями в городе, время от времени к нему из города приезжают ..."* [З, с. 3]. Во время одного из походов он и заболевает.

"Сдвинутость" героя проявляется, когда он по причине болезни вынужден ходить в больницу на уколы.

Понимание и сочувствие героя к медсестре сменяется после того, как она с трудом находит вену и ставит укол, причиняя боль главному персонажу. Ее пояснения *"Она ускользает"* кажутся герою надуманной *"Что у него ускользает вена, он как то не мог этого понять. Куда ускользает? Как это?.. Бред же. Не умеет человек, и все"* [З, с. 1].

Лексический повтор глагола ускользает, ключевого слова, которое и является причиной конфликта, встречается на всем протяжении рассказа: *"Она ускользает, - пояснила сестричка" [3, с. 1], "Ускользает... - сказала она" [3, с. 1], "Да, куда она, к черту, ускользает! - вышел из терпения Психопат" [3, с. 1], "Что вам тут, игра в прятки, что ли? - ускользает..." [3, с. 1], "Что у него ускользает вена, он как то не мог этого понять. Куда ускользает?" [3, с. 1], "Вена опять ускользала" [3, с. 1], "Но если она у вас ускользает! - тоже осердилась сестричка" [3, с. 1].*

С целью акцентировать внимание на страданиях Психопата, автор использует такой стилистический прием как точный лексический повтор и корневой повтор: *"У него болела душа - больно же, нестерпимо больно, еще от старого укола боль не утихла, а теперь она снова начнет вену исскачать" [3, с. 1], "Психопат вскрикнул от боли; боль полоснула по руке, даже в затылке стало тяжело и больно" [3, с. 1], "Боль из руки стреляла куда то под сердце" [3, с. 1].*

Эмоции персонажа передаются преимущественно посредством внутреннего диалога, присутствует постоянная работа мыслей, в которой просматривается и сомнения, и борьба с собой и с болью. Это характеризует персонажа как любознательного *"Как суп варится из железок, надо же" [3, с. 1]. (о шприцах, кипящих в кастрюле); решительного "Буду терпеть, - решил Психопат. - Неделю как нибудь вытерплю" [3, с. 1]; способного на сочувствие "ему хотелось как нибудь приободрить сестричку, потому что он видел, что она сама мучается" [3, с. 1]. И чтобы оправдать свое прозвище Психопат выходит из себя сначала неумением медсестры, затем неуважительным, как ему кажется, отношением к нему врача. Шукшиным используется синтаксический повтор с целью продемонстрировать нарастание раздражения: "Нет, поперлась в медсестры - в люди вышла, называется" [3, с. 1], "И опять невольно с раздражением подумал: "В люди вышла"" [3, с. 1], "Умеет писать рецепты - тоже в люди вышел" [3, с. 2].*

Та же экспрессивная функция и у лексического повтора. Использование "крепких выражений": *"Да, куда она, к черту, ускользает!" [3, с. 1], "Ну на кой черт надо было в медучилище то?" [3, с. 1], "Да чтобы вас черт побрал с вашими бородами, с вашими гитарами!.." [3, с. 2], "Потом уж - снисходительность, гитара - черт с ней, если так охота, но сперва то работать же надо" [3, с. 2].*

Конфликт разгорается, когда автор вводит врача. К которому как к рефери направляются медсестра и Психопат. Психопат хотя и выведен из себя, но уважителен и старается себя контролировать, извиняясь, каждый раз.

Синонимический повтор лексики, характеризующей молодого врача и отличающейся отрицательной коннотацией, в сочетании с корневым вызывает именно этот эффект неприятия: *"Насмешка, насмешливо, снисходитель-*

но, с презрением, самодовольство, ироничный" [3, с. 1-3].

В противостоянии Психопата с молодым доктором автору импонирует герой; как ни странно, зачинщика конфликта становится жаль. Беспомощный и одновременно убежденный в своей правоте Психопат с одной стороны и снисходительный врач с другой. Мнение о враче у Психопата сложилось ранее и неслучайно *"молодой, с бородкой, тоскует в деревне, невнимательный, остроумный сверх всякой меры" [3, с. 3].*

Молодая медсестра и молодой врач кажутся ему идеальными объектами для поучений. Особенно когда он замечает, что *"доктор не только насмешливо, а и с презрением опять, и снисходительно, как показалось Психопату, смотрел от стола - молодой, довольный, уверенный. Психопат в свои 54 года полагал, что это он должен снисходительно смотреть на такого, как этот доктор, а не наоборот" [3, с. 2].*

Выплеснув свое раздражение, Психопат наконец высказал, что действительно его волновало: *"Лескова надо читать, Лескова! Еще Лескова не прочитали, а уж... слюни насчет неореализма пустили. Лескова, Чехова, Короленку... Потом Толстого, Льва Николаевича. А то - гитара то гитара, а квакаем пока. А уж думаем - соловьи, - помолчал, воспользовался, что доктор тоже молчит, еще сказал, миролюбиво, поучительно: - Работать надо учиться, сынок, работать. Потом уж - снисходительность, гитара - черт с ней, если так охота, но сперва то работать же надо" [3, с. 2].* В этом отрывке повтор выполняет функцию демонстрации эмоциональной и оттого не связной речи главного персонажа. Стилистически это выражается наличием ряда эмоционально-окрашенных слов: поперлась, борода, крючок, прятки.

Это произведение, как и многие у В. Шукшина объединяет тема учительства, ценности знаний. Герой придает большое значение образованию; пиетет, который он питает можно объяснить его собственной малообразованностью.

Психопат по замыслу автора выступает неким учителем, с этой целью и врач и медсестра представлены молодыми и не обладающими большим опытом.

"Уколы делала сестричка, молодая, рослая, стеснительная, очень приятная на лицо, то и дело что то все краснела" [3, с. 1]. Автор демонстрирует ее неопытность посредством лексических средств и стилистических приемов: употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов: *Тонюшенький, струйка, ладошка, сестричка, поршенек, борода, пинцетиком, вазочку, кабинетик, подушечку, усмешечка.*

"Таким образом, идея уменьшительности часто оказывается связанной с общей идеей "детскости" и "молодости". Этот семантический компонент связан с происхождением уменьшительного суффикса" [Энциклопедия "BRUMA. RU"].

В качестве дополнительного средства выразительности выступают риторический вопрос, восклицание и обращение: "Что вам тут, игра в прятки, что ли? - ускользает... Уметь же, наверно, надо!" [3, с. 1], "как же она училась?" [3, с. 1], "Куда ускользает? Как это?" [3, с. 1], "Ну на кой черт надо было в медучилище то? Ну, бухгалтер там, счетовод, секретарь в сельсовете, если дояркой не хочется, - нет, непременно надо в медсестры!" [3, с. 1], "Она же еще и сердится!" [3, с. 1], "Ведь я же не железный, ну!" [3, с. 1], "Ну что же, милые вы мои, как же так работать то?" [3, с. 2].

Пространство в рассказе выстраивается в деревне, а именно больнице.

Временная организация ограничена тремя днями и небольшой ретроспективой, которая дополняет образ героя о его неудержимости и способности на физическую расправу, когда дело касается книг.

Уже позже мы узнаем об одном эпизоде. Герой с мешком книг голосовал у дороги, шофер его подвез. Но у Психопата денег не осталось, и он отдал шоферу книгу. Последний не принял книгу в качестве оплаты и бросил ее в грязь. Оскорбившись за пренебрежение книгой, Психопат вместе с братом нашли шофера и избили.

Ближе к финалу мы уже видим другого Психопата "...высокий, прямой, с лицом сильного, целеустремленного человека. Шел широким ровным шагом, видно, привык ходить много и далеко ..." [3, с. 3]. На всем протяжении текста автор использует прозвище героя, лишь вначале называя нам его имя и в конце, когда врач расспрашивает товарища,

школьного учителя, как один из способов показать заинтересованность или даже некое проявление уважения врача к личности Кудряшова Сергея Ивановича.

Исследователи разграничили на типы персонажей произведений В. Шукшина. Героя рассказа "Психопат" причислен к группе, в которой мы "видим томящихся героев. Они немолодые, несимпатичные, внутренне одинокие, запутавшиеся. Какие-то потерявшиеся в жизни (действие рассказов происходит в городе, кажется, большем) ..." [5, 2014].

Показательно, что со спадом в рассказе, когда вечером происходит разговор врача и его друга школьного учителя, снижается число повторов и других изобразительных средств. "Например, В. Я. Пропп говорил, что один из способов подчеркнуть значение слова состоит в том, что нужное слово или группа слов повторяется, а также отмечал повторение усиливает значение или вес слова, придает резкость обозначенному через повторение качеству или свойству" [6, с. 5]

Таким образом, повтор является средством передачи определенной интонации и, соответственно, определенного эмоционального настроя писателя или героя, посредством которого выявляется и их отношение, положительное или отрицательное, к тому, о чем идет речь. "Об этой же функции повтора слова говорил и Г.Н. Пospelов: "Эмоционально-выразительное выделение слов становится более сильным в том случае, когда эти слова повторяются в одном или нескольких соседних предложениях". [6, с.66]

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубова О. В. К вопросу о типологии и актуальности героев В. М. Шукшина (на материале рассказов "Сильные идут дальше", "Упорный", "Психопат", "Штрихи к портрету" и фильма с. Никоненко "Елки-палки!..") // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. 1. С. 56-59.
2. Сапа А. В. Эволюция образа "чудика" в творчестве В. М. Шукшина. // Русский язык и литература. Все для учителя. № 11 (47) ноябрь 2014 г. С. 30-38.
3. Шукшин В. М. Психопат//ЛитМир – Электронная библиотека. 2009. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=27174> (дата обращения: 18.01.2016).
4. Уменьшительность. // Гуманитарные науки. Лингвистика. Энциклопедия "BRUMA. RU". URL: http://bruma.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/UMEN-SHITELNOST.html (дата обращения: 19.01.2016).
5. Сенчин Р. Василий Шукшин в "Литературной России". // Литературная Россия. Архив: №43. 24 октября 2014. URL: <http://www.litrossia.ru/archive/item/7286-oldarchive> (дата обращения: 19.01.2016).
6. Балашова Светлана Евгеньевна. Виды и функции повторов в творчестве М. А. Шолохова: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Балашова Светлана Евгеньевна; [Место защиты: Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М. А. Шолохова]. – Москва, 2008. – 195 с. РГБ ОД, 61:08-10/46URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/vidy-i-funkcii-povtorov-v-tvorchestve-m-a-sholohova.html> (дата обращения: 19.01.2016).

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ АНРИ ФРЕЯ В КОНТЕКСТЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

HENRI FREI'S LINGUISTIC CONCEPTION IN THE FRAMEWORK OF INTERLINGUAL COMMUNICATION

*E. Nemeritskaia
V. Buryakovskaya*

Annotation

The article describes the applicability of Henri Frei's linguistic conception of conversational mistakes to the situation of interlingual communication. The actual continuity of the system of individual's demands build by the researcher is shown through the examples of common Russian speaking student's mistakes. The algorithms of deviations based on the need of assimilation, differentiation, brevity, permanence and expressiveness are illustrated.

Keywords: communicative mistake, cognitive linguistics, speech production, cross-cultural communication, language norm, usual norm.

*Немерицкая Елизавета Михайловна
К.филол.н.,*

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

*Буряковская Валерия Анатольевна
Д.филол.н.,*

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

Аннотация

В статье рассматривается применимость лингвистической концепции о речевых ошибках швейцарского ученого Анри Фрея к ситуации иноязычного общения. На примере частотных коммуникативно-значимых нарушений русскоговорящих студентов, изучающих английский язык, показана актуальность построенной исследователем системы потребностей индивида, совершающего ошибку. Проиллюстрированы механизмы совершения девиаций, обусловленные потребностью в ассимиляции, дифференциации, в краткости, потребностью в неизменности и экспрессивности.

Ключевые слова:

Коммуникативная ошибка, когнитивная лингвистика, порождение речи, межкультурная коммуникация, языковая норма, узальная норма.

Будучи сложным многокомпонентным явлением, человеческое общение неизбежно ситуативно обусловлено, поскольку проходит в рамках коммуникативной ситуации, подчинено определенным целям, временным срокам, а также напрямую коррелирует с личными коммуникативными возможностями всех участников общения.

Человек, контактируя с себе подобными, вне зависимости от уровня образованности и подготовленности в рамках объективных реальных условий, неминуемо совершает ошибки. Ситуации, в которых индивиды общаются на изучаемом, неродном для себя языке, порождают множество прецедентов различных нарушений, поскольку прибегать приходится к чужой знаковой системе, непривычному коду.

В своих работах мы рассматриваем коммуникативную ошибку в качестве произвольного коммуникативно-значимого нарушения, ухудшающего восприятие и понимание речи или отдельного высказывания. Несмотря на тот факт, что традиционным считается рассмотрение коммуникативной ошибки как понятия негативного, отрицательного, данный подход разделяют не все исследователи.

В 1929 году швейцарский лингвист, профессор, один из представителей знаменитой Женевской лингвистической школы Анри Фрей выпускает работу под названием "La grammaire des fautes: Introduction a la linguistique fonctionnelle" (на русском языке эта книга впоследствии выходила под названием "Грамматика ошибок"). В данном исследовании А. Фрей одним из первых подошел к изучению языковых ошибок системно, комплексно. В качестве материала для исследования он использовал письма пленных французских солдат, что позволило ему вывести множество закономерностей и построить относительно полную и четкую картину французского просторечия начала XX века. Новаторство автора заключалось в том, что он сумел вывести языковую девиацию на один уровень значимости с языковой нормой в плане ценности изучения, к тому же ему удалось построить собственную типологию ошибок, попутно объясняя возможные причины их возникновения. Его фраза "ошибки делают не ради удовольствия" не однократно цитируется не только в работах по филологии, но и в художественной литературе. Именно Анри Фрей выдвинул предположение о том, что ошибка – естественный и нормальный атрибут самого языка, и, более того, первейший показатель потребностей говорящего на нем человека в новых языковых средствах. В целом, можно сказать, что ошибка по А. Фрею –

это сигнал тревоги о том, что определенное языковое явление является устаревшим и требует замены.

В контексте наших научных интересов подход А. Фрея представляется оправданным, поскольку мы разделяем взгляд исследователя на ошибку как на яркий, обращающий на себя внимание языковой элемент, который, в отличие от нормативного варианта, представляет собой определенное рода творчество, часто рождающееся непосредственно в момент разговора, а следовательно, ценное в контексте лингвистического изучения порождения речи, а также механизмов выбора и организации языковых средств. Особо отметим, что в "Грамматике ошибок" А. Фрей рассматривает ситуации общения на родном языке, однако описанные им закономерности также актуальны в рамках коммуникации на языке иностранном. Многолетний опыт работы с русскоговорящими студентами, изучающими английский язык, и анализ совершенных ими ошибок позволяют сделать вывод о том, что выделяемые Фреем причины возникновения коммуникативных нарушений могут быть характерны и в данной ситуации.

Потребности индивида, совершающего ошибку, Фрей делит на пять групп:

- ◆ потребность в ассимиляции,
- ◆ потребность в дифференциации,
- ◆ потребность в краткости,
- ◆ потребность в неизменности,
- ◆ потребность в экспрессивности.

Остановимся подробнее на каждой из потребностей на примере реально совершаемых коммуникативно-значимых нарушений.

Понятие ассимиляции наиболее часто употребляется в лингвистике в контексте фонетического направления и обозначает такое явление, при котором первоначально различные соседние в слове звуки уподобляются друг другу. Концепция А. Фрея рассматривает понятие ассимиляции шире – потребность в ассимиляции заключается в том, что все языковые факты так или иначе стремятся к объединению друг с другом, порождая новые факты, пытающиеся слиться в единую систему.

На сегодняшний день английский язык проникает в различные культуры и языки посредством заимствований, отвечая потребностям современного общества и объективным реалиям. Российская языковая среда – не исключение. Английские лексические единицы успешно ассимилируются, подчиняясь правилам русского языка. Появляются выражения типа *"встретиться у ресепшена"*, *"недоволен клининговой компанией"*, *"проапгрейдить"*, *"запикапить"*. Заимствованные слова начинают изменяться согласно правилам русской морфологии, поэтому носителю

русского языка достаточно запомнить корень слова и его значение. Тем не менее, не во всех случаях значения одних и тех же слов в английском и русском языках полностью совпадают, что может привести к коммуникативно-значимому нарушению.

Частотными являются ошибки, связанные со словами:

◆ **"magazine"**, обозначающем в английском *"журнал"*: *"I don't like shopping, so I don't go to magazines very often."* (Я не люблю шопинг, поэтому не часто хожу по журналам);

◆ **"extravagant"**, изначально значащем *"расточительный, сумасбродный"*: *"She is a very noticeable woman: she always wears extravagant colourful dresses."* (Она очень заметная женщина: всегда носит яркие сумасбродные платья);

◆ **"accurate"** на языке оригинала значит *"точный"*: *"Everyone noticed her accurate little black dress."* (Все обратили внимание на ее точное маленькое черное платье).

Подобные нарушения употребления могут привести к полному непониманию друг друга собеседниками и создать непреодолимый коммуникативный барьер.

Потребность в дифференциации (в данном случае, в ясности) выражается в попытке разграничения лингвистических элементов с целью исключить смешение, возможное при функционировании речи.

В целом, акцентирование определенного смыслового блока вопреки грамматическим правилам изучаемого языка – распространенная ошибка учащихся, особенно на начальных этапах обучения. Отражение данное явление зачастую находит в неправильном порядке слов с употреблением конструкции *"there is"*: *"A serious problem there is in this case"*; в употреблении глагола *feel* по аналогии с возвратными в значении *"чувствовать себя"*: *"I feel myself uneasy to ask you about that"* и прочих девиациях.

Потребность в краткости является стремлением к максимальному сокращению длины и числа элементов, используемых в речевом потоке.

В связи с тем, что в русском языке отсутствуют артикли, зачастую учащиеся также игнорируют их, говоря на английском языке: *"Our classroom is on fifth floor"* (отсутствие артикла перед порядковым числительным), *"Cat is a domestic animal"* (не одно конкретное животное, а вид).

Предложное управление в рассматриваемых языках также отличается, что порождает ошибочность, поскольку учащиеся не *"нагружают"* речь лишними, с их точки зрения, элементами. Примерами становятся употребление глагола *"search"* без предлога *"for"*: *"We must search the answer"*, глагола *"explain"* без предлога *"to"*: *"Can you explain me how to do it?"*, глагола *"wait"* без предлога *"for"*: *"You usually need to wait the reaction"*.

Потребность в неизменяемости заключается в том, что говорящий так или иначе пытается облегчить работу своей памяти, стараясь не запутаться во всем многообразии комбинаций, частью которого может быть определенный языковой элемент.

Распространенным примером подобных нарушений служат ошибки в словообразовании. Известно, что префикс "in-", присоединяющийся к словам, начинающимся как с гласной, так и с согласной букв, является наиболее частотным. Зачастую, запомнив этот факт, учащиеся начинают образовывать отрицательные формы слов именно путем присоединения данного префикса в ситуации, когда необходим иной: *unappropriate* (вместо *inappropriate*), *uncomplete* (вместо *incomplete*), *unregular* (вместо *irregular*) *unpolite* (вместо *impolite*).

Суффиксация также вызывает трудности, снова наблюдается тенденция к предпочтению выбора наиболее частотного суффикса, как, например, в случае образования существительных. Частотным является суффикс "-ness", поэтому встречаем *moveness* (вместо *movement*), *insureness* (вместо *insurance*), *motherness* (вместо *motherhood*).

Суть потребности в экспрессивности лежит в том, что чем чаще в речи используется определенный знак, тем больше он "изнашивается", теряя свою экспрессивность, а следовательно, нуждается в обновлении или замене. [1, с.158]

Говорящий на иностранном языке индивид, как правило, не обладает языковым банком, сопоставимым с таковым у носителя языка. В употреблении зачастую циркулируют одни и те же выражения, грамматические конструкции и даже интонационные паттерны. На подсознательном уровне говорящий не может не отмечать повторов, что, как представляется, доставляет ему определен-

ный дискомфорт. Именно в таких ситуациях индивид начинает прибегать к альтернативным вариантам выражения своей мысли.

А.Б. Шевнин отмечает тот факт, что к появлению ошибок экспрессивного типа ведет "несоблюдение или игнорирование языковой и речевой норм. Соотношение между языковой и речевой нормами носит следующий характер: то, что нормативно, то есть соответствует языковой норме, не обязательно узуально, то есть не всегда соответствует речевой норме. Но то, что узуально, должно, как правило, соответствовать языковой норме. Соблюдение языковой системы, языковой нормы и речевой нормы (узуса) – вот три основных кита, на которых основывается эффеkтивность процесса порождения текста...". [2, С.39] Неумение говорящего грамотно излагать свои мысли разными стилями, адекватно употреблять языковые средства в определенных коммуникативных ситуациях, различать смысловые и стилистические тонкости приводит к возникновению коммуникативно-значимых нарушений. В контексте высказываний на английском языке часто в роли неудачно выбранного варианта замены узуального, но часто повторяющегося встречаются архаизмы: *marry* вместо *cheerful*, *woe* вместо *grief*, *haply* вместо *by chance*.

Человеческое сознание, являясь сложным и неосознанным феноменом, достаточно непросто поддается изучению, однако лингвисты на протяжении веков стараются лучше понять логику и алгоритмы протекания тех или иных явлений, связанных с языковым выражением мысли, в частности механизма появления ошибки.

Проанализировав работу А. Фрея, мы полностью разделяем его мнение о значимости и ценности ошибок как материала исследования, и можем отметить широкий потенциал подобного изучения в рамках когнитивной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрей А. Грамматика ошибок. – М.: УРСС Эдиториал, 2006. – 304 с.
2. Шевнин А.Б. Эрратология и межъязыковая коммуникация // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия "Лингвистика и межкультурная коммуникация". 2004. № 2. – С.36–44.

ПОРТРЕТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕРОЕВ В ПОВЕСТИ С. СЮРЮН-ООЛА "КЛЯТВА МАТЕРИ"

PORTRAIT CHARACTERISTICS OF CHARACTERS IN THE STORY □. SURUN-OOL "OATH OF THE MOTHER"

Sh. Oorzhak

Annotation

The article is devoted to the study of the literary portrait of the main characters in the novel of the national writer Tuva S. Suryun-ool "the Oath of the mother". In this work the literary portrait as one of means of the artistic characteristic of the character is considered. The portrait characterization is an integral part of the ideological and artistic intention of the author of the work. Its correct perception allows you to correctly understand the work as a whole. portrait features, and servants to the disclosure of the nature of the characters. In the of story C. Surun-ool artistic portrait uses different behavioral techniques for quick estimation, facial expressions, gestures, and speech of the character, his pose, the first-person narration, monologue-reflection, a non-native-direct speech, etc. – all due to internal, external changes. The technique of creating a negative, unpleasant image of a woman is the first in Tuvan prose, and it is a kind of artistic discovery of Suryun-ool in Tuvan literature.

Keywords: portrait characteristic, character, actions, behavior, character, internal monologue, thoughts, landscape, behavior of the hero

*Ооржак Шончалай Дадар-ооловна
Н.с., Тувинский институт гуманитарных
и прикладных социально-экономических
исследований, г. Кызыл, Республика Тыва*

Аннотация

Статья посвящена исследованию литературного портрета главных героев в повести народного писателя Тувы С. Сюрюн-оола "Клятва матери". В данном произведении рассматривается литературный портрет как одно из средств художественной характеристики персонажа. Портретная характеристика персонажа является неотъемлемой частью идейно-художественного замысла автора произведения. Ее верное восприятие позволяет правильно понять произведение в целом.

В повести художественно используются разные портретно-поведенческие приемы: мгновенный взгляд, мимика, жесты, речь героя, его поза, повествование от первого лица, монологи-раздумья, несобственно-прямая речь и т.д. – все, что обусловлено внутренними, внешними переменами.

Прием создания отрицательного, нелицеприятного образа женщины является первым в тувинской прозе, и это является своеобразным художественным открытием Сюрюн-оола в тувинской литературе.

Ключевые слова:

Портретная характеристика, персонаж, поступки, поведение, характер, внутренний монолог, раздумья.

В истории многонациональной советской литературы 1960 – 1970-ых годов с особой заинтересованностью поднимались темы с личностно-познавательной проблематикой. Это было связано, как пишут многие исследователи, с периодом "оттепели", когда перед писателями открылись новые возможности в художественном освоении действительности и в современной им действительности. В прозе этого периода усиливается роль художественного субъекта, писатели стремились к открытости и откровенности в выражении своих идейно-политических взглядов, убеждений и представлений о социально-этических нормах и принципах поведения человека в обществе [5, с. 97].

Под пристальным вниманием советских писателей было глубокое проникновение в мир чувств и мыслей своих героев, их психологический анализ, описание его наружности: телесных, природных и, в частности, возрастных свойств (черты лица и фигуры, цвет волос), а также всего того в облике человека, что сформировано социальной средой, культурной традицией, индивидуаль-

ной инициативой. По мнению литературоведа В.Е. Хализева, форма поведения литературного героя является важнейшей составляющей характера персонажа. Она не "укладывается" в собственно портретное живописание, так как отражает изменение отношений героя к сложившейся ситуации, иному лицу или факту [18, с. 218].

В тувинской литературе в 1960–1970-ых годах в произведениях о современности прослеживается переход к объективизированному сложному повествованию; индивидуализация героя, "нарастание элементов социальности и психологизма" расширение тематики, объективное многоплановое повествование, глубокое проникновение во внутренний мир героев – все это характеризует подлинный историзм художественного мышления.

Писателей все больше интересует духовный мир современника, его идейные и нравственные искания. Проблемы современной действительности, идейно-нравственные искания личности поднимались со всей актуальностью [15, с. 50].

Наиболее популярным в это время в тувинской литературе является творчество Народного писателя Тувы Салима Сюрюн-оола (1924–1995). Он был одним из признанных мастеров человеческой души, его нравственного содержания, внутреннего самоопределения.

Исследователь тувинской литературы У.А. Донгак пишет, что "писатель находит проблемы в современной действительности, а не в прошлом, и поднимает их, оставив внимание на личных переживаниях героев. Основным стилевым методом писателя во всех произведениях исследователь считает в изображении героев в неразрывной связи: правый, положительный герой и ошибающийся, отрицательный герой" [7, с. 86].

Повесть "Клятва матери" вышла в свет в 1973 году. Как и другие произведения, это произведение получило большой резонанс среди читательской публики и литературной критики. Критика причислила повесть к числу натуралистических произведений, где открытый показ "темной стороны" жизни при изображении частной жизни человека, как писали рецензенты, были слишком вызывающим. Исследователь тувинской литературы А. Калзан в своей работе ("θзулдин демдектери", "Приметы роста") отмечает, что характер и поступки героев в других произведениях того времени изображались с положительной стороны, а герои Сюрюн-оола изображались по-другому – алкоголики, тунеядцы, взяточники и т.д. Исследователь считает выбранный творческий метод писателя проблемным, настроенным на критический взгляд [19, с.14].

З.Б. Самдан отмечает, что повесть "Клятва матери" поучительна цельными характерами молодежи, но добрые намерения автора как можно резче разоблачить пороки не получили должного художественного воплощения. Писатель изменил чувству меры, и потому подобное описание нелюбимых сцен жизни героев, как справедливо отметила критика, привели к обратному эффекту – их романтизации [14, с. 68].

В тувинском литературоведении имеются отдельные работы по изучению творчества С. Сюрюн-оола: М.А. Хадаханэ ("Тувинская проза" 1968), А.К. Калзан ("Приметы роста" 1991), З.Б. Самдан ("От фольклора к литературе" 1987), У.А. Донгак (Салим Сюрюн-оол 1999), но при всем внимании к разным художественным особенностям творчества писателя, исследователи не рассматривают портретное мастерство С. Сюрюн-оола. Поэтому в данной статье поставлена задача – изучить портретные характеристики героев на примере одной повести писателя.

Искусство портрета всегда имело большое значение, являясь показателем мастерства писателя. Теория портрета разработана в работах А.И. Белецкого (1964), Б.Е. Галанова (1967), М.И. Андрониковой (1975), В.С. Бара-

хова (1985), Л.С. Зингера (1986), Ю.М. Лотмана (1998), Л.Н. Дмитриевской (2005), М.Г. Уртмицевой (2005) и др.

Портрет является важнейшей составляющей художественного образа, "внутренней формы произведения", который не "укладывается" в собственно портретное живое описание, так как отражает изменение отношения героя к сложившейся ситуации, иному лицу или факту [12, с. 136], [18, с. 218].

В "Литературном энциклопедическом словаре", дается следующее определение: "Портрет в литературе – изображение внешности героя (черт лица, фигуры, позы, мимики, жеста, одежды) как одно из средств его характеристики" [10, с. 289]. Таким образом, портрет понимается, как модель изображения человека в многомерном пространстве художественного произведения.

Бурятский литературовед Башкеева В.В. рассматривает проблему портретирования человека в художественной литературе, описывает понятийный аппарат анализа портретных форм. Осорова В.Г. выявила особенности становления и развития психологизма, исследовала средства психологического анализа в произведениях бурятских писателей. З.Б. Самдан отмечает, что в произведениях о современности наблюдается отход от событийности сюжета, от односторонней, схематической трактовки социальных конфликтов; на смену бытописанию, событийности приходит психологизм [3, с. 123; 12, с. 21; 14, с. 77].

Поэтому важно проанализировать произведения о современности, как писательское внимание сосредоточено целиком на личности человека, его судьбе, внутреннем мире чувствах и переживаниях.

В повести "Клятва матери" писатель поднимает социально-нравственную проблему – борьбу против алкоголизма. С. Сюрюн-оол показал, как алкоголь губительно действует на людей, одурманявая, калеча их судьбы. В основе сюжета изложена судьба двух семей: два друга, соседи Монгуш Самбылович и Чамбалдай подвержены этому пагубному влиянию алкоголя. У Монгуша Самбыловича из-за болезни умирает жена, дети остаются сиротами. Всю заботу о младших братьях и сестрах берет на себя старший сын Чараш-оол. Он и становится главным борцом против разрушающей силы пьянства. На похоронах матери Чараш-оол дает клятву, что он вытащит отца из бездны этой губительной привычки. Но пагубная страсть Монгуша Самбыловича доводит его до смерти, а сосед Чамбалдай совершает преступление и только после этого осознает всю свою вину.

Писатель С. Сюрюн-оол при описании внутреннего состояния своих героев, использует разные формы повествования: сначала автор рассказывает о внешнем по-

ведении действующих лиц, затем передает их в мысли, потом какая-либо психологическая деталь приковывает внимание читателя и т.д.

В портретной характеристике некоторых героев писатель широко обращает много внимания на внешние черты, которые соответствуют всему внутреннему облику человека. Одним из таких способов эстетизации при создании образа становятся жесты, мимика, описание лица героя и другие проявления человека в реальных жизненных ситуациях.

Повествование от первого лица в литературном произведении позволяет стать прямым участником или свидетелем рассказываемых событий. В повести С. Сюрюноола повествование ведется от лица Чамбалдая. Он является героем-наблюдателем, который выражает свое отношение к другим персонажам.

Например, рассмотрим портретную характеристику одной из героинь, жены Чамбалдая, Борбак-Карак. Он описывает жену так: *"Ее имя Борбак-Карак ("Круглые глаза"). Видно, назвали ее по внешнему облику, потому что, ее глаза действительно как круглый шарик, а зрачок размером в спелую сочную черемуху. Словно озеро между лесистыми горами - два глаза. Только из-за них я и женился на ней. А в остальном она неважно выглядит: маленького роста, кривые ноги, плечи слегка опущенные, лицо с кривизной и нос приплюснутый"* [20, с. 18].*

* Здесь и далее перевод Ооржак Ш.Д.

В создании образа жены Чамбалдая чувствуется легкая ирония, но в эмоциональном состоянии героя, мы можем сказать, что его душа наполнена глубочайшей обидой и даже злобой, которые с годами уступают место разочарованию и безразличию. Борбак-Карак груба по отношению к мужу, чаще обращается к нему по имени или откровенно называет его *"алкоголик"*. Такое отношение Чамбалдаю не нравится, и он поясняет данную ситуацию так: *"У нас в народе не называют по имени друг друга, стараются их обойти словами, вроде: "этот старик", "этот человек", "хозяйка юрты". Восемнадцать лет прошло, как мы поженились, мне было двадцать, ей - девятнадцать лет. Все эти годы я соблюдал это правило, при разговоре с другими я в основном говорю "моя жена". А она не такая, зовет меня по имени. А это мне очень не по душе". А его жене всё нипочем: "Что с тобой, Чамбалдай, случится, если назову твое имя, этим народ не обеднеет, речка не засохнет! В наши дни нечего стесняться этого. А если тебе твое имя не нравится, то замени его Иваном, Муратом, Ахмедом, что ли, и замени свой паспорт!"* [20, с. 18].

Борбак-Карак не только груба по отношению к мужу, она ругает и обзывает свою единственную дочь словами *"лентяйка", "безмозглая"*.

Внешний облик Чамбалдая, наоборот, дан через восприятие жены:

"Посмотри на себя, ведь недаром говорят в народе, что барсук не знает, что он лысый. Глаза у тебя в точности, как у свиньи. Как ты еще впереди себя видишь. Лоб похож на деревянный нарост, голова с выпуклым затылком, губы толстые как у лося, ноги косолапые, как у зайца..." [20, с.19]. В данном изображении внешности героя лоб, голова, губы, ноги составляют базу комического портрета. Об этой особенности пишет бурятский литературовед В.В. Башкеева в своей работе "Портрет в прозе Н.М. Карамзина, А.А. Бестужева-Марлинского, А.С. Пушкина" (2010): "Комический портрет является способом видения и изображения человека, мира и связан с изображением внешнего, телесного человека, вводит разнообразие бытовые позы" [3, с. 64]. По мнению самого Чамбалдая, они с женой по внешним признакам очень похожи. Жену он полюбил за красивые глаза, а его нос нравится жене.

Борбак-Карак очень любит деньги. Если узнает про деньги или их увидит, то сразу переменится в настроении. В день зарплаты мужа она становится ласковой, покладистой, даже если он пьяный. На примере одной сюжетной линии мы можем проследить ситуацию, где Борбак-Карак ловко может манипулировать людьми. Она из тех предприимчивых людей, которые умеют из каждого дела извлечь выгоду, пользу.

Чамбалдай повествует: *"Наверно заметили, что моя жена не из простых людей. Недавно всем сердцем ненавидела Самбыловича, выгоняла его из дома, а сейчас как никогда добродушна, смогла одной пулей застрелить сразу трех зайцев. В-первых, обернула в пользу себе водку, которую купила мне Чечен-кыс, во-вторых, остроумно решен вопрос с холодильником, в-третьих, как бы ненароком поговорила о будущей судьбе своей дочери"* [20, с. 142-145].

В другом случае мы можем увидеть обратную сторону природы Борбак-Карак. Например, жесты и движения героини при виде пьяного мужа придают описываемому эпизоду эмоциональную напряженность и психологическую достоверность:

"...Увидев меня, нахмурила брови, стиснула губы, от гнева ее щеки судорожно задрожали:

- Какой позор, алкоголик! Уйди вон! Иди к своим родственникам, там пьянствуй! Ненавижу тебя, собака!" [20, с. 123].

Такая грубость, жестокость Борбак-Карак отражается в ее поступках. В повести рассказывается, как она бросается на мужа с кулаками.

В тувинской художественной литературе такой отрицательный образ женщины ранее не встречался. Наоборот, в тувинской поэзии и прозе образ женщины романтизируется и изображается верным другом литературного героя, единомышленником мужа. Такой прием создания отрицательного нелюбимого образа женщины является первым в тувинской прозе, и это является свое-

образным художественным приемом и художественным открытием С. Сюрюн-оола.

Но такой отрицательный тип встречается в фольклоре, в мифах и легендах в образе злого духа албыса. Албыс – ведьма, часто легко превращающаяся при встрече с мужчиной в женщину, при встрече с женщиной – в мужчину. По поверьям тувинцев, ее облик отличался тем, что верхняя губа заячья, нижняя – с рубцами, а нос провалившийся; большие длинные груди, которые она может перебросить через плечо; рыжие волосы. Более того, албыс может принимать образ конкретного человека – например, жены охотника, являясь к охотнику, готовит ему еду: мясо, срезанное с ее ребер, и молоко, сцеженное из груди. Встреча с албысом может принести охотнику как удачу, так и беду: например, албыс может проникнуть в человека, поражая его тяжелой болезнью [14, с. 156].

Перед женитьбой на Борбак–Карак Чамбалдаю снится мистический сон. Во сне он спорит с незнакомым человеком, о том, что он легко может переплыть расположенные близко два озера. Первое озеро он с легкостью переплыл, а на втором внезапно силы стали покидать его. В панике Чамбалдай попытался вырваться наружу, снял всю одежду, но он стремительно шел ко дну. Вода переполняла нос, легкие, ему не хватало воздуха. Чамбалдай изо всех сил стал кричать и звать на помощь. И какой-то незнакомец, усмехаясь над ним, спокойным голосом сказал: *("Не бойся, это не озёра, это два глаза Борбак-Карака")* [20, с. 50–51]. Этот сон предвещал герою, с одной стороны, что он скоро попадет в омут любви, а с другой стороны, предостерегал его от нелегкой жизни с будущей спутницей. И действительно, Борбак–Карак оказалась не лучшей женой: не уделяла должного внимания мужу, иногда нарочно не готовила еду, никогда не покупала одежду Чамбалдаю, только равнодушие, грубость, злость проявляются в характере героини, может быть, с годами сложные жизненные обстоятельства изменили ее. В образе Борбак–Карак присутствуют элементы характерные для образа злого духа албыс: Борбак–Карак может принять двойкий образ, из злого демона превращается в светлый ангелоподобный дух (прикрывается своей доброй и кроткой улыбкой), т.е. постоянно в характере героини переплетаются добро и зло.

В повести образы Чечен–кыс и Чараш–оола даны с положительной стороны. В советской литературе была регламентирована концепция изображения положительного героя – человека – творца, активного преобразователя жизни, носителя новых черт характера, проявляющихся, как в сфере общественной деятельности, так и в личной жизни [19, с. 4; 14, с. 49]. Двое молодых героев повести олицетворяют светлую жизнь, чистоту и непорочность. В облике Чараш–оола автор подчеркивает силу, негасимую энергию и красоту. Портретная характеристика парня создается через впечатление, которое он

вызывает у окружающих. Заметим, что оценки облика героя разными персонажами не отличаются друг от друга. Они все подчеркивают внешний облик Чараш–оола. Так, Борбак–Карак говорит, что даже среди девушек не встретишь такого красивого человека, а Чамбалдай так характеризует его: *("Иссиня-черные волосы, большие черные глаза, прямой нос, белые зубы, тонкие алые, будто накрашенные, губы. На правом носу родинка, словно черная точка, со смугловатым лицом, стройный стан. Недаром его имя - Чараш-оол* . Если выходишь замуж за красивого парня или девушку, то в семье нередко бывают ссоры из-за ревности, потому что красивые люди всегда привлекают внимание окружающих")* [20, с. 37].

* Чараш-оол - с тув. "Красивый парень".

Однако вследствие многократного обращения к портретированию этого героя в повести обнаруживается динамика тех черт его внешности, которые могут меняться от ситуации, от манеры поведения. В данном случае речь идет не просто о портретных характеристиках, а портретно-поведенческих, так как именно в них отражаются мгновенный взгляд, мимика, жесты, речь героя, его поза – все, что подвижно и обусловлено внутренними, внешними переменами.

Так, например, в повествовании о смерти матери героя, мы можем увидеть всю гамму эмоционального состояния героя:

("...Чараш-оол быстро вбежал в дом. На его лице выразилась страх и отчаяние. Схватил отца, который лежал пьяный без чувств, стал трясти его. Но отец не поддавался, только проговаривал "ыы, ыы" и снова падал и начинал сильнее хрипеть. От отчаяния Чараш-оол не знал что делать. Едва отдышавшись, он стал поливать водой из ковша прямо на голову отца. Монгуш Самбылович тяжело приподнялся и снова упал на пол.

- Отец, вставай, пожалуйста, встань..! - судорожным голосом он произнес эти слова и начал трясти отца.

Снова и снова пытался Чараш-оол разбудить своего отца, но тщетно. Тогда на его глазах навернулись слезы.

- Отец, вставай, мама умерла! - В этот момент Чараш-оол плакал навзрыд, внезапно его руки, будто каменные, тяжело опустились, а отец без чувств упал на землю.

Рыдая, Чараш-оол достал из кармана своего костюма носовой платок, протер глаза, и тяжело дыша, сурово взглянул на бутылку водки, которая стояла на столе...) [20, с. 101–102].

В повести Чараш–оол представлен как активный боец против пьянства. Он все применяет, чтобы остановить пагубную страсть отца и соседа: просит соседа Чамбалдаю, чтобы он с ним не распивал; покупает отцу водку с надеждой на то, что он этим ограничится; переводится в вечернюю школу, работает грузчиком на складе и т.д. Даже в самые трудные дни он не теряется, окружающие люди видят его собранным, серьезным.

Во внутренних монологах–раздумьях Чамбалдая о своей жизни угадывается богатство внутреннего мироощущения, скрытое внешним спокойствием. Оно непосредственно связано с внешним поведением и поступками героя. Так, этот прием ярко выражен в сцене, где Чараш–оол приносит соседу недопившую водку отца и просит больше не встречаться с его отцом. Чамбалдай, с одной стороны, крайне удивлен такому поступку парня, с другой, ему кажется, что его унизили: *"Младенец, не набравшийся ума, сует мне водку. Что это? Подлизывается или подкупает? Или он всерьез считает меня алкоголиком? Нет, я еще не алкоголик. Я покажу тебе, что это не так: не буду пить эту водку. Потом отнесу обратно твоему отцу"*.

В этом эпизоде внутреннее состояние героя противоречит его внешним проявлениям: *"Я закрыл бутылку пробкой и хотел поставить в шкаф, но тут у меня потекли слюны, запершило в глотке. Я отдернул руку. В этот момент вспомнил, что жена меня оставила одного. Налил полный стакан и залпом выпил ее"* (20, с. 118). В другом случае повествуется, как очень спокойного, покладистого Чамбалдая, никогда ни с кем не вступающего в конфликт, одолевает чувство негасимой ярости к своему начальнику.

*Начальник удивленно посмотрел на меня и сказал:
- Сегодня почему-то ты трезвый, Чамбалдай.*

Меня словно током ударило.

- Почему вы так говорите!

Разве я всегда в пьяном виде хожу?

Начальник заметил мое перекошенное от гнева лицо, извинился, сел в машину и уехал (20, с. 154).

Одну из главных функций психологического анализа в повести выполняет изображение процесса прозрения героя, выраженное в многочисленных переживаниях, раздумьях, впечатлениях, развернутых на протяжении всего повествования. Ведь перерождение героя происходит в течение длительного периода: целая цепь лишений, потерь подготавливает прозрение, к которому так долго шел герой. Прозрение Чамбалдая в повести С. Сюрюн–оола "Клятва матери" происходит только после, как он оказался в тюрьме.

Таким образом, С. Сюрюн–оол в повести "Клятва матери" при раскрытии портретных характеристик героев использовал многообразные средства и приемы: внутренний монолог, сравнение, жесты и движения, повествование от первого лица, ирония, прозрение и т.д. Прием создания отрицательного, нелюбимого образа женщины является первым в тувинской прозе, и это является своеобразным художественным открытием Сюрюн–оола в тувинской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андроникова М.И. Об искусстве портрета. М.: Искусство, 1975.
2. Барахов В.С. Литературный портрет. Истоки, поэтика, жанр. Л.: Наука, 1985.
3. Башкеева В.В. Портрет в прозе Н.М. Карамзина, А.А. Бестужева–Марлинского, А.С. Пушкина. Улан–Удэ: Изд. Бурятского госуниверситета, 2010.
4. Белецкий А.И. Избранные труды по теории литературы. М.: Просвещение, 1964.
5. Взаимодействие литератур и художественная культура развитого социализма. М.: Наука, 1977.
6. Галанов Б.Е. Искусство портрета. М.: Сов. писатель, 1967.
7. Донгак У.А. Салим Сюрюн–оол / Иволги напев живой: В новом облике древнего слова / Литературно–критические статьи. Абакан, 2014.
8. Дмитриевская Л.Н. Пейзаж и портрет: проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в творчестве З.Н. Гиппиус). М.: Литера, 2005.
9. Зингер Л.С. Очерки теории и истории портрета. М.: Изобразительное искусство, 1986.
10. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987.
11. Лотман Ю.М. Портрет // Лотман Ю.М. Об искусстве. М.: Искусство – СПб, 1998.
12. Минералова И.Г. Анализ художественного произведения. Стиль и внутренняя форма: учеб.пособие. М.: Флинта, Наука, 2011.
13. Осорова С.Г. Психологизм в бурятской прозе. Новосибирск: ВО Наука. Сибирская издательская фирма, 1992.
14. Самдан З.Б. От фольклора к литературе. Кызыл: Тув.кн.изд–во, 1987.
15. Самдан З.Б. Система персонажей в тувинских мифах / Миф в фольклорной традиции тувинцев: (формы бытования, сюжетный состав, система персонажей). Новосибирск: Наука, 2016.
16. Уртминцева М.Г. Говорящая живопись. Очерки истории литературного портрета. Н.Новгород: Изд–во ННГУ, 2000.
17. Хадаханэ М.А. Тувинская проза. Кызыл: Тув.кн.изд–во, 1968.
18. Хализев В.Е. Теория литературы. 4–е изд., испр. и доп. – М.: 2004.
19. Калзан А.А. Өзулденин демдектери. Кызыл: Тув.кн.изд–во, 1991.
20. Сурун–оол С.С. Авазынга дангырак. Кызыл: ТНУЧ, 1973.

ПЕРСИДСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ГОДОБЕРИНСКОГО ЯЗЫКА

PERSIAN LEXICAL BORROWINGS IN THE SYSTEM OF THE HODOBERIN LANGUAGE

R. Sirajudinov

Summary. The aim of the study is to describe, on the basis of written lexicographic sources and field research data, the role and place of Persian lexical borrowings in the structure of the Godoberi language. Persian loans form an essential layer of the lexico-semantic system of the Godoberi language.

Keywords: Godoberi language, vocabulary, semantics, Persian borrowings, Persian borrowings in the Godoberi language.

Сиражудинов Раджаб Магомедгазиевич

*К.филол.н., доцент, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
rutulsveta@mail.ru*

Аннотация. Целью исследования является описание на основании письменных лексикографических источников и данных полевых исследований роли и места персидских лексических заимствований в структуре годоберинского языка.

Персидские заимствования образуют существенный пласт лексико-семантической системы годоберинского языка.

Ключевые слова: годоберинский язык, лексика, семантика, персидские заимствования, персидские заимствования в годоберинском языке.

«Каждый кавказский народ, независимо от его численности,— это богатая непознанная культура, неразгаданная история для человечества»,— пишет С. М. Махмудова [Махмудова 2008]. Годоберинский язык относится к андийской подгруппе аваро-андо-цезских языков, входящих в нахско-дагестанские языки. Носители годоберинского языка, около 5 тысяч, проживают в Ботлихском районе Дагестана, язык бесписьменный.

Вопросы грамматики годоберинского языка получили некоторое освещение в работах Т. Е. Гудава [2], М. Е. Алексеева [1], П. М. Саидовой [8;9], Татевосова [10], А. Е. Кибрика [11]. Тем не менее, серьезного исследования годоберинского языка в лингвистике еще нет, многие вопросы бесписьменного языка, находящегося под угрозой исчезновения, не рассмотрены в должной мере. Наша работа будет посвящена заимствованиям в годоберинском языке.

Проблема персидских языковых контактов с годоберинским языком до последнего времени не служила предметом систематического изучения в кавказоведении. Наличие иранизмов в годоберинском языке отмечалось в работе «Годоберинско-русский словарь» П. А. Саидовой [9].

Распределение заимствований по тематическим группам позволяет определить группы в словарном составе языка, установить соотношения исконных и заимствованных слов и ответить на целый ряд других лексикологических вопросов. Большинство исследователей, занимающихся проблемами языковых контактов, считает необходимым разделять заимствования на тематические группы, показывающие наиболее интенсивные сферы их взаимодействия.

Нами выявлено около 130 заимствований из персидского языка, распределенных по тематическим группам.

Персидский яз.	Годоберинский яз.	Перевод
Обозначения людей по профессии, роду занятий, социальному положению, термины родства и т.п.		
ناگرزاب	базарган	торговец, купец
ریزو	вазир	визирь, министр
شیشک	кашиш	священник
رگراک شفک	устар	сапожник
لیکو	сардар	наместник
رازت	парчачи	царь, падишах
رکاو	палугъан	канатоходец
نمشد	тушман	враг, неприятель

Персидский яз.	Годоберинский яз.	Перевод
Лексика, выражающая духовное и физическое состояние человека, его поведение, склонности		
یمارگ	пашман	Печаль, печалиться
ببالسی	чуруки	неряха, грязнуля
رادرببالک	x1aramзада	мошенник, мерзавец
Абстрактные понятия:		
عنام	авара	препятствие, помеха
ایورکی	анищ	мечта, желание
یهاوخ رذع	багъана	предлог, повод
اه تذلل	гугъар	прелесть
دادعتسا	гъунар	ловкость, подвиг, талант
یهاوخ رذع	гъунар	доблесть, отвага, умение
تتردیق	жан	сила
نایب	загъруман	выражение проклятия
بسیآ	зийан	вред, ущерб
تمالع	ишан, ишара	знак, метка; прицел
ناوراک	караван	караван
دوبمک	ками	нехватка, недостаток
نک هاگن	куци	облик, форма
راکهانگ	макру	хитрость, коварство
هانگ	мунагъи,	грех, вина
بجعت	тамаша	диво, удивление
Слова, характеризующие отношения между людьми, общественно-политические термины, имущественное положение, наименования видов хозяйственной деятельности и т.п.		
تسرف	аскар	список, перечень
هاگداد	диван	суд
تسرف	сийахlи	список, перечень
زوجم	пурман	разрешение, дозволение
(بسا) ندرک زیمت	тимар	чистка(лошади)
دزمتسد و قوقح	харжи	зарплата
Слова, относящиеся к материальной и духовной культуре. Данная тематическая группа, является самой объемной. Предметы быта, домашняя утварь		
لبم	диван	диван
یمشچود نیبرود	дурна	бинокль
ذغاک	кагъати	бумага
مبات	налбеки	блюдец
یرتک	чаник1и	чайник
عمش؛ پمال	чирахъи	лампа, свеча
اه ینسی	t1абак1и	поднос
مضوح	m1арссu	таз
مساک، نایچنф	сурк1а	чашка, пиала
رادم	рахаси	цепь
هدرپ	пардав	занавес, занавеска
مفالم	паласси	палас
مشاب	тахи	тахта
تخت قرو	шаршав	простыня, покрывало
شرف	халича	коврик, ковер

Персидский яз.	Годоберинский яз.	Перевод
Названия орудий труда, строительного материала и т.п.:		
لیب	бел	лопата
خرچ	чархи	колесо; точило, катушка
پاچ	мугъру	печать
امن بطق	паргав	циркуль
بادع	зиндан	деталь мельницы; наковальня
Одежда, предметы туалета, ткани, сырье и т.п.:		
مشی ربا	<i>дарей, дарай</i>	сорт шелковой блестящей ткани
گل توب	дулагъи	голенище
دی اورم	жавгъар	драгоценный камень, жемчуг
کزان می شی ربا لامت سد	гормендо	тонкий шёлковый платок
هچراپ	парча	парча, ткань, материя
می مشپ هچراپ	шали	шерстяная ткань,
راولش	шарбал	штаны
جات	тажи	корона, венец
گل توب	зангалал	голенище, гетры
شارب	дарей-зарба	парча
مشی ربا	чиллай	шелк-сырец
Военное снаряжение		
ملولگ	гулла	пуля
رجنخ	хханжар	кинжал
گنفت	туманги, тумаги	ружье
Обозначение продуктов питания и т.п.		
فولپ	пулав	плов
تش می عم	ризкъи	пропитание
رکش	чакар	сахар
مدز غرم مخت	хайгуна	яичница
Названия строений и их частей		
میلک	чатир	шалаш, палатка
راضح	чали	ограда, забор
ان اخیچ	чайхана	чайхана
ندانز	туснахъи	тюрьма
رابنا	амбар	амбар, склад
ه اگداد	диванхана	здание суда
یروخاذغ	ашбази	столовая
تیوقت	сангар	укрепление, баррикада
رہش	шагъар	город
Хозяйственно-экономические термины		
رازه کی	азаруда	тысяча
تمیق	багъа	цена, стоимость
رازاب	базар	рынок
نزو یریگ مزادن	гилавка	мера веса
رہوش و نز	жути	пара
لکین	шагъи	пятак, пять копеек
Лексика литературы, искусства, науки, образования		
نیرومات	жергъен	бубен
انروز	зурма	зурна (муз. INSTR.)
نوئی دروکآ	чагъана	гармонь

Персидский яз.	Годоберинский яз.	Перевод
Лексика, выражающая религиозные понятия, суеверия, обычаи, обряды		
ربما ای	авараги	пророк
اندرا	аздагъу	дракон
Лексика, связанная с обозначением анатомических и физиологических понятий, болезней, лекарств и т.п.		
کف	чанагъи	челюсть
ناردر	дарбан	лекарство; лечебное средство
دس	загъуру	отрава, яд
Названия минералов, веществ		
کدآ	гарчи	известь, мел
	кагъру	янтарь
نداندى انىم	мина	эмаль
گنر	шир	краска
يا مزورىف	пируза	бирюза
عوق	чаран	крепкий, сталь, твердый
Слова, связанные с обозначением географических понятий, понятий места и времени		
ىل اخوت	танкел	впадина, ухаб
ندرک مکحم	хандакъи	окоп; траншея; яма, канава
نامز	замана, заман	время, эпоха
Сельскохозяйственные термины и растительный мир		
غاب	бахча	огород, сад
هزبرخ	пастлан	сад
ولآ	алча	алыча
رىچنا	инжир	инжир (плод)
دنباب	бадиржан	баклажан; помидор
چنرب	пиринчи	рис
امى باوه تخرد	чинари	чинара, платан
طولب هاش	шагъбулут	каштан
هناونده	хъармузи	арбуз
خيرات	хурма	хурма, финик
سالىگ	багъли	черешня
Животный мир		
ولفوب	г'амуци	буйвол
گرگ	жанавар	волк
ىرام	жали	грива
لاغش	шакъал	шакал

Мужские имена

С проникновением и распространением персидской литературы из нее стали заимствоваться и ныне популярные имена знаменитых поэтов-мыслителей, легендарных героев литературных произведений:

год. *Глаи* < перс. *ىلع* «избраннык» [Аллаха], год. *База* < перс. *زاب* «ястреб, сокол», год. *Базарган* < перс. *ناگرازاب* «торговец, купец», год. *Бахтияр* < перс. *رايشخ* «счастливый», год. *Булати* < перс. *تالوب* «сталь, булат», год. *ДарбимухАмад*, *Дибир* < перс. *رىبد* «наставник», год. *Мазгар* < перс. *رگسم* «медник, мастер по меди», год. *Мирза*, < перс. *ازرىم* «господин, князь», год. *Надир* < перс. *ردان*

«редкостный, необыкновенный», год. *Нияз* < перс. *زاین* «просьба, милость», год. *Низами* < перс. *ىماظن* «устройство веры», год. *ПирмахАмад*, *ПирмухАмад* < перс. *دمحمرىپ* «Мухаммед» «духовный отец», год. *Хласбулати*, *Хласбула* < перс. *تالوب صاخ* «стальной» (букв. «особая сталь»), год. *Шагъбан* < перс. *نابعش* «родившийся в месяце шабан», год. *Шахмардан* < перс. *نادردهاش* «царь мужественных», год. *Шаглабас*, *Шахмурад* < перс. *داردهاش* год. *Шахназар* < перс. *رضندهاش* «милость царя», год. *Чупан* < перс. *ناپوچ* «шах, царь». Слово **шах** может входить и в состав сложносоставного имени, год. *Рустам* < перс. *ماتسور* «могучий, сильный», «имя иранского сказочного богатыря *Рустам* распространилось среди дагестанцев через героический эпос»;

Женские имена

Женские имена семантически обычно связаны с понятием красоты, доброты, утонченности, нежности. Многие из них образованы от названий цветов: год. *Айна*, *Гайнаъ* < перс. انى ع «чистая, светлая» (букв. «зеркало»), год. *Манарша*, < перс. شفنبن «фиалка», год. *Гавгъар*, *Жавгъар* < перс. رنوج «драгоценный камень, жемчуг», год. *Гулжагъан* < перс. ناهج لگ «цветок вселенной», год. *Гулжанати* < перс. تانج لگ «цветок души», годоб. *Гулнара* < перс. ران لگ «цветок граната», год. *Гулизар* < перс. راز لگ «цветник», год. *Найбат*, *Найбати* < перс. تبنى «сладкая» (букв. кристаллический сахар), год. *Барияти* < перс. «фея», год. *Пари* < перс. مرقب «красавица, фея», год. *Париза Паризати* < перс. مرقب «красавица» (букв. урожденная пери), год. *Пирдавус*, *Пирдози* < перс. سوردرف «райский сад», год. *Ханзада* < перс. دناز ناخ «потомок хана», годоб. *Чаккар* < перс. ركش «сладкая» (букв. сахар), год. *Шагърузати*// *Шарузати* < перс. تاضور هاش «благородного происхождения», год. *Шагъирати* < перс. شرى ح هاش «возлюбленная».

Таким образом, анализ **лексико-семантической** принадлежности иранских заимствований показывает, что закрытых сфер в употреблении данных заимствований в исследуемом языке практически не существует.

Об уровне адаптации иранской лексики можно судить и по степени ее лексико-семантической ассимиляции. Персидские заимствования в вышеназванном языке характеризуются следующими особенностями:

а) не изменяют свой семантический объем, как правило, моносемичные персидские этимоны-термины, которые, являясь однозначными в языке-источнике, не представляют собой модели для семантического развития;

б) характерным явлением для процесса заимствования является и смешение значений заимствованных слов, то есть утрата заимствованиями своих исконных понятий и приобретение ими новых значений в языках-рецепторах. Анализ заимствований, лексические значения которых оказались смещенными, показывает,

что в них часто прослеживается семантическая связь с прототипами (так, например, как отмечается в работах С. М. Махмудовой [3,4,5,6], в рутульском языке **устар** заимствовано в значении *мастер*, тогда как годоберинский язык закрепляет за данным заимствованием семантику *сапожник*);

в) расширение значений — наиболее редкий тип семантических изменений персидских заимствований. Слова, расширившие свой семантический объем, употребляются в основном при обозначении отвлеченных понятий, физических и духовных качеств человека, свойств вещей и т.п. Часть этих новых понятий в той или иной мере вытекает из исконных значений заимствованных слов и имеет с ними прямую смысловую связь.

С точки зрения словоизменения персидские заимствования полностью подчиняются закономерностям, действующим в годоберинском языке. Каких-либо строгих критериев распределения заимствованной лексики по грамматическим классам не существует.

Персидские имена перешли в годоберинский язык только в форме единственного числа и приобретают формы множественного числа с помощью языковых средств годоберинского языка. Выбор того или иного суффикса множественности в основном зависит от структуры самого слова.

Иранизмы активно вступают в словообразовательные отношения с деривационными морфемами в исследуемом нами в годоберинском языке. Так, при помощи суффиксов с классными показателями *-а-б*, *-я-б* в годоберинском языке могут быть образованы имена прилагательные от персидских именных основ: *бизар-аб*, *дурус-аб*, *пашман-аб*.

Персидские заимствования представляют собой живой пласт лексико-семантической системы в годоберинском языке, активно обслуживающий разнообразные сферы коммуникации. С точки зрения адаптированности они полностью приспособлены к фонетическим и морфологическим системам заимствующего языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М.Е. Годоберинский язык//Языки народов Российской Федерации и сопредельных государств/ М.Е. Алексеев М. – 1998.
2. Гудава Т.Е. Годоберинский язык//Языки народов СССР.М.,1967.
3. Махмудова С.М. Рутульские пословицы и поговорки/ С.М. Махмудова. – Махачкала, Дагучпедгиз, 1993.
4. Махмудова С.М. Способы выражения субъектно-объектных отношений в рутульском языке: автореф. дисс. к.филол.н./С.М. Махмудова. – Махачкала, 1995.
5. Махмудова, С.М. Грамматические классы слов и грамматические категории рутульского языка. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. филол. н. /С.М. Махмудова. – М., 2002.

6. Махмудова, С.М. Рутульская литература/С.М. Махмудова.– Махачкала, 2008.
7. Махмудова, С.М. Фразеологический словарь рутульского языка /С.М. Махмудова. – Махачкала, "Эпоха", 2016.
8. Махмудова С.М., Хангереев М.–Б.Д.–Г., Алиева З.М., Базиева З.М., Гаджихамедов Т.И., Гасанова М.А., Гасанова У.У., Гусейнов Г.М., Джалилова А.Б., Исрапилов П., Керимова К.Р., Кусегенова Ф.А., Магдилова Р.А., Мудунова Г.А., Сиражуудинов Р.М., Солтаханов И.Э., Сулейманова Г.П., Султанмурадова Н.Э. Краткий разговорник на языках народов Дагестана. Махачкала, 2015.
9. Саидова П.А. Годоберинский язык/ П.А. Саидова. – Махачкала, 1973.
10. Саидова П.А. Годоберинско–русский словарь/ П.А. Саидова. – Махачкала, 2006. – С. 413–420 с.
11. Татевосов С.Г. Годоберинский язык//Языки мира. Кавказские языки/ С.Г. Татевосов. – М., 1999.
12. Kibrik A.E. Godoberi / A.E. Кибрик. – Lincom Europa, 1996.

© Р.М. Сиражуудинов, (rutulsveta@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ЖАНР ПИСЬМОВНИКА В ГЕРМАНИИ И РОССИИ В XVII - XVIII вв.

THE GENRE OF A LETTER WRITER IN GERMANY AND RUSSIA IN THE SEVENTEENTH - EIGHTEENTH CENTURIES

N. Sypalova

Annotation

The article examines the genre of German and Russian letter-writing manuals of the 17th – 18th centuries, summarizes the information on this genre presented in scientific works and determines the features of this genre in different historical epochs. Special attention is paid to the epistolary norms in Germany and Russia of this time and also the article tells about the authors of letter-writing manuals.

Keywords: didactic literature, genre, letter, epistolary norms, rhetorical tradition, galant literature.

Сыпалова Наталья Олеговна

Ст. преподаватель,

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

Аннотация

В статье рассматривается жанровое своеобразие немецких и русских письмовников XVII – XVIII вв., обобщаются представленные в научных работах сведения об этом жанре и определяются его особенности в разные исторические эпохи. Особое внимание уделяется эпистолярным нормам в Германии и России данного периода, а также рассказывается об авторах письмовников.

Ключевые слова:

Дидактическая литература, жанр, письмовник, эпистолярные нормы, канцелярско-риторическая традиция, галантная литература.

Письмовники как вид дидактической литературы, причем ряд исследователей определяют их как отдельный жанр [1; 2; 13; 20; 21], представляют собой констатацию языковой нормы в целом, а также текстовой нормы писем и ряда документов соответствующего периода и являются, таким образом, важным источником для лингвистических исследований. Как вид дидактической литературы письмовники существуют с древних времен. До того, как сложилась собственно немецкая эпистолярная традиция, правила составления писем основывались на риторических нормах латинской культуры. Еще в Римской империи были разработаны обязательные содержательные и формальные правила, которые были зафиксированы в письмовниках – справочниках и учебниках по составлению писем. До XV в. в Германии они издавались преимущественно на латинском языке, в дальнейшем – на немецком, но основное внимание в них уделялось деловой корреспонденции канцелярий, и в целом они представляли собой своды классических риторических правил. Письмовники использовались в обучении будущих писцов и секретарей городских и придворных канцелярий. Наибольшую популярность завоевали вышедшие в 1479 г. "Формуляры" Иоганна Цайнера, они стали образцом данной литературы на несколько десятилетий [19, с. 77, 78].

Существенные жанровые изменения письмовник претерпел в XVII в. Авторами письмовников стали филологи, писатели, члены языковых обществ, целью которых были сохранение немецкого языка, защита его от фран-

цузского и итальянского влияния. Разумеется, члены этих обществ не только вели свою переписку на немецком языке, но и призывали всех следовать их примеру, издавая, в том числе, и письмовники (Г.Ф. Гарсдерфер, К. фон Штилер и др.). В итоге был выработан особый литературный жанр письмовника, который был посвящен не только всевозможным типам писем и различным организационным аспектам секретарского искусства, но также многим языковым и стилистическим вопросам.

Письмовник Г.Ф. Гарсдерфера "Немецкий секретарь", появившийся в 50-х гг. XVII в., характеризовался и в самом издании, и самим автором, как книга титулов и формуляров. Тем самым автор показывал связь с собраниями образцов писем прежних эпох (ср., например: "Формуляры" И. Цайнера). Начинается письмовник рассуждением об искусстве писать в целом, а первая часть (о титулах) предваряется высказываниями о культуре и правилах этикета в обществе. Затем идет разбор происхождения и значения слов, часто используемых в обозначениях титулов, а также правила, на основе которых складываются титульные формулы. Вслед за обширной теоретической частью следуют образцы писем. По мнению Гарсдерфера, письма должны быть короткими, понятными, изящными и написаны тем языком, теми словами, которые являются употребительными в данном обществе [16, с. 142].

Ярким примером письмовников нового типа является изданный в Нюрнберге в 1673 г. обширный двухтомный труд К. фон Штилера (писавшего под псевдонимом Шпа-

те) "Немецкое секретарское искусство". Наряду с такими вопросами, как типы писем, правила правописания, обязанности секретарей и почтовые требования, в этом письмовнике рассматривались некоторые аспекты истории немецкого языка, теории слова, особенности стилей и многие другие (включая сведения о ведении бухгалтерского учета). Автор обладал поистине энциклопедическими знаниями. Так, например, в главе посвященной титулам, он начинает свое повествование с описания данного пункта у древнеримских авторов, дает сравнительный обзор титулов высокопоставленных персон в прежние времена, рассказывает о происхождении самого слова "титул", причем это не простое описание, но краткий филологический обзор существовавших в тот момент точек зрения. Стиль изложения нередко очень ярок и экспрессивен. В частности, в качестве примера можно привести сравнение ситуации с титулами с положением художника в Константинополе, украшавшего один из дворцовых залов портретами представителей различных народов в их костюмах. Этот художник изобразил немца обнаженным с куском ткани в руке, так как не мог написать немецкий костюм из-за стремительно меняющейся у немцев моды и их подражания другим народам [22, с. 488]. Язык Штилера непринужденный, он не просто дает практические рекомендации по оформлению и составлению писем, но словно ведет беседу с читателем, задает вопросы и лишь затем объясняет правило, сопровождая объяснения своим комментарием, приводя примеры из собственной жизни.

Г.Ф. Гарсдерфер, также как и К. фон Штилер являлись членами языкового "Плодоносного общества" ("Fruchtbringende Gesellschaft"), целью которого была стандартизация немецкого языка и борьба с иностранными заимствованиями. Гарсдерфер был также членом "Товарищества патриотов" ("*Teutschgesinnte Genossenschaft*") и основателем "Ордена пастухов и цветов на берегу Пегница" ("*Hirten- oder Blumenorden an der Pegnitz*"), целью которых также была борьба за чистоту немецкого языка [10, с. 229]. Эти идеи нашли выражение в письмовниках. Кроме того, и Гарсдерфер, и Штилер являются авторами ряда поэтических и драматических произведений, многочисленных переводов, теоретических работ. Талант Гарсдерфера многогранен, его наследие насчитывает около 50 томов, посвященных не только проблемам языка и культуры, но также и естественным наукам [18]. Интересно, что текст первой дошедшей до нас оперы на немецком языке принадлежит Гарсдерферу [12]. Штилер является автором важной в лексикографии немецкого языка работы "Родословное древо немецкого языка" ("*Der Teutsche Sprache Stammbaum*"). При этом он много лет служил секретарем в придворных канцеляриях, а Гарсдерфер большую часть жизни работал в суде Нюрнберга. Таким образом, свои дидактические работы они создавали не только как писатели и теоретики языка, но и как практики, имевшие большой опыт ведения переписки и профессиональной работы с документами.

На рубеже XVII – XVIII вв. на смену канцелярско-риторической традиции в Германии приходит галантный период эпистолографии. Наиболее значимыми авторами письмовников этого периода были выдающиеся литераторы своего времени: А. Бозе, известный под псевдонимом Таландер и К.Ф. Хунольд, известный под псевдонимом Менантес. Благодаря популярности своих галантных романов Хунольд часть жизни мог позволить себе оставаться свободным писателем, занимаясь только литературской деятельностью. Юрист по образованию, А. Бозе несколько лет был секретарем, а после защиты диссертации преподавал в дворянском лицее в Лигнице [14]. Оба автора усматривали в письме крайне важное и полезное средство общения в галантном обществе. В их письмовниках многолетняя традиция немецких канцелярских сочетается с новыми тенденциями, обусловленными придворной модой и французскими эпистолярными нормами.

Показательным примером служит небольшой по объему письмовник К.Ф. Хунольда "Избранные письма из самых галантных и новых французских авторов, переведенные на немецкий язык", в котором автор дает французские образцы писем и их параллельный перевод на немецкий язык, дополняет их небольшим собранием писем кардинала А.Ж. Ришелье, также с параллельным переводом на немецкий язык. Данный письмовник был очень популярен. Он вышел в 1702 г. и переиздавался впоследствии 17 раз, в том числе и после смерти автора. В XVIII в., главным образом с 40-х годов, основными характеристиками писем становятся легкость и естественность. "Образованная естественность" отразилась и в форме писем. Употребление схематичных правил риторики, которые до тех пор были обязательны, уступает место свободному индивидуальному стилю. Образцы писем используются главным образом в обучении и служат формированию стиля начинающих корреспондентов. Лишь обращение в начале письма и, как правило, прощальная формула в конце перед подписью остались важными элементами письма и сохранились до наших дней. Особенный успех имели сборники известного педагога и теолога И.К. Штокгаузена и, в особой степени, К.Ф. Геллерта. Последний настаивал на простоте эпистолярного стиля и считал, что письмо должно соответствовать устной беседе, быть естественным, живым, легким и выразительным [15, с. 8, 23, 58]. Письма Геллерта – писателя и литератора – стали образцом для образованной публики.

О письмовниках XVII и начала XVIII вв. исследователи говорят как о признанном самостоятельном литературном жанре, стоящим в одном ряду с учебниками по поэтике, риторике и другими языковедческими трудами. В эпоху галантного стиля письмовники рассматривались как нечто равнозначное научной литературе. Отмечается, что письмовник стал книгой, которую брали с собой в поездку в качестве источника самообразования и чтения для отдыха [20, с. 13]. Дошедшие до нас самые ранние

древнерусские письмовники относятся к XV в. и, как указывают исследователи, представляют собой сборники образцов, главным образом, официальных посланий, как, например, так называемый "Неозаглавленный письмовник". При этом отмечается значительная доля компилятивной составляющей, так как письмовники переписывались в разных сочетаниях и с "разными пропусками и разными дополнениями" [4, с. 179]. Следует учесть, что ранние русские письмовники не были переводными, в основе "Неозаглавленного письмовника" предположительно лежит церковно-монастырская переписка [4, с. 183–184]. Самый большой из сохранившихся и наиболее часто встречающийся в списках письмовник "Сказание начертанию епистолиям, предисловиям и посланиям ко всякому человеку", имеющий также научное название "Азбучный письмовник", датируется концом XVI в., однако он активно распространялся уже в XVII в. Русские письмовники становятся более демократичными, они содержат не только официальные письма, но и образцы частной переписки и включают разговорные выражения, поговорки, элементы бытовых описаний [4, с. 208, 215].

Реформы Петра I коснулись и эпистолярного этикета. При нем в переводе с немецкого издаются "Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке, то есть, писания от potentатов к potentатам, поздравительные и сожалительные, и иные; также между сродников и приятелей". Имя переводчика, как и сам источник, остались неизвестными. Возможно, это была компиляция из нескольких письмовников. Однако уже во второе издание книги, вышедшей в 1708 г., добавлены новые письма и указано, что взяты они из работы А. Бозе "Письмовник на все случаи или подробное руководство, как написать искусное письмо или ответить на него...", изданной в 1696 г.

Новый тип письма подвергался риторизации и языковой регламентации, формировался в соответствии с нормами эпистолярного общения, существовавшими в Западной Европе. В нем уже нет такого восхваления адресата, которое считалось нормой в русских письмовниках XVI – XVII вв. Так, почти каждое его качество подчеркивалось и усиливалось различными способами, прежде всего многочисленными эпитетами, например: "...благородному и благоверному, боголюбивому и христолюбивому...", "орлу высокопаривому, разуму остроумному, воину добродородному ... во оружии преизящному, в победе преславному..." [3, с. 98–99] и т.п. В "Прикладах..." к адресату обращаются также с почтением: "Приятнолюбезный и высокопочтенный господине и сродственник" [9, с.18], "Высокоблагородный, особливо высокопочтенный господин капитан, высокой патрон" [9, с. 255]. Но при этом, как и в немецких письмовниках, эпитеты в обращениях и в прощальных формулах, а также подписи, шаблонны и формализованы.

На протяжении первой четверти XVIII в. "Приклады..." переиздавались три раза. Последнее, четвертое издание вышло в 1725 г. По словам Е.Е. Дмитриевой, "это был

единственный, но весьма популярный письмовник на протяжении первой половины XVIII в." [5, с. 544]. В дальнейшем мода на французскую галантность пришла и в Россию, как до этого в Германию. Но следующий популярный письмовник – "Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов", изданный в 1765 г. – представлял собой уже не просто перевод готовых образцов, а контаминацию отдельных частей из разных авторов. Как отмечает Е.Е. Дмитриева, краткая теория жанра письма представляла собой сжатое изложение эпистолярной теории французского эстетика Ш. Баттё, хотя в самом издании нет ссылки на источник. "Всего простее, – говорится в теоретической части письмовника, – писать письма, однако то не просто, чтоб сочинять их складно. А чтоб научиться, составлять их, надлежит иметь добрые примеры, коим бы подражать можно было, и доброе наставление, которое служило бы к тому руководством" [8, с. 1]. Автор "Наставления..." дает краткие поучения, касающиеся слога писем, благопристойности и чистоте речи, а также о форме писем. В период с 1765 по 1786 гг. "Наставления..." были единственным руководством по искусству письма и неоднократно переиздавались в составе письмовников [5, с. 544].

В последние два десятилетия XVIII в. появился ряд новых письмовников. В 1788 г. у Н. Новикова вышли "Краткие правила, способствующие к изучению сочинять разного рода письма, с приобщением примеров из славнейших писателей". Книга представляла собой перевод с французского языка. В 1791 г. в Санкт-Петербурге увидел свет "Новый и полный письмовник или подробное и ясное наставление, как писать купеческия, канцелярския, просительныя, жалобныя, одобрительныя, дружеския, увещательныя и вообще всякаго рода деловыя письма; также объявления, разные договоры, записи, свидетельства, верующия, обязательства, завещания и проч. С присовокуплением перечня многих писем знаменитых новых и древних иностранных писателей..." Примерно в это же время в Университетской типографии в Москве анонимный автор, скрывающийся за инициалами И.Н., издал "Всеобщий секретарь или новый полный письмовник". Все они имеют такую же структуру, как немецкие и французские письмовники данного времени – включают теоретическую часть и собственно образцы писем.

В отличие от немецких письмовников, авторами которых являлись выдающиеся деятели немецкой культуры, русские письмовники издавались преимущественно анонимно. В связи с этим интересно отметить точку зрения известного русского просветителя Н.И. Новикова – издателя "Кратких правил...", который старался публиковать свои работы, не подписывая их, считая писательскую деятельность своим долгом и выражая, таким образом, свое уважение к читателю [7, с. 74]. Возможно, такой позиции придерживались и другие авторы дидактической литературы. Несмотря на то, что в России первый

письмовник европейского типа был переведен с немецкого языка, как в России, так и в Германии эпистолярные нормы переписки XVIII в. находились под влиянием французской традиции. В Германии письмо уже в первой по-

ловине XVIII в. стало ориентироваться на устную салонную беседу и индивидуальный стиль с опорой на французские образцы, что найдет свое отражение в русских письмовниках лишь несколько десятилетий спустя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бусоргина Н.Ю. Эпистолярный текст как составляющая ритуального и этикетного дискурса: на материале английского языка: диссертация ... кандидата филологических наук. Самара, 2006. 193 с.
2. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. Москва: Знак, 2010. 594 с.
3. Демин А.С. Русские письмовники XV – XVII вв. (К вопросу о русской эпистолярной культуре). Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Л., 1964. 17 с.
4. Демин А.С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова. М.: Языки славянской культуры, 2003. 758 с.
5. Дмитриева Е.Е. Русские письмовники середины XVIII – первой трети XIX в. и эволюция русского эпистолярного этикета // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1986. Т. 45. № 6. С. 543–552.
6. Краткия правила, способствующия к научению сочинять разного рода письма, с приобщением примеров из славнейших писателей и обряда, в письмах употребляемого. Перевод с французского. М.: Университетская типография Н. Новикова, 1788. 114 с.
7. Накорякова К.М. Редакторское мастерство в России XVI – XIX вв. Москва: Издательство Московского университета, 1973. 196 с.
8. Наставление, как сочинять и писать всякия письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов. М.: Императорский Московский Университет, 1765. 168 с.
9. Приклады како пишутся комплементы разные на немецком языке, то есть писания от потентатов к потентатам, поздравительные и сожалетельные, и иныи: такожде между сродников и приятелей. Переведены с немецкого на российский язык и напечатаны повелением благочестивейшаго великого государя царя и великого князя Петра Алексиевича всея Великия и Малыя и белыя России самодержца. При благороднейшем государе царевиче, и великом князе Алексии Петровиче. В царствующем великом граде Москве, апр. 1708. 284 с.
10. Филичева Н.И. История немецкого языка. Москва: Academia, 2003. 297 с.
11. Bohse A. Des allzeitfertigen Briefstellers Anderer Theil, bestehend in vier Abtheilungen, Deren I. Die Studenten-Brieffe, II. Die Hoff-Brieffe, III. Krieges- und Soldaten-Brieffe, IV. Kauff- und Handels-Brieffe. Durch etliche hundert Exempel auff allerhand vorkommende Falle gerichtet, Nach der neuesten und gewöhnlichsten Schreib-Art zeigt, Allen, so ein gutes Concept verfertigen zulernen begierig sind, Zum Dienste beliebhlicher Nachahmung ans Licht gegeben von Talandern. Leipzig; Dresden: Johann Friedrich Gleditschen, 1695. 542 S.
12. Czoik P. Georg Philipp Harsdorffer // Literaturportal Bayern: Autorinnen und Autoren [Электронный ресурс] <https://www.literaturportal-bayern.de/autorinnen-autoren?task=lpbauthor.default&pnd=118546139> (дата обращения 18.06.2018)
13. Ettl S. Anleitungen zu der schriftlicher Kommunikation. Briefsteller von 1880 bis 1980. Tübingen: Niemeyer, 1984. 263 с.
14. Flemming W. Bohse August // Neue Deutsche Biographie. Bd. 2. Berlin: Duncker & Humblot, 1955. S. 422. [Online-Version]. [Электронный ресурс] URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd11851296X.html#ndbcontent> (дата обращения 18.06.2018)
15. Gellert Ch.F. Briefe, nebst einer praktischen Abhandlung von dem guten Geschmacke in Briefen // C.F. Gellerts Sammtliche Schriften. Bd. 1–10. Leipzig: Weidmann u. Fritsch, 1784. Т. 4. S. 5–193.
16. Harsdorffer G.Ph. Der Teutsche Secretarius. Oder Allen Kanzleyen / Studier- und Schreibstuben dienliches Titular und Formularbuch. Teil 2. Nurnberg: In Verlegung Christoph und Paul Endtern / Buchhandlern, 1661. 867 S.
17. Hunold Ch.F. (Menantes). Lettres choisies des meilleurs et plus nouveaux auteurs francois, traduites en allemand par Menantes. Auserlesene Brieffe, aus denen Galantesten und Neuesten Frantzosis. Autoribus ins Hochteutsche ubersetzet von Menantes. Hamburg: Gottfried Liebernickel, 1704. 795 P.
18. Lorenzen K. Harsdorffer Georg Philipp // Neue Deutsche Biographie. Bd. 7. Berlin: Duncker & Humblot, 1966. S. 704–705. [Online-Version]. [Электронный ресурс] URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd118546139.html#ndbcontent> (дата обращения 18.06.2018)
19. Nickisch R.M.G. Brief. Stuttgart: Metzler, 1991. 259 S.
20. Nickisch R.M.G. Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 380 S.
21. Steinhausen G. Geschichte des deutschen Briefes. Zur Kulturgeschichte des deutschen Volkes. Berlin: K. Gaertners Verlagsbuchhandlung, 1889. 1. Teil. 190 S.; 2. Teil. 420 S.
22. Stieler K. von. (Der Spate). Teutsche Secretariat-Kunst. Nurnberg: in Verlegung Johann Hoffmanns; Jena: durch Johann Nisien, 1681. 2037 S.
23. Stockhausen Jo.Ch. Briefe uber verschiedene Gelegenheiten und Vorfalle. Riga: Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1772. 256 S.
24. Stockhausen Jo.Ch. Grundsätze wohleingerichteter Briefe, nach den besten Mustern der Deutschen und Auslander; nebst beygefügtten Erläuterungen und Exmpeln. Helmstadt: Johann Friedrich Weygand, 1765. 442 S.

«ДАЛЬНЯЯ» ЭТИМОЛОГИЯ ДИАЛЕКТНЫХ ТЕРМИНОВ ПЧЕЛОВОДСТВА НА АЛТАЕ (ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОНД)

THE ALTAI REGION BEEKEEPING'S VOCABULARY FROM THE POINT OF VIEW OF ETYMOLOGICAL CONNECTIONS (THE PROTO-SLAVIC LEXICAL FUND)

M. Titova

Summary. The appearance of beekeeping formed a new layer of professional vocabulary in our region. This fragment demonstrates the connection of material culture and regional language especially bright. Beekeepers' lexis is mentioned in modern researches but it is not collected purposefully in other regions. The Altai region beekeeping's vocabulary is collected according to the specially worked out programme. The article presents the analysis of the Altai professional beekeepers' lexis in the cooperative aspect of language and culture. It also researches the lexical units of beekeeping from the point of view of etymological connections.

Keywords: Language and culture, beekeepers' lexis, etymological connections, history of the development of the Altai beekeeping, region vocabulary.

Титова Марина Владимировна

К.филол.н., ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

titova-marina80@rambler.ru

Аннотация. В статье представлен язык пчеловодства на Алтае, появление которого сформировало новый для региона пласт профессиональной лексики. Данный фрагмент особенно ярко демонстрирует связь материальной культуры и регионального языка. Лексика пчеловодства упоминается в современных исследованиях, но в других регионах не собирается целенаправленно. На Алтае лексика пчеловодства собрана по специально разработанной программе. В данной статье анализируется профессиональная лексика пчеловодов Алтая в аспекте взаимоотношения языка и культуры, а также исследуется состав лексики пчеловодства с точки зрения сферы употребления, ареальных и этимологических связей.

Ключевые слова: Язык и культура, лексика пчеловодства, этимологические связи, история развития пчеловодства на Алтае, региональный словарь.

В настоящее время исследование региональной лексики ведется в разных направлениях, но самым актуальным, на наш взгляд, на протяжении двадцати лет остается лингвокультурологический аспект, так как именно связь языка и региональной культуры ярко демонстрирует особенности каждой диалектной системы. «Язык является одним из наиболее достоверных источников характеристики интеллектуального, культурного и хозяйственного состояния той или иной эпохи, того или иного коллектива; язык является порой единственным орудием для воссоздания фактов истории культуры» [3, с. 3].

В диалектной системе Алтайского края не все тематические группы представлены одинаково: значимые для Алтайского края промысловые отрасли отражаются в самых многочисленных по лексическому составу группах, а виды деятельности, не имеющие широкого распространения среди населения, представлены только отдельными лексемами.

Алтайский край — один из самых пчеловодных регионов России, в котором число пчелосемей растет с каждым годом (в хозяйствах всех категорий содержится 172,5 тысячи семей медоносных пчел, по данным

на официальном сайте Алтайкрайстата, а алтайский мед давно стал брендом Алтая. С течением времени существенно меняется технологический процесс получения продуктов пчеловодства, поэтому все больше новых слов используют алтайские пчеловоды в повседневной речи для обозначения этапов медосбора, предметов инвентаря, болезней пчел и, особым образом, пород пчел. Лексика пчеловодства мало изучена целенаправленно (А. В. Кокойло, Т. Г. Иванова, М. В. Титова, Л. И. Шелепова и др.), поэтому ее представление с точки зрения связи языка и материальной культуры является востребованным и актуальным.

Специально разработанная программа сбора лексического материала позволяет нам при работе с пчеловодами-старожилами выявить не только максимальное количество значений каждого слова, но и зафиксировать наиболее показательный контекст, тем самым представить языковое окружение исследуемых единиц. В основу программы были положены принципы традиционного сбора диалектного материала, но с учетом методики создания лингвокультурологического комментария. Вслед за В. Воробьевым, мы считаем, что «объективная, полная и целостная интерпретация культуры народа требует соответствующего системного подхода

в ее описании». Следовательно, лингвокультурологию отличает «системное представление культуры народа в его языке», в их диалектическом взаимодействии и развитии, а также разработка понятийного ряда, который позволяет сформировать современное описание этого взаимодействия [1, с. 34].

Организация лингвокультурологического комментария в нашем исследовании опирается на следующую структуру представления языковой единицы. На первом этапе мы определяем лексическое значение зафиксированных единиц, используя в качестве источников толковые словари современного русского языка. Далее каждое слово проверяется на наличие тождественных или частично схожих значений во всех существующих словарях русских говоров. Если совпадений не найдено, лексика признается нами собственно алтайской и далее определяется ее происхождение с помощью историко-этимологических источников. «Дальняя» этимология слов, зафиксированных только на Алтае, является целью данного исследования, но достижение этой цели возможно только при детальном изучении взаимодействия языка и культуры.

Итак, на втором этапе анализа языковых единиц для выявления внеязыкового (культурного) плана привлекаются сведения о реалии из специальной литературы (так, источником для получения информации об особенностях и развитии пчеловодного дела стали справочники для пчеловодов и энциклопедии). Заключительным этапом является представление лексемы в языковом окружении: художественные тексты, фольклор и т.д. При таком исследовании диалектной лексики становится возможным полноценный историко-этимологический анализ.

Историко-этимологическое исследование диалектной лексики — одна из важнейших задач системного, комплексного, целевого изучения лексики русских говоров Сибири. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири решают А.Е. Аникин, М.Б. Матанцева, С.И. Ольгович, Л.Г. Панин, Б.Я. Шарифуллин и др. Обращается внимание на проблемы исследования как исконной, так и заимствованной лексики [2] При этом важной составной частью всестороннего историко-этимологического изучения русских говоров по праву признается анализ лексики праславянского происхождения. Задача восстановления праславянского наследия в лексике русских говоров Сибири решается с учетом состава и структуры ПЛФ (праславянского лексического фонда), куда включается и сибирская архаическая лексика. Реконструкция ПЛФ является частью реконструкции всей системы праславянского языка.

Среди диалектных терминов пчеловодства на Алтае праславянского происхождения оказалось возможным выделить две основных группы.

1. Слова, имеющие хотя бы в одном славянском языке (диалекте) соответствия, тождественные или близкие по структуре и семантике.

К таким словам относится лексема **борть** в первом значении «пустота в растущем дереве для роя пчел» (Локт.) и во втором значении «долбленный улей» (Шелаб., Н.— Обин.), зафиксирована во многих районах Алтая и имеет ряд соответствий в других славянских языках. По мнению ученых, слово **борть** восходит к праславянскому * b ъ r t ъ / * bъrtъ, ср.: словен. *brt* «дерево с пчелиной бортью», ст.— чеш. *brt* «борть; улей», чеш. *brt* «борть» (диал.), «отверстие, отделение в улье», диал. *brt'* «отделение в улье (числом от одного до трех)», словц. *brt* «отверстие в улье, через которое вылетают пчелы», польск. *barć* «борть с гнездом пчел (естественное или специально устроенное в стволе дерева в лесу отверстие для пчелиного роя, колода с выдолбленным отверстием для пчелиного роя), ст.— укр. *борть* «борть», укр. *борт* «борть», *борть* «борть, улей в дереве», диал. *борт'*, *бóрт'*, *борт* «большое боковое отверстие в колоде, служащее для осмотра пчел», «должея (крышка этого отверстия)», «полое пространство, выдолбленное в живом дереве для пчел», «полое пространство в колодочном улье», «дупло в дереве, в котором самостоятельно поселились дикие пчелы», «дикая семья, живущая в дупле», «место в лесу, где находятся ульи», ст.— блр. *борть*, блр. *борць* «борть». Обычно сближают с латинским *forare* «сверлить, дырывать», *foramen* «дыра, отверстие», принимая для слав. * b ъ r t ъ древнее знач. «(просверленное, выдолбленное) отверстие, углубление» [6, 3, с. 132–133].

Особый интерес представляет слово **должея**, зафиксированное на Алтае в значении «дверка улья» (У.— Кан., Корг.). Ср.: слов. *dolz* — «дощечка, закрывающая продольный разрез борти», сербохорват. *дужалица* — то же, чеш. *dluž* — «дощечка, закрывающая вход в улей», словц. *dlž*, польск. *dłużec*. По мнению М. Фасмера, возможно, связано чередованием с сербохорват. *длага* — «доска, используемая в качестве шины при костном переломе», чеш. *dlaha* «половица, лубок», польск. *dłożka* — «дощатый пол». Ср.: чеш. *dluž* — «дощечка, закрывающая улей», чеш. диал. *dlužt'* — «должея, дощечка, закрывающая улей сзади», укр. диал. *довж* «большое боковое отверстие в колодочном улье, служащее для наблюдения за пчелами, иногда — для выемки мёда», «крышка этого отверстия, должея», чеш. диал. *dužka* — «дощечка, закрывающая заднее отверстие в улье» [6, 5, с. 211–212]. Предполагается родство с ирл. *dлуigim* — «раскалываю», *dlug* — «щель». Кроме того, не исключена возможность родства основы *дълъзъ* с *долгий* [4, 1, с. 525]. Последнее предположение составители «Этимологического словаря славянских языков» считают несомненным [6, 5, с. 211–212].

Известное в Сибири слово **дымокур** также приобретает специальное значение «сосуд с дымящимися опилками, средство для отпугивания пчел, комаров» (У.—Калм., Н.—Пр.). Близкое по структуре и значению слово отмечается в чешском языке: *dymokury* «масса перегнившего мха и травы, которая легко воспламеняется». Сложение **дуть* и **куръ*, **kuriti*. [6, 5, с. 202–203].

Лексема **клещ** в значении «болезнь пчёл» представлена в контексте: «*Клеща никак не вылечишь, можно только уменьшить, это как колорадский жук вон на картошке*» (Егор., Бор.). Лексема восходит к праслав. **klěščь* Ср.: сербохорв. стар. *klěšum* «клещ», словен. *klešč* «клещ *Ixodes ricinus*», чеш. *klíšť* «клещ *Ixodes ricinus*», диал. *klešč* «деревянная дуга хомута», словацк. *klišť* «клещ *Ixodes ricinus*», в.—луж. *klěšč* «клещ (паразит домашних животных)», н.—луж. *klěšč* — то же, ст.—польск. *kleszcz* «вид паука», «клещ *Ixodes ricinus*», польск. *kleszcz* «клещ *Ixodes*», «паразит пчел *Gamasus gymnopterorum*», диал. *kleszcz* «клещ», «клешня рака», словин. *kl`eišč* «клещ *Ixodes ricinus*» [6, 10, с. 23]. Итак, значение *kleszcz* — «паразит пчел *Gamasus gymnopterorum*», отмеченное в польском языке, является тождественным значению *клещ* — «болезнь пчел», зафиксированному в алтайских говорах.

Названия пчел в разных языках и в говорах отличаются, но лексема **медовица**, зафиксированная на Алтае в значении «рабочая пчела» все же имеет одно соответствие. — *Та, которая мёд собирает — медовица, медовицы — это лётные пчёлы, рабочие* (Локт.). Данная лексема восходит к праслав. **medovica*, ср.: болг. *медовица* «растение *Holcus*, *H. lanatus*», сербохорв. *медовица* «напиток, медовая сыта; растение *Puccinia graminis*», чеш. *medovice* «медвяная роса», словц. *medovica* «нектар, выделяемый некоторыми растениями, медовый напиток», польск. *miodowica* «медвяная роса», словин. *modovica* «медвяная роса» [6, 18, с. 57]. Укр. диал. *мэдовица* «пчела, носящая мед» является близким по значению слову *медовица* — «рабочая пчела», зафиксированному в алтайских говорах.

Слово **облёт** встречается в значении «знакомство пчёл с медоносными угодьями». При сборе материала в Пospelихинском районе удалось записать контекст: «*Идет облёт, высматривают, разведчицы докладывают, где нектара больше, все пчёлы туда летят, чтобы большой взятки был*» (Посп.). Данное слово восходит к праслав. **obletь*. Ср.: словен. *oblèt*, чеш. *oblet* «облёт, полет по кругу», словц. *oblet* «облёт», польск. *oblot* (*pszczól*) «вылет пчел из улья», диал. *uoblot* «первый вылет пчел весной», блр. *аблёт* «облёт», диал. *аблёт* «первый вылет пчел; вылет матки для оплодотворения». «Этимологический словарь славянских языков» дает праслав. **obletь* как обратное именное образование

от глагола праслав. **obletěti*. Вместе с тем, отмечают составители словаря, обращает на себя внимание устойчивое употребление слова в качестве термина пчеловодства [6, 27, с. 240], как и в русских говорах Алтая.

2. Слова, тождественные лексическим единицам в других славянских языках по структуре, но различающиеся значением вследствие осуществления разного рода семантических процессов (сужение, расширение значений) и переносов (метафора, метонимия).

В эту группу входит слово **борода́**, *ы*, *ж*. Сидение пчел без дела, когда нет взятка. (Шелаб., Н.—Обин.). В укр. *борода*, ст.-слав. БРАДА, болг. *брада* «борода», «подбородок», сербохорват. *брада* «борода», «подбородок», чак. *brāďa* «борода», словен. *brada* «борода», «подбородок (без волос и бороды)», чеш. *brada* «борода», польск. *broda* «борода», каш. *barda* «борода», *broda* «борода», в.—луж. *broda* «борода», н.—луж. *broda* «борода», «усы», полаб. *broda* «подбородок, горло» [4, 1, с. 196], [6, 2, с. 197]. Праславянское **borda* архаичное образование, не анализируемое на славянской почве, но обладающее четкими соответствиями в ряде индоевропейских языков Европы. Особенно близки основы на — *ā* — лат. *barda*.

В русских говорах Алтая слово **бочка** встречается в сочетании *задняя бочка* и имеет значение «брюшко пчелиной матки» (У.—Кан., Тал.). Восходит к праслав. *b ъ чь k a*, ср.: болг. диал. *бóчка* «бочка», макед. диал. *бочка* «бочка», словен. *b á č k á* «кадка, чан», чеш. *b e č k a* «бочка», словц. *b o č k a* «бочка, кадка, чан», польск. *b e c z k a* «бочка», словин. *b ě ĭ č k a* «бочка», др.—русск. *бъчька*, *бочька* «бочка как мера вместимости», укр. *бочка* «бочка», блр. *бочка* «бочка» [6, 3, с. 108] Из индоевропейских соответствий обращают на себя внимание др.—исп. *bukr* и д.—в.—н. *búch*—«живот» [4, 1, с. 202], являющиеся близкими по значению «брюшко пчелиной матки», зафиксированному в русских говорах Алтая.

В русских говорах Алтая **всходить** — «появляться (о личинках пчел)» (У.—Кан., Тал.). Среди славянских соответствий встречаются слова, тождественные по форме, но различные по семантике: польск. *wschodzić*, чеш. *vzsházeti*, словацк. *vzcyodit'*, болг. *възхождам* — «идти вверх, подниматься» [5, 3, с. 205].

Слово **головка**, *и*, *ж*. «крышка улья». — *Под головку положок кладу, и влага не проходит, и теплее в домике* (Посп., Клеп.). Восходит к праслав. **golvьka* (ум. производное с суф.—*ъk*—от **golva*), ср.: сербохорв. *главак* «растение *Sorghum vulgare*», словен. *glávka* «широкая часть ложки», чеш. редк. *hlàvek* «подзатыльник», чеш. *hlavka* ум. к *hlava* «кочан», «шишка, коробочка, соцветие», словц. *hlávka* то же, в.—луж. *hłowka* «головка

льна», н.— луж. *glówka* «головка», полаб. *glǫfkǫ* «прялка», польск. *glówka* «головка», диал. *glówka, glówki* «женская конопля», словин. *glówka* «головастик» [6, 7, с. 11].

Особенно интересна лексема **дно** — «нижняя часть улья» (Шелаб., Н.— Обин.). Ср.: укр. *дно*, болг. *дно* «дно», также *дано, дбно* «нижняя часть ствола дерева», *дно* «ствол дерева», *дну* «дно сосуда», «ствол дерева», макед. *дно* «дно», сербохорв. *дно* «дно», *дано* «дно бочки», словен. *дно* «дно», «основание», «подошва», *дана* «дощечка дна бочки», ст.— чеш. *дно* «земельный участок», чеш. *дно* «дно», польск. *дно* «дно», в.— луж. *дно* «дно», н.— луж. *дно* «дно», русск.— цслав. *дно, дно, дно* «исподняя часть сосуда или какого — либоместилища» [4, 1, с. 519], [6, 5, с. 174–175]. Обычно объясняют праслав. **дно* от **дбно* из и.-е. **dhub(h)*, родственного **dheubh-* «долбить», «глубокий» [6, 5, с. 174–175]. Почти во всех славянских языках есть совпадения, тождественные лексической единице **дно** из русских говоров Алтая, но различающиеся значением вследствие осуществления разного рода семантических процессов.

Следующая единица — **домовина** в значении «улей». — *Домовину не перевозили, ставили и всё, это потом рамочные пошли, которые можно хоть куда транспортировать* (Локт.). Ср.: болг. стар. *домовина* «домашнее обзаведение», сербохорв. *домовина* «дом и двор, усадьба, имущество», словен. *domovina* «усадьба, дом и земельный участок», чеш. *domovina* «родина», словц. *domovina* то же, укр. *домовина* «гроб», блр. *дамавина* «гроб». Восходит к праслав. **domovina* (производное с суф.— *ina* от прилаг. **domovъ*) [6, 5, с. 70].

В русских говорах Алтая слово **дупло** обладает значением «отверстие в улье» (Локт.). В болг. *дупло* «дупло», *дупъл* «полый», сербохорв. *дупло* «дупло», словен. *duplo* «дупло в дереве» «яма, пещера», «углубление», польск. стар. *dziupło* «дупло, углубление, яма», диал. *dupło* «нора ласки» [6, 5, с. 159], укр. *дупло*, ст.— слав. ДОУПИНА, русск.— цслав. *дупель* «пустой, полый», из и.— е. **dhoup* — наряду с **dhoub* — «углубление, лощина» [4, 1, с. 554]. Производное с суффиксальным — I — от **dura*.

Предмет пасечного инвентаря обозначается лексемой **каток** в значении «приспособление для выравнивания рамки». — *Потом рамку надо катком уравнивать* (Егор., Бор.). *Бывают комбинированные катки, а у меня простой* (Локт.). Восходит к праслав. **katъkъ (jъ)* (производное с суф.— *къ* от **katati*), ср. блр. диал. *каток* «колесо телеги» [6, 9, с. 164].

Слово **крыша** — «верхняя часть улья». *Крышу сыму сейчас — посмотрим* (Егор., Бор.). Ср.: болг. *кришомъ* «тайно», макед. *кришум* «тайком, украдкой», сербохорв.

стар. *криши* «сокрытие, утайка; тайна», *кришом* «тайно, украдкой», укр. *криша* «кровля», блр. диал. *крыша* «крыша». Праслав. **kryša* — производное с суф.— *sja* (— *ša*) от глагола **kryti* [6, 13, с. 70].

Глагол **курить** в русских говорах Алтая зафиксирован в значении «отпугивать пчел дымарем во время сбора мёда» (Посп.). В ст.— слав. КОУРИТИ «дымиться, куриться», болг. *курна* «зажигаю», сербохорват. диал. *курити* «курить, поджигать, гореть», словен. *kuriti* «топить, отапливать» (**kurak -*), словц. *kuric* «разжигать, курить, чадить», в.— луж. *kuric* «курить, пылить, коптить», н.— луж. *kuris* «пылить, курить, дымить», польск. *k u r z y ć* «пылить, дымить, обкуривать, кадить» [Фасмер, 2, с. 325], [ЭССЯ, 13, с. 123]. Формально **kuriti* явилось производным на — *iti* от **kurъ*, а из и.-е. этимологических соответствий слав. **kuriti* решающим является родство с лит. *kurti* «топить, растапливать».

Слово **лесина** встречается в алтайских говорах в соч. *Лесина со пчелами* и в значении «дерево с дуплом, в котором живут дикие пчелы». *Бортничать не называли. Лесину со пчелами валить, здесь все больше: лесина со пчелами* (У.— Кан., Сан.). Восходит к праслав. **lěsina*, ср.: сербохорв. *Lesine* — название места в Сербии, в Валевоком округе, чеш. *lesina* «лесок, лес», словц. диал. *lesina*, *lesnatina* «покрытая лесом земля», польск. *lesina* «лес», диал. *lesina* «лес», блр. *лясіна* «сухостой», диал. *лясіна* «одно дерево, которое растет в лесу», *лесина* «лесина, бревно» [6, 14, с. 238].

Материк — «часть старого роя, искусственно разделенного на два». Контекст представлен так: *«Один материк. А второй — отводок. Ещѣ наклѣус есть, это маленький рой, ядро семьи с запасной маткой»* (Шелаб., Н.— Обин.). Ср.: болг. *материка* «богородская трава», укр. *материк* «подпочва, нетронутая земля под почвой», также «континент», блр. *мацярык* «материк», диал. «главный корень дерева» [6, 17, с. 239]. Восходит к праслав. **materikъ*.

В значении «улей с медом» зафиксирована единица **медовик**: *Я их обязательно на медовиков поставил* (У.— Кан., Тал.). Ср.: блр. диал. *мядавик* «медовый напиток» [ЭССЯ, 18, с. 57]. Восходит к праслав. **medovikъ* (производное с суф.— *ikъ* от прилаг. **medovъ*).

Слово **медуница**, зафиксированное на Алтае в значении «пчела», сопровождается контекстом: *«Вон медуница лежит. Пчелу медуницей зовут»* (Ребр., У.— Мос.). (У.— Кан.) Ср.: болг. *медуница* «растения *Salvia glutinosa*, *Lithospermum arvense*», диал. *медуница* «медовый хлеб», *медуница* «обрядовый свадебный хлеб», сербохорв. диал. *медуница* «невеста мягкого, кроткого нрава; овца желтоватой масти; растение *Holcus lanatus*», чеш.

medunice «растения *Melissa, Simphitum officinale*», также диал. *medunica*, словц. *medunica* «растение *Melittis*», также диал. *medonica*, в.— луж. *mědnica* «растение *Melissa*», ст.— польск. *miodunica, miedunica* «*Saccharum officinarum*» [6, 18, с. 60]. Восходит к праслав. **medunica*, производное с суф. *ica* от **medunъ*.

В необычном значении в русских говорах Алтая встречается слово **сеять** — «откладывать яйца (Локт.). Ср.: укр. *сіяти* «сеять», болг. *сея* «сеять», сербохорват. *сјјати* «сеять», словен. *sejati* «сеять», от праслав. **sěti* «сеять» [4, 3, с. 615].

Кроме слов, отнесенных нами к праславянскому лексическому фонду, в рассматриваемой лексической группе обнаруживается большое количество дериватов, образованных от праславянских основ по словообразовательным моделям русского языка. Такие производные лексемы можно разделить на две группы: 1) образованные по продуктивным словообразовательным моделям в русском языке (**бортина, дымовина, крестовина, зимовка, крышка, лежанка, ройка, задвижка, домик, медик, отводок, присадок, цедок**); 2) образованные по непродуктивным словообразовательным моделям (**пчельня, коровняк**).

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев, В. В. Лингвокультурология (теория и методы) / В. В. Воробьев. — М.: Изд-во ун-та дружбы народов, 1997. — 331 с.
2. Ольгович, С. И. Общеславянская лексика в говорах Среднего Приобья (к решению проблемы происхождения диалектной лексики) / С. И. Ольгович // Русские говоры Сибири. — Томск: Том. ун-т, 1979. — С. 42–48.
3. Сороколетов Ф. П. Очерки по русской диалектной лексикографии / Ф. П. Сороколетов, О. Д. Кузнецова. — Л.: Наука, 1987. — 230 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. — М.: Прогресс, 1986–1987.
5. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. — М.: Изд-во МГУ, 1963–1999. — Вып. 1–9.
6. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. — М.: Наука, 1974–2005. — Вып. 1–32.

© Титова Марина Владимировна (titova-marina80@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет"

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДМЭ-ЭРРАТИВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

WORD FORMATION POTENTIAL OF DME-ERRATIVE IN MODERN ENGLISH

T. Tsebrovskaya

Annotation

The article considers the distinguishing features of the DME-errative in respect to word formation. The main signs of the errative and its connection with the language game have been determined. On basis of analysis of one and a half thousand DME, the most productive ways of word formation of DME-errative have been identified. 12 models of productive affix word formation on the material of such Internet resources as Urban Dictionary and The Racial Slur Database have been defined, which confirms the derivational potential of the DME-errative.

Keywords: word formation, DME, DME-errative, the English language, affixation, affix word formation model, language game.

Цебровская Татьяна Александровна
ФГАОУ ВО

"Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского", г. Симферополь

Аннотация

В статье рассмотрены особенности ДМЭ-эрратива с точки зрения словообразования. Установлены основные признаки эрратива и его связь с языковой игрой. На основании анализа полутора тысяч ДМЭ выделены наиболее продуктивные способы словообразования ДМЭ-эрратива. Определены 12 моделей продуктивного аффиксального словообразования на материале таких Интернет-ресурсов как Urban Dictionary и The Racial Slur Database, что подтверждает словообразовательный потенциал ДМЭ-эрратива.

Ключевые слова:

Словообразование, ДМЭ. ДМЭ-эрратив, английский язык, аффиксация, аффиксальная словообразовательная модель, языковая игра.

Понятие эрратива [1] опирается на феномен языковой личности. Как отмечает профессор Л.М. Кольцова, в Интернет-дискурсе таятся опасности "для тех, кто не сформировался еще как личность, в том числе как личность языковая" [2, с. 57]. Проникновение эрратива в разговорную речь оказывает влияние на культуру речи в целом и формирование языковой личности, в частности. Подрастает поколение, для которого эрратив заменяет языковую и речевую нормы. Полагаем, что четвертым этапом эволюции эрратива станет формирование такой языковой личности, для которой эрратив заменит языковую и речевую нормы онлайн и офлайн в обиходно-бытовой сфере общения в устных и письменных коммуникациях.

Определяем *дерогативно маркированный этноним-эрратив* (далее – ДМЭ-эрратив) как сознательное орфографическое, орфоэпическое или графическое искажение нейтрального этнонима или ДМЭ продуцентом с целью оскорбления реципиента по этнорасовому признаку. Подобно арго, ДМЭ-эрративы часто отличаются узуальностью в обособленных сообществах, например, в Интернет-субкультуре. Исследование ДМЭ-эрративов требуют изучения словообразовательных и семантических механизмов их образования. Рассмотрение ДМЭ-эрративов, которые находятся на втором и третьем этапах эволюции, вызывает первостепенный интерес.

Мы проанализировали около полутора тысяч ДМЭ американского, британского, канадского и австралийского вариантов английского языка и отобрали методом сплошной выборки сто семь ДМЭ-эрративов из таких лексикографических Интернет-ресурсов как *The Racial Slur Database* [3] и *Urban Dictionary* [4].

Е.И. Литневская определяет, что в основе сознательного искажения лексемы лежит языковая игра [5, с. 209]: в ДМЭ *Geese* [3], обозначающем португальца присутствует игра слов *Portuguese* – "португальцы" и *geese* – "гуси"; *Catholic* ("католик") и *Cat-lick* [3] ("облизывающий кота") для обозначения ирландцев; *Gringo* [4] – пренебрежительно "англо-саксонец" и *griego* ("тарабарщина"); ДМЭ *Jewlet* [3] – еврейская девушка-подросток переключается с шекспировской героиней *Juliet* ("Джульетта").

Под языковой игрой понимаем "определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект" [6]. С опорой на "Стилистический энциклопедический словарь русского языка", полагаем, что эр-

ратив – это форма языковой игры, поскольку подобно языковой игре, эрратив

1. базируется на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур;

2. деструкция речевой нормы является осознанной и намеренной;

3. результатом деструкции становится экспрессивное значение (в случае с ДМЭ-эрративом, отрицательно маркированное);

4. вызывает стилистический эффект у реципиента речи, связанный с выражением в речи комических смыслов или с желанием создать "свежий, новый образ";

5. опирается на феномен языковой личности и соотносится со "способностью творчески использовать языковые знания" [6].

Относим к наиболее продуктивным способам словообразования ДМЭ-эрратива:

1. конечное усечение – 27,5 %:

◆ *Vike* – житель скандинавских стран [3]. Способ образования: конечное усечение с орфографическим искажением от *Viking* ("викинг");

2. усечение + аффиксация: 17,5 %:

◆ *I-Tie* – итальянец [4]. Способ словообразования: конечное усечение с графическим искажением от *Italian* ("итальянец") + диминутивный суффикс *-ie*;

3. словосложение с начальным, срединным и/или конечным усечением – 17,1 %:

◆ *Bananame* – в американском английском, выходец из стран Азии, в частности филиппинец, который увлекается японской поп-культурой и старается походить на японцев [3]. Способ образования: словосложение с конечным усечением от ДМЭ *Banana* (американец азиатского происхождения, утративший связь с культурным наследием предков) + орфографическое и орфоэпическое искажение с заменой гласной "i" (звук [i]) на "a" (дифтонг [eɪ]) от *anime* ("аниме");

4. чистая аффиксация – 12,7 %:

◆ *Nigess* – афроамериканка [4];

5. словосложение – 9,5 %:

◆ *Blacirish* – в американском английском, человек, рожденный от ирландско-афроамериканского союза. Способ образования: словосложение с орфографическим искажением с выпадением конечной согласной буквы "k" от *Black* ("чёрный") + *Irish* ("ирландец") [4];

6. срединное усечение – 8 %;

7. комбинированное начальное + конечное усечение – 4,7 %:

◆ *Blacantalianese* – на 1/3 афроамериканец, 1/3 итальянец и 1/3 азиат [4];

8. начальное усечение – 3 %.

Аффиксация подтвердила высокую продуктивность в качестве способа словообразования новых ДМЭ-эрративов – около трети (30, 2 %) от общего числа проанализированных лексических единиц. Зафиксировано, что

комбинированный тип словообразования "Усечение + аффиксация" (17,5 %) обладает наибольшей продуктивностью. Продуктивные аффиксальные словообразовательные модели с аффиксом *-y* определены как наиболее частотные:

◆ **Adj. + *-y* = N (ДМЭ-эрратив)**, например, *Sheeny* – еврей. ДМЭ образован орфографическим и орфоэпическим искажением от немецкого *schon* ("прекрасный") [3], которое торговцы, евреи немецкого происхождения, использовали для привлечения покупателей + диминутивный аффикс *-y*, например, *If you don't behave, we'll send you to a Sheeny* [4]. Таким образом, прилагательное, заимствованное из немецкого языка, оказало содействие в диверсификации этнонимов;

◆ **срединное усечение N + *-y* = N (ДМЭ-эрратив)**, например, *Ikey* – еврей [3]. Способ словообразования: срединное усечение с орфографическим и орфоэпическим искажением от *Isaac* ("Исаак") с заменой "c" на "k" и добавлением конечной "e" в ДМЭ-эрративе *Ike* + аффиксация *-y*;

◆ **конечное усечение N + *-y* = N (ДМЭ-эрратив)**, например, *Sawney* – шотландец [3]. Способ словообразования: усечение с орфографическим и орфоэпическим искажением от мужского антропонима *Alexander* + диминутивный аффикс *-y*;

◆ **Словосложение: срединное усечение N + *-y* + конечное усечение N = N (ДМЭ-эрратив)**, например, *Ikeymo* – еврей [3]. Способ словообразования: словосложение со срединным усечением и орфографическим и орфоэпическим искажением от *Isaac* ("Исаак") с заменой "c" на "k" и добавлением конечной "e" в ДМЭ-эрративе *Ike* + аффиксация *-y* + конечное усечение *Moses* ("Моисей").

Словообразовательные модели с аффиксом *-ie*:

◆ **N + *-ie* = N (ДМЭ-эрратив)**, например, *Chessie* – выходец из Чехии [3]. Способ образования: диминутивная аффиксация *-ie*, дополненная орфографическим и орфоэпическим искажением от *Czech* – "чех";

◆ **срединное усечение N + *-ie* = N (ДМЭ-эрратив)**, например, *Ikie* – еврей [3]. Способ словообразования: срединное усечение с орфографическим и орфоэпическим искажением от *Isaac* ("Исаак") с заменой "c" на "k" + аффиксация *-ie*;

◆ **конечное усечение N + *-ie* = N (ДМЭ-эрратив)**, например, *Shoobie* – в американском английском, турист из Канады [4]. ДМЭ вошел в употребление в начале XX века, поскольку во время пребывания на пляже канадские туристы клали свою обувь в коробки. ДМЭ до сих пор находится в употреблении. Способ словообразования: конечное усечение с орфографическим и орфоэпическим искажением от *shoobox* ("коробка для обуви") + диминутивный аффикс *-ie*.

Словообразовательные модели с иными аффиксами:

◆ **N + *-ess* = N (ДМЭ-эрратив)**, например, *Nigess* – в американском английском, женщина-афроамериканка.

Способ образования: орфографическое искажение с выпадением согласных букв "g" и "r" от ДМЭ *Nigger* + аффиксальная деривация *-ess*, которая указывает на женский род, например, *See that black guy over there? He used to be a Nigess!* [4];

◆ **Adj. + -ist = N (ДМЭ-эрратив)**, например, *Blacist* - в американском английском, афроамериканец-расист. Способ образования - аффиксальная деривация: орфографическое искажение с выпадением конечной согласной буквы "k" от *Black* ("чёрный") + аффикс *-ist*, например, *Don't you know he's Blacist?* [4];

◆ **срединное усечение N + -o = N (ДМЭ-эрратив)**, например, *Gypso* - цыган [3]. Способ образования: орфографическое и орфоэпическое искажение от *Gypsy* - "цыгане": 1) в британском варианте английского языка, цыгане и румынские цыгане; 2) египтянин. Способ словообразования: срединное усечение *Egyptian* ("египтянин") с орфографическим искажением путем удвоения согласной "p" + аффиксация *-o*;

◆ **словосложение: Mc- + N = N (ДМЭ-эрратив)**, например, *McSpic* - в американском английском, человек, родившийся от смешанного ирландско-испанского или ирландско-латиноамериканского союза [4]. Способ образования: словосложение от *Mc* (типичный для ирландских фамилий аффикс) + *Spic* (конечное усечение с орфографическим и орфоэпическим искажением от *Spiggoty*;

◆ **словосложение: Adj. + Conj. + начальное и конечное усечение N + -nese = N (ДМЭ-эрратив)**, например, *Blacantalianese* - в американском английском, человек,

имеющий на 1/3 афроамериканские, 1/3 итальянские и 1/3 азиатские корни. Способ словообразования: словосложение с орфографическим искажением *Black* ("чёрный") + союз *and* + начальное и конечное усечение от *Italian* ("итальянец") + аффикс *-nese*, указывающая на национальную принадлежность в таких существительных, как *Japanese* ("японец"), *Chinese* ("китаец") [4].

Среди аффиксальных деривационных искажений, орфографические и орфоэпические определены как наиболее частотные: *Chessie* [3] - чех, *Sheeny* - еврей [4].

Встречаются безаффиксальные деривационные искажения, комбинированные со словосложением и начальным/конечным усечением. Связываем такие отклонения с нарушением способа словообразования. Так, ДМЭ-эрратив *Yerd* [3], используемый в американском варианте английского языка для номинации латиноамериканцев, образован путем начального усечения с орфографическим искажением от *Spaniard*. ДМЭ-эрратив *AmeKoh* [3] для обозначения американцев, образован словосложением с конечным усечением первого элемента от *American* - "американец" + орфографическое искажение от японского существительного *ko* - "ребенок".

Таким образом, зафиксированные 12 продуктивных аффиксальных словообразовательных моделей доказывают, что ДМЭ-эрратив обладает значительным словообразовательным потенциалом, а также представляет интерес для дальнейших языковедческих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов, Г. Ч. "Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику" [Текст] / Г. Ч. Гусейнов. - 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (дата обращения : 01.06.2018).
2. Кольцова, Л. М. И нет у на иного достоянья... [Текст] / Л. М. Кольцова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. - 2008. - №4. - С. 54-60.
3. The Racial Slur Database - 2018 [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://www.rsd.org/> (дата обращения : 14.06.2018).
4. Urban Dictionary - 2018 [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения : 14.06.2018).
5. Литневская, Е. И. Антиорфография как лингвистический феномен и как письменная речевая субкультура [Текст] / Е. И. Литневская // Ярославский педагогический вестник. - 2010. - №4. - С. 208-212.
6. Языковая игра / Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст]. - М. : Флинта, Наука, 2003. - 696 с.

© Т.А. Цебровская, (tatyana.tsebrovskaya@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

"Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского", г. Симферополь

ВЛИЯНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ НА СОВРЕМЕННУЮ РУССКУЮ РЕЧЬ

Чан Май Ты

Аспирант, ФГБОУ ВО

Московский государственный

педагогический университет

INFLUENCE OF BORROWING ON MODERN RUSSIAN SPEECH

Tran Mai Chi

Annotation

Language is a reflection of a society that develops with changes in the political and economic situation, technological progress or social life. Borrowing is one of the components of the language processes, its replenishment, its diversity. This article discusses the impact of borrowing on modern Russian speech. The features of loadword in Russian language, extralinguistic and intralinguistic reasons for the entry of foreign words into Russian are analyzed, as well as the positive and negative aspects of their use. The need to preserve the purity of the language has been identified and justified.

Keywords: borrowing, loanwords, adaptation, extralinguistic reasons, intralinguistic reasons, purity of language.

Аннотация

Язык является отражением общества, которое развивается с изменениями в политическом и экономическом положении, технологическом прогрессе или общественной жизни. Заимствование – одно из составляющих процессов языка, его пополнения, его многообразия. В данной статье рассмотрены вопросы влияния заимствования на современную русскую речь. Проанализированы характерные особенности заимствованных слов, внеязыковые и внутриязыковые причины вхождения иноязычных слов в русский язык, а также положительная и отрицательная стороны их использования. Выявлена и обоснована необходимость сохранения чистоты языка.

Ключевые слова:

Заимствование, заимствованные слова, адаптация, внеязыковые причины, внутриязыковые причины, чистота языка.

Русский язык как единый национальный язык русской нации имеет долгую историю развития. Процесс интеграции и развития неизбежно приводит к взаимодействию между культурами, между языками. Это распространенное явление, что русский язык не является исключением. Заимствования считаются одним из важнейших факторов развития любого языка. Это процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой. Заимствования увеличивают запас слов, обогащают его. При помощи заимствования образуются новые корни, новые аффиксы, точные термины.

Вообще говоря, заимствование – это неотъемлемый процесс формирования, изменения и развития языка, в результате которого в языке появляется и закрепляется новые иноязычные единицы. Заимствование слов иноязычного происхождения является одним из главных путей пополнения и развития словарного состава любого языка, в которых проявляются факты народных отношений, а также общественно-политические, экономические и культурные связи между языковыми коллективами.

Причины лексического заимствования чрезвычайно разные. Интерес к этой проблеме обнаружен в ряд трудов таких исследователей, как Н. С. Авилова, С. А. Беляева, Е. В. Маринова, А. А. Новикова, Л. П. Крысин, З. И. Ломакина, А. К. Миртов, Н. М. Шанский. Ниже попыта-

юсь сделать обзорную классификацию причин лексического заимствования на основе исследований Л. П. Крысина, А. И. Дьякова и Е. В. Маринова, которые выделяют внеязыковые (внешние) и внутриязыковые (внутренние) причины.

Многие лингвисты считают, что основной причиной заимствования являются исторические связи народов (В. В. Виноградов, М. П. Алексеев). Большой вклад в дело изучения исторических, литературных и лингвистических связей России с Англией внес М. П. Алексеев. Еще в 1944 г. ученый выдвинул проблему изучения англо-русских контактов. На огромном фактическом материале он показал картину распространения английского языка в России и русского в Англии, начиная с XVI века. Как известно, с XVI века до наших дней из английского языка в русский пришло много слов, связанных с морским и военным делом (*аврал, лоцман, фарватер, вельбот, пакетбот, барка, баржа*), наукой и техникой (*модем, принтер, интерфейс, драйвер*), общественно-политической жизнью (*виги, тори, спикер, саммит, брифинг*), финансами и торговлей (*шиллинг, пенс, фунт, консалтинг, холдинг*), спортом (*футбол, гейм, сет, голкипер, финиш, спорт, спортсмен, волейбол, крокет, покер, хоккей, жокей*), литературой (*стиль, тип, детектив, драма, сюжет*), искусством (*опера, пианино, студия, кино, дефиле, кутюрье*) и предметами быта (*желе, тостер, йогурт, мюсли, скотч*).

В конце XX – начале XXI вв. английские заимствования приходят из других сфер, например моды (*дизайн, джинсы, боди, свитер, худи*).

Тесные отношения между носителями языков в различных сферах (политической, экономической, образовательной, научно-технической, ...), после чего в принимающем языке происходит заимствование слова вместе с заимствованием вещи или понятия (например: *компьютер, телефон, катриж, салют, интерференция, саммит*...). Известно, что состояние отношений между странами проявляется в процессе заимствования слов.

В современном мире влияние культуры одного народа на культуру другого является одним из главных причин лексического заимствования. Нетрудно заметить, что идеализация американского жизненного уровня становится популярным трендом в России, и стремление к так называемой "американской жизни" считается мечтой многих молодых людей, что приводит к заимствованию и употреблению таких слов, как *шоп (магазин), байк (велосипед), консалтинг (консультирование)* и др. Заимствование слов чаще всего связано с расширением международных контактов, становлением рыночных отношений, появлением в широкой продаже иностранных товаров, необходимостью выражения новых понятий в области общественных отношений или идеологии, введение новых форм, учреждений, должностей и т.п.

Вместе с вышеуказанными внешними (внеязыковыми) причинами существуют ряд внутренних (внутриязыковых) причин.

Во-первых, это потребность в наименовании новых вещей, явлений и понятий, когда в русском языке отсутствует эквивалентный вариант. Очень легко показать заимствованные слова во многих разных тематических группах, таких как: экономика (*инфляция, экспорт, импорт, темп*), денежные единицы (*доллар, евро, франк, песо, кип*), блюда (*бургер, шоколад, суп, спагетти, салат, сосиски*), напитки (*алкоголь, коктейль, молоко, пиво*), виды спорта (*фрис-тайл, баскетбол, футбол, бокс, хоккей, скелетон, гандбол*).

Во-вторых, необходимость разграничить содержание близко, но все же различающиеся понятия. Например: геймер – профессиональный игрок в компьютерные игры; погамер – человек, способный играть в компьютерные игры с утра до ночи; лизинг – арендная сдача с выкупом по мере дохода; папарацци – назойливые репортеры светской хроники.

Третьей причиной является необходимость специализации понятий в той или иной сфере. Например: *менеджмент* - управление, *экспорт* - вывоз, *киллер* - убийца, *менеджер* - спонсор, *аудит* - контроль, ревизия.

Существует тенденция к использованию одного заимствованного слова вместо описательного оборота, т. е. стремление к краткости. Крысин отметил, что "заимство-

вание – один из путей замены двучленного наименования одночленным"; поэтому, вероятно, можно утверждать, что иноязычное слово предпочитается исконному описательному обороту, если оба они служат наименованиями нерасчлененного понятия. [3, С:30]. Здесь можно привести следующие примеры: *снайпер* - вместо "меткий стрелок", *мотель* - вместо "гостиница для автотуристов", *оранжад* - вместо "прохладительный напиток с апельсиновым соком", *саммит* - вместо "встреча в верхах" и т.п.

Вместе с этим, широко распространена тенденция к образованию структурно аналогичных слов или наличие класса слов, структурно однотипных с воспринимаемой лексической единицей: В современном русском языке существует заимствованные слова английского происхождения, которые имеют общий суффикс *-мен* для выражения лица: *спортсмен, бизнесмен, бармен, рекордмен, супермен, клубмен и т.д.* Также можно показать аналогичные ситуации с другими общими элементами: *-бол (футбол, баскетбол, волейбол, гандбол, бейсбол, мотобол); -мейкер (имиджмейкер, ньюсмейкер, клипмейкер); -тинг (митинг, консалтинг, маркетинг, рейтинг); -мент (департамент, импичмент, девелопмент).*

В настоящее время люди стремятся к стильному слову. По сравнению с известными всем исконно русскими словами иностранные слова звучат более своеобразно и модно: "*эсклюзивный*" лучше, чем "*исключительный*", "*топ-модели*" шикарнее, чем "*лучшие модели*", "*презентация*" выглядит более респектабельно, чем привычное русское "*представление*". Нужно отметить, что при вхождении в русский язык иностранное слово может потерять одно или некоторые исходные значения и приносит в принимающий язык видоизмененные значения. Например, слово *презентация* понимается "торжественное представление фильма, книги"; слово *слаксы* не просто обозначает "широкие брюки", а "непременно модные широкие брюки"; *бутик* не "маленькая лавочка", а "элитный салон".

В данном разделе также хотелось бы привести примеры (фактически выдержки из газетных статей), которые иллюстрируют избыточное или неправильное употребление тех или иных иноязычных слов и, тем самым, затрудняют понимание.

1. "...*Рейтинг четыре уикенда подряд возглавляет марвеловский кинокомикс "Черная пантера", успевший за это время заработать в мировом прокате миллиард долларов.*" [1]
рейтинг (от англ. rating - позиция)
уикенд (от англ. weekend - суббота и воскресенье)
кинокомикс (от англ. comic - смешной, юмористический)
Черная пантера (от англ. Black Panther - имя собственное героя в фильме)

2. "*Отмечается, что целью виртуальной атаки могут стать сайты правительства, а также распространяющие фейковые новости ресурсы.*" [7]

виртуальный (от англ. virtual – возможный, условный, кажущийся)

сайт (от англ. site – Отдельный документ в Интернете, содержащий текст, графику, звук и т. п.)

Фейковый (от англ. fake – не настоящий, неофициальный)

3. *"Успешность образа повлекла за собой и своеобразный спин-офф Гробовщика."* [8]

спин-офф (от англ. spin-off – побочный продукт, ответвление) – художественное произведение.

Следует заметить, что заимствования имеют и положительную и отрицательную стороны. Что касается положительной стороны, то заимствованные слова помогают назвать вещи, явления или термины, эквивалентов которых в русском языке не существовало. Это может быть словами, связанными с компьютерной техникой IT-технологиями (*файл, компьютер, байт*); названиями некоторых видов спорта (*футбол, баскетбол, бадминтон*); экономическими терминами (*инфляция, рекорд*); или словами *шоколад, интернет, телефон, пальто, кофе* и многими другими, которых в русском языке не было. Эти вещи вошли в мир русских, и слова, их обозначающие, появились в языке.

Тем не менее, русские все чаще употребляются слова из иностранных языков, имеющие эквивалент и в их языке в качестве синонима для определения того или иного понятия, при том, что русские слова, определяющие это понятие, уже имеются в наличии. Можно привести следующие слова как примеры: *сити* вместо *город*, *менеджер* вместо *управляющий*, *лайк* вместо *нравиться*, *хауз* вместо *дом*. Большая часть социальных сетей – не российских разработчиков, за исключением "VK". И то, даже пусть и написано "*Нравится*", но используем и говорим мы "*Лайк*" (с англ. like – *нравится*).

Культурная и общественная интерференция требует изменения языка для удовлетворения новых коммуникативных потребностей. Вместе с обменом, интеграцией культур в русском языке постепенно формируются новые языковые явления. Новые слова, новые выражения формируются для добавления понятий, которые ранее не были доступны на русском языке, например, в области информационных технологий, политики... В то же время многие негативные явления также проникают разными способами речи или написания.

Здесь возникают вопросы о чистоте языка: Нужны ли иноязычные слова, когда в русском языке есть однозначные? Насколько необходима заимствованная лексика? Можно ли регулировать процесс заимствования? Надо ли бороться со иноязычными словами, которые считаются излишними, избыточными, ненужными?

Конечно же, нельзя совершенно отказаться от заимствований в языке, но на огромное количество их в русском языке стоит обратить серьезное внимание. Ученые-филологи утверждают, что ежедневно в русский язык вливается по 6–7 иностранных слов.

Надо подчеркнуть, что не сам по себе процесс заимствования иностранных слов опасен, а частота использования заимствований молодыми русскими постепенно вытесняет чистую русскую речь.

Для того, чтобы этот процесс не был вредным, необходимо, прежде всего, иметь сознание сохранять чистоту русского языка и восстановить традиции русской речевой культуры. Уметь грамотно, красиво, четко и ясно говорить и писать обязан любой человек. Вместе с этим надо запомнить правильное значение и уместность использования заимствований, чтобы они не стали неоправданными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власти Британии рассматривают кибератаку как возможный ответ на отпавление Скрипаля. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2018/03/13/n_11276425.shtml (дата обращения: 13.03.2018).
2. Дьяков А.И. Словарь англицизмов русского языка. <http://anglicismdictionary.dishman.ru/>
3. Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. –М.: Языки славянской культуры, 2004. – 889 с.
4. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. – М., 2008. – 208 с.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: РЯ, 1998. – 848 с.
6. Маринова, Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 296 с.
7. Макс Степанов. Худей правильно. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2018/03/12/a_11679505.shtml (дата обращения: 12.03.2018).
8. Николай К. Крипота по-американски [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2018/03/11/wrestling_gimmick/ (дата обращения: 11.03.2018).
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4 изд. – М., 2016. – 946с.

ВОСПРИЯТИЕ ОБЩЕСТВОМ НЕМЕЦКИХ ИМЁН-ОБОЗНАЧЕНИЙ

Чулпанова Алсу Альфировна
Аспирант, ФГБОУ ВО "Башкирский
государственный педагогический
университет им. М.Акмиллы"

SOCIETY'S PERCEPTION OF GERMAN NAMES

A. Chulpanova

Annotation

Regularly, the society offers some options of ridicule or pejorative over other people. This phenomenon depends on the external and internal characteristics, type of activity, age, etc. Communicative processes of naming a given language means are more focused on what is called, rather than on the name, i.e. the use of these words corresponds to the subjective behavior of the called person. We consider the cases when names are gender-marked for both sexes, some of them are inherent only in the female or male sex, while emotional coloring and mockery remain. Frequently encountered parties for mockery of a male are laziness, stupidity, uncertainty, weakness, greed, poverty, external errors.

Keywords: names-designations, gender marking, mockery.

Аннотация

Регулярно обществом предлагаются какие-либо варианты насмешки или уничижительности над другими людьми. Данное явление зависит от внешней и внутренней характеристики, рода деятельности, возраста и т.д. Коммуникативные процессы наименования данного языкового средства больше сосредоточены на называемого, а не на называющего, т.е. использование этих слов соответствует субъективному образу поведения называемого человека. Рассматриваются те случаи, когда имена-обозначения гендерно маркированы для обоих полов, некоторые из них присуще только женскому или мужскому полу, при этом сохраняются эмоциональная окраска, насмешливость. Часто встречающиеся стороны для высмеивания мужского пола являются лень, глупость, неуверенность, слабость, жадность, бедность, внешние погрешности.

Ключевые слова:

Имена-обозначения, гендерная маркированность, насмешка.

В древние времена считалось, что мужчина должен обладать такими личностными качествами, как: сила, храбрость, опора. В античном мире женщина – всякий раз ключ искушений. Японская пословица говорит: "Красавица – это меч, разрубающий жизнь". Согласно изречениям древнееврейского мудреца Екклесиаста, женщина – это как некий инструмент, который может окутать оковами.

Стоит отметить, в доктрине философы присваивают строго конкретные свойства как мужскому, например и женскому началам. В случае если 1-ое является оптимальным, то 2-ое – эмоциональным. Но на практике обстановка была далека от современной, и интересами, воззрением дамской пятидесяти процентов населения земли никто не интересовался. Практически женский пол не имел практически никаких прав. Они не имели возможность принимать участие в выборах, получать воспитание, обладать имуществом и т.д. В обществе царствовал строжайший патриархат, а роль дамы была второстепенной. Ее оценивали, как инструмент для продолжения семейства, при этом благоверная являлась собственностью супруга [Воронина 2001: 101].

Конкретные денотаты при этом содержат как прагма-

тическую ценность(насмешку), так и уничижительность. В качестве примера представлены несколько обозначений с денотатом "Ежедневное занятие": *Buchermurm* – книжный червь, *Kaffeetante* – пожилая женщина, *Nachtschwärmer* – бродяга, *Sonnenanbeter* – солнцепоклонник, *Klugschwätzer* – умник, *Gotzendiener* – идолопоклонник, *Meckerliese* – брюзга [Henpe 1986:57].

Каждодневное действие, любимое занятие окружающих людей комментируются во всех вариациях, частично в шутливой, частично в уничижительной форме. К действиям пожилой женщины, книжного червя относятся с пониманием, если смеются над этим или веселятся; однако достаточно критично относятся к действиям умников, идолопоклонников.

Далее рассматривается вопрос, какие денотативные признаки человека в немецком языке представлены комментариями в шутливой и уничижительной форме. Иначе говоря, какие свойства и действия человека осмеиваются, а какие критикуются? Ниже представлена таблица-обзор, где часто встречается значение шутки.

Далее рассматриваются примеры по отдельным областям денотатов:

Таблица 1.

Денотативные признаки	Примеры с коннотацией	Количество
Ежедневное занятие	<i>Reiseonkel</i> - Зядлый путешественник	44
Профессиональная деятельность	<i>Kulissenschieber</i> - Рабочий сцены	42
Фамильярное отношение	<i>Ehehalfte</i> - дражайшая супруг(а)	36
Заметные свойства	<i>Sclaufuchs</i> - хитрый как лиса	22
Отношения между мужчиной и женщиной	<i>Angebetete</i> -возлюбленная	20
Внешний вид	<i>Posaunenengel</i> -ангел, трубящий в рог	16
Ребячье поведение / Ребячество	<i>Nacktfrosch</i> -голыш	15
Женщина/женское начало	<i>Eva</i> -Ева	9
Мужчина/мужское начало	<i>Adam</i> -Адам	8
Возраст	<i>Oldie</i> -старик	7
Собирательное значение: группа/общество/ количество	<i>reifereJugend</i> -Зрелый подросток	7

Обыденная (непрофессиональная) деятельность:

Kaffeetante – пожилая женщина, *Kampfhahn*–драчун, *Kilometerfresser* – шофёр, *Mitesser* – сотрапезник, *Morgenmuffel* – человек, просыпающийся с дурным настроением, *Nachtschwärmer* - ночная гуляка, *Topfgucker* – тот, кто всюду суёт свой нос.

Профессиональная деятельность:

Himmelsgucker - астроном, *Holzworm* - столяр, *Klingelfee* - телефонщица, *Pillendreher* - аптекарь, *Wetterprophet* - метеоролог, *Süßwassermatrose*, *Binnenschiffer* - неопытный моряк.

Фамильярное отношение:

Erbonkel - богатый дядюшка, *Gatterich* - супруг, *alteHerrschaften* - родители, *Junior* - сын, *Strohwitwe* - соломенная вдова (жена, которая живёт без мужа, временно куда-н. уехавшего).

Заметные качества:

Frechdachs - бесстыдник, *Gerneklug* - всезнайка, *Phlegmatikus* - тяжёлый на подъём, *Schlauberger* - хитрец.

Отношение между мужчиной и женщиной:

Angebetete - возлюбленная, *Hausfreund* - любовник хозяйки дома, *Kurschatten* - курортный любовник

Внешность:

Dickbauch - пузан, *Koloß* – гигант, *Mondgesicht* - круглое лицо, *Walküre* - валькирия (статная женщина).

Женщина/Женское:

Eva - Ева (типичная представительница женской половины), *blondesGift* - очаровательная блондинка, *Madamchen* - госпожа, мадам (молодая девушка).

Мужчина/Мужское:

Adam - Адам (типичный представитель мужской половины), *Einspanner* - мизантроп, человеконенавистник, холостяк, *Junggeselle*- холостяк, *Herrchen* – фертик, мужчина, *dieHerrenderSchopfung* – венец творения.

Возраст:

Mittelalter - люди средних лет, *Oldtimer* - пожилой человек, *Oldie* - человек, относящийся к пожилой генерации, *alteresSemester* - старик.

Собирательные слова:

Daszarte, *schwache*, *schoneGeschlecht* - прекрасная половина (о женщинах), *diereifereJugend* - зрелый подросток, *Gemuse* - молодежь.

Во многих рассматриваемых примерах отмечается тенденция критичности. Юмор, шутка, сатира и остроумное замечание преобладают в текстах и ситуациях. Они являются особенными выборками речевого акта; которые обуславливаются взаимосвязанным с ними смыслом и регулируют выбор лексики, тем самым обогащая состав имен-обозначений и их стилистическую ценность [Базылова 2011: 19].

Совсем иначе дело обстоит с уничижительными обозначениями людей как с рассмотрения количества, так и коннотационных признаков. При анализе примеров встречается большое количество критических признаков и свойств. Особенно чётко подчёркивается критичность в немецком языке. Однако уничижительные слова образуют большую группу стилистически маркированных обозначений людей: к данному виду относится каждое третье слово. Данный интерес вызывает вопрос о том, на чем основывается данная языковая критичность [Henne

1995: 67]. В этой связи отмечается аргумент того, что здесь речь идет о функции ситуационного текста, нежели лексикой. Слова, в особенности слова-обозначения лица, являются тем не менее важными элементами, необходимыми деталями критического выражения. Ниже приведен ряд признаков и свойств, которые оцениваются отрицательно:

Уничижительные свойства:

Лень:

Faulenzer - ленивец, *Faultier* - лодырь, *Pflastertreter* - лентяй.

Медлительность:

Schlafmutze - мямля, *Trodler* - копун, *Trodelfritz* - копуша, *Trodelliese* - копунья.

Скукота:

Langweiler - зануда, *Nuler* - нытик, *Stockfisch* - тупица, *TrubeTasse* - мутный человек.

Слабость/бессильный:

Schwachling - хлюпик, *Weichling* - неженка, *Hampelmann* - кривляка.

Трусость:

Feigling - трус, *Duckmauser* - нытик, *Jammerlappen* - плакса, *Waschlappen* - тряпка.

Несамостоятельность:

Herdenmensch - стадное животное (о человеке), *Masse* - толпа, *Trabant* - приспешник, *Nachbeter* - человек, не имеющий своего мнения.

Неряшливость:

Taps - недотёпа, *Lackel* - балбес, *Tolpel* - болван, *Umstandskramer* - щепетильный человек, *Trampeltier* - ува-лень.

Неопытность:

Milchgesicht - юнец, *Gans* - дурочка, *Gimpel* - простофиля.

Неграмотность:

Halbgebildete - недоучка, *Kleinrentner* - убогий, *Primitivling* - примитивный человек, *Plebs* - чернь.

Лесть:

Schmuser, *Flaumstreicher* - лстец, *Schweifwedler* - лебеза, *Sußmaul*, *Sußling*, *Jasager* - подхалим, *Liebediener* - человекоугодник.

Лицемерие:

Schleicher - проныра, *Schleimer*, *Stiefellecker* - подлиза, *Schleimscheißer* - подлипала, *Schranze* - побегушка.

Скрытность:

Geheimniskramer, *Geheimnistuer* - человек, делающий из всего тайну, *Heimlichtuer*, *Klamheimler* - скрытый человек, *Schnuffler* - частный сыщик, *Aufpasser* - шпион.

Педантичность:

Pedant - педант, мелочный человек, *Beckmesser* - критикан, *Schreiberseele* - писака, канцелярская крыса, *Korinthenkacker* - ковыряла, педант, *Paragraphenreiter* - педант, *Umstandskramer* - щепетильный человек, *Prinzipienreiter* - буквоед.

Хитрость:

Haarspalter - казуист (изворотливый человек), *Sophist* - софист, *Hofrat* - надворный советник, *Rabulist* - кляузник, *Rechtsverdreher* - лицо, прикрывающее законом незаконное действие.

Таким образом, насмешка и уничижительность рассматриваются неравноценно. Уничижительность имеет оттенок презрения или пренебрежения, часто сочетается с уменьшительностью. Насмешка – ироничное отношение, одновременно указывает на недостатки человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылова Л.А. Разговорные варианты в современном немецком языке // Социальные варианты языка – VII. Материалы международной научной конференции 14–15 апреля 2011 года. Нижний Новгород, 2011. С.19–22.
2. Воронина О.А. Основы гендерной теории и методологии // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций / под общ.ред. О.А. Ворониной. М.: МЦГИ – МВШСЭН–МФФ, 2001. С. 101–105.
3. Fleischer, Wolfgang/Barz, Irmhild: Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen 1992. 181 S.
4. Henne, Helmut Wort und Wortschatz. In: Duden Die Grammatik. Hrsg. von G. Drosdowski. Mannheim/Leipzig/Wien/Zurich 1995. 161S.
5. Henne, Helmut: Jugend und ihre Sprache. Berlin/New York 1986. 399 S.
6. Kupper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 1. Aufl., 4. Nachdr. Stuttgart: Klett, 1990. 959 S.
7. Wörterbuch der Jugendsprache. Mit 1500 Einträgen aus Deutschland, Österreich und der Schweiz. Stuttgart: PONS GmbH, 2010. 139 S.

ИМЕЕТ ЛИ МЕСТО МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ В ЛЕЗГИНСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ?

MORPHOLOGICAL TRANSPOSITION IN THE LEZGIN AND GERMAN LANGUAGES: WHETHER IT TAKES PLACE OR NOT?

Z. Shamilova

Annotation

In the presented article the author rises the question regarding the status of the verbal units in the function of participles. The main goal of the article is to find out whether these units might be applied to total transposits. In the Lezgin and German languages participles are be regarded as the most controversial verbal forms. The question regarding definition of the participles status in the languages under discussion stated opened for a long time. It has been found out that the participles of these languages cannot be taken as total transposits i.e. there are no affixes of morphological derivation within these verbal forms acting in the function of participles.

Keywords: participle, transposits, Lezgin language, German language, participles, category, morpheme, morphologic derivation.

Шамилова Заира Мехтиевна

Соискатель,

Дагестанский Научный Центр РАН,
Махачкала, ЧУ ДО "Академия Анжи"

Аннотация

В представленной статье автор поднимает вопрос о статусе глагольных единиц, выполняющих функции причастия в лезгинском и немецком языках. Целью данной статьи является выяснение факта, возможно ли отнести рассматриваемые единицы к полным транспозитам, т.е. имеет ли место полная транспозиция в изучаемых языках. Причастия в современной лингвистике лезгинского и немецкого языков представляют собой наиболее дискуссионные отглагольные образования. Вопрос о дефиниции статуса причастий в рассматриваемых языках продолжительное время оставался открытым. Было выявлено, что причастия изучаемых языков не являются транспозитами, т.е. в причастиях этих языков отсутствуют аффиксов морфологической деривации, транспонирующих глагол в причастие.

Ключевые слова:

Транспозиты, лезгинский язык, немецкий язык, причастие, категория, морфема, морфологическая деривация.

Причастие, будучи уникальным образованием грамматической системы всех языков, обладающим свойствами глагола и прилагательного, полностью все еще не раскрыто.

В грамматических описаниях лезгинского языка интерпретация причастий весьма неоднозначна.

Известно, что категория залога, характерная для глаголов русского языка, также не нашла своего выражения в лезгинском языке. Т.е. лезгинские причастия могут быть использованы как в роли атрибутивного признака объекта, так и субъекта, и не имеют оттенков действительных (*написа-ви-ий - это тот, кто написал*) или страдательных (*написан-н-ое - это то, что написали*) причастий: *лугьузва-й / лагьа-й гаф* 'сказываемое / сказанное слово' и *лугьузва-й / лагьа-й кас* 'говорящий / сказавший человек', как и не имеют морфем, способных адъективировать лезгинский глагол в причастие, т.е. нет специальных суффиксов причастий [Керимов 2002: 95].

Как мы знаем, адъективация русского глагола в причастие морфологически маркирована. Принятие таких форм, как: *лугьун* 'говорить / сказать' – *лугьу-р* 'который

будет, может говорить / что будут, можно говорить', *фин* 'идти / пойти' – *фи-р* 'который пойдёт / может, способен идти' и тд. в качестве причастий лезгинского языка означало бы, что суффиксы *-й* и *-р*, формирующие причастие, наделены тем же функционалом, что и причастия русского языка. Веский аргумент против такой интерпретации был приведен К.Р. Керимовым [там же], согласно которому использование этих форм в роли финитных (в этих случаях суффикс *-й* разводит момент речи и время ситуации) свидетельствует о том, что в этих формах отсутствует полностью морфологическая транспозиция лезгинского глагола в причастие.

Мы не можем определить формы глагола, функционирующие в качестве причастия в лезгинском языке, как адъективы в полном смысле слова. Для качественно-действенного определения эти формы 'прибегают' к аффиксу *-й*, а значит ни на современном этапе развития языка, ни в его праязыковые периоды рассматриваемые формы не нуждались специальных морфологических средствах для того, чтобы адъективировать глагол в причастие. Подобная трактовка была впервые представлена К.Р. Керимовым в книге "Контрастная аспектология лезгинского и русского языков" (2002 г.).

Согласно К.Р. Керимову [Керимов 2002: 98], именно синтаксическая позиция влияет на восприятие этих форм в качестве адъективов. Тот факт, что эти формы можно использовать как в функции индикатива, так и причастия, говорит о том, что аффикс *-й* не адъективирует глагол в причастие (например, как суффикс *-ащ/ящ-* в русском языке). Функция этого аффикса сводится к тому, чтобы соотносить в синтаксическом плане содержание словоформы с различными частями контекста.

Перспективу для решения проблемы относительно потенциала суффикса *-й* открывают работы К.Р. Керимова. Весьма полезными для нас оказались результаты исследования, проведенные им в [Керимов 2002: 33], согласно которым он полагает, что рассматриваемый суффикс *-й* может присоединяться к различным формам глагола. А именно: к (1) аористу (*кхъе-на-й*), (2) перфекту (*кхъе-н-ва-й*), (3) настоящему (*кхъи-з-ва-й*), (4) настоящему продолженному (*кхъи-з-ма-й*), (5) перфекту продолженному (*кса-н-ма-й* < *кса-н-ма* 'продолжает спать'), и к (6) будущему (*кхъи-да-й*). В этих формах аффикс *-й* соединяет действие, которое выражается глагольной формой, с компонентами текста. В составе причастий и прилагательных наглядно демонстрируется дейктическая функция аффикса *-й*: *ата-й мугъман* 'пришедший гость' (здесь мы видим соотношение определения с определяемым словом).

В исследовании лезгинского языка бытует мнение, согласно которому все современные лезгинские причастные формы, совпадающие с соответствующими формами индикатива, едва ли можно признать причастиями в традиционном понимании, поскольку восприятие их в качестве адъективов полностью обусловлено синтаксической позицией. Этой позиции придерживается К.Р. Керимов в [Керимов 2002: 98]: "Возможность употребления их в функциях, свойственных и индикативам, и причастиям, свидетельствует о том, что аффикс *-й* не является морфемой, адъективирующей глагол. Его роль заключается лишь в синтаксическом соотношении содержания словоформы, к которой он присоединяется, с различными компонентами контекста". Аффикс *-й* оформляет глагольные формы и в функциях причастий, и в функциях так называемых деепричастий (форм временного подчинения):

Зун бубади ваз тагайтIа, зи тIвар алай сунна гъваш, яр (Фаталиев) 'Если меня отец не выдаст за тебя, то женись, любимый, на моей тезке';

Вуж хъуй ама лагъайди, вун дахъайла (Эмин) 'Кто же это сказал, если не ты';

Помимо того, что морфемы *-й* и *-р* задействованы в оформлении единиц языка, действующих как причастия, они также оформляют финитные и таксисные формы глагола. При этом в функциональном плане они выполня-

ют одну роль: соотносят содержание формы с различными компонентами контекста. В связи с этим мы не можем отнести эти аффиксы к морфемам, адъективирующим глагол в причастие. В отличие от лезгинского, в русском языке существуют суффиксы, выполняющие эту роль. Различные суффиксы русских причастий призваны отвечать за различные функции: суффиксы действительных причастий определяют субъектную отнесенность (*закрывает-ий/ая* и т.д.), а суффиксы страдательных причастий – объектную (*закры-т-ый/ая* и т.д.).

В дагестанских языках одна морфема, являющаяся показателем грамматического класса, объединяет в себе эти две функции. Если в русском языке у причастий имеется функция согласования, то в лезгинском она отсутствует по историческим причинам [Керимов 2002: 105].

В лезгинском языке система грамматических классов имен утрачена, и глагол не согласуется ни с субъектом, ни с объектом действия. Иными словами, у причастий отсутствуют деривационные аффиксы залоговой семантики, как и отсутствует маркирование референтной соотносительности числовыми показателями. То есть, атрибутивная форма причастия, синтаксически выступая в качестве определения к существительному, представляет собою основу причастия без каких-либо аффиксов изменения по классам или числам.

По мнению К.Р. Керимова, для отнесения обсуждаемых единиц именно к причастиям признаки морфологического плана оказываются нерелевантными, поскольку морфемы *-й* и *-р*, которыми они оформлены, трудно отнести к показателям, характерным для лезгинского причастия как класса словоформ. Эти же морфемы и с меньшей регулярностью оформляют финитные и таксисные формы глагола [там же].

Таким образом, мы полагаем, что в лезгинском языке отсутствуют морфемы, полностью адъективирующие глагол в причастие. Иными словами, мы не можем говорить о полной *морфологической транспозиции* в обсуждаемом языке, как это имеет место в русском языке. Для лезгинского языка характерна именно *синтаксическая транспозиция*.

Для ответа на вопрос о наличии морфологической транспозиции в немецком языке следует обратить внимание на отсутствие единогласия в трактовке немецкого причастия. Некоторые лингвисты склонны рассматривать причастие немецкого языка как самостоятельную часть речи. При этом исходными критериями служат широкая распространенность, наличие собственных морфологических признаков и синтаксических функций.

Ряд лингвистов полагают, что причастие немецкого языка необходимо отнести к классу "Глагол". Система

причастий, с их позиции, должна определяться теми категориями, которые присущи причастиям как формам глагола.

В немецком языке аспектуальные значения являются неустойчивыми; семантика немецкого глагола, от которого образуется Partizip II, входящий в состав пассивной формы в немецком языке, определяет эти аспектуальные значения контекстом, лексическими/ синтаксическими средствами.

К примеру: *Alle ihre Dorfer wurden zerstört und niedergebrannt, alle ihre Felder in Weide verwandelt* (К. Марх) 'Все их деревни были разрушены и сожжены, все поля обращены в пастбища'. В данном примере мы видим, что семантика глаголов *zerstören* – разрушать, *niederbrennen* – сжигать, *verwandeln* – превращать, от которых образован Partizip II: *zerstört, niedergebrannt, verwandelt*, определяет завершённый характер действия.

Причастие I и II переходных глаголов в залоговом отношении носят соотносительный характер. Так, если мы сопоставим оба вида причастий, мы видим, что форма действительного залога представлена причастием I, тогда как причастие II представляет собой форму страдательного залога, к примеру:

das lesende Mädchen 'читающая девушка' - *das gelesene Buch* 'прочитанная книга';

das beobachtende Kind 'наблюдающий ребенок' - *der nachbarn beobachtete Film* 'недавно просмотренный фильм';

Причастие II также может быть представлено действительным залогом, но только от переходных глаголов:

der kommende Zukunft 'идущее (ближайшее) будущее' - *der gekommene Mensch* 'пришедший человек';

Die eingetroffene Delegation wird in ihr Hotel fahren 'Прибывшая делегация поедет в свою гостиницу'.

Важной, на наш взгляд, является ремарка относительно залоговых значений у глаголов предельного значения. Так, значение образа действия у причастий, которое выражает отношение действия к его пределу, представляется характерным признаком причастия I от глаголов предельного значения. Причастие II, напротив, выражает результативное состояние предмета, являющееся следствием того, что действие достигло своего предела:

der gereifte Apfel 'носпевшее яблоко' - *der geschaltte Apfel* 'очищенное яблоко'.

Как мы видим, причастие прошедшего времени с активным смыслом может быть образовано только от глаголов, достигших предела к определенной временной точке (предельных глаголов): *das vergangene Jahr* (*vergehen*) 'минувший год', *die eingetroffene Delegation* (*eintreffen*) 'прибывшая делегация'. Мы можем сказать: *das schlafende Kind* 'спящий ребенок (Partizip I)', но мы не можем сказать *das geschlafene Kind* (Partizip 2), потому как действие не достиг-

ло своего предела; верным будет вариант: *das eingeschlafene Kind* 'заснувший ребенок (Partizip 2)'.

Однако стоит упомянуть тот факт, что некоторые германисты, отрицающие категорию вида у немецкого глагола, тем не менее, признают это категориальное свойство у причастий.

В свете рассмотрения залога у немецких причастий нам представляется важным отметить, что, если в русском языке причастия в залоговом отношении имеют специальные маркеры (суффиксы: для активного залога – *-ащ/-ящ-*, *-ущ/-ющ-*, *-вш/-ш-* и тд, для страдательного: *-ом/-ем-*, *-т-*, *-нн-* и тд), то в немецком языке причастия II могут иметь различную объектно-субъектную соотнесенность.

Рассматривая категорию вида, отметим, что грамматический вид в немецком языке понимается как оппозиция перфектности – неперфектности. У этой категории отсутствуют специальные морфологические маркеры, средства выражения, и потому категорию вида немецком языке по своему характеру мы можем отнести к лексико – грамматической категории.

Германист Пауль Отто Лион полагает, что "ситуация с отнесением причастия к категории залога или прилагательного осложняется тем, что на уровне "глубинных структур" между ними нет различия" [14, с. 344]. Причастие сближается с прилагательным и наречием в синтаксическом плане, выполняя функции определения в предпозиции к имени или в постпозиции, а также функцию именного члена составного сказуемого (предикатива). Последняя функция особенно характерна для причастия второго, к примеру:

Unser Geld ist gesichert 'Нам деньги гарантированы'.

В ряде случаев причастие первое может выступить в функции предикатива:

Dieser Knabe ist herausfordernd 'Этот парнишка ведет себя вызывающе'.

Meine Freundin ist schwer leidend 'Моя подруга серьезно больна'.

Diese Aufgabe ist gelöst 'Эта задача решена'.

Der Brief zu meiner Schwester ist schon geschrieben 'Письмо для моей сестры уже написано'.

Как мы видим, причастие семантически приближается к прилагательному при подобном функционировании, а в некоторых случаях Partizip I полностью превращается в прилагательное при выполнении функции предикатива. К примеру:

Das Mädchen war sehr reizend 'Девушка была очаровательна'.

Причастия немецкого языка были также исследованы Л.И. Астаховой. В работе "Конструкция "глагол + прилага-

тельное (причастие)" в современном немецком языке" (1980) она отмечает, что причастия I и II могут быть представлены в предложении в краткой форме (без родовых и падежных флексий) в роли обстоятельства:

...Und zu unserer eigenen Überraschung war eine Konstellation eingetreten, die verbluffend vorteilhaft schien... '...и к нашему собственному удивлению создалась позиция, казавшаяся поразительно выгодной...' (Zweig).

Er sah sie begeistert an 'Он смотрел на нее восхищенно'.

Совместно с зависимыми от них словами данные формы образуют обособленный причастный оборот. В обособленном причастном обороте партицип I или II чаще всего располагаются в конце или в начале оборота. Надо отметить, что в зависимости выполнения функции, которую причастный оборот выполняет в предложении – определения или обстоятельства, – немецкие обособленные причастные обороты переводятся на русский язык как причастными, так и деепричастными оборотами.

Говоря о функциях, которые выполняет партицип I, отметим, что нередки случаи перехода этой формы в другие части речи:

Так, И.П. Тагиль в [6, с. 201–203] рассматривает следующие функции:

- функция существительного

Tipps and Infos für Lernende und Unterrichtende 'Советы и информация для обучающихся и преподавателей'.

Der Vortragende sollte mit dem Publikum sprechen 'Докладчик должен был обращаться к публике'.

Der Reisender fiel in Verwirrung 'Турист впал в недоразумение'.

- функция прилагательного.

Данная функция раскрывается в тех случаях, когда причастия приобретают значение отличное от глагола, от которого они, в свою очередь, были образованы. Однако необходимо отметить, что при переходе причастий в прилагательные имеет место смысловое расхождение, иначе говоря, семантический сдвиг. Для наглядности приведем следующие примеры:

reizend - очаровательный reizen - раздражать

spannend - увлекательный spannen - натягивать

- функция наречия

Zuvorkommend grusste er uns und schlug seine Hilfe vor 'Он приветствовал нас вежливо и предложил свою помощь'.

- функция частицы

Die Lauferinnen sind annähernd gleichzeitig am Ziel angekommen 'Бегуньи финишировали почти одновременно'.

В ходе исследования функций причастий нами была обнаружена еще одна функция, выполняемая причастием II в немецком языке.

- функция инфинитива

Stillgestanden! 'Не двигаться!'

Если провести параллель между русским и немецким языком относительно сходства и различия герундиальных и причастных форм исследуемых языков, то видим следующее:

в русском языке мы различаем нижеуказанные глагольные формы:

– действительное причастие настоящего времени *держащий (держатся)*,

– деепричастие несовершенного вида *держа*

– деепричастие совершенного вида *сдержав*

– отглагольное существительное (герундий) *держание - ожидание, расставание, наступление* и т.п.

Данные формы различаются не только в контексте, но и вне контекста, поскольку эти формы имеют разные окончания, из чего мы пришли к выводу, что в русском языке мы сталкиваемся с явлением полной транспозиции (что нами было доказано в предыдущем параграфе).

В немецком языке различают Partizip I (*liebend, sich umdrehend*) соответствует причастию русского языка на *-щий*. Однако здесь необходимо упомянуть об особенности данной формы. Эта особенность выражается в том, что в своей краткой форме эта же форма причастия (*lachend*) выполняет также функцию русского деепричастия несовершенного вида (*смеясь*). Более того иногда, не меняя формы, функционирует в качестве деепричастия совершенного вида (*рассмеясь*).

in der Strasse wartende Frau 'ждушая на улице девушка';

Er spricht zögernd 'Он говорит неуверенно'.

Er sah mich forschend an 'Он испытующе смотрел на меня'.

Sich nahrend, sah sie in meinen Augen 'Приблизившись (деепричастие совершенного вида), она посмотрела мне в глаза'.

Partizip II – *gelacht* (обсмеянный), *gefragte* (спрошенная) – выражает, прежде всего, состояние предмета в результате уже произведенного над ним действия. Данное причастие соответствует форме страдательного причастия прошедшего времени *спрошенный* в русском языке. Согласуясь с существительным в роде / числе / падеже это причастие в полной форме выступает в качестве определения: *Die auf dem Grill gebratenen Wurstchen schmecken lecker 'Пожаренные на гриле сосиски очень вкусные'.*

Функция русского действительного причастия прошедшего времени также может быть выполнена данным видом причастий немецкого языка: *die im Dorf aufgewachsene Zwillinge 'в деревне выросшие близнецы'.*

Рассматриваемое причастие в краткой форме связано со словоизменительной системой глагола.

Герундий (*gerundivum*) по своей форме совпадает с причастием первым в немецком языке. Однако в практической жизни данная форма представляет собой редкое

явление; в основном она употребляется в узнаваемой конструкции по типу *der zu ubersetzende Text 'к переводу предназначенный текст'*.

Проведенный анализ показывает, что суффиксы причастий немецкого языка, в частности причастия I, выполняют различные функции и могут выступать в предложении как в роли формы, соответствующей русскому причастию совершенного вида, так и деепричастию или же наречию. На основании этого факта мы можем предположить, что причастия немецкого языка не являются полными транспозитами, как это имеет место быть в русском языке.

Немецкие причастия, как и русские, обладают категорией залога – действительного и страдательного (Aktiv und Passiv соответственно). Активный залог передается причастием I и соответствует действительному причастию русского языка, тогда как пассивный – причастием II и может переводиться страдательным и действительным (в зависимости от переходности/непереходности глагола) причастием русского языка.

Если в русском языке имеется четкое разграничение причастий в залоговом отношении на действительные и страдательные, то в немецком языке данная категория, хоть и представлена активным и пассивным залогом, не имеет столь четкого разграничения, как в русском, потому

как причастие II выражает как активный, так и пассивный залог. Аффиксы, используемые для передачи причастия II в немецком языке, трудно считать специальными морфемами страдательного залога в противоположность аффиксам русских причастий, где суффиксы страдательных причастий не могут функционировать как действительные.

В немецком языке, на наш взгляд, как и в лезгинском, отсутствует полная морфологическая транспозиция в связи с тем, что аффиксы, присущие для форм, трактуемых как причастия немецкого языка, могут быть использованы и для передачи форм, соответствующих русским деепричастиям и наречиям, что представляется невозможным для русского языка. Причастие, все-таки, в классическом понимании – это качественно-действенное определение, т.е. адъектив. В его грамматической семантике доминирует частеречный признак адъективов, который детерминирует синтаксические функции. В связи с этим русским причастия не функционируют в роли деепричастия, обстоятельства, а немецкие причастия могут функционировать подобным образом. Иными словами, полной морфологической транспозиции в немецком языке нет.

Все вышесказанное о причастиях немецкого языка позволяет заключить, что причастия немецкого языка по своей природе являются неполными морфологическими транспозитами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахова Л.И. Конструкция "глагол + прилагательное (причастие)" в современном немецком языке. Автореферат дис. канд. фил. наук. Киев, 1980.
2. Керимов К.Р. Контрастная аспектология лезгинского и русского языков. Махачкала, 2002.
3. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. – 840 с.
4. Москальская О.И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка. Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М., 2004.
5. Рахманкулова И.–Э. С. К вопросу и теории актуальности // Вопросы языкознания. М., 2004. С. 3–28.
6. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 2005. – 712 с.
7. Тагиль И.П. Deutsche Grammatik. Auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtsschreibregeln. М., 2010.
8. Шендельс Е. И. Практическая грамматика немецкого языка. М.: 1979. – 397 с.
9. Arens H. Sprachwissenschaft. Der Gang Ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. 2 Bde. Frankfurt am Main. 1974.
10. Blatz F. Grammatik mit Berücksichtigung der historischen Entwicklung der deutschen Sprache. Bd II. Karlsruhe, 1896.
11. Duden. Das Standardwerk zur deutschen Sprache: Band 4. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Gebundene Ausgabe. Dudenverlag. Berlin, 2015.
12. Lyon P.O. 1890 – Lyon P.O. Die Lektüre als Grundlage eines einheitlichen und naturgemäßen Unterrichts in der deutschen Sprache. Leipzig, 1890.
13. Meyer K. – Zur Syntax des Participium Presentis im Althochdeutschen. Magdeburg, 1906.
14. Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М., 2004.

© З.М. Шамилова, (interpreter.005@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ШКОЛА «УМНИК» в НФИ КемГУ для 7-9 классов

Запись по телефонам: 33-05-01, 8-904-996-46-85

Смогут изучить:
 Устройство роботов
 Математику
 Научную работу
 Информатику
 Компьютерное 3D-моделирование

РЕКЛАМА

ООО Торговый дом «Прессмаш»
Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Российская, 279, офис 910
тел/факс: +7 (351) 225-16-22, 225-16-65
e-mail: tdpressmash74@yandex.ru, www.tdpressmash.ru

Реклама

Инжиниринговая компания «ПРЕССМАШ»
специализируется на проектировании, изготовлении и поставке под ключ технологических линий и аппаратов для горнорудных, золотодобывающих, металлургических и химических производств

Линии сушки, прокали и охлаждения сыпучих материалов: аппараты с вращающимися барабанами (печи, сушилки, холодильники), аппараты с кипящим слоем

Резервуары, сборники, аппараты по техническому заданию заказчика

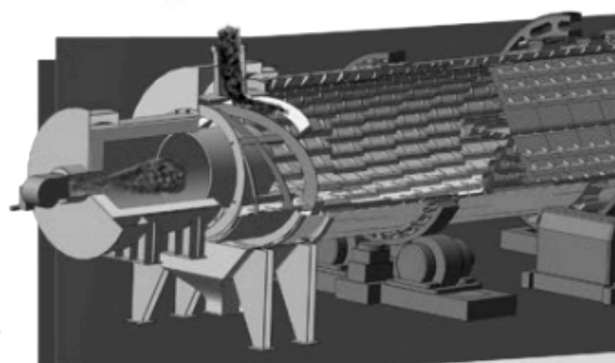
Системы пылегазоочистки и абсорбции

Автоклавы с перемешивающими устройствами и системой охлаждения пульпы

Пачуки

Выпарные и кристаллизационные установки

Тепломассообменное оборудование: аппараты теплообменные кожухотрубчатые, аппараты воздушного охлаждения, реакторы, аппараты с перемешивающими устройствами, аппараты высокого давления

Предприятие проектирует новые, модернизирует действующие объекты горнорудных, металлургических и химических производств, проектирует импортозамещающее оборудование

Модернизация конструкции и внедрение сушильных линий нашими специалистами приводят к следующим результатам:

- повышение производительности линии сушки более чем на 35 %;
- сокращение удельного расхода природного газа (топлива) на 1 тонну высушенного продукта более чем на 30 %;
- снижение удельного расхода электроэнергии не менее чем на 15 %.

Данные показатели достигаются за счет:

- разработки новой системы насадок, учитывающих свойства продукта, обеспечивающих более эффективное взвешивание высушиваемого продукта и, как следствие, увеличение его контакта с топочными газами и увеличение объемного коэффициента теплопередачи;
- разработки новых опорных и приводной станций, обеспечивающих их работоспособность при возросших нагрузках;
- разработки новой топки, обеспечивающей выработку теплоносителя для сушильного барабана в широком интервале температур и с более высоким КПД по сравнению с топками, находившимися в эксплуатации;
- разработки новой системы управления, обеспечивающей безопасную работу линий сушки в автоматическом режиме с контролем и регистрацией технологических параметров процесса сушки.

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Abdina R. – *Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan)*

e-mail : rabdina@mail.ru

Arhipova Yu. – *Senior lecturer of the Federal state state-financed organization higher education "The Urals State University of Railway Transport"*

e-mail : UArhipova@usurt.ru

Bobkov A. – *Independent researcher*

e-mail : bobkov1789@mail.ru

Buryakovskaya V. – *Doctor of Philological Sciences, Volgograd State Social Pedagogical University*

e-mail : vburyakovskaya@yandex.ru

Butovskiy A. – *PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University*

e-mail : bytovskiyalex@mail.ru

Bykov V. – *Associate Professor, Military-Educational Scientific Center of the Air Force of the "Air Force Academy", Chelyabinsk*

e-mail : vladimir.bykov.vp@yandex.ru

Chemodanov A. – *Moscow High Military All-Arms School*

e-mail : anch-77@mail.ru

Chulpanova A. – *Postgraduate, Federal state budget educational institution of higher education "Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmuly"*

e-mail : alsu_chulpanova@mail.ru

Davydova D. – *Perm state national research University*

e-mail : dianadavydova1996@mail.ru

Demidenko E. – *Post-graduate student, FEFU; teacher of Russian language and literature Municipal educational institution secondary school № 3 Spassk-Dalniy*

e-mail : ademidenk@rambler.ru

Gorushkina A. – *Post-graduate student of the Cherepovets State University*

e-mail : anette1993@mail.ru

Grashchenkov N. – *Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow*

e-mail : grashchenkov_nv@rudn.university

Gugova M. – *FGBI "Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies" KBSC RAS, Nalchik*

e-mail : gugowa@mail.ru

Hutorskoj M. – *Perm state national research University*

e-mail : sledopyt96@inbox.ru

Ibatova A. – *Tyumen Industrial University, The Branch in Surgut*

e-mail : aigoul@rambler.ru

Inevatkina S. – *Mordovian State Pedagogical Institute named after M.E. Evseyev, Saransk*

e-mail : svetlaj23@mail.ru

Istyagina-Eliseeva E. – *Candidate of Historical Sciences, Director of The State Museum of Sports*

e-mail : eaie@rambler.ru

Kalugina M. – *Candidate of philological sciences, associate professor of the Lomonosov Moscow State University*

e-mail : ri-n@mail.ru

Khlopova T. – *Amur State University, Blagovestchensk*

e-mail : khlopovat@mail.ru

Kravtsova T. – *Candidate of science in Philology, docent, Rostov State Rachmaninov Conservatoire*

e-mail : denezhkin@yandex.ru

Kurchatova T. – *Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "M.K. Ammosov North-Eastern Federal University", Yakutsk*

e-mail : Kurchatova@yandex.ru

Loginov D. – *Candidate of historical sciences, associate professor, Ryazan state medical university named after I.P. Pavlov, Ryazan*

e-mail : dimok_star@mail.ru

Lukmanova A. – *Postgraduate student, Moscow City Pedagogical University*

e-mail : alisa-lukmanova@yandex.ru

Ma T. – *Amur State University, Blagovestchensk*

e-mail : tdovnar@mail.ru

Martynenko E. – *Doctor of Politics, Prof., Vice-rector for admission and pre-university work*

e-mail : emartynenko@list.ru

Matveeva E. – Candidate of philological Sciences, associate Professor, Moscow city pedagogical University

e-mail : Jenny3574@yandex.ru

Melnikova A. – PhD student, Peoples' Friendship University of Russia

e-mail : a_melnikova@list.ru

Mindorov N. – Perm state national research University

e-mail : nikmin2005@yandex.ru

Mironova E. – PhD in Philological sciences, associate professor at the Moscow Region State University

e-mail : mironovaelen1@yandex.ru

Mukhtarova D. – PhD in Philology, Tyumen State University

e-mail : dilbarr@yandex.ru

Mukhutdinov A. – Saint-Petersburg state University

e-mail : strogoff86@yandex.ru

Nalchikova E. – Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Nalchik

e-mail : elenalchik@yandex.ru

Nemeritskaia E. – Candidate of Philological Sciences, Volgograd State Social Pedagogical University

e-mail : elisaveta_e@inbox.ru

Novikova L. – Senior Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia

e-mail : ludmila.novikova12@gmail.com

Novoselova M. – Mordovian State Pedagogical Institute named after M.E. Evseyev, Saransk

e-mail : svetlaj23@mail.ru

Oorzhak Sh. – Tuvan Institute for Applied Studies of Humanities and Socioeconomics, Kyzyl

e-mail : Shonchalaj_oorzhak@mail.ru

Pereslegina O. – University Lyceum № 1523 preuniversity national research nuclear University MEPhI, Moscow

e-mail : olya.pereslegina@gmail.com

Ramazanova M. – Dagestan State Medical University, Makhachkala

e-mail : sabri82@mail.ru

Romashkina T. – Perm state national research University

e-mail : t_obuch_11@mail.ru

Salamova Z. – Dagestan State Medical University, Makhachkala

e-mail : sabri82@mail.ru

Sedalischeva S. – Teacher of Additional Education in Central Student Tourism and Excursions in Verkhoyansk District of Republic Sakha (Yakutia)

e-mail : Sargulana_@mail.ru

Selikhova T. – Post-graduate student, FEPU; deputy Director for NMR, teacher of Informatics and ICT and mathematics Municipal educational institution secondary school № 4 p.c. Monastery Chernihiv region

e-mail : tany.72@mail.ru

Shamilova Z. – Candidate, Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Science, Makhachkala, Russia

e-mail : interpreter.005@gmail.com

Shekotova Yu. – Post-graduate student, Vologda state University

e-mail : shekotova115@mail.ru

Sirajudinov R. – Candidate of Philology, Associate Professor, Makhachkala, Dagestan State University

e-mail : rutulsveta@mail.ru

Sivtseva S. – Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "M.K. Ammosov North-Eastern Federal University", Yakutsk

e-mail : sivlana@list.ru

Sypalova N. – Senior lecturer, Lomonosov Moscow State University

e-mail : sypalova@mail.ru

Tekueva M. – Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Nalchik

e-mail : tekmad@rambler.ru

Titova M. – Candidate of philology, Federal state budgetary educational institution of higher education "Altai state University"

e-mail : titova-marina80@rambler.ru

Tran Mai Chi – Post-graduate Student, Moscow State Pedagogical University

e-mail : tmchihanu@gmail.com

Tsebrovskaya T. – Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol

e-mail : tatyana.tsebrovskaya@gmail.com

Ushakova L. – Senior Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia

e-mail : Milcha-u@yandex.ru

Vinogradov P. – Far East Fire and Rescue Academy – a branch of the St. Petersburg University GPS MES of Russia

e-mail : supwin26@mail.ru

Wang Chunhun – Assistant professor, Jilin Normal University, Siping City, Jilin Province, China

e-mail : wbcd123@sina.com

Zyryanova S. – Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow

e-mail : sv.minakova@yandex.ru

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh.ru).